

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 6

NOVEMBER–DECEMBER

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов в национальной историографии XIX – начала XX века	5
Дашенко П.А. О некоторых аспектах изучения великогерманской идеи 1848–1866 годов	17

НОВОЕ ВРЕМЯ

Юсим М.А. Макиавелли и Гвиччардини о судьбах ренессансной Италии	28
Петрова М.А. Признание императорского титула российских государей Священной Римской империей: проблема и пути ее решения (первая половина 1740-х годов)	43
Готовцева А.Г. Дата рождения Наполеона Бонапарта: история одного старого спора	60
Хорошева А.О. Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны	83
Гордон А.В. Становление парижского пригорода: Обервилье в эпоху промышленной революции	95

XX ВЕК

Ватлин А.Ю. Большевицкие интеллектуалы на внешнеполитическом фронте: отношения наркома Г.В. Чичерина и полпреда А.А. Иоффе в 1918 году	108
Софронов К.И. Вопрос о взаимодействии военных кругов Германии и национал-социалистического движения в период Веймарской республики в отечественной историографии ...	126
Гиголаев Г.Е. X сессия III конференции ООН по морскому праву: изменение позиции США (1981 год)	141
Белякова Н.А. Антикоммунизм и советские евангелики в 1960–1970-е годы: метаморфозы отношений в условиях холодной войны	153

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д. Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия	167
Хахалкина Е.В. «Поколение Виндраш» в контексте современного развития мультирасовой Великобритании (по материалам британского парламента)	180

СООБЩЕНИЯ

Согрин В.В. Прошлое и настоящее американской цивилизации	192
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Сергеев Е.Ю. Трагедия Франции 1940 года: причины, характер и последствия (А.А. Вершинин, Н.Н. Наумова. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022)	207
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кувалдин В.Б. Памяти учителя	210
К 70-летию А.С. Балезина	213
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Новая и новейшая история» в 2022 году	215

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Shatokhina-Mordvintseva G.A.** The Dutch Foreign Policy in the National Historiography of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries 5
- Datsenko P.A.** On Certain Aspects of the Studies of the Greater German Idea of 1848–1866 17

MODERN HISTORY

- Youssim M.A.** Machiavelli and Guicciardini on the Fate of Renaissance Italy 28
- Petrova M.A.** The Recognition of the Imperial Title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: The Problem and Its Solutions (first half of the 1740s) 43
- Gotovtseva A.G.** Date of Birth of Napoleon Bonaparte: The Story of an Old Dispute 60
- Khorosheva A.O.** Leopold I and Belgian Policy on the Eve of the Crimean War 83
- Gordon A.V.** The Emergence of a Parisian Suburb: Aubervilliers During the Industrial Revolution 95

20th CENTURY

- Vatlin A.Yu.** Bolshevik Intellectuals on the Foreign Policy Front: The Relationship Between Commissar for Foreign Affairs Georgy Chicherin and Plenipotentiary Adolf Joffe in 1918 108
- Sofronov K.I.** The Interaction Between German Military Circles and the National Socialist Movement During the Weimar Republic in Russian Historiography 126
- Gigolaev G.E.** Tenth Session of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea: Changing of the US Position (1981) 141
- Beliakova N.A.** Anti-Communism and Soviet Evangelicals in the 1960–1970s: Metamorphoses of Relations during the Cold War 153

CONTEMPORARY HISTORY

- Avatkov V.A., Kashirina T.V., Ostanin-Golovnya V.D.** The Evolution of the Regional Security Policy of Saudi Arabia and Turkey: Similarities and Differences 167
- Khakhalkina E.V.** Windrush Generation in the Context of the Modern Development of Multiracial Great Britain 180

MESSAGES

- Sogrin V.V.** The Past and Present of American Civilization 192

REVIEWS

- Sergeev E.Yu.** France's Tragedy of 1940: Causes, Nature, and Consequences (A.A. Vershinin, N.N. Naumova. From Triumph to Catastrophe: France's Military-Political Defeat of 1940 and Its Grounds. Saint-Petersburg, 2022) 207

ACADEMIC LIFE

- Kuvaldin V.B.** To the Memory of My Mentor 210
- On the 70th Anniversary of Alexander Balezin 213
- Index of Materials Published in the Journal "Modern and Contemporary History" in 2022 215

DOI: 10.31857/S013038640020728-8

© 2022 г. Г.А. ШАТОХИНА-МОРДВИНЦЕВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИДЕРЛАНДОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX века

Шатохина-Мордвинцева Галина Алексеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: galina1149@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211015065; Researcher ID: AAV-6600-2020

Аннотация. В статье прослеживаются этапы формирования в XIX – начале XX в. нидерландской историографии по вопросам внешней политики страны. Автор постарался выявить все исследования в данной области за указанный период и представить эти работы в хронологической последовательности их появления. Интерес к развитию внешнеполитического курса Нидерландов особо проявился после Бельгийской революции 1830 г., а авторами многочисленных полемических сочинений были главным образом политики и государственные деятели, представлявшие либералов и консерваторов-клерикалов (Й.Р. Торбеке, Г. Грун ван Принстерер), профессора-правоведа. В середине столетия в напряженной международной обстановке политическая публицистика начинает уступать место первым научным исследованиям по внешнеполитическим вопросам. Своеобразной ступенькой к появлению работ историков по указанной проблематике стали труды правоведа Г.В. Вреде, автора большого числа серьезных сочинений о нидерландской внешней политике, а также поистине новаторской работы по истории дипломатии страны с конца XVI в.

В первые десятилетия становления нидерландской исторической школы появляются лишь единичные диссертационные исследования по теме внешней политики – работы правоведа Я.К. де Йонге и уже профессиональных историков Х.Т. Коленбрандера, Н. Япиксе, А.Ж. д'Элли. Они были написаны под руководством ведущих историков страны Р.Я. Фрэйна и П.Й. Блока в Лейденском университете и Х.К. Рогге в Университете Амстердама. В начале XX в. внешнеполитическая область становится предметом исследования и диссертанток кафедры отечественной истории Лейденского университета А. Калсхофен, С.В.А. Дроссарс.

Цель статьи – привлечь внимание российских исследователей к изучению истории малых стран, в частности к истории Нидерландов, а ее актуальность обусловлена появившейся возможностью работать со многими уже оцифрованными за последние годы нидерландскими коллекциями библиотек, что позволяет приступить к более детальному исследованию проблематики внешней политики Нидерландов нового и новейшего времени и ввести в научный оборот комплекс новых источников и монографий.

Ключевые слова: Нидерланды, внешняя политика, нидерландская историография, историки, Й.Р. Торбеке, Г. Грун ван Принстерер, Г.В. Вреде, Я.К. де Йонге, Р.Я. Фрэйн, П.Й. Блок, Х.Т. Коленбрандер, Н. Япиксе, А.Ж. д'Элли, А. Калсхофен, С.В.А. Дроссарс.

G.A. Shatokhina-Mordvintseva**The Dutch Foreign Policy in the National Historiography of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries**

Galina Shatokhina-Mordvintseva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: galina1149@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211015065; Researcher ID: AAV-6600-2020

Abstract. In this article the author examines the stages of formation of the Dutch historiography on the issues of the country's foreign policy in the nineteenth and early twentieth centuries. The author has tried to identify all the studies in the field during the specified period and present them in chronological order. Interest in the development of Dutch foreign policy became particularly evident after the Belgian revolution of 1830, while the authors of numerous polemical writings were mainly politicians, statesmen representing the liberals and conservative clergymen (J.R. Thorbecke, G. Groen van Prinsterer), and law professors. In the middle of the century, as the international situation grew increasingly tense, political journalism gradually gave way to the first scholarly studies of foreign policy. A further step that gave impetus to historians' work on the subject was the work of the jurist G.W. Vreede, author, in addition to a large number of serious works on Dutch foreign policy, of a truly groundbreaking work on the history of the country's diplomacy since the end of the sixteenth century.

In the early decades of the formation of the Dutch school of history only isolated dissertations on the subject of foreign policy appeared, namely works by the jurist J.C. de Jonge and the accomplished professional historians H.T. Colenbrander, N. Japikse and A.J. D'Ailly. They were written under the supervision of the country's leading historians, R.J. Fruin and P.J. Blok at Leiden University and H.K. Rogge at the University of Amsterdam. At the beginning of the twentieth century, foreign policy became the subject of research by A. Kalshofen, S.V.A. Drossars, dissertators in the Department of National History at Leiden University.

The author's aim is to draw the attention of Russian scholars to the history of small states, the history of the Netherlands in particular, and its relevance stems from the possibility of working with many of the Dutch library collections, which have already been digitised in recent years. This allows one to embark on a more detailed study of the problems of foreign policy of the Netherlands in the Modern and Contemporary era and to introduce a set of new sources and monographs into the academic circuit.

Keywords: Netherlands, foreign policy, netherlands historiography, historians, J.R. Thorbecke, G. Groen van Prinsterer, G.W. Vreede, J.K.J. de Jonge, R.J. Fruin, P.J. Blok, H.T. Colenbrander, N. Japikse, A.J. D'Ailly, A. Kalshofen, S.V.A. Drossars.

Особый интерес к историческому анализу внешнеполитического курса страны начал проявляться в Нидерландах во второй трети XIX в. Бельгийская революция 1830 г., положившая конец существованию Королевства Объединенных Нидерландов, ознаменовала новый этап развития нидерландской историографии, и в частности исследований, касающихся внешней политики. Первые размышления о выборе новых приоритетов во внешнеполитическом курсе прослеживались в брошюрах и различного рода политических сочинениях, появившихся практически сразу же после Бельгийского восстания и последовавшего затем решения Лондонской конференции великих держав об утверждении на политической карте континента Королевства Бельгия. Утрата иллюзий возродить на территории Исторических Нидерландов единое государство расколола нидерландское общество и породила полярные взгляды на произошедшее.

С одной стороны, в адрес бельгийцев звучали обвинения «в неблагодарности», следствием которой стал переход Королевства Нидерландов на положение одной из малых европейских держав. При этом безопасность сохранившихся за метрополией больших колониальных владений вызывала определенное беспокойство, что требовало незамедлительно выстраивать новую парадигму отношений с великими державами. С другой стороны, раздавались успокоительные заверения в том, что в сложившейся ситуации ничего страшного для страны, почти

вдвое сократившей свое географическое пространство на континенте, нет, а нидерландцы, как и раньше, будут существовать сами по себе¹. Понятно, что сторонники подобных рассуждений обращались к периоду Республики Соединенных провинций, ставя в пример ее суверенную и независимую политику, подчеркивая, что такие государственные деятели, как великий пенсионарий Йохан де Витт, редко полагались на влaстителей держав-соседей и стремились по возможности удерживать Республику от участия в конфликтах и вести дела в интересах своего государства. Политика Де Витта в период первого бестатхаудерного правления 1653–1672 гг. стала предметом пристального изучения, в определенной мере даже гордости за былое могущество страны². Акцентировалось внимание на недалекости «патриотов» XVIII в., надевавшихся на помощь Франции, и подчеркивалось, что едва ли может что-то измениться теперь в поведении великих держав.

В ходе событий Бельгийской революции 1830 г., по мнению многих нидерландцев, великие державы, прежде всего Великобритания, показали свои истинные интересы: бросили Нидерланды на произвол судьбы, забыв все свои обязательства, возникшие из договора Венского конгресса 1815 г. Но в том, что произошло, отмечали и положительный момент: нидерландцы, безусловно, справятся с трудностями и вернут стране былое могущество. Подобные идеи пронизывали речи и статьи Йохана Рудольфа Торбеке (1798–1872), профессора права Лейденского университета, известного либерала и автора проекта Конституции 1848 г. Касаясь нового (в том числе и экономического) положения страны, Торбеке в публицистических статьях, иногда печатавшихся анонимно³, убежденно доказывал, что теперешние Нидерланды вполне успешно будут существовать и без поступлений из бюджета южных территорий, а влияние «французского периода» на развитие государственных институтов он считал положительным⁴.

Разочарование в политике великих держав, фактически поддержавших распад Объединенного Королевства, стало толчком к постепенному выстраиванию нового внешнеполитического курса, основанного прежде всего на упорном нежелании Королевства Нидерландов участвовать в общеевропейских делах, а при выборе приоритета в двусторонних отношениях руководствоваться исключительно национальными экономическими интересами и вопросом безопасности больших заморских территорий.

Как и в политическом руководстве страны, так и в нидерландском обществе debates по вопросам внешней политики разворачивались между либералами во главе с Торбеке и приверженцами консервативно-протестантского направления, важнейшую роль в формировании которого сыграл Гийом Грун ван Принстерер (1801–1876), адвокат, историк, секретарь (до 1833 г.) королевского кабинета и главный архивариус личного архива дома Оранских-Нассау.

Консерваторы и монархисты открыто осуждали Французскую революцию, которая привнесла на нидерландскую почву чуждые атеистические идеалы Просвещения. «Голландия, протестантская вера и дом Оранских» — таким, считал Грун ван Принстерер, должен был быть девиз страны. Став активным политиком и депутатом нижней палаты Генеральных штатов, он в спорах с либералами отстаивал свои идеи с парламентской трибуны, как талантливый правовед писал серьезные работы по юриспруденции, а результатом интереса к истории и работы

¹ См.: *Smits A. Enkele studies en uitgaven over scheidings tusschen Noord en Zuid Nederland 1830 // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 1984. D. 99. Afl. 2. P. 229–235; Sas N.C.F. van. Het politiek klimaat in Noord-Nederland tijdens de crisis van het Verenigd Koninkrijk, 1828–1830 // Colloquium over de geschiedenis van de Belgisch-Nederlandse betrekkingen tussen 1815 en 1945. Gent, 1982. P. 103–127.*

² См., например: *Simons P. Johan de Witt en zijn tijd: 3 dln. Amsterdam, 1832–1842.*

³ Например, «Слово в интересах Европы, о внесении предложения по разделу Бельгии и Нидерландов» (*Een woord in het belang van Europa, bij het voorstel der scheidings tusschen België en Nederland. Leiden, 1830*), «О признании независимости Бельгии» (*Over de erkenning der onafhankelijkheid van België. 31 december 1830. Leiden, 1830*).

⁴ См.: *Bijlage tot eene vergelijking tusschen de Noordelijke en Zuidelijke Provincies van Nederlanden // Het Thorbecke-Archief. 1798–1872 / uitgegeven door dr. J. Brandt-van der Veen. Derde deel 1825–1830. Utrecht, 1967. P. 519–529.*

с архивами стал изданный в 1846 г. солидный труд — «Настольная книга по истории отечества». Не обошел вниманием историю страны и Торбеке, написанные им очерки и размышления о выдающихся государственных деятелях были изданы в отдельном сборнике⁵.

Признавая неоспоримый вклад этих видных политиков XIX в. в процесс становления национальной исторической науки, следует отметить, что история в Нидерландах еще не являлась самостоятельной академической дисциплиной, и в системе университетского образования она все еще представляла вспомогательно-информационный раздел в обучении на отделениях права, теологии, классической литературы и филологии⁶. Хотя уже действовали различные исторические общества⁷, издававшие журналы по типу «Ученых записок», но достаточно долго это оставалось лишь делом любителей-энтузиастов (как правило, обладавших и финансовой независимостью).

Значительно раньше, с 1830-х годов, формировались структуры, занимавшиеся изданием исторических источников и серий документов из государственных, личных (в том числе и королевского) и зарубежных архивов. Заслуга в этом принадлежала Грун ван Принстереру (уже в 1835 г. увидел свет первый выпуск подготовленной им серии Archives⁸), и помимо того, что в научный оборот начали вводить новые документы, на повестку дня был поставлен вопрос об открытии архивов для исследователей. Результатом стало появление одной из ранних работ по внешнеполитической проблематике — докторской диссертации⁹ Яна Карела де Йонге (1828—1880) «История дипломатии периода Войны за австрийское наследство и конгресса в Ахене (1740—1748)», защищенной в 1852 г. в Лейденском университете на отделении права¹⁰. Классический труд был написан на широкой источниковой базе, а возможность ознакомиться с документами королевского дома Оранских-Нассау и семейных архивов именитых особ Де Йонге получил благодаря связям своего отца, бывшего государственного архивариуса страны, а также протекции Грун ван Принстерера. Исследование Де Йонге, в котором автор подробно освещал важнейшие события войны в их хронологической последовательности, при этом уделяя важное место деятельности голландской дипломатии, до сих пор не утратило своего научного значения. Однако юрист, историк, политический деятель (а также признанный рисовальщик и гравер) Де Йонге, к сожалению, не продолжил работу в этом направлении и в дальнейшем сосредоточил внимание на проблеме становления нидерландской колониальной империи — с учетом наращивания ее мощи в середине XIX в., теме более актуальной.

В середине столетия дебаты по внешнеполитическим вопросам (при абсолютном принятии всеми слоями населения курса страны на неучастие в «игре» великих держав) активно велись в период Люксембургского кризиса 1867 г. и Франко-германской войны (во время которой Нидерланды сохраняли нейтралитет). Внешнеполитические воззрения государственных деятелей и политиков (например, симпатии к Германии нидерландских либералов¹¹, критика Груном ван Принстерером политики Пруссии), а также представителей научно-преподавательских кругов выражались, как это издавна закрепилось в местных традициях, в неболь-

⁵ *Groen van Prinsterer G.* Handboek voor de geschiedenis des vaderlands. Leiden, 1846; *Thorbecke J.R.* Historische schetsen (bundeling van eerder geschreven artikelen). Den Haag, 1860.

⁶ См. подробнее: *Tollebeek J.* De uitbouw van een historische infrastructuur in Nederland en België (1870—1914) // *Theoretische geschiedenis*. Jaargang 17. 1990. № 1. P. 3—21.

⁷ Первое *Historisch Genootschap* было основано в 1845 г. преподавателем нидерландского языка и литературы Утрехтского университета Л.Г. Висхером (1797—1859) «с целью содействия исследованиям и изучению источников».

⁸ *Groen van Prinsterer G.* Archives ou correspondance de la maison Orange-Nassau. 1° serie. 1552—1584: 8 dln. Leiden, 1835—1847; 2° serie. 1584—1688: 5 dln. Utrecht, 1857—1860.

⁹ В Нидерландах как раньше, так и сейчас существует практика — принятая к защите диссертация печатается ограниченным тиражом и уже в виде книги направляется заинтересованным лицам и в библиотеки.

¹⁰ *Jonge J.K.J. de.* Geschiedenis van de diplomatie gedurende den Oostenrijkschen successie-oorlog en het Congres van Aken (1740—1748). Leiden, 1852.

¹¹ В это время у власти в Нидерландах находились либералы — правительственный кабинет П.Ф. ван Боссе — К. Фока (июнь 1868 — январь 1871 г.).

ших по объему полемических сочинениях, а иногда даже и в комментариях к сборникам документов¹². Вполне обоснованно в этот период возник и более пристальный интерес к работе внешнеполитического ведомства, которое возглавлял учившийся в Гентском университете, где в то время преподавал Торбеке, и под его руководством уже в Лейдене в 1831 г. защитивший докторскую диссертацию министр-либерал Т.М. Руст ван Лимбург (1806–1887).

Наиболее заметным критиком внешней политики либералов был профессор Утрехтского университета правед и историк Георг Виллем Вреде, труды которого по истории дипломатии и международных отношений, пока еще не введшиеся в научный оборот российскими историками, заслуживают, как и личность самого автора, более пристального внимания.

Г.В. Вреде (1809–1880)¹³ родился в Тилбурге (провинция Северный Брабант) в семье состоятельных фабрикантов, владевших суконным и шерстоткацким производством. Их род хорошо знали в Нидерландах, и Георг Виллем гордился своим происхождением. Его дед Питер Вреде (1750–1837), известный в Соединенных провинциях представитель движения «патриотов», друг и соратник лидера движения И.Д. ван дер Капеллена, в первые годы Батавской республики вел активную политическую деятельность. Отец Паулюс Вреде служил на дипломатических постах в Штутгарте и Париже, позднее стал окружным судьей Тилбурга. По линии матери, представительницы штутгартской аристократии Франциске фон Абель, Георг Виллем был связан родственными отношениями с высшими немецкими дипломатическими кругами¹⁴.

По окончании гимназии в Лейдене Вреде в 1825 г. поступил на юридический факультет Университета в Генте, где вместе с Т.М. Руст ван Лимбургом слушал лекции Торбеке по истории и конституционному праву. С 1827 г. Вреде продолжил учебу в университете Лёвена (Лувена), там же в 1830 г. сдал докторский экзамен. В студенческие годы он примкнул к рядам противников системы правления короля Вильгельма I в Южных Нидерландах, но после Бельгийской революции 1830 г. вынужден был вернуться в Голландию. В 1831 г. Вреде был зачислен на юридический факультет Лейденского университета и уже 25 марта 1831 г. после защиты диссертации на историко-политическую тему «К происхождению и приращению английской свободы» (*Specimen historico-politicum inaugurale De origine atque incrementis libertatis Anglorum*) удостоен докторской степени с отличием. Однако начатая им в Гааге адвокатская практика особого успеха не имела. Это было связано с известным всем неприятием Вреде бельгийской политики Вильгельма I, которую адвокат в статьях, публиковавшихся в *De Standaard* (в то время практическое единственное оппозиционном периодическом издании страны), резко осуждал. Оппозиционные настроения Вреде нанесли ущерб его работе и в небольшом городке Горингем (на юго-востоке провинции Голландии), куда в 1832 г. он переехал. В течение всего периода урегулирования отношений между Королевством Бельгия и Королевством Нидерландов (1830–1839 гг.) Вреде был решительным противником действий Вильгельма I, упорствовавшего в своих попытках вернуть южнонидерландские провинции¹⁵.

¹² *Groen van Prinsterer G.* La Prusse et les Pays-Bas. Amsterdam, 1867; *Idem.* L'empire prussien et l'Apocalypse. Amsterdam, 1867. Эти две работы Грун ван Принстерера стали своеобразным ответом на ранее опубликованную статью Торбеке «Наше отношение к Германии» (*Thorbecke J.R.* Onze betrekking tot Duitschland. 1837 // *Thorbecke J.R.* Historische schetsen. Tweede druk. Den Haag, 1872. P. 19–22). *Oranijboek.* Diplomatieke bescheiden betreffende de Limburg-Luxemburgsche aangelegenheden, 1866–1867. 's-Hage. 1868. См. также работы государственного деятеля Й. Босха (1797–1874) и юриста Б. Теллегена (1823–1885), профессора Гронингенского университета (например, *Boscha J.* Pruisen en Nederland. Amsterdam, 1866; *Tellegen B.D.H.* Duitsland en Nederland. Groningen, 1870).

¹³ См. о нем: *Brugmans H.* Vreede (George Willem) // *Nieuw nederladisch biografisch woordenboek / onder red. van dr. P.C. Molhuysen, dr. P.J. Blok, prof. dr. L.K. Knappert.* D. 5. Leiden, 1921. Kol. 1074–1077.

¹⁴ Интерес представляют мемуары Вреде, в которых история его семьи (до 1853 г.) «вписана» в фон происходивших в стране и в общеевропейском пространстве важных политических событий. См.: *Levensschets van G.W. Vreede.* Naar zijn eigen handschrift uitgegeven. Leiden, 1883.

¹⁵ См., например, об этом: *Vreede G.W.* Beschouwing der onderhandelingen over de geschillen met België in 1832 en 1833. [s.l.], 1832.

С началом правления короля Вильгельма II положение Вреде резко изменилось: в феврале 1841 г. он получил должность профессора конституционного права и международного права в Утрехтском университете. Безусловно, это назначение явилось определенной данью признательности Вильгельма II человеку, имевшему смелость оспаривать политику монарха (его отца, с которым у Вильгельма II были сложные отношения). Преподавательскую работу в университете Вреде вел почти 40 лет (с 1841 по 1879 г.). Его эмоциональные, хорошо подготовленные и содержательные лекции привлекали внимание студентов. Профессора ценили за высокий уровень знания предметов, удивительную работоспособность, честность и принципиальность. В этот период Вреде активно занимался научными исследованиями и в области истории права, и значительно больше по истории внутренней и внешней политики Нидерландов начиная с XVI в. Один за другим выходили из печати (на нидерландском и французском языках) его солидные труды о становлении нидерландско-шведских отношений, составленные им сборники дипломатических документов, биографии политиков, небольшие по объему работы по истории отечества и занимающие особое место в его научной жизни – как дань памяти и уважения деду Питеру Вреде – многотомные исследования по истории первых лет Батавской республики¹⁶.

Вреде по-прежнему продолжал писать газетные статьи и полемические брошюры на темы внутренней и внешней политики страны. Как ранее он критиковал политику короля Вильгельма I, таким же страстным оппонентом Торбеке он был теперь¹⁷. В 1869 г. увидела свет книга Вреде под символическим названием «Двадцатилетняя борьба»¹⁸ (20 лет с начала прихода к власти первого либерального кабинета Торбеке. – *Г.Ш.-М.*), где он, рассуждая о внешней политике страны эпохи либеральных кабинетов, в том числе и о назначении на пост министра иностранных дел Т.М. Руст ван Лимбурга, писал, что камнем преткновения является отсутствие твердой, принципиальной позиции по злободневным вопросам и «в такое непростое время, в котором мы пребываем между войной и миром... между Францией и Пруссией... и наш нейтралитет поставлен на карту, это создает наивысшую опасность»¹⁹.

Не подвергая сомнению нейтральный курс страны, Вреде считал, что на внешне-политическом поле Нидерланды все же должны действовать более уверенно, не уходить в тень великих держав, а брать пример с Республики Соединенных провинций, которая играла важную роль в делах континента. Только в этом случае страна может сохранить статус нейтральной державы. В многочисленных статьях, опубликованных в «Утрехтской ежедневной газете» (*Utrechtsch Dagblad*), с которой он сотрудничал в течение многих лет,

¹⁶ Из них следует особо отметить: *Vreede G.W. Nederland en Zweden in staatkundige betrekking: van Gustaaf Wasa tot Gustaaf Adolf (1523–1611)*. Afl. 1. Utrecht, 1841; *Idem. Nederland en Zweden in staatkundige betrekking: van de aanvaarding der regering door Gustaaf Adolf, tot den val van Oldenbarneveld (1611–1618)*. Afl. 2. Utrecht, 1844; *Idem. Bijdragen tot de geschiedenis der omwenteling van 1795–1798*: 2 dln. Amsterdam, 1847–1851; *Idem. Oranje en de Bataafsche Republiek, in diplomatische betrekking tot den eersten Napoleon. Eene voorlezing*. Utrecht, 1859; *Idem. Mr. Laurens Pieter van de Spiegel en zijne tijdgenooten, 1737–1800*: 4 dln. Middelburg, 1874–1877; *Idem. La Souabe après la paix de Bâle: recueil de documents diplomatiques et parlementaires, concernant les négociations avec la République Française, et la lutte des États de Wurtemberg contre Frédéric II, dernier duc-électeur (1795–1805)*. Utrecht, 1879; *Correspondance diplomatique et militaire du duc de Marlborough, du grand-pensionnaire Heinsius, et du trésorier-général des Provinces-Unies, Jacques Hop; enrichie de plusieurs lettres du comte d'Avaux, de M.M. de Chamillart, de Torcy et d'autres hommes d'état, relatives aux négociations secrètes, entamées par la France après la bataille de Ramillies. 1706, 1707 / publiée d'après les manuscrits originaux par G.G. Vreede*. Amsterdam, 1850.

¹⁷ Например, Вреде был противником пересмотра Конституции 1848 г. и решительно выступал против введения прямых выборов в национальное представительство на региональном уровне (Провинциальными штатами). Введение ответственности министров перед парламентом он также оценивал негативно.

¹⁸ *Vreede G.W. Een twintigjarige strijd. Volledige verzameling der vertoogen van mr. G.W. Vreede, over's Lands in en uitwendigen toestand (Februarij 1848 – December 1868)*. Utrecht, 1869.

¹⁹ *Ibid.* P. 587.

Вреде часто осуждал невнимание либералов к тому, что происходит в Европе²⁰. По внешнеполитическим вопросам им было издано и большое количество брошюр (в среднем каждая объемом 50–60 страниц)²¹.

И уж что более всего раздражало Вреде, так это систематически демонстрируемое либералами невнимание к нидерландской дипломатической службе, теперь не рассматривавшейся ими важным инструментом для государства, сознательно отстранившегося от активного участия в европейской политике²². Написанные Вреде первые солидные и новаторские по сути труды по истории нидерландской дипломатии, охватывавшие период с начала существования Республики Соединенных провинций до 1870-х годов²³, доказывали обратное. Также Вреде постоянно призывал сделать упор в системе университетского образования на изучении национальной истории, подчеркивая, что внимательное «прочтение прошлого» позволяет государству не совершать ошибки в настоящем. В своих призывах Вреде был не одинок.

Первая в стране кафедра отечественной истории появилась на филологическом факультете Лейденского университета в 1860 г. Заслуга ее создания принадлежала Роберту Якобусу Фрэйну (1823–1899), считающемуся первым профессиональным нидерландским историком, а 1860 г. – отправной точкой в развитии нидерландской исторической науки.

Р.Я. Фрэйн родился в Роттердаме в семье богатого фармацевта. По завершении учебы в гимназии родного города в 1842 г. поступил в Лейденский университет на отделение классической филологии, в 1847 г. защитил докторскую диссертацию по египтологии. Как человек обеспеченный мог позволить себе несколько лет заниматься только историческими исследованиями. Затем преподавал историю в Лейденской городской гимназии, специально разработав для учеников курс истории отечества²⁴. В феврале 1860 г. Р.Я. Фрэйн занял пост профессора Лейденского университета. Он читал прекрасно структурированные и насыщенные материалом из источников лекции по истории Нидерландов, всегда привлекавшие внимание студентов. Однако принятый в стране в 1876 г. Закон о высшем образовании все еще не предусматривал присуждение докторской степени по истории. История так и оставалась дополнительной дисциплиной на гуманитарных факультетах, а незначительное число исторических кафедр часто приводило к раздору в среде университетских преподавателей. С этим столкнулся даже Фрэйн, 34 года возглавлявший кафедру отечественной истории. В 1894 г. именитый профессор, уходя на заслуженный отдых, вынужден был всеми способами отстаивать свое детище, поскольку на его родном факультете всерьез стали обсуждать вопрос создания, взамен существовавшей, кафедры древней истории и археологии. Фрэйну удалось отстоять не только кафедру отечественной истории, но сохранить и формировавшуюся под его руководством лейденскую историческую школу.

²⁰ Позднее сын Вреде издал подборку всех статей отца, опубликованных в этом издании. См.: *Vreede G.W.* Hoofdartikelen van wijlen professor Vreede, overgedrukt uit het Utrechtsch Dagblad, 1869–1880. Leiden, 1906.

²¹ См., например: *Vreede G.W.* La Renaissance de l'Empire Français et la liberté de l'Europe. Utrecht, 1852; *Idem.* Neërlands vroegere alliantieën: eene voorlezing. Utrecht, 1856; *Idem.* Over de volkenregtelijke dwaalleer der natuurlijke grenzen. Utrecht, 1860; *Idem.* L'Angleterre et la liberté du continent. Utrecht, 1866; *Idem.* Examen de la question du barrage de l'Escaut Oriental. Utrecht, 1867; *Idem.* La reconstruction de l'Empire d'Allemagne et la liberté de l'Europe. Utrecht, 1871; *Idem.* Hoe de gevaren in en buiten Europa, van Nederland af te wenden? Utrecht, 1875.

²² *Vreede G.W.* Een twintigjarige strijd... P. 394–396, 401–403, 459–463, 517–518.

²³ См.: *Vreede G.W.* Inleiding tot eene geschiedenis der Nederlandsche diplomatie. Met bijlagen: 5 dln. Utrecht, 1858–1865; *Idem.* Geschiedenis der diplomatie van de Bataafsche Republiek: 2 dln. Utrecht, 1863–1865; *Idem.* Onze diplomatie na de erkenning der onafhankelijkheid van België: eene voorlezing. Utrecht, 1875.

²⁴ Этот курс лег в основу самой известной работы Р.Я. Фрэйна «Десять лет из периода Восьмидесятилетней войны. 1588–1598» (*Fruin R.* Tien jaren uit den Tachtigjarigen Oorlog. 1588–1598. Leiden, 1857–1858), только при жизни автора выдержавшей четыре издания (пятое вышло в 1899 г. через два месяца после его ухода).

Преемником Фрэйна на кафедре стал Петрюс Йоханнес Блок (1855–1929). Блок родился в Ден-Хелдере (Северная Голландия) в семье школьного учителя. По окончании Латинской школы в Алкмаре учился в Лейденском университете на отделении классической литературы, в 1879 г. получил степень доктора наук. Испытывая некоторые финансовые затруднения, он преподавал нидерландский язык и историю в городской гимназии в Лейдене. Решив все же заниматься исторической наукой и проявляя особый интерес к периоду Средневековья, последовал совету своего наставника Р. Фрэйна и приступил к изучению документов лейденских муниципальных архивов. В результате этой работы вышел из печати фундаментальный двухтомный труд «История голландского города эпохи Средневековья»²⁵. В 1884–1894 гг. Блок занимал пост профессора Университета Гронингена, читал курсы всеобщей и отечественной истории, активно занимался исследовательской и публикаторской работой документов периода Средневековья из местных архивов. П.Й. Блок — первый нидерландский медиевист, автор многотомной «Истории нидерландского народа»²⁶, архивист, редактор различных исторических журналов и один из редакторов (и автор более 300 статей) 10-томного «Нового нидерландского биографического словаря»²⁷ — являлся ведущим нидерландским историком начала XX в.

Известными представителями Лейденской школы историков, учениками Фрэйна и Блока были Херман Теодор Коленбрандер (1871–1945), Николас Япиксе (1872–1944) и Исаак Хендрик Госсес (1873–1940). Фактически ровесники и все родом из Фрисландии, схожие также по своему социальному положению, они представляли собой уже новое поколение исследователей, целенаправленно выбравших своей профессией историческую науку.

Х.Т. Коленбрандер, родившийся в городке Драхтен в семье протестантского пастора, уже со школьных лет мечтал стать историком. В 1891 г. он начал обучение в Лейденском университете, где специализировался по кафедре отечественной истории, а в 1897 г. с отличием защитил написанную на материалах зарубежных архивов диссертацию²⁸ о движении «патриотов»²⁹. В дальнейшем любовь Коленбрандера к архивному делу способствовала его успешной карьере, начавшейся с должности заместителя государственного архивариуса. В 1902 г. он вошел в состав Комиссии по подготовке материала для издания серии «Государственные исторические публикации» (Rijks Geschiedkundige Publicatiën), созданной по инициативе архивистов и историков, в 1910 г. был назначен директором Бюро этого долгосрочного проекта³⁰. Архивную и издательскую деятельность³¹ Коленбрандер совмещал с преподавательской и научно-исследовательской: в Лейденском университете читал лекции по истории Нидерландов, Нидерландской Индии и истории миссионерских методов; стал

²⁵ Blok P.J. Eene Hollandsche stad in de Middeleeuwen. 's-Gravenhage, 1883; *Idem*. Eene Hollandsche stad onder de Bourgondisch-Oostenrijksche heerschappij. 's-Gravenhage, 1884.

²⁶ Blok P.J. Geschiedenis van het Nederlandsche volk: 8 dln. Groningen; Leiden, 1892–1907.

²⁷ Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek: 10 dln. Leiden, 1911–1937. Соредактором был Филипп Молхёйсен (1870–1944) — выпускник Лейденского университета (1896 г., отделение классических языков), выдающийся нидерландский организатор библиотечного дела (формировал библиотеку Дворца мира в Гааге, был директором Королевской библиотеки, являлся одним из инициаторов создания в Нидерландах публичных библиотек) и публикатор источников.

²⁸ О высоком уровне работы Коленбрандера свидетельствовал тот факт, что известное гаагское издательство Мартинюса Нейхофа напечатало тираж диссертации бесплатно.

²⁹ Текст диссертации является первой частью вышедшего позднее трехтомного труда. См.: *Colenbrander H.T. De patriottentijd: hoofdzakelijk naar buitenlandsche bescheiden*: 3 dln. 's-Gravenhage, 1897–1899.

³⁰ Этот проект успешно продолжается теперь уже под эгидой научно-исследовательского Института нидерландской истории (het Huygens Instituut voor Nederlandse Geschiedenis). Издано более 450 томов. Они содержат официальные государственные документы, архивные записи, корреспонденцию, дневники, списки и описи коллекций. Значительная часть ранних изданий оцифрована.

³¹ См.: *Gedenkstukken der algemeene geschiedenis van Nederland van 1795–1840 / uitgegeven door dr. H.T. Colenbrander*: 10 dln. 's-Gravenhage, 1905–1922.

автором ряда работ по всеобщей истории, истории Нидерландов и их колоний³². Н. Япиксе родился в Яуре в семье директора французской школы. Окончив гимназию, в 1893 г. он стал студентом Лейденского университета. Квалификационная работа Япиксе, написанная под руководством Блока и защищенная в 1900 г., касалась проблематики англо-голландских отношений в 1660—1665 гг.³³ Позже Япиксе занимался подготовкой изданий исторических документов, в то же время возглавлял архив королевского дома Оранских-Нассау, был редактором научного исторического журнала. И.Х. Госсес родился в Доккюме в семье завуча. Окончив гимназию в Леувардене, с 1893 г. в Лейденском университете стал изучать нидерландскую литературу и историю Средних веков. После сдачи выпускного экзамена в 1897 г. он получил стипендию на несколько семестров учебы в университетах Марбурга и Вены. В 1903 г. Госсес, научным руководителем которого был Блок, с отличием защитил диссертацию по медиевистике и, наряду с преподавательской деятельностью в университетах Амстердама и Гронингена, всю жизнь активно продолжал заниматься этой проблематикой³⁴. И хотя никто из вышеуказанных историков не посвятил свою научную жизнь исследованиям в области внешней политики, но именно их дальнейшая деятельность в сфере преподавания и развития библиотечного дела, издания архивных документов и знаменитого биографического словаря привлекала к ней все больше внимания.

В конце XIX в. кафедра всеобщей и отечественной истории существовала уже и на факультете филологии и философии Амстердамского университета. В 1890—1901 гг. ее возглавлял профессор Хендрик Корнелиус Рогге (1831—1905), известный не только трудами и изданиями документов о религиозных спорах протестантов в Соединенных провинциях, но и автором получившей высокие оценки коллег трехтомной всеобщей истории XIX в., охватывавшей социально-экономическую, политическую и культурную сферы³⁵. На амстердамской кафедре за указанный период известна лишь одна работа по внешнеполитической проблематике — написанная под руководством Рогге диссертация 1898 г. Антуана Жана д'Элли (1870—1951)³⁶ на тему англо-голландских отношений накануне Ахенского мира 1748 г.³⁷

Случайно или нет, но спустя 17 лет после защиты д'Элли появилось исследование, ставшее хронологическим продолжением и дополнением работ Де Йонге (1852 г.) и д'Элли — докторская диссертация на тему «Дипломатические отношения между Англией и Республикой Соединенных провинций, 1747—1756», защищенная в 1915 г. в Лейденском университете Арнольдиной Калсхофен³⁸. А. Калсхофен (1886—1951) родилась на Яве в Сурабае (в то время Нидерландская Индия) в семье секретаря департамента образования, церковных дел и промышленности. Несомненно, что поступление в университет, как и специализация, были ее осознанным выбором (что подтверждается знанием иностранных языков, впрочем, и финансовой возможностью тоже). Стоит отметить, что А. Калсхофен стала первой женщиной- историком, получившей ученую степень на лейденской кафедре отечественной истории, и при всем скепсисе историков того времени к представительницам прекрасного пола в этой науке (не был исключением и П.Й. Блок, являвшийся ее научным руководителем) далеко не единствен-

³² Например: *Colenbrander H. T. Tien Jaren Wereldgeschiedenis 1905—1915*: 2 dln. 's-Gravenhage, 1915; *Idem. Historie en Leven*: 4 dln. Amsterdam, 1915—1920; *Idem. Nederland's betrekkingen tot Indië in verleden en toekomst*. Den Haag, 1918.

³³ *Japikse N. De verwickelingen tussen de Republiek en Engeland van 1660—1665*. Leiden, 1900.

³⁴ Но самой известной работой И.Х. Госсеса была совместно написанная с Н. Япиксе и ставшая классикой нидерландской историографии неоднократно переиздававшаяся «Настольная книга по политической истории Нидерландов» (*Gosses I.H., Japikse N. Handboek tot de staatkundige geschiedenis van Nederland*. 's-Gravenhage, 1920. Переиздана в 1927 и 1947 гг.), включавшая и внешнеполитические разделы.

³⁵ *Rogge H.C., Meulen W. van der. De Negentiende Eeuw in Woord en Beeld*: 3 dln. Leiden, 1899—1901.

³⁶ О А.Ж. д'Элли имеется лишь эта скромная информация, размещенная на сайте диссертантов Амстердамского университета.

³⁷ *D'Ailly A.J. Willem Bentinck van Rhoon en de diplomatieke betrekkingen tusschen Engeland en de Nederlandsche Republiek gedurende de laatste jaren voor den Vrede van Aken in 1748*. Amsterdam, 1898.

³⁸ *Kalshofen A. De diplomatieke verhouding tussen Engeland en de Republiek der Vereen. Nederlanden, 1747—1756*. 's-Gravenhage, 1915.

ной в стране³⁹. Серьезный труд Калсхофен был написан на обширном материале документов из французских, британских и нидерландских архивов. Подробно прослеживая эволюцию англо-нидерландских отношений в период «дипломатической революции», она уделила значительное внимание договорным вопросам, проанализировав все англо-нидерландские договоры с середины XVII в., регулировавшие двусторонние отношения. Однако о других публикациях Калсхофен, как и о работах д'Элли, ничего не известно, и, по всей вероятности, наукой они больше не занимались⁴⁰.

В том же 1915 г. состоялась и защита докторской диссертации по теме нидерландской внешней политики еще одной диссертантки — Софии Вильгельмины Альбердины Дроссарс. С.В.А. Дроссарс (1886—1986) родилась в Тетерингене (Северный Брабант) в многодетной, хорошо обеспеченной семье. Мама была школьной учительницей, а жили они на проценты с доходов отца, полученные от колониальной деятельности и затем вложенные в развитие Центральной Явы. После окончания гимназии в Бреде, где София Вильгельмина была единственной девочкой в своем классе, в 1905 г. она отправилась в Лейден изучать в университете литературу и философию, но увлеклась историей и стала специализироваться по кафедре всеобщей истории и политической географии, которую возглавлял профессор Карел Бюссемакер (1864—1914). По его рекомендации Дроссарс выбрала направление «международные отношения» и, собирая материал для своего исследования по внешней политике Республики Соединенных провинций, провела большую поисковую работу в архивах Нидерландов и Брюсселя. В 1915 г., уже под руководством П.И. Блока (К. Бюссемакер умер годом ранее), Дроссарс получила докторскую степень. Ее диссертация о дипломатических отношениях между Соединенными провинциями и Испанией в 1678—1684 гг. была написана на разнообразных хорошо проработанных источниках⁴¹. Однако, как и А. Калсхофен, к исследованию внешнеполитических проблем С.В.А. Дроссарс больше не обращалась. Женщин-историков, даже и обладательниц докторской степени, в нидерландской университетской системе никто не ждал. Большинство из них находило работу в системе среднего образования, библиотеках или архивах⁴². Ряды архивистов пополнила и Дроссарс, которой удалось стать одним из самых уважаемых нидерландских специалистов в этой области⁴³.

³⁹ В конце XIX в. из 2847 нидерландских студентов университетов лишь 176 человек получали гуманитарное образование (речь не идет о богословии), т.е. всего лишь 7%. Те же 7% составляли студенты-гуманитарии и в 1915 г., с той лишь только разницей, что половина из них были представительницами женского пола, чего не было в конце XIX в., когда они представляли всего 2% от общего числа нидерландских студентов. С начала XX в. женщины уже могли быть членами нидерландского Исторического общества. В 1901 г. их было 3, всего лишь 0,8% от общего числа (382 человека). Докторская степень женщине-историку в Нидерландах была впервые присуждена в 1904 г. в Утрехтском университете Флорансе Бодде (тема диссертации «Еда и кухня в Средние века»). К 1915 г. степень доктора наук по специальности «история» получили 17 диссертанток, а членами Исторического общества в 1915 г. были 30 женщин (6,1%). См.: *Jansing J.W.G., Dasberg L. Onderwijs // Algemeene Geschiedenis der Nederlanden. D. 13. Haarlem, 1978. P. 134—135, 366—367; Grever M. Strijd tegen de stilte: Johanna Naber (1859—1941) en de vrouwenstem in geschiedenis. Hilversum, 1994. P. 124—126, 364—365.*

⁴⁰ О дальнейшей судьбе А. Калсхофен имеются лишь отрывочные сведения: по окончании университета она была учительницей истории, в 1915—1923 гг. числилась членом нидерландского Исторического общества (См.: *Grever M. Op. cit. P. 365*). Возможно, что в 1920-е годы Калсхофен покинула Нидерланды, так как в 1928 г. в Йене она вышла замуж за немецкого ученого П.Х. Праусница, умерла в Швейцарии.

⁴¹ См.: *Drossaers S.W.A. Diplomatieke betrekkingen tusschen Spanje en de Republiek der Vereenigde Nederlanden, 1678—1684. 's-Gravenhage, 1915.*

⁴² См.: *Grever M. Op. cit. P. 127—128.*

⁴³ С.В.А. Дроссарс являлась сотрудником-волонтером Главного национального архива в Гааге (Algemeen Rijksarchief, ныне Nationaal Archief, крупнейшее государственное архивное учреждение) еще с 1912 г., а после защиты диссертации была принята на ставку помощника архивариуса, став первой в Нидерландах женщиной с академическим образованием, получившей оплачиваемую работу в государственном архиве. Дроссарс работала в архиве почти 70 лет, разработала новаторский подход к изучению документов и их инвентаризации; автор многочисленных научных публикаций.

В целом нидерландская историография XIX – начала XX в., тяготеющая к нарративности и детальному прорабатыванию конкретных вопросов, характеризовалась отсутствием задач проанализировать те или иные процессы в их взаимосвязи. Это можно отнести и к пока еще единичным работам историков, рассматривавших вопросы внешней политики страны. Повышение доступности европейских архивов способствовало введению в научный оборот новых документов, но на их основе разрабатывалась прежде всего проблематика двусторонних межгосударственных отношений в конкретных хронологических рамках, европейских войн XVII–XVIII вв., дипломатической истории. При неоспоримой ценности большого числа опубликованных архивных материалов практически не уделялось внимания вопросам политики внутренней и ее влияние на развитие внешнеполитического курса Нидерландов не прослеживалось. Солидные аналитические исследования по внешней политике страны в национальной историографии появляются только после Первой мировой войны⁴⁴.

Библиография / References

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 5–21.

Shatokhina-Mordvintseva G.A. Vneshnyaya politika Niderlandov v istoriografii: knigi i avtory [The foreign policy of the Netherlands in historiography: books and authors] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 6. S. 5–21. (In Russ.)

[*Thorbecke J.R.*] Een woord in het belang van Europa, bij het voorstel der scheiding tusschen België en Nederland. Leiden, 1830.

[*Thorbecke J.R.*] Over de erkenenis der onafhankelijkheid van België. 31 december 1830. Leiden, 1830.

Bijlage tot eene vergelijking tusschen de Noordelijke en Zuidelijke Provincies van Nederlanden // Het Thorbecke-Archief. 1798–1872 / uitgegeven door dr. J. Brandt-van der Veen. Derde deel 1825–1830. Utrecht, 1967. P. 519–529.

Blok P.J. Eene Hollandsche stad in de Middeleeuwen. 's-Gravenhage, 1883.

Blok P.J. Eene Hollandsche stad onder de Bourgondisch-Oostenrijksche heerschappij. 's-Gravenhage, 1884.

Blok P.J. Geschiedenis van het Nederlandsche volk: 8 dln. Groningen; Leiden, 1892–1907.

Bosscha J. Pruisen en Nederland. Amsterdam, 1866.

Brugmans H. Vreede (George Willem) // Nieuw nederladisch biografisch woordenboek / onder red. van dr. P.C. Molhuysen, dr. P.J. Blok, prof. dr. L.K. Knappert. D. 5. Leiden, 1921. Kol. 1074–1077.

Colenbrander H.T. De patriottentijd: hoofdzakelijk naar buitenlandsche bescheiden: 3 dln. 's-Gravenhage, 1897–1899.

Colenbrander H.T. Historie en Leven: 4 dln. Amsterdam, 1915–1920.

Colenbrander H.T. Nederland's betrekkingen tot Indië in verleden en toekomst. Den Haag, 1918.

Colenbrander H.T. Tien Jaren Wereldgeschiedenis 1905–1915: 2 dln. 's-Gravenhage, 1915.

Correspondance diplomatique et militaire du duc de Marlborough, du grand-pensionnaire Heinsius, et du trésorier-général des Provinces-Unies, Jacques Hop; enrichie de plusieurs lettres du comte d'Avaux, de M. M. de Chamillart, de Torcy et d'autres hommes d'état, relatives aux négociations secrètes, entamées par la France après la bataille de Ramillies. 1706, 1707 / publiee d'après les manuscrits originaux par G.G. Vreede. Amsterdam, 1850.

D'Ailly A.J. Willem Bentinck van Rhoon en de diplomatieke betrekkingen tusschen Engeland en de Nederlandsche Republiek gedurende de laatste jaren voor den Vrede van Aken in 1748. Amsterdam, 1898.

Drossaers S.W.A. Diplomatieke betrekkingen tusschen Spanje en de Republiek der Vereenigde Nederlanden, 1678–1684. 's-Gravenhage, 1915.

Fruin R. Tien jaren uit den Tachtigjarigen Oorlog. 1588–1598. Leiden, 1857–1858.

Gedenkstukken der algemeene geschiedenis van Nederland van 1795–1840 / uitgegeven door dr. H.T. Colenbrander: 10 dln. 's-Gravenhage, 1905–1922.

Gosses I.H., Japikse N. Handboek tot de staatkundige geschiedenis van Nederland. 's-Gravenhage, 1920.

Grever M. Strijd tegen de stilte: Johanna Naber (1859–1941) en de vrouwenstem in geschiedenis. Hilversum, 1994.

⁴⁴ См. об этом подробнее: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 5–21.

- Groen van Prinsterer G.* Archives ou correspondance de la maison Orange-Nassau. 1^e serie. 1552–1584: 8 dln. Leiden, 1835–1847; 2^e serie. 1584–1688: 5 dln. Utrecht, 1857–1860.
- Groen van Prinsterer G.* Handboek voor de geschiedenis des vaderlands. Leiden, 1846.
- Groen van Prinsterer G.* La Prusse et les Pays-Bas. Amsterdam, 1867.
- Groen van Prinsterer G.* L'empire prussien et l'Apocalypse. Amsterdam, 1867.
- Jansing J.W.G., Dasberg L.* Onderwijs // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. D. 13. Haarlem, 1978. P. 129–144, 361–372.
- Japikse N.* De verwickelingen tussen de Republiek en Engeland van 1660–1665. Leiden, 1900.
- Jonge J.K.J. de.* Geschiedenis van de diplomatie gedurende den Oostenrijkschen successie-oorlog en het Congres van Aken (1740–1748). Leiden, 1852.
- Kalshofen A.* De diplomatieke verhouding tussen Engeland en de Republiek der Vereen. Nederlanden, 1747–1756. 's-Gravenhage, 1915.
- Levensschets van G.W. Vreede.* Naar zijn eigen handschrift uitgegeven. Leiden, 1883.
- Nieuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek: 10 dln. Leiden, 1911–1937.
- Oranijboek. Diplomatieke bescheiden betreffende de Limburg-Luxemburgsche aangelegenheden, 1866–1867. 's-Hage, 1868.
- Rogge H.C., Meulen W. van der.* De Negentiende Eeuw in Woord en Beeld: 3 dln. Leiden, 1899–1901.
- Sas N.C.F. van.* Het politiek klimaat in Noord-Nederland tijdens de crisis van het Verenigd Koninkrijk, 1828–1830 // Colloquium over de geschiedenis van de Belgisch-Nederlandse betrekkingen tussen 1815 en 1945. Gent, 1982. P. 103–127.
- Simons P.* Johan de Witt en zijn tijd: 3 dln. Amsterdam, 1832–1842.
- Smits A.* Enkele studies en uitgaven over scheiding tussen Noord en Zuid Nederland 1830 // Bijdragen en medelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 1984. D. 99. Afl. 2. P. 229–235.
- Tellegen B.D.H.* Duitsland en Nederland. Groningen, 1870.
- Thorbecke J.R.* Historische schetsen (bundeling van eerder geschreven artikelen). Den Haag, 1860.
- Thorbecke J.R.* Onze betrekking tot Duitschland. 1837 // Thorbecke J.R. Historische schetsen. Tweede druk. Den Haag, 1872. P. 19–22.
- Tollebeek J.* De uitbouw van een historische infrastructuur in Nederland en België (1870–1914) // Theoretische geschiedenis. Jaargang 17. 1990. № 1. P. 3–21.
- Vreede G.W.* Beschouwing der onderhandelingen over de geschillen met België in 1832 en 1833. [s.l.]. 1832.
- Vreede G.W.* Bijdragen tot de geschiedenis der omwenteling van 1795–1798: 2 dln. Amsterdam, 1847–1851.
- Vreede G.W.* Een twintigjarige strijd. Volledige verzameling der vertoogen van mr. G.W. Vreede, over's Lands in- en uitwendigen toestand (Februarij 1848 – December 1868). Utrecht, 1869.
- Vreede G.W.* Examen de la question du barrage de l'Escaut Oriental. Utrecht, 1867.
- Vreede G.W.* Geschiedenis der diplomatie van de Bataafsche Republiek: 2 dln. Utrecht, 1863–1865.
- Vreede G.W.* Hoe de gevaren in en buiten Europa, van Nederland af te wenden? Utrecht, 1875.
- Vreede G.W.* Hoofdartikelen van wijlen professor Vreede, overgedrukt uit het Utrechtsch Dagblad, 1869–1880. Leiden, 1906.
- Vreede G.W.* Inleiding tot eene geschiedenis der Nederlandsche diplomatie. Met bijlagen: 5 dln. Utrecht, 1858–1865.
- Vreede G.W.* La reconstruction de l'Empire d'Allemagne et la liberté de l'Europe. Utrecht, 1871.
- Vreede G.W.* La Renaissance de l'Empire Français et la liberté de l'Europe. Utrecht, 1852.
- Vreede G.W.* La Souabe après la paix de Bâle: recueil de documents diplomatiques et parlementaires, concernant les négociations avec la République Française, et la lutte des États de Wurtemberg contre Frédéric II, dernier duc-électeur (1795–1805). Utrecht, 1879.
- Vreede G.W.* L'Angleterre et la liberté du continent. Utrecht, 1866.
- Vreede G.W.* Mr. Laurens Pieter van de Spiegel en zijne tijdgenooten, 1737–1800: 4 dln. Middelburg, 1874–1877.
- Vreede G.W.* Nederland en Zweden in staatkundige betrekking: van de aanvaarding der regering door Gustaaf Adolf, tot den val van Oldenbarneveld (1611–1618). Afl. 2. Utrecht, 1844.
- Vreede G.W.* Nederland en Zweden in staatkundige betrekking: van Gustaaf Wasa tot Gustaaf Adolf (1523–1611). Afl. 1. Utrecht, 1841.
- Vreede G.W.* Neêrlands vroegere alliantieën: eene voorlezing. Utrecht, 1856.
- Vreede G.W.* Onze diplomatie na de erkenning der onafhankelijkheid van België: eene voorlezing. Utrecht, 1875.

DOI: 10.31857/S013038640020570-5

© 2022 г. П.А. ДАЦЕНКО

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОГЕРМАНСКОЙ ИДЕИ 1848–1866 годов

Даценко Павел Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; *ORCID:* 0000-0002-0191-5208; *Researcher ID:* AAO-6260-2021

Аннотация. В отечественной историографии возрастает интерес к эпохе образования Германской империи. В этой связи вновь обретает актуальность обращение к альтернативам победившему малогерманскому пути в 1848–1866 гг., прежде всего – к великогерманской идее. Статья призвана обозначить ряд аспектов в изучении этого исторического явления в трудах российских и немецких исследователей XIX–XX вв., в которых период 1848–1866 гг. исследовался преимущественно с малогерманских позиций: на первый план выступала история Пруссии, ее конфликт с Австрией и политика Отто фон Бисмарка. Выделяя в качестве этих аспектов многозначность понятия «великогерманский», а также двойную дискредитацию великогерманской идеи (сперва после поражения Австрии в XIX в. и затем под влиянием захватнической идеологии Третьего рейха в XX в.), автор предлагает с новых позиций обратиться к укоренившемуся в отечественной исторической науке пониманию великогерманского пути. Предлагается, в частности, обратить внимание на новый виток интереса к федералистскому аспекту великогерманской идеи, проявлявшемуся в политике государств «третьей Германии», а также на легитимный и эволюционный характер великогерманского пути, предполагавшего объединение Германии как поступательное развитие Германского союза вместо бисмарковского объединения «железом и кровью». Обращаясь непосредственно к немецкому опыту исследований этой проблематики, автор стремится продемонстрировать важность изучения великогерманской идеи 1848–1866 гг. для современной науки как фундамента для изучения национальных и наднациональных федеративных моделей государства.

Ключевые слова: Германия, государственное строительство, национальное объединение, федерализм, великогерманцы, малогерманцы, германский вопрос, историография, Германский союз.

P.A. Datsenko

On Certain Aspects of the Studies of the Greater German Idea of 1848–1866

Pavel Datsenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; *ORCID:* 0000-0002-0191-5208; *Researcher ID:* AAO-6260-2021

Abstract. A new interest in the era of the emergence of the German Empire is growing in Russian historiography. In this context, it is once again relevant to look at alternatives to the victorious Lesser German path of 1848–1866, above all at the Greater German Idea. The author attempts

to outline some aspects of this historical phenomenon in the works of Russian and German scholars of the nineteenth and twentieth centuries, analysing the period of 1848–1866 from a predominantly Lesser German perspective: the history of Prussia, its conflict with Austria and the politics of Otto von Bismarck came to the fore. Highlighting the ambiguity of the term “Greater German” as well as the dual discrediting of the idea of the Greater German idea (first following Austria’s defeat in the nineteenth century and then under the influence of the aggressive ideology of the Third Reich in the twentieth century), the author offers a new approach to the established understanding of the Greater German Path in Russian historical scholarship. In particular, he suggests that attention should be paid to the new wave of interest in the federalist aspect of the Greater German idea, which manifested itself in the policies of the “Third Germany” states, as well as to the legitimate and evolutionary nature of the Greater German path, which envisaged German unification as a progressive development of the German Confederation instead of the Bismarckian unification by “iron and blood”. By looking directly at the German research experience, the author aims to demonstrate the significance of the 1848–1866 Greater German Idea for modern scholarship as a foundation for the study of national and supranational federal state models.

Keywords: Germany, state-building, national unification, federalism, Greater Germans, Lesser Germans, the German question, historiography, German Confederation.

В 2016–2021 гг. отмечалось 150-летие австро-прусской войны и образования Германской империи, что вновь оживило дискуссию вокруг исторических оценок и интерпретаций этого периода германской истории. Уже в современном контексте были поставлены вопросы о тождественности прусской и германской государственности, об эволюции восприятия и интереса к Германской империи в научном сообществе¹, о периодизации и об отдельных сюжетах германской политики Бисмарка².

Вместе с тем новые вопросы к эпохе Германской империи в меньшей степени рассматривают предшествовавшее ей соперничество великогерманского и малогерманского путей в 1848–1866 гг.³ Более того, в исследованиях, посвященных этому соперничеству, до сих пор присутствует значительная диспропорция: концентрируясь на сюжетах и трактовках свершившегося малогерманского объединения, отечественная историография уделяла гораздо меньше внимания «проигравшей стороне» — великогерманскому пути и предлагаемым им государственным моделям. Это не только негативно сказывалось на полноте освещения событий и процессов германской истории 1848–1866 гг. в отечественных трудах, но и способствовало укреплению в историографии стереотипа о нежизнеспособности великогерманской идеи и, следовательно, о предопределенности бисмарковского пути⁴.

¹ Из новейших публикаций по этой тематике см.: *Баев В.Г.* «Исполнительный федерализм» в Германии нового времени: истоки и роль Пруссии в его становлении // Проблемы федеративных отношений в странах Европы: сб. науч. ст. Всероссийской научной конференции, посвященной 25-летию Ассоциации европейских исследований, Пенза, 01–02 июня 2017 года. Пенза, 2017. С. 111–117; *Матвеева А.Г.* Некоторые аспекты внутренней политики Германии периода канцлерства Х. фон Гогенлоэ-Шиллингфюрста: от «нового курса» к «мировой политике» (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010919-9-1/> (дата обращения: 01.08.2022); *Ростиславлева Н.В.* Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 91–100.

² *Турьгин А.А., Хабитова Л.В.* Призрак 1866 года и образование Германской империи // История. Общество. Политика. 2019. № 2 (10). С. 36–42; *Дударев В.С.* Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 30–43.

³ Хронологические рамки обусловлены, с одной стороны, возникновением понятий «малогерманский» и «великогерманский» в революцию 1848 г. и, с другой стороны, поражением Австрии (а с ним и политической опоры великогерманской идеи) в 1866 г.

⁴ Краткий обзор альтернатив того периода со ссылкой на труды Г.-У. Велера приводит А.И. Патрушев. См.: *Патрушев А.И.* Германская история через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 289–291.

Статья призвана, не претендуя на исчерпывающий анализ истоков данной диспропорции, выделить некоторые аспекты в изучении великогерманского пути, которые оказали влияние на развитие историографии. Выбор этих аспектов обусловлен как сменой исторических школ и традиций, так и влиянием непосредственно исторического контекста на восприятие великогерманской идеи отечественными и немецкими историками.

Первым (и наиболее очевидным) аспектом является терминологическая неоднородность и изменчивость самого определения «великогерманский». Возникнув в 1848 г. как обозначение противников малогерманского пути, это понятие изначально имело аморфный характер, сложный для выработки конкретного определения. В дальнейшем количество значений этого понятия лишь увеличивалось. В 1849–1851 гг. из него выделилась «великоавстрийская» (*großösterreichisch*) концепция, предлагавшая не столько создание немецкого национального государства, сколько лишь включение в границы Германского союза всей Габсбургской монархии и таможенное единство этих государств. В 1850-е годы сторонники великогерманского пути часто использовали это слово в публицистике как синоним истинного (в отличие от прусского) немецкого патриотизма⁵. С 1862 г. под ним стали пониматься еще и члены проавстрийского консервативно-католического Союза реформы.

После поражения Австрии патриотическая составляющая понятия «великогерманский» была вытеснена усилиями победившей стороны, стремившейся его обесценить. Еще в 1865 г. один из основателей малогерманской школы Г. фон Трейчке, сравнивая проавстрийские лозунги с наивными литературными приемами, писал: «Одно только слово “великогерманский”, придуманное искусными демагогами и с усердием используемое всеми любителями существующего беспорядка, пленяет тысячи людей в австрийском лагере»⁶.

Таким образом, к концу XIX в. под понятием «великогерманский» понимались главным образом негативные и неуспешные явления: а) республиканское движение революции 1848 г., выступавшее за включение всех земель монархии Габсбургов в германское государство (тем самым все варианты сводились лишь к «великоавстрийскому») и б) объединение консервативно-католических кругов в 1862–1864 гг., тщетно пытавшихся сохранить власть Габсбургов в Германии⁷.

Включение политических движений столь широкого спектра в единый термин «великогерманский» еще больше усложнило его толкование в отечественной науке⁸. С одной стороны, труды представителей «боруссианской» школы подвергались в России серьезной критике за свою политизированность и национально-ориентированный подход к германской истории⁹. С другой стороны, из-за отсутствия прямого доступа к архивным источникам и отхода бывших лидеров великогерманского направления (например, Ю. Фрёбеля) от прежних позиций в отечественной историографии рассматривались сюжеты периода 1848–1866 гг., которые вывела на передний план малогерманская школа: история Пруссии, развитие ее экономики и конститу-

⁵ *Jürgens K.H.* Die deutsche Politik Preußens und das Berliner Central-Preßbureau. Hildesheim, 1855. S. 78.

⁶ *Treitschke H. von.* Bundesstaat und Einheitsstaat // *Treitschke H. von.* Historische und politische Aufsätze. Leipzig, 1865. S. 464.

⁷ *Lexikon der deutschen Geschichte.* Leipzig, 1882. S. 178.

⁸ Постепенное обесценивание этого термина можно видеть, например, в трудах В.И. Герье. До 1871 г. историк рассматривал его не просто как политический ярлык, а как выражение мощного идейного оппонента Пруссии, опиравшегося на традицию поиска «славного прошлого» Германии в эпоху Священной Римской империи Карла V. Позднее же Герье, соглашаясь с Трейчке, характеризовал великогерманский путь (не употребляя этого термина) лишь как сочетание «влияния Австрии», «исторического предания», «обаяния легитимизма» и партикуляризма князей. См.: *Герье В.И.* Лейбниц и его век. Т. 1. СПб., 1868. С. 76–77; *Его же.* Национальная историография в Германии // *Исторический вестник.* Т. 1. 1880. С. 574.

⁹ *Бузескул В.П.* Генрих Зибель как историк-политик. Харьков, 1896.

ционализма, правительство «новой эры», конституционный конфликт в Пруссии и, конечно, фигура и деятельность Бисмарка¹⁰.

В ранней советской историографии, опиравшейся на труды и на понятийный аппарат коммунистических и социал-демократических движений Германии второй половины XIX в., понятие «великогерманский» не было подвергнуто переосмыслению и употреблялось либо в прежнем значении (особенно при переводе трудов К. Маркса и Ф. Энгельса), либо в новом, актуальном для тех лет контексте.

В послевоенной советской науке, несмотря на рост интереса к развитию новой немецкой историографии и активное сотрудничество с восточногерманскими историками, внутреннее содержание терминов «малогерманский» и «великогерманский» не претерпело кардинальных изменений. В ключевых трудах по эпохе объединения Германии эти термины употреблялись в их уже утвердившемся значении, причем уточнение термина «великогерманский» присутствовало лишь в отношении революции 1848 г. (главным образом указывалось на разницу между великогерманским и великоавстрийским планами¹¹).

С определенными оговорками это присутствует и в современных трудах, хотя их безусловным преимуществом является более глубокое понимание сущности великогерманской идеи и более выверенное использование этого термина¹².

Таким образом, терминологический аспект изучения великогерманской идеи заключается как в изначальной неопределенности понятия «великогерманский», так и в его упрощении и обеднении после 1866–1871 гг., исключении из него позитивных немецко-патриотических ассоциаций, замене федеративных планов «великоавстрийской» концепцией и, наконец, смысловой привязке к поражениям сперва революционной партии в 1849 г., а затем Австрии в 1866 г.

Второй аспект изучения великогерманской идеи во многом пересекается с первым, но рассматривается в статье отдельно, поскольку его наиболее сильное проявление относится к XX в., когда терминология понятия «великогерманский» уже в основном сложилась. Это — идеологический аспект.

После Первой мировой войны и краха Германской империи великогерманская идея обрела вторую жизнь, возродившись как актуальная альтернатива в новых спорах о государственном устройстве Германии. Однако после распада Австро-Венгрии среди австрийских историков возникла концепция «всегерманской» (*gesamtddeutsch*) империи, которая внесла в великогерманскую идею практически противоположные ее прежним основам цели и методы. Во-первых, резкая критика действий австрийских политиков и самих Габсбургов, обвинение их в ошибках, способствовавших победе Бисмарка¹³. Во-вторых, цель органичной и поступательной внутренней организации германских земель подменялась задачей консолидации нации в интересах внешней политики. В 1930-е годы эта концепция, окончательно оформившись в труде Г.Р. фон Србика «Немецкое единство в идее и действительности», стала идеологической основой аншлюса и в более широком смысле — доктрины доминирования

¹⁰ Трачевский А.С. Германия накануне революции и ее объединение. СПб., 1898. С. 183–202; Джизвелегов А.К. История современной Германии. Ч. 2. СПб., 1910. С. 1–51.

¹¹ Шнейерсон Л.М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих держав (из истории германского вопроса). Минск, 1962. С. 7–8; Германская история в новое и новейшее время / под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. М., 1970. С. 274; Галкин И.С. Создание Германской империи 1815–1871 гг. М., 1986. С. 67–70, 84–85, 169.

¹² Петренко С.П. Германия в третьей четверти XIX в.: путь к национальному единству // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 275–276.

¹³ Странник этой концепции Г. фон Паллер относил к таковому прежде всего переход Австрии в 1850-е годы к централизации и неабсолютизму, что «стало непреодолимым препятствием свободному национальному развитию» и не позволило предложить немецкому народу достойную альтернативу малогерманскому пути. См.: Paller H. von. Der großdeutsche Gedanke: Seine Entstehung und Entwicklung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1928. S. 78.

«великогерманского рейха» в Европе¹⁴. Опираясь на эту концепцию, историки рассматривали великогерманскую идею XIX в. как прямого идейного предка Третьего рейха, хотя это и порождало споры с апологетами малогерманского пути¹⁵.

Последствием этой связки для великогерманской идеи стал второй, более тяжелый период ее дискредитации в послевоенные годы. Наиболее жесткой критике ее подверг Г. Риттер. По его мнению, великогерманская доктрина, будучи продуктом сугубо внешнеполитических интересов Австрии, была не только невыполнимой, но и разрушительной для германской нации, внушая ей необходимость единения с Австрией, которая в реальности не могла и не хотела стать собирательницей немецких земель¹⁶. Этому заблуждению и великогерманской идее в целом Риттер приписывал еще и вину за начало нацистской агрессии в Европе. Наднациональные имперские принципы, присущие прежней австрийской политике, как считал Риттер, подтолкнули немецкий национализм «выйти за собственные пределы» и стремиться утвердить свое господство в Центральной, а позднее и во всей Европе, в то время как малогерманский путь был внутренне самодостаточен, последователен и наиболее соответствовал немецким национальным интересам¹⁷. Вплоть до 1970-х годов и в западно-, и в восточногерманской историографии этот негативный образ великогерманской идеи сохранял актуальность, побуждая исследователей концентрироваться на прежних малогерманских темах «революции сверху», прежде всего – проблеме Бисмарка, социально-экономическом аспекте, развитии германского (в первую очередь прусского) либерализма¹⁸.

Хотя в советской историографии критика Риттером великогерманской идеи не получила распространения, поскольку считалась попыткой реабилитации бисмарковского курса¹⁹, в отношении великогерманского пути советские историки также придерживались негативной оценки, но на иных основаниях. Советская историческая методология базировалась в т.ч. на наследии и политических взглядах германской социал-демократии второй половины XIX в., которая была идейно ближе к малогерманским национал-либеральным, чем к консервативно-католическим великогерманским кругам. Конфликт великогерманской и малогерманской идей воспринимался здесь преимущественно как династический спор Габсбургов и Гогенцоллернов за доминирование в Германии. При этом между ними не делалось принципиальной разницы: малогерманский путь критиковался как усиление юнкерской милитаристской Пруссии, а великогерманское направление – как сохранение и укрепление феодальной раздробленности, препятствовавшей развитию капиталистических отношений, проведению социально-экономических преобразований и, следовательно, обострению классовой борьбы²⁰.

¹⁴ *Srbik H.R. von. Deutsche Einheit in Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. Bd. 1–4. München, 1935–1942.*

¹⁵ В качестве примера приведем спор В. Моммзена и О. Франца о великогерманской или партикуляристской трактовке политики баварского министра Л. фон дер Пфортена. См.: *Mommsen W. Von der Pfordten ein Grossdeutscher? // Historische Zeitschrift. 1940. Bd. 162. H. 3. S. 551–556.*

¹⁶ *Ritter G. Großdeutsch und kleindeutsch im 19. Jahrhundert // Ritter G. Lebendige Vergangenheit: Beiträge zur historisch-politischen Selbstbesinnung. München, 1958. S. 113–117.*

¹⁷ *Ibid. S. 119, 124–125.*

¹⁸ Об оценке западногерманской историографии в СССР см.: *Оболенская С.В. Проблемы образования германской империи 1871 г. в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988. С. 204–225. Об изучении периода объединения Германии в ГДР см.: *Weber R. Forschungen zur deutschen Geschichte 1849–1871 // Historische Forschungen in der DDR 1970–1980. Analysen und Berichte. Berlin, 1980. S. 169–185.**

¹⁹ *Галкин И.С. Указ. соч. С. 12, 162–163.*

²⁰ Анализ вопроса объединения Германии в марксистско-ленинской парадигме был проведен на заре советской эпохи М.И. Михайловым. См.: *Михайлов М.И. Проблема объединения Германии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Ежегодник германской истории. 1988. М., 1991. С. 24–50.*

Существуя в рамках этой парадигмы, советские исследователи в послевоенные годы чаще обращались не к внутренней, а к внешней стороне германского вопроса и изучали объединение Германии с точки зрения политики европейских держав²¹. В этом ключе великогерманская идея выступала в основном как элемент австрийской внешней политики (попытки создания гигантской центральноевропейской конфедерации под управлением Габсбургов), в то время как ее внутригерманское развитие отступало на второй план.

После 1991 г. ослабление идеологических установок дало возможность отечественным историкам пристальнее взглянуть на ранее критиковавшиеся направления западногерманской историографии, в которой на передний план выступал еще один аспект изучения великогерманского пути 1848–1866 гг. — федералистский.

Для отечественных историков советского периода этот аспект не являлся новым, однако его оценка также основывалась на критическом отношении основоположников марксизма к федерализму в Германии. Они трактовали его как ложный и несостоятельный для Германии путь, поддерживаемый лишь мелкобуржуазными элементами и одновременно служивший для князей инструментом удержания страны в раздробленном и разобленном состоянии²². В западногерманских же исследованиях этот аспект приобрел все большее значение благодаря постепенной реабилитации в глазах историков предшественника Германской империи — Германского союза.

Еще на рубеже 1980–1990-х годов историками Австрии и ФРГ был выдвинут тезис о положительном влиянии гибридной конфедеративно-федеративной системы, развивавшейся внутри этого союза, на процесс национального объединения²³. На сегодняшний день этот тезис наиболее подробно раскрыт в трудах Ю. Мюллера, В.Д. Грунера, М. Кройцмана²⁴. Методологически их труды опираются на концепцию «федеративной нации», которую предложил Д. Лангевитше и которая основывается на признании вариативности решения германского вопроса в XIX в. в том смысле, что «не все начатые ранее пути вели к нему (к малогерманскому национальному государству. — П.Д.) и не все незавершенные пути должны были оказаться историческими тупиками». Одним из главных аргументов в пользу этой альтернативности выступила характерная как раз для великогерманской идеи апелляция к эпохе Священной Римской империи, сформировавшей «федеративный тип национализма, который не смогла полностью сломить даже тяга к централизации в форме Германской империи 1871 года»²⁵. В рамках этого подхода великогерманской идее дается более позитивная оценка. Подчеркивается, что, несмотря на все обстоятельства, «сильная федералистская Германия, без украшенной по-прусски скорлупы национального государства и связанная с монархией Габсбургов, также лежала в пределах возможностей того времени. Это была одна из альтернатив, которые считались жизнеспособными в 1860-х годах»²⁶.

Поворот к этой концепции позволил немецким историкам вывести на передний план новые элементы великогерманского пути: планирование и разработка реформы Германского союза как центр полемики в обществе и в правящих кругах германских

²¹ Нарочницкая Л.И. Россия и война Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960; Новикова Л.Г. Позиция Великобритании по вопросу объединения Германии в 60-е — начале 70-х годов XIX в. М., 1982; Сергеев В.В. Англия и объединение Германии в 1848–1871 гг. Л., 1986.

²² Михайлов М.И. Указ. соч. С. 27–31.

²³ Fellner F. Perspektiven für eine historiographische Neubewertung des Deutschen Bundes // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. München, 1990. S. 21–30.

²⁴ Müller J. Deutscher Bund und deutsche Nation 1848–1866. Göttingen, 2005; Gruner W.D. Der Deutsche Bund. München, 2012; Kreuzmann M. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Die Ausschüsse und Kommissionen der Deutschen Bundesversammlung als politische Gremien. Göttingen, 2022.

²⁵ Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000. S. 55–56.

²⁶ Ibid. S. 209.

государств; опыт правовой и социальной интеграции немецких земель, синхронизация их внутреннего развития на конституционной основе. Этот поворот позволил вернуть в исторический дискурс огромный пласт политической истории, связанной со второстепенными германскими государствами, объединяемыми в историографии понятием «третья Германия»²⁷, и плеядой ее министров и дипломатов: Ф.Ф. фон Бойста, Л. фон дер Пфордтена, Р. фон Дальвига, Й.К.Б. Штюве, К.Ф. фон Нейрата, А. фон Платен-Халлермунда — чьи политические взгляды прежде характеризовались историками не как великогерманские или национальные, а как партикуляристские и эгоистичные²⁸.

В современном ракурсе великогерманская идея 1848—1866 гг. предстает не просто как политическое движение за гегемонию Австрии, но и как отдельное направление разработки федеративных моделей германского государства, предлагавших создание коллективных общегерманских органов власти и единой правовой системы²⁹. Это направление представляет сегодня интерес еще и потому, что оно базировалось на главном преимуществе великогерманского варианта перед малогерманским: сохранении легитимного порядка и эволюционного пути к национальному объединению.

Вместе с тем это все еще формирующееся историографическое направление сопряжено с риском чрезмерной идеализации Германского союза, вследствие чего политика Пруссии может восприниматься как планомерный саботаж и предательство национальных интересов Германии в пользу усиления своей государственной мощи³⁰. Такая расстановка акцентов и угроза оказаться в плену «идеализации несбывшегося», на которую в свое время обращал внимание М. Дерндарский³¹, требуют от историков тщательной методологической рефлексии.

Исследования в этом направлении также пока не дали однозначного ответа на концептуальный вопрос: можно ли считать политику «третьей Германии» великогерманской? С одной стороны, ни один из проектов не допускал вытеснение Австрии из Германии, поэтому их можно считать великогерманскими хотя бы по формальному определению. С другой стороны, эти проекты часто вступали в прямое противоречие с политикой Австрии: они исключали как вхождение всей империи в состав союза, так и единоличное лидерство Габсбургов в нем. Как результат, Австрия долгое время не проявляла к ним интереса, чем также можно объяснить последовавшее отсутствие проектов «третьей Германии» в списке значений понятия «великогерманский». Эти противоречия дают некоторым исследователям основание выделить политику «третьей Германии» в почти самостоятельное направление, которое в 1866 г. потерпело поражение наравне с великогерманским³².

²⁷ Термин «третья Германия» как обозначение политического блока был актуализирован в конце 1980-х годов историком П. Бургом. См.: *Burg P. Die Triaspolitik im Deutschen Bund (Das Problem einer partnerschaftlichen Mitwirkung und eigenständigen Entwicklung des Dritten Deutschland) // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866 / Hrsg. von H. Rumpler. Wien etc., 1990. S. 136–161.*

²⁸ *Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin, 1934.*

²⁹ Главным проектом этого направления был план Бойста от 15 октября 1861 г. См.: *Деценко П.А.* О проекте Ф.Ф. фон Бойста по реформе Германского союза от 15 октября 1861 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 3 (57). URL: <https://history.jes.su/s207987840001860-5-1/> (дата обращения: 01.08.2022).

³⁰ Эти тенденции присутствуют в статье Ю. Мюллера о кризисе 1866 г., в которой подчеркиваются волюнтаризм и неправомочность разрыва Пруссии с Германским союзом, а также разрушительные последствия этого шага для всей европейской системы безопасности. См.: *Müller J. Harter Prexit. Der Austritt Preußens aus dem Deutschen Bund 1866 // Historische Mitteilungen. 2018. Bd. 30. S. 99–118.*

³¹ *Derndarsky M. Österreich und die deutsche Frage zwischen 1848 und 1866/71. Konzeptionelles Dilemma und situative Probleme der Donaumonarchie gegenüber Deutschland // Die Deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert: Referate und Diskussionsbeiträge eines Augsburger Symposions, 23. bis 25. September 1981. München, 1983. S. 69–70.*

³² *Burg P. Op. cit. S. 151.*

Современная отечественная историография пока уступает немецкой в изучении этого аспекта как элемента великогерманского пути, и здесь также сказывается влияние рассмотренных выше аспектов. Тем не менее обращение российских германистов к истории «третьей Германии» и ее роли в германском вопросе демонстрирует устойчивый интерес к более глубокому исследованию развития германского вопроса в XIX в.³³

Таким образом, рассмотренные аспекты позволяют говорить о все еще не исчерпанном потенциале изучения великогерманского пути 1848–1866 гг. Терминологическая неоднородность понятия «великогерманский», формировавшаяся под значительным влиянием малогерманской школы, сегодня уступает место все более четкому разграничению различных направлений, ранее обозначавшихся этим понятием. Исчезновение идеологических установок позволяет увидеть в великогерманском пути XIX в. не захватническую или регрессивную, а, напротив, компромиссную и эволюционную концепцию. А возрастающий интерес к федералистскому аспекту его изучения открывает перед исследователями значительный потенциал разработанных в рамках великогерманской идеи вариантов федеративного государства, способного к устойчивому развитию и решению тех противоречий, которые в ту эпоху удалось разрешить лишь «железом и кровью».

Библиография

Александров А.А. «Третья Германия» на фоне австро-прусского противоборства на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. Т. 11. № 11. С. 32–35.

Баев В.Г. «Исполнительный федерализм» в Германии нового времени: истоки и роль Пруссии в его становлении // Проблемы федеративных отношений в странах Европы: сб. науч. ст. Всероссийской научной конференции, посвященной 25-летию Ассоциации европейских исследований, Пенза, 01–02 июня 2017 года. Пенза, 2017. С. 111–117.

Бузескул В.П. Генрих Зибель как историк-политик. Харьков, 1896.

Галкин И.С. Создание Германской империи 1815–1871 гг. М., 1986.

Германская история в новое и новейшее время / под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. М., 1970.

Герье В.И. Лейбниц и его век. Т. 1. СПб., 1868.

Герье В.И. Национальная историография в Германии // Исторический вестник. Т. 1. 1880. С. 567–593.

Дациенко П.А. О проекте Ф.Ф. фон Бойста по реформе Германского союза от 15 октября 1861 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 3 (57). URL: <https://history.jes.su/s207987840001860-5-1/> (дата обращения: 01.08.2022).

Джисвелегов А.К. История современной Германии. Ч. 2. СПб., 1910.

Дударев В.С. Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 30–43.

Котова Е.В. Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/> (дата обращения: 01.08.2022).

Матвеева А.Г. Некоторые аспекты внутренней политики Германии периода канцлерства Х. фон Гогенлоэ-Шиллингфюрста: от «нового курса» к «мировой политике» (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010919-9-1/> (дата обращения: 01.08.2022).

Михайлов М.И. Проблема объединения Германии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Ежегодник германской истории. 1988. М., 1991. С. 24–50.

Нарочницкая Л.И. Россия и война Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960.

³³ *Александров А.А.* «Третья Германия» на фоне австро-прусского противоборства на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. Т. 11. № 11. С. 32–35; *Патрушев А.И.* Указ. соч. С. 290–291; *Котова Е.В.* Германский вопрос во внешней политике Австрийской империи в 1850–1866 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/> (дата обращения: 01.08.2022).

- Новикова Л.Г. Позиция Великобритании по вопросу объединения Германии в 60-е – начале 70-х годов XIX в. М., 1982.
- Оболенская С.В. Проблемы образования германской империи 1871 г. в освещении современной буржуазной историографии ФРГ // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988. С. 204–225.
- Патрушев А.И. Германская история через тернии двух тысячелетий. М., 2007.
- Петренко С.П. Германия в третьей четверти XIX в.: путь к национальному единству // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 274–280.
- Ростиславлева Н.В. Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 91–100.
- Сергеев В.В. Англия и объединение Германии в 1848–1871 гг. Л., 1986.
- Трачевский А.С. Германия накануне революции и ее объединение. СПб., 1898.
- Турыгин А.А., Хабибова Л.В. Призрак 1866 года и образование Германской империи // История. Общество. Политика. 2019. № 2 (10). С. 36–42.
- Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих держав (из истории германского вопроса). Минск, 1962.
- Burg P. Die Triaspolitik im Deutschen Bund (Das Problem einer partnerschaftlichen Mitwirkung und eigenständigen Entwicklung des Dritten Deutschland) // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866 / Hrsg. von H. Rumpler. Wien etc., 1990. S. 136–161.
- Derndarsky M. Österreich und die deutsche Frage zwischen 1848 und 1866/71. Konzeptionelles Dilemma und situative Probleme der Donaumonarchie gegenüber Deutschland // Die Deutsche Frage im 19. Und 20. Jahrhundert: Referate und Diskussionsbeiträge eines Augsburger Symposions, 23. bis 25. September 1981. München, 1983. S. 63–90.
- Fellner F. Perspektiven für eine historiographische Neubewertung des Deutschen Bundes // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. München, 1990. S. 21–30.
- Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin, 1934.
- Gruner W.D. Der Deutsche Bund. München, 2012.
- Jürgens K.H. Die deutsche Politik Preußens und das Berliner Central-Preßbureau. Hildesheim, 1855.
- Kreutzmann M. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Die Ausschüsse und Kommissionen der Deutschen Bundesversammlung als politische Gremien. Göttingen, 2022.
- Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000. Lexikon der deutschen Geschichte. Leipzig, 1882.
- Mommsen W. Von der Pfordten ein Grossdeutscher? // Historische Zeitschrift. 1940. Bd. 162. H. 3. S. 551–556.
- Müller J. Deutscher Bund und deutsche Nation 1848–1866. Göttingen, 2005.
- Müller J. Harter Prexit. Der Austritt Preußens aus dem Deutschen Bund 1866 // Historische Mitteilungen. 2018. Bd. 30. S. 99–118.
- Paller H. von. Der großdeutsche Gedanke: Seine Entstehung und Entwicklung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1928.
- Ritter G. Großdeutsch und kleindeutsch im 19. Jahrhundert // Ritter G. Lebendige Vergangenheit: Beiträge zur historisch-politischen Selbstbesinnung. München, 1958. S. 101–125.
- Srbik H.R. von. Deutsche Einheit in Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. Bd. 1–4. München, 1935–1942.
- Treitschke H. von. Bundesstaat und Einheitsstaat // Treitschke H. von. Historische und politische Aufsätze. Leipzig, 1865. S. 444–595.
- Weber R. Forschungen zur deutschen Geschichte 1849–1871 // Historische Forschungen in der DDR 1970–1980. Analysen und Berichte. Berlin, 1980. S. 169–185.

References

- Aleksandrov A.A. “Tret’ia Germaniia” na fone avstro-prusskogo protivoborstva na rubezhe XVIII–XIX vv. [The “third Germany” amid the Austro-Prussian confrontation on the cusp of the 18th and 19th centuries] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University]. 2005. T. 11. № 11. P. 32–35. (In Russ.)
- Baev V.G. “Ispolnitel’nyi federalizm” v Germanii novogo vremeni: istoki i rol’ Prussii v ego stanovlenii [“Executive federalism” in the Germany in the Modern age: origins and the role of Prussia in its genesis] // Problemy federativnykh otnoshenii v stranakh Evropy: sb. nauch. st. Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 25-letiiu Assotsiatsii evropeiskikh issledovanii, Penza, 01–02 iunija 2017 goda [Problems of federative relations in European countries: collection of articles of All-Russian Scientific Conference dedicated to the 25th anniversary of the Association for European Studies, Penza, 01–02 June 2017]. Penza, 2017. P. 111–117. (In Russ.)
- Buzeskul V.P. Genrikh Zibel’ kak istorik-politik [Heinrich Siebel as a historian-politician]. Khar’kov, 1896. (In Russ.)

Datsenko P.A. Frankfurtskii s'ezd kniazei 1863 g.: posledniaia popytka reformy Germanskogo soiuz [The Frankfurt Congress of Princes in 1863: the last attempt at reform of the German Union] // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2021. T. 12. № 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840001860-5-1/> (access date: 01.08.2022). (In Russ.)

Dudarev V.S. Spor ob imperatorskom titule: traditsionalizm Vil'gel'ma I i politika gosudarstvennykh interesov Otto fon Bismarka [The dispute over the imperial title: the traditionalism of Wilhelm I and the policy of state interests of Otto von Bismarck] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. P. 30–43. (In Russ.)

Dzhivelev A.K. Istoriia sovremennoi Germanii [History of contemporary Germany]. Ch. 2. Sankt-Peterburg, 1910. (In Russ.)

Galkin I.S. Sozdanie Germanskoi imperii [The Creation of the German Empire]. Moskva, 1986. (In Russ.)

Germanskaia istoriia v novoe i noveishee vremia [German History in modern and modern times] / pod red. S.D. Skazkina. T. 1. Moskva, 1970. (In Russ.)

Guerrier V.I. Leibnits i ego vek [Leibniz and his century]. T. 1. Sankt-Peterburg, 1868. (In Russ.)

Guerrier V.I. Natsional'naiia istoriografiia v Germanii [Germany national historiography] // *Istoricheskii vestnik* [The Historical Reporter]. T. 1. 1880. P. 567–593. (In Russ.)

Kotova E.V. Germanskii vopros vo vneshnei politike Avstriiskoi imperii v 1850–1866 gg. [The German question in the foreign policy of the Austrian Empire in 1850–1866] // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2021. T. 12. № 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016050-4-1/> (access date: 01.08.2022). (In Russ.)

Marveeva A.G. Nekotorye aspekty vnutrennei politiki Germanii perioda kantslerstva Kh. fon Gogenloe-Schillingfurst: ot "novogo kursa" k "mirovoy politike" (po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii) [Chancellor H.H. von Hohenlohe-Schillingfürst inner policy: some aspects of shift from the "New course" to the "world policy" (based on Foreign Policy Archive of the Russian Empire documents)] // *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2020. T. 11. № 7 (93). URL: <https://history.jes.su/s207987840010919-9-1/> (access date: 01.08.2022). (In Russ.)

Mikhailov M.I. Problema ob"edineniia Germanii v trudakh K. Marksa i F. Engel'sa [The problem of German unification in the works of C. Marx and F. Engels] // *Ezhegodnik germanskoi istorii* [Yearbook of the German History]. 1988. Moskva, 1991. S. 24–50. (In Russ.)

Narochnitskaia L.I. Rossiia i voiny Prussii v 60-kh godakh XIX v. za ob"edinenie Germanii "sverkhu" [Russia and the Prussian wars for the unification of Germany "from above" in the 60s years of the 19th century]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Novikova L.G. Pozitsiia Velikobritanii po voprosu ob"edineniia Germanii v 60-e – nachale 70-kh godov XIX v. [The position of Great Britain on the issue of the unification of Germany in the 60s – early 70s of the 19th century]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Obolenskaia S.V. Problemy obrazovaniia germanskoi imperii 1871 g. v osveshchenii sovremennoi burzhuaznoi istoriografii FRG [Problems of the formation of the German Empire in 1871 in the light of contemporary bourgeois historiography in the West Germany] // *Ezhegodnik germanskoi istorii*. 1987 [Yearbook of the German History. 1987]. Moskva, 1988. P. 204–225. (In Russ.)

Patrushev A.I. Germanskaia istoriia cherez ternii dvukh tysacheletii [German history through the thorns of two millennia]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Petrenko S.P. Germaniia v tret'ei chetverti XIX v.: put' k natsional'nomu edinstvu [Germany in the third quarter of the 19th century: way to the national unity] // *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Taganrog State Pedagogical Institute]. 2011. № 2. P. 274–280. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. Retseptsiia temy Germanskoi imperii v iubileinykh istoricheskikh narrativakh Rossii i Germanii v XX veke [Reception of the theme of the German Empire in the anniversary historical narratives of the 20th century] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. P. 91–100. (In Russ.)

Sergeev V.V. Angliia i ob"edinenie Germanii v 1848–1871 gg. [England and the unification of Germany in 1848–1871]. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Shneerson L.M. Avstro-prusskaia voina 1866 g. i diplomatiia velikikh derzhav (iz istorii germanskogo voprosa) [Austro-Prussian war 1866 and the diplomacy of Great Powers (from the history of the German question)]. Minsk, 1962. (In Russ.)

Trachevskii A.S. Germaniia nakanune revoliutsii i ee ob"edinenie [Germany on the eve of the revolution and its unification]. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)

Turygin A.A., Khabibova L.V. Prizrak 1866 goda i obrazovanie Germanskoi Imperii [The phantom of 1866 and creation of German Empire] // *Istoriia. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Policy]. 2019. № 2 (10). P. 36–42. (In Russ.)

Burg P. Die Triaspolitik im Deutschen Bund (Das Problem einer partnerschaftlichen Mitwirkung und eigenständigen Entwicklung des Dritten Deutschland) // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866 / Hrsg. von H. Rumpfer. Wien etc., 1990. S. 136–161.

Derndarsky M. Österreich und die deutsche Frage zwischen 1848 und 1866/71. Konzeptionelles Dilemma und situative Probleme der Donaumonarchie gegenüber Deutschland // Die Deutsche Frage im 19. Und 20. Jahrhundert: Referate und Diskussionsbeiträge eines Augsburger Symposions, 23. bis 25. September 1981. München, 1983. S. 63–90.

Fellner F. Perspektiven für eine historiographische Neubewertung des Deutschen Bundes // Deutscher Bund und deutsche Frage 1815–1866. München, 1990. S. 21–30.

Fuchs W.P. Die deutschen Mittelstaaten und die Bundesreform 1853–1860. Berlin, 1934.

Gruner W.D. Der Deutsche Bund. München, 2012.

Jürgens K.H. Die deutsche Politik Preußens und das Berliner Central-Preßbureau. Hildesheim, 1855.

Kreutzmann M. Föderative Ordnung und nationale Integration im Deutschen Bund 1816–1848. Die Ausschüsse und Kommissionen der Deutschen Bundesversammlung als politische Gremien. Göttingen, 2022.

Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.

Lexikon der deutschen Geschichte. Leipzig, 1882.

Mommsen W. Von der Pfordten ein Grossdeutscher? // Historische Zeitschrift. 1940. Bd. 162. H. 3. S. 551–556.

Müller J. Deutscher Bund und deutsche Nation 1848–1866. Göttingen, 2005.

Müller J. Harter Prexit. Der Austritt Preußens aus dem Deutschen Bund 1866 // Historische Mitteilungen. 2018. Bd. 30. S. 99–118.

Paller H. von. Der großdeutsche Gedanke: Seine Entstehung und Entwicklung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1928.

Ritter G. Großdeutsch und kleindeutsch im 19. Jahrhundert // Ritter G. Lebendige Vergangenheit: Beiträge zur historisch-politischen Selbstbesinnung. München, 1958. S. 101–125.

Srbik H.R. von. Deutsche Einheit in Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. Bd. 1–4. München, 1935–1942.

Treitschke H. von. Bundesstaat und Einheitsstaat // Treitschke H. von. Historische und politische Aufsätze. Leipzig, 1865. S. 444–595.

Weber R. Forschungen zur deutschen Geschichte 1849–1871 // Historische Forschungen in der DDR 1970–1980. Analysen und Berichte. Berlin, 1980. S. 169–185.

DOI: 10.31857/S013038640020724-4

© 2022 г. М.А. ЮСИМ

МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ О СУДЬБАХ РЕНЕССАНСНОЙ ИТАЛИИ

Юсим Марк Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; *ORCID:* 0000-0003-4040-5259

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XVI вв.: формы, динамика, результаты».

Аннотация. К началу XVI в. Италия была самой богатой, процветающей и передовой страной Европы, центром католического мира. Однако одновременно здесь развернулись войны соседних держав за господство на полуострове. С одной стороны, это парадоксальным образом способствовало обострению протонационального самосознания, подогреваемого и исторической памятью о былом величии Древнего Рима. С другой стороны, культурная и политическая обстановка требовала осмысления текущего момента и грядущих судеб страны. Наиболее ярко эта проблематика выразилась в сочинениях флорентинцев Никколò Макиавелли и Франческо Гвиччардини, в том числе и в их полемике по поводу того, пошло ли бы Италии на пользу объединение под эгидой одного из ее государств, какова была роль Церкви в истории страны, наконец, не предопределил ли ренессансный расцвет трагических событий начала Нового времени. Оба мыслителя были сторонниками республиканского устройства, но оба в силу обстоятельств были вынуждены сотрудничать с семейством Медичи, представители которого занимали папский трон в 20-х — начале 30-х годов XVI в. Макиавелли в знаменитом трактате «Государь» выражает надежду на объединение Италии под эгидой Медичи. Гвиччардини в своих «Заметках о делах политических и гражданских» и в комментариях к труду Макиавелли об «Истории Рима» Тита Ливия настроен более скептически, по его мнению, ренессансным расцветом Италия обязана своему полицентризму. Названные тексты хорошо известны, но по сей день их трактовка вызывает споры.

Ключевые слова: Италия, Возрождение, Макиавелли, Гвиччардини, Итальянские войны, республика, монархия.

M.A. Youssim

Machiavelli and Guicciardini on the Fate of Renaissance Italy

Mark Youssim, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: youssimm@mail.ru

Scopus Author ID: 57215208923; *ORCID:* 0000-0003-4040-5259

The article was prepared within the framework of the RNF project № 22-18-00481 “Intercultural communications in the Christian Mediterranean in the context of global challenges of the XIV–XVI centuries: forms, dynamics, results”.

Abstract. By the early sixteenth century Italy was the richest, most prosperous and advanced country in Europe, the centre of the Catholic world. Yet, it was the scene of wars fought by neighbouring powers for dominance of the peninsula. On the one hand, paradoxically, they contributed to a sharpening of

the proto-national consciousness, fuelled also by the historical memory of the former greatness of ancient Rome. On the other hand, the cultural and political situation called for a reflection on the immediate situation and the fate of the country. This problem was most clearly expressed in the writings of the Florentines Niccolò Machiavelli and Francesco Guicciardini, including their polemics on whether Italy would have benefited from unification under one of its states, the role of the Church in its history, and finally whether the Renaissance heyday foreshadowed the tragic events of the early modern period. Both thinkers were supporters of a republican order, yet both were forced by circumstances to collaborate with the Medici family. Machiavelli, in his famous treatise *The Prince*, expresses hope for the unification of Italy under the Medici; Guicciardini, in his *Maxims and Meditations* (Ricordi) and in his commentaries on Machiavelli's *History of Rome* by Titus Livy, is more sceptical; in his view, the Renaissance prosperity of Italy owed much to her polycentrism. These texts are well known and have been evaluated in various ways and are still controversial to this day.

Keywords: Italy, Renaissance, Machiavelli, Guicciardini, Italian Wars, Republic, Monarchy.

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!

Данте Алигьери. Божественная
Комедия. Чистилище, песнь VI, 76–78¹

Накануне Нового времени, т.е. к концу XV – началу XVI в., Италия оказалась ареной борьбы между соседними державами, прежде всего Францией и Испанией, за овладение ее территориями, а фактически за гегемонию в Европе. Исторические предпосылки этой борьбы восходят еще ко временам античности, когда Древний Рим расширил свою территорию и свое влияние до пределов тогдашнего европейского мира, сосредоточенного в рамках большого Средиземноморья. Распад Римской империи, образование варварских королевств, восстановление Западной империи и ее конкуренция с Византией не привели к уменьшению значения Италии, находившейся в центре Средиземноморья и издавна привлекавшей к себе внимание соседних народов, колонистов и завоевателей: греков, арабов, лангобардов, франков, норманнов и т.д. После перехода императорского титула к германским королям и одновременного усиления римских епископов, соединивших в своих руках духовную и светскую власть, Италия стала объектом соперничества пап и императоров в ходе так называемого спора за инвеституру.

В Италии, как и в соседних странах, с конца I тысячелетия наблюдался рост городов и локальных территориальных структур, и ввиду отсутствия сильной центральной власти к XIV–XV вв. здесь возникли относительно самостоятельные политические образования, крупнейшие из них: Королевство Неаполитанское, герцогство Миланское, республики Венеция, Генуя и Флоренция; к ним нужно причислить и папский Рим. Наступила эпоха формирования национальных государств путем объединения больших территорий в руках монархов; этот процесс сопровождался династическими распрями, внутренними и внешними войнами, становлением национального и гражданского самосознания. В Италии и в Германии он тормозился вследствие наличия средневековых универсальных центров, папства и империи. Однако в Италии, в силу ее античного наследия и быстрого развития городов, торговли и промышленности, новые тенденции проявились еще раньше, чем у соседей, и нашли свое самое заметное выражение в культурной сфере в виде идеологии Возрождения. Италия по-прежнему привлекала соседние народы как из-за своего богатства, так и культурных, исторических и политических связей.

¹ Ahi serva Italia, di dolore ostello,
nave senza nocchiere in gran tempesta,
non donna di province, ma bordello!
Пер. М.Л. Лозинского.

В Италии, и в первую очередь в колыбели Ренессанса Флоренции, новые тенденции не оставались незамеченными и осмысливались с точки зрения накопленного опыта благодаря наличию исторической традиции, но также и в силу растущих угроз для независимости всего Апеннинского полуострова и его отдельных частей. Разразившиеся в конце XV в. Итальянские войны привели к доминированию на нем Испании и к заметному снижению политического веса Италии на европейской шахматной доске. Тем не менее именно в этот поворотный момент итальянцам было суждено внести свой важнейший вклад в культурную копилку человечества, не уступающий по значению творениям греков и римлян, начиная от поэтов Данте и Петрарки и заканчивая ренессансными гуманистами. В области политической мысли пальма первенства принадлежит флорентинцам Макиавелли и Гвиччардини, оставившим потомкам образчики исторических сочинений и трактатов о государственном искусстве. В данном случае речь пойдет об их размышлениях над судьбами родного города и Италии в целом, что было одним из главных мотивов их творчества. Эти размышления, оставаясь в границах своей эпохи, предвосхищают государственные теории Нового времени и вместе с тем представляют собой поиски выхода из сложившейся кризисной ситуации для отдельного гражданина и страны в целом².

Можно ли говорить о развитии или хотя бы зарождении национальной итальянской мысли применительно к началу XVI в.? В XIX в., в эпоху Рисорджименто, замечательный историк литературы Франческо Де Санктис пишет о Макиавелли как о настоящем итальянском патриоте, а Гвиччардини осуждает за приспособленчество³. Многие вопросы, оставшиеся нерешенными в эпоху Возрождения, сохранялись в повестке дня и 300 лет спустя, хотя и Италия, и мир стали другими.

Влияние и политический вес Католической церкви ослабли, хотя, начиная с Контрреформации, она сумела несколько укрепить пошатнувшиеся позиции: в этом смысле Католическая реформа, как и Реформация и Возрождение, стала одним из общеевропейских движений обновления «средневекового типа» путем «возврата к началу», о котором писал в свое время Макиавелли⁴.

Церковь оставалась одним из препятствий на пути формирования общеитальянского государства, и проблема получила решение только в XX в. с заключением Латеранских соглашений и созданием независимого Ватикана. В начале XVI в. ренессансное папство могло рассматриваться современниками и как помеха для объединения страны, и как средство для него: Макиавелли говорит о том, что ренессансные папы сами не могут

² О взаимоотношениях Макиавелли и Гвиччардини, а также литературной полемике второго с первым см.: *Cutinelli-Rendina E. Guicciardini Francesco // Enciclopedia machiavelliana. Roma, 2014. P. 685–694* (с библиографией).

³ «Отбросив все сверхчеловеческое, все сверхъестественное, Макиавелли кладет в основу жизни родину. Назначение человека на земле, его первейший долг — это патриотизм, забота о славе, величии, свободе родины. ... Макиавелли... предлагает создать крупное итальянское государство, которое служило бы оплотом против всякого иноземного вторжения. Таким образом, идея родины в его понимании расширяется. Родина — это уже не небольшой город-коммуна, а вся нация». О Гвиччардини: «Если Франческо Гвиччардини сумел вернее оценить и точнее почувствовать положение Италии, то только потому, что совесть его к тому времени умолкла, окаменела». *Де Санктис Ф. История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964. С. 76, 83* (1-е итал. изд. 1870–1871). О национальной проблеме в середине XIX в. в Италии и о критических оценках Гвиччардини в этом контексте: *Bondanella P. Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature // Annali d'Italianistica. 1984. Vol. 2. P. 7–8.*

⁴ «Способ обновления заключается... в возврате к первоначальному состоянию. Всякое учение, всякая республика и всякое царство поначалу необходимо содержат в себе некое благо, с помощью которого они делают первые успехи и первые приобретения. Но поскольку с течением времени это благо подвергается порче, то, если не вернуть его в прежние рамки, оно неизбежно погубит все тело». *Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Кн. III. Гл. 1 (Machiavelli N. Tutte le opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 2018. P. 567).*

создать собственное прочное государство и не дают этого сделать другим⁵, и вместе с тем он питает надежду, что благодаря избранию Льва X и Климента VII семейство Медичи станет мотором объединительного движения и освобождения Италии от «варваров»⁶. Антиклерикализм Возрождения, широко распространенный среди интеллектуалов и затронувший даже церковные и околоцерковные круги⁷, входил в противоречие с привязанностью итальянцев к Римской церкви как собственной национальной. Тенденция к образованию национальных церквей вылилась в этот период в заключение конкордатов папства с локальными властями (Вормский конкордат, Болонский конкордат), что не предотвратило, впрочем, протестантского раскола в Западной церкви. В Италии эти процессы обусловили внешнюю противоречивость в высказываниях и действиях рассматриваемых здесь флорентийских политических писателей. Франческо Гвиччардини в «Записках» признается в том, что «полюбил бы Лютера как самого себя», если бы не был связан службой папам⁸. Здесь давал себя знать и местный флорентийский и общетальянский патриотизм, не говоря и о личных интересах, которые нельзя сбрасывать со счетов. Однако не стоит преувеличивать роль корыстных интересов в поведении как Гвиччардини, так и Макиавелли и тем более механически переносить критерии более близких к нам эпох на оценки далеких. Личная вера и представления о боге, усвоенные с детства и диктуемые социальной средой, могли уживаться со свободным теоретизированием на эти темы в той или иной форме, а также с мыслями и поступками, диктуемыми исторической и политической конъюнктурой. Суждения о взглядах Макиавелли на этот счет противоречивы, но особенно характерен пример Гвиччардини, который был воспитан в благочестивом

⁵ «Первое, за что мы должны благодарить церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще за нечто большее, в нем вторая причина нашей гибели, — дело в том, что церковь держала и продолжает держать страну разобщенной. А единство и благополучие невозможны, если страна не подчиняется одной республике или одному государю, как во Франции и в Испании. В Италии же этого не произошло, правление одной республики или одного государя не установилось только из-за церкви: находясь здесь и имея в ней светские владения, она не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить свою тиранию и стать во главе Италии, но и не была столь слаба, чтобы, из страха потерять светские владения, не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии». *Макиавелли Н.* Рассуждения... Кн. I. Гл. 12 (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 351).

⁶ «Трудно выразить, с какой любовью был бы он встречен жителями тех областей, которые пострадали от нахлынувших захватчиков, с какой жадной возмездия, упованием, верой, слезами! Какие двери не открылись бы перед ним? Какой народ отказал бы в подчинении? Чья зависть ему бы помешала? Кто из итальянцев не пошел бы за ним? Всем претит господство варваров. Пусть ваш сиятельный дом приступит к исполнению этого долга с той твердостью и надеждой, с какой приступают к праведным деяниям, тогда под его стягом возродится достоинство Родины и с его помощью исполнятся слова Петrarки:

Доблесть против смуты
Вооружится для недолгой брани,
Ведь срывает пути
Храбрость, что живет в итальянском стане».

Макиавелли Н. Государь. Гл. 26 (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 904).

⁷ Достаточно вспомнить такие разные феномены, как творчество гуманистов, в XV в. тесно связанных с римской курией (например Лоренцо Валлу, разоблачавшего «Константинов дар»), предреформационные проповеди Дж. Савонаролы, движение евангелистов (кардинал Г. Контарини и его единомышленники фактически принимали тезис об «оправдании верой») — впоследствии ряд деятелей этого направления перешел в протестантизм; вообще критику испорченности церковных порядков и призывы к их исправлению, раздававшиеся с разных сторон.

⁸ «Высокое положение, которое я занимал при нескольких папах, заставило меня любить их величие ради моего собственного интереса; не будь этого, я любил бы Мартина Лютера как самого себя, не для того, чтобы избавиться от правил христианской религии, как она обычно толкуется и понимается, а ради того, чтобы видеть, как скрутят эту шайку злодеев, т.е. как им придется или очиститься от пороков, или остаться без власти». *Гвиччардини Ф.* Сочинения / под ред. А.К. Дживелегова. М.; Л., 1934. С. 119–120. «Сочинения» Гвиччардини цитируются по этому русскому изданию, за исключением «Истории Италии» и «Замечаний на “Рассуждения” Макиавелли о Тите Ливии».

духе (его отец Пьеро симпатизировал Савонароле, однако отказался от духовной карьеры для сына — тот мог унаследовать епископскую кафедру от дяди, что было в обычаях того времени, — именно из нравственных побуждений, потому что «дела церкви были сильно запущены»⁹). Франческо Гвиччардини, по всей видимости, всегда оставался человеком искренне верующим, что не мешало ему высказывать достаточно крамольные с точки зрения ортодоксии мысли.

Похожая коллизия существует в вопросе о политических пристрастиях Макиавелли и Гвиччардини: общепризнанными являются их республиканские взгляды, но практика жизненного пути обоих, на первый взгляд, противоречит такому тезису. Здесь также, безусловно, нужно исходить из принципа историзма и для начала сделать отступление о том, каковы были представления о республиканизме и монархизме, и вообще о государственности в эпоху Возрождения.

Идея государства как института, существующего в разные эпохи у разных народов и в разных формах, обсуждалась с античных времен, в частности в трудах Платона и Аристотеля¹⁰. В переходный период от Средних веков к Новому времени одним из первых понятие «государство» в таком значении ввел, как издавна считали некоторые историки и политологи, именно Макиавелли¹¹, рассуждавший об *arte dello stato* («государственном искусстве») и о его истоках в человеческом обществе¹². Такое достаточно отвлеченное значение слова *stato* было связано с его пониманием как «владения», т.е. с собственностью на определенную территорию, которая в Средние века предполагала и набор определенных политических прав: права ведения войны, суда, иногда распоряжения имуществом и даже жизнями подданных. Эта патриархально-феодалная идея государства¹³ была привязана к единоличной, монархической форме правления уже в силу того, что собственность сама по себе является отношением между вещью и индивидом, будь то индивидуальный или коллективный субъект. При этом феодальная собственность как раз имела иерархическую структуру и в некотором именно политическом смысле была распределенной¹⁴.

⁹ «Хотя у Пьеро было пять сыновей, он ни за что не хотел, чтобы кто-нибудь из них был священником, так как считал дела церкви сильно испорченными /*transcorse*/ и предпочитал отказаться от крупной выгоды и от надежды сделать из своего сына великого магистра, чем брать на свою душу грех, что он сделал сына священником ради денег или тщеславия; такова истинная причина, его побудившая, а мне пришлось с этим примириться, насколько я мог» (*Гвиччардини Ф.* Сочинения. С. 307). В цитате, приведенной в тексте, я использовал слово «запущенные» вместо «испорченные» дела — имеется в виду отсутствие порядка и разложение в Церкви. Богатая и влиятельная семья Гвиччардини могла отказаться от такого выгодного варианта и позволить себе выбор юридической карьеры для отпрыска, у Макиавелли же было иначе: его семья держалась за место приходского священника, приносящее хоть небольшой достаток (см. о патронате семьи над церковью Сант-Андреа в Перкусине: *Коннелл У.Дж.* Когда Макиавелли написал «Государя»: хронология начала и окончания работы // *Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны.* М., 2013. С. 44–55, 73). Впрочем, Гвиччардини все равно сделал карьеру на службе папам, хотя и в качестве светского лица.

¹⁰ Они же написали важнейшие труды, осмысливающие роль, функции и типы государств, заложившие основы «политики» и науки о ней: «Государство» (Πολιτεία) Платона и «Политика» (Πολιτικά) Аристотеля.

¹¹ *Еллинек Г.* Право современного государства. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1908. С. 95 (Первое нем. изд. 1900). Также см.: Понятие государства в четырех языках / под ред. О.В. Хархордина. СПб., 2002; *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 400 (Прим. 24 к гл. 1).

¹² О своих занятиях «государственным искусством» (*l'arte dello stato*) Макиавелли упоминает в письмах к Франческо Веттори 9 апреля и 10 декабря 1513 г. См.: *Inglese G.* *Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie.* Roma, 2006. P. 150–155.

¹³ См.: От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2020. Вып. 10 (96).

¹⁴ Средневековые правоведы разрабатывали теорию «разделенной собственности», см.: *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. М., 2004, §15–17; *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 128–129.

Монархическое начало в идее государственного суверенитета выражалось и терминологически: итальянское слово «синьор» (французский и испанский варианты «сеньор» от лат. «сениор», букв. «старший») соответствует русскому «господин», а суверенная власть обозначалась как «синьория», таково было название флорентийского республиканского правительства. И то, что эта власть осмысливалась как некое подобие монархической, доказывается, например, словами хрониста начала XIV в. Дино Компаньи: «Коммуна была синьором»¹⁵. Ведь синьорами были и феодальные сюзерены ранних городов, графы или епископы, синьорами называли и приглашенных туда извне и не замешанных во внутригородских партийных расприх правителей, наконец, тех «тиранов», которые с определенного времени стали захватывать власть в коммунах Средней и Северной Италии. В русских реалиях этому феномену соответствуют такие словоупотребления, как «господин», «господарь» в отношении Новгородской и Псковской республик, не случайно Гильбер де Ланнуа называл Новгород «синьорией»¹⁶. Наряду с таким пониманием государства, ориентирующимся на образ семьи, где властью над неразумными детьми располагают родители — обычно отец, существовало и другое — общинное, «демократическое», порожденное, возможно, «первобытным равенством», если оно было, и в античную эпоху развивавшееся параллельно с ростом городов. Надо сказать, что именно оно породило идею права, как и идею «общего блага», республики («общего дела») и в определенном смысле идею о существовании «государства» вообще как учреждения, порождаемого объективными обстоятельствами, общественными потребностями, в некоторых теориях — общественным договором в противовес представлению о великих основателях, демиургах, но также и реально существовавшим монархиям и деспотиям древности. Именно это «демократическое» понимание идеи государства породило такие термины, как «политика», «полития», «политический», этимологически вытекающие из греческого слова «полис», т.е. город (а оно выражает идею разнообразия, множества, передаваемую наречием «много», πολύ).

Еще раз стоит подчеркнуть, что речь идет об эпохах, когда абстрактная идея государства как института публичной власти, источника и гаранта права еще формировалась, и в соответствии со схемой развития мышления вообще от конкретного к абстрактному¹⁷ она опиралась на два главных типа имевшихся в наличии государственных форм, единоличной и распределенной или разделенной власти, монархии и республики в греко-римском лексиконе. Но в чистом виде таких форм нигде и никогда не существовало, их элементы переплетались. Все это пространное рассуждение клонится к тому, что во времена Макиавелли и Гвиччардини исторически выработанные представления о различии монархической и республиканской формы правления, разумеется, существовали и осмысливались, но подходить к вопросу о том, чему эти писатели отдавали предпочтение, с позиций Великой французской революции или Рисорджименто, было бы неправильно.

Существовали теории о чередовании хороших и дурных форм: монархии — тирании, аристократии — олигархии, народовластия — анархии или охлократии, об их переходе друг в друга, о желательности сочетать все формы в том или ином виде, как в Венеции. Наконец, о биолого-географическом соответствии форм правления «темпераментам» народов, о чем писал и Гвиччардини¹⁸. Все это нужно иметь в виду, когда снова и снова поднимается вечный вопрос о политических симпатиях и антипатиях флорентийских политиков и мыслителей. И Макиавелли, и Гвиччардини, безусловно, симпатизировали

¹⁵ Компаньи Д. Хроника событий, случившихся в его время. М., 2015. С. 35 (кн. II, гл. 18).

¹⁶ “Et est une ville franche et seigneurie de commune, sy ont ung évesque, qui est comme leur souverain”. На русский язык это переведено здесь так: «Это свободный город, имеющий общинное управление. Епископ является как бы их государем» (Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et ambassades рыцаря Гильбера де Ланнуа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7. С. 50 и прим. 22).

¹⁷ См., например: Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2005. С. 818.

республиканскому строю, как, впрочем, и все флорентинцы, в том числе и члены семейства Медичи до определенного времени. Здесь дает себя знать преимущество, но и, если можно так выразиться, проклятие историка — он осведомлен о том, чем кончились баталии и коллизии прошлого, но это же заставляет его вольно или невольно переносить свое знание на это прошлое, приписывая ему мнения и суждения, которых тогда не было и быть не могло.

В конце XV в. все понимали, что Медичи — наиболее вероятные претенденты на установление в республиканской Флоренции такой же «тирании» или синьории, как в Милане, Болонье или в свое время в Падуе, Вероне и т.д., но Медичи шли к этому осторожно и постепенно, и никто тогда не знал, чем закончится этот процесс. Их изгоняли, против них устраивали заговоры, и сами Медичи по меньшей мере в своих декларациях утверждали, что не покушаются на городскую свободу и что обвинения и прочие антимакиавеллиевские меры нарушают их гражданские права. Более того, одна из ветвей семейства носила имя «пополанской», т.е. была приверженной делу народа, и парадокс в том, что первый герцог Тосканский, Козимо Медичи, оказался выходящим именно из нее.

Все это в той или иной степени объясняет позиции и мнения Макиавелли и Гвиччардини в конкретных исторических обстоятельствах их времени, в частности, то, почему между главными трудами Макиавелли, «Государем» (1513–1515 гг.) и «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия» (1519 г.), нет противоречия и почему неверно говорить о его колебаниях между республиканизмом и монархизмом. «Государь», несомненно, был написан в связи с тем, что Макиавелли оказался не у дел и хотел вернуться на службу Флоренции, которой теперь управляли «эти синьоры Медичи». По типу это было скорее монархическое правление, хотя и полуофициальное, опирающееся на власть понтифика Медичи, кстати сказать, тоже не чисто монархическую — папу избирали, его правление было пожизненным и не передавалось по наследству. Своего рода тоже смешанная форма, и Макиавелли не собирался предлагать папам Медичи сделать ее наследственной, понимая, что само по себе папство является помехой на пути объединения Италии. Имея в виду такое объединение, он опирался на свежий исторический опыт семьи Борджиа: Чезаре Борджиа с помощью своего биологического и духовного отца, папы Александра VI, попытался создать собственное королевство в области Романья, формально входившей во владения Церкви. Кстати, Медичи, которые как будто и не заметили поднесенного им бывшим флорентийским секретарем подарка в виде трактата «Государь», в 1516–1519 гг. попытались осуществить заложенную в нем идею, причем в той же Романье, начав с герцогства Урбино. Однако герцог Урбинский Лоренцо ди Пьеро, лишь недавно обретший этот титул, сильно проигрывал Чезаре Борджиа, и затея закончилась ничем.

¹⁸ «Вследствие несчастливой судьбы Италии или физической конституции ее жителей, наделенных умом и силой, ее всегда было нелегко подчинить единой власти (*imperio*), даже когда Церковь еще отсутствовала. Более того, Италии всегда было присуще естественное стремление к свободе, и я не думаю, что кто-то когда-то владел всей страной, кроме римлян, подчинивших ее с помощью великого мужества и великой жестокости». *Гвиччардини Ф.* Замечания на «Рассуждения» Макиавелли о Тите Ливии. Замечания к главе 2 кн. I. Перевод сделан по электронной публикации: *Guicciardini F. Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio*, которое основано на издании: *Guicciardini F. Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933.* Полную цитату см. ниже, ср. прим. 28. Это место обычно трактуется как сомнение Гвиччардини в идее национального единства: «в “Замечаниях на “Рассуждения” Макиавелли” Гвиччардини оспаривает тот факт, что национальное объединение является целью, предпочтительной перед сохранением равновесия между различными существующими политическими образованиями, и высказывает мнение, что независимое развитие отдельных городов и синьорий, будучи источником экономического благосостояния, также больше соответствует древним обычаям итальянцев (in “Considerations on the Discourses of Machiavelli”, *Guicciardini* contested the fact that the national unification is a better goal, preferred to the balance between the various existing political entities, and sustained the fact that the autonomous development of the various cities and signorie, besides being the source of the economic well-being, corresponded better to the ancient customs of the Italians)». *Călina N., Grozoiu L.M. On Francesco Guicciardini’s Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. P. 260–261.*

В «Государе» Макиавелли преследовал несколько целей: дать Медичи наставление в том, как создать собственное «новое правление» в Италии; вернуться на службу, пусть бы даже ему дали «камни катать»; излить свои теоретические мысли и наблюдения в области политики — тут он преуспел больше всего, как выяснилось, увы, уже после его кончины; наконец, наметить путь освобождения Италии от «варваров»: немцев, французов-галлов, даже испанцев. И здесь Макиавелли проявляет себя прозорливым историком, он понимает, что соседние народы идут к национальной (или протонациональной) независимости через сильные монархии; таков был и путь к объединению Италии и Германии три века спустя, в XIX в. Сближение с Медичи для Макиавелли началось только тогда, когда фактическим правителем Флоренции после смерти Лоренцо, герцога Урбинского, в 1519 г. стал кардинал Джулио, с 1524 г. папа Климент VII. Оставаясь на протяжении шести лет не у дел и испытывая понятное чувство уязвленного самолюбия, Макиавелли написал свой самый большой трактат «Рассуждения» в виде комментариев к труду Тита Ливия, снова обобщая уроки древних и политический опыт современности, но в нем содержатся те же положения, что и в «Государе», однако изложенные более пространно и обстоятельно. Есть даже предположение, что автор начал писать «Рассуждения» в 1513 г., но затем прервался для сочинения «Государя» (*De Principatibus*), ведь в тексте последнего есть отсылка к «Рассуждениям»¹⁹. Более того, основные идеи обоих трактатов были набросаны Макиавелли еще в 1506 г. в так называемых «Фантазиях, адресованных Содерини» (*Ghiribizzi al Soderini*), где он рассуждает о том, что к успеху могут вести разные пути, о судьбе, о том, что она благоволит к молодым и напористым, и т.п.

В своих теоретических трудах Макиавелли постоянно сравнивает монархический образ правления и республиканский, точнее, государя и народ (третья политическая сила на публичной сцене — знать). Он обсуждает, кто из этих двух возможных носителей власти разумнее в суждениях, кто неблагодарнее, кто более изменчив и т.д., и часто встает на сторону народа, не забывая отметить, что его мнение нетрадиционно. Но не это главная забота Макиавелли-теоретика, он считает, что как государь-тиран, так и распущенный народ — враги «политического» образа жизни (*vivere politico*)²⁰ и по сути враги свободы, хотя свобода ассоциируется с республиканским устройством. Но если государь соблюдает законы, то его власть вполне приемлема. И в трактате «Государь», и в «Рассуждениях» речь идет вполне в ренессансном духе о разнообразии ситуаций. При основании государства предпочтителен герой-одиночка, предпочтительна единая воля, собственно, первый из этих текстов целиком посвящен действиям «нового государя»: как он приобретает власть, как может ее удержать. Более пассивный, чем государь, «народ» больше заботится о своей «свободе» и о ее сохранении. При этом правитель должен рассматривать народ как материю, для которой приемлема определенная форма: «развращенный» народ нуждается в укрощении, и свобода, республиканская форма для него непригодна. Для нее требуется народ, привычный к свободе и демократическим формам правления, каков был до определенного времени народ римский. Что до основателя, тот должен быть готов к жестоким поступкам, включая братоубийство по примеру Ромула и сыноубийство (история с сыновьями Брута после изгнания римских царей)²¹. На такие поступки способен скорее дурной человек, заботящийся о своей корысти, поэтому случается очень редко, чтобы добродетельный правитель заложил основы государственной жизни, а затем

¹⁹ «Я оставлю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте». *Макиавелли Н.* Государь. Гл. 18. (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 806). В «Рассуждениях» (кн. II, гл. 1), в свою очередь, есть упоминание о «Государе» (*nostro trattato de' Principati*) (*Ibid.* P. 464).

²⁰ Выражение *vivere politico*, которое можно перевести также как «гражданское общежитие», Макиавелли относит и к республике, и к монархии, противопоставляя им тиранию. См.: *Рассуждения.* Кн. I. Гл. 25.

²¹ *Макиавелли Н.* Рассуждения... Кн. I. Гл. 9, 16.

удалился от дел²². Такова вкратце схема²³, на основании которой Макиавелли выстраивал свою идею об освобождении Италии через ее монархическое (но, возможно, и не обязательно монархическое) объединение, — если бы нашлся благородный герой, подобный древним римлянам, который подчинил бы себе все разрозненные итальянские земли, а затем отказался от диктатуры, это был бы наилучший вариант. Но сам Макиавелли, очевидно, понимал, что такое строительство воздушных замков утопично, тем более что сам он заявляет в «Государе», что ищет «настоящей правды вещей» и воображаемых республик не описывает²⁴. Таким образом, его планы основывались на компромиссе между желаемым и действительным.

Еще более критически относился к этим планам младший и более влиятельный современник Макиавелли Франческо Гвиччардини, который мыслил сходным с ним образом, имея похожий культурно-исторический и политический умственный багаж, но при этом критиковал своего друга и коллегу за склонность к отвлеченным рассуждениям²⁵, — Гвиччардини был еще сильнее привязан к «разнообразию»²⁶. Во времена Коньякской лиги оба политика вместе работали фактически на осуществление описанных выше далеко идущих планов под эгидой папы Климента VII Медичи в союзе с французами (которые в итоге ничем не помогли) против испано-габсбургского блока императора Карла V. Эта попытка привела к краху папы, разграблению Рима в мае 1527 г. и изгнанию Медичи из Флоренции. Для Макиавелли не нашлось места в восстановленной республике, но скорее всего не из-за сотрудничества с ненавистными синьорами, потому что при новом достаточно умеренном правительстве (как и прежде при реставрации Медичи в 1512 г.) многие чиновники продолжили с этим правительством работать. Макиавелли был слишком неудобным и слишком самостоятельным политиком. Через месяц он умер. Гвиччардини постепенно отдалялся от республиканских властей по мере их радикализации и обострения конфликта с папой, примирившимся с императором. Во Флоренции он оставался не у дел и, как некогда его приятель, обратился к литературному творчеству. Ухудшение политической ситуации объясняет нарастание пессимизма в его сочинениях и усиление критических интонаций по отношению к тезисам Макиавелли, в частности в написанных Гвиччардини примерно в 1528–1529 гг. «Замечаниях на “Рассуждения” Макиавелли о Тите Ливии». Было бы неправильно, однако, толковать их исключительно на основании но-

²² Там же. Гл. 18. «Так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели, и злодей, став государем, начал творить добрые дела — ему никогда не взбредет на ум употребить во благо власть» (*Machiavelli N. Tutte le opere...* P. 368).

²³ Позднее возникла еще одна версия толкования «Государя» как скрытой сатиры на «тиранов»; почву для нее создали некоторые действительно двусмысленные с точки зрения универсальной морали положения трактата, связанные с двойственной природой государства (государь — кентавр, иногда действующий в соответствии с человеческими законами, иногда подражающий зверям, льву и лисице). Сам Макиавелли, обидевшийся на Медичи, давал, по слухам, повод для подобной трактовки: «Никколо Макиавелли поднес [Лоренцо ди] Пьеро Медичи свою книгу “Государь”. К несчастью для него, в это же самое время Лоренцо была подарена пара охотничьих собак, и он высказал этому дарителю большую благодарность и говорил с ним более дружелюбно, чем с Макиавелли. Поэтому Макиавелли ушел оскорбленным. И он как-то сказал в кругу друзей, что сам он не из тех, кто устраивает заговоры против правителей, но все же, если [Медичи] будут следовать его наставлениям [в “Государе”], то они познакомятся и с заговорами. Он имел в виду, что книга отомстит за него». *Machiavelli N. Lettere familiari* / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883. P. XIV, см. также: *Коннелл У.Дж.* Указ. соч. С. 70–71.

²⁴ *Макиавелли Н.* Государь. Гл. 15.

²⁵ О взаимоотношениях и полемике двух политических писателей см. статью: *Cutinelli-Rendina E.* Op. cit. P. 685–694 и приведенную в ней библиографию (p. 693–694).

²⁶ О стремлении к «разнообразию» (*varietà*) в ренессансной культуре писал Л.М. Баткин: «Люди культуры Возрождения... не обсуждали проблем личности, но их интересовало “разнообразие”. ... Всеобщность выступает как “разнообразие”, замещается им, восходит к нему» (*Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 48, 81).

вой конъюнктуры, поскольку Гвиччардини, пусть и под ее влиянием, предлагает несколько иной взгляд на итальянскую ситуацию того времени. Сегодня мы, разумеется, по-своему размышляем над тем, что было предопределено и что было возможно, что было неизбежно и что можно было исправить, — историки, как говорилось выше, знают, «чем кончилось». Но ставить такой вопрос они, как и современники событий, должны, иначе без такого «согласительного наклонения» в истории она теряет свой смысл как наука, да и как рассказ.

Гвиччардини размышляет довольно осторожно, гипотетически, как теоретик: «Однако я не знаю, послужило ли отсутствие монархии (*monarchia*) процветанию или неблагополучию нашей страны (*provincia*), ибо если бы владычество одной из республик (*una republica*) могло принести Италии славу, а этому городу благоденствие, то другим всевозможные несчастья, потому что, находясь в его тени, они никогда не достигнут величия, ведь республики не делятся плодами своей свободы и власти ни с кем, кроме собственных граждан»²⁷.

И хотя Италия, разделенная на множество владений, претерпела в разные времена немало бедствий, которых при едином правителе, возможно, и не испытала бы (но нашествия варваров пришлось большей частью на пору Римской империи), тем не менее за все эти многие годы в ней появилось столько цветущих городов, сколько при единой республике не было бы.

Поэтому, я полагаю, монархия принесла бы Италии скорее неприятности, чем счастье. Этот довод не имеет силы в случае с королевством, где все подданные более или менее равны, поэтому Франция и многие другие страны (*provincie*) при короле благоденствуют, однако вследствие несчастливой судьбы Италии или физической конституции ее жителей, наделенных умом и силой, ее всегда было нелегко подчинить единой власти (*imperio*), даже когда Церковь еще отсутствовала. Более того, Италии всегда было присуще естественное стремление к свободе, и я не думаю, что кто-то когда-то владел всей страной, кроме римлян, подчинивших ее с помощью великого мужества и великой жестокости. Но после того, как республика утасла и императоры лишились былой доблести, власть в Италии была утрачена»²⁸. В качестве объяснения такой неординарности Италии Гвиччардини приводит здесь уже упоминавшийся выше географически-натуралистический довод о темпераменте ее жителей.

В воображаемой обвинительной речи в собственный адрес, написанной юристом Гвиччардини на досуге примерно тогда же, нотки раздражения и разочарования звучат сильнее: «Не наше дело было предписывать законы Италии, не нам быть учителями и цензорами и решать, от кого Италия должна избавиться; нечего нам было вмешиваться в споры между величайшими королями христианского мира; нам следовало быть в ладу со всеми, дабы наши купцы, которыми мы только и живы, могли безопасно путешествовать

²⁷ Эту последнюю мысль Макиавелли развивает в комментируемой Гвиччардини главе «Рассуждений»: «Но из всех видов жестокого рабства жесточайшее то, которое на тебя налагают республики. Во-первых, потому, что оно более продолжительно и не оставляет надежды на спасение; во-вторых, потому, что цель республики — истощить и вытянуть все соки из других тел, чтобы напитать свое собственное. Покоривший тебя государь не станет так поступать, если это не варвар, стирающий с лица земли страны и рассеивающий все человеческие сообщества, каковы восточные владыки» (*Макиавелли Н.* Рассуждения. Кн. II. Гл. 2; *Machiavelli N.* Tutte le opere... P. 470—471).

²⁸ *Гвиччардини Ф.* Замечания на «Рассуждения»... А.К. Дживелегов в своем предисловии к изданию «Сочинений» Ф. Гвиччардини 1934 г. дает собственный перевод части этого отрывка со следующим примечанием: «Я сгладил, чтобы не пришлось долго комментировать, разграничение между монархией и республикой, проводимое здесь Гвиччардини и не имеющее значения для его основной мысли». *Дживелегов А.К.* Предисловие // Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 51. Но здесь интересно как раз словоупотребление слова «республика» в качестве синонима «государства». Начав фразу с упоминания о монархии, он переходит к терминам «город» и «республика», таким образом, монархия выступает в качестве одной из форм управления государством («городом», «республикой») — одна из итальянских республик, подчинив себе остальные, выступила бы в роли единоличной правительницы, монархии.

Здесь речь идет прежде всего о родной для Макиавелли и Гвиччардини Флоренции, которая стала бы неформальной, а скорее всего и формальной монархией Медичи, но на роль объединительницы, возродившей древнюю империю, могла претендовать и Венеция.

повсюду»²⁹. (Но следует иметь в виду, что это все-таки доводы воображаемого обвинителя, — кроме этого текста, сановник папы написал еще и защитительную и утешительную речи: *Accusatoria, Difensoria, Consolatoria*).

Как бы то ни было, в приведенных цитатах мы находим две точки зрения современников на пути возможного объединения Италии в начале XVI в., вероятно, экстраполируемые и на будущее, т.е. имеем дело с некоторым «протонациональным дискурсом», как принято говорить в сегодняшней научной литературе.

В отечественной историографии вопрос о взглядах Макиавелли и Гвиччардини на объединение Италии разбирал В.И. Рутенбург. Он считал, что у первого из них не было конкретного плана, а лишь призывы к установлению сильной власти, в то время как второй развивал более приземленные идеи. «Проект конфедерации итальянских государств имел, казалось, более реалистические основания, чем объединение их в единое централизованное государство типа абсолютистской Франции. Гвиччардини, выступивший в XVI в. за конфедерацию как тип государственного устройства Италии, проявил немалый политический реализм. ... Исторический опыт показал, что фактически именно такого типа объединение и произошло в XIX в. и что поныне Италия переживает процесс эволюции страны от конфедерации к полному объединению»³⁰. Макиавелли же, по мнению В.И. Рутенбурга, определил ту форму, которая указывала разобщенным итальянским государствам путь к единству — региональный абсолютизм. «Практическим же путем к объединению стала не олигархическая республика, предлагавшаяся Гвиччардини для Флоренции ... а региональные абсолютистские государства типа созданного Медичи Великого герцогства Тосканского, как относительно более прогрессивная форма государства, гарантировавшая ему в XVI—XVII вв. относительно более прогрессивную политическую независимость и экономическое развитие. ... Гвиччардини предугадал конфедеральное развитие Италии, Макьявелли открыл реальную форму итальянских государств для XVI—XVII вв.»³¹. Эти тезисы достаточно противоречивы, во-первых, потому, что объединительницей Италии стала все-таки монархия, как и в других странах Европы, а во-вторых, поскольку Макиавелли, как было сказано выше, принимал такой компромиссный политический вариант именно в надежде на обретение единства, и Гвиччардини до определенного времени не просто разделял эту идею, но и активно работал вместе со своим другом над ее воплощением.

Однако здесь нас интересует развитие мысли Гвиччардини в дальнейшем, *post res perditas*, когда он на досуге обратился к литературному творчеству и подверг критике концепцию Макиавелли, о чем свидетельствуют его «Замечания» к «Рассуждениям» последнего (см. выше и прим. 25). Разумеется, в начале XVI в. он не мог знать, как и когда Италия придет к новому объединению, хотя универсальным примером тогда могла служить и служила античная Римская империя. Он не мог знать, какое значение будут придавать потомки эпохе Возрождения, как и о том, что в разное время будут выдвигаться проекты новых Римов: второго, третьего или четвертого. Для Гвиччардини Рим был один и продолжал существовать пусть и в не столь величественном виде. Говорил ли он о «конфедерации»? Монументальный труд Гвиччардини «История Италии» начинается с рассуждения о политическом состоянии страны к концу XV в.: «Поскольку Фердинанд [Неаполитанский], Лодовико [Моро] и Лоренцо [Медичи Великолепный] в силу отчасти сходных, отчасти различных причин питали одинаково мирные намерения, оборонительный союз, заключенный от имени короля Неаполитанского Фердинанда, герцога Миланского Джован Галеаццо и Флорентийской республики, удавалось поддерживать без труда. Этот союз, существовавший уже много лет назад, а затем по разным причинам распавшийся, был возобновлен в тысяча четыреста восьмидесятом году на двадцать пять лет при участии почти всех второстепенных властителей Италии. Главной его целью было не допустить усиления венецианцев, каковые были, несомненно, сильнее каждого из членов союза, но намного

²⁹ Гвиччардини Ф. Сочинения. С. 470. Любопытно, насколько хорошо Гвиччардини понимает экономическую природу флорентийского процветания.

³⁰ Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. СПб., 1991. С. 96—97.

³¹ Там же. С. 97.

слабее всех их в целом и не следовали общей линии; они рассчитывали на разлад и ссоры среди союзников и ожидали удобного случая, который расчистил бы им путь к овладению всей Италией»³². Словом «союз» здесь переведено итальянское *confederazione*, чтобы не преувеличивать институциональную сторону дела, но тем не менее. Уместно отметить, что одной из целей было не допустить гегемонии какого-то из государств, прежде всего Венеции. При этом Гвиччардини подчеркивает роль Флоренции и Лоренцо Медичи в выработке такой политики. Но подобная конфедерация соперничающих между собой государств была бесконечно далека от политического сплочения, скорее можно говорить о складывании системы локального равновесия на Апеннинском полуострове, предвосхищавшей некоторые принципы Вестфальской системы, установившейся после Тридцатилетней войны в Европе. В случае с Италией это равновесие, о котором сетовал Гвиччардини, было нарушено нашествиями соседних держав. В XVII в. европейское равновесие оказалось подорвано подобной же борьбой за гегемонию с дальнейшим втягиванием в нее всего мира. С определенными поправками такое маятниковое движение, при котором попытки установления равновесия перемежаются всплесками гегемонии одного из сильных претендентов — сначала Испании, затем Франции, Голландии, Англии и т.д., продолжается до XX в., а отчасти воспроизводится и до нашего времени. Для Гвиччардини и его современников утрата былого политического равновесия ассоциируется с концом процветания, о котором он пишет в самом начале процитированной первой главы своей «Истории»: «С тех пор как Римская империя, ослабленная упадком древних нравов, стала утрачивать свое величие, достигнутое удивительным сочетанием доблести и счастья, — а тому уж более тысячи лет — Италия никогда не пребывала в таком цветущем состоянии и благоденствии, как в тысяча четыреста девяностом году от Рождества Спасителя, как и в годы, предшествующие и следующие за ним.

Повсюду царили мир и спокойствие, самые скудные почвы и земли, устилающие холмы, возделывались так же, как и плодородные равнины: страна, неподвластная никакой чужой воле, изобиловала жителями, изделиями человеческих рук и богатствами. Украшенная великолепием множества государей, блеском многочисленных прекрасных и славных городов, престолом религиозного благочестия, Италия могла гордиться превосходными правителями государств, выдающимися учеными и художниками во всех областях наук и полезных искусств; она не уступала современникам и в воинской доблести, и благодаря всем своим достоинствам повсеместно пользовалась заслуженной славой и уважением»³³. Общеизвестно, что для Италии наступали тяжелые времена: утрата независимости, угасание Возрождения, в дальнейшем некоторый экономический спад. Однако в искусстве на смену Ренессансу пришло барокко, Католическая реформа также стала ответом на «вызов» протестантизма, а о политическом упадке можно говорить с долей условности, поскольку Италия, как говорилось выше, и до этого постоянно была театром военных действий, почти всегда приманкой для соседей, ареной внутренних конфликтов. С конца римской эпохи она находилась то под властью варваров, то германских императоров, с какого-то времени соперничавших за главенство с папством; затем, после Итальянских войн, пришли испанцы, но это не был гнет людей, чуждых по религии и крови, притеснявших местных жителей и жестоко их эксплуатировавших. Это, конечно, не отменяет горечи несвободы, но все же заставляет делать оговорки, связанные с тем, что прямой протекторат испанцы осуществляли лишь над королевствами Сицилии и Неаполя и Миланом, Тоскана и Генуя сохраняли некоторую автономию, Венеция и вовсе была независимой, а авторитет папы как главы Католической церкви оставался незыблемым. Другое дело, что тогда наступила эпоха гражданских наций и, иными словами, в иной системе координат — эпоха капитализма, поэтому можно констатировать, что Италия, которая на закате Средневековья стала фактически первой в этой эволюции, в том числе в отношении национального самосознания, была обречена затем на отставание. Но политическая раздробленность, которая

³² Гвиччардини Ф. История Италии. Т. 1. М., 2018. С. 6 (кн. I, гл. 1).

³³ Там же. С. 4–5.

существовала и раньше, и относительная несамостоятельность не помешали дальнейшему культурному развитию, может быть, не столь блестящему, как в эпоху Ренессанса, но интенсивному вплоть до XVIII в., ведь не зря при Петре I русские ездили учиться в Италию.

Позднее прозвучали слова о том, что Италия стала жертвой своего культурного расцвета, который привлек варваров, и они сокрушили ее политические и социальные устои. В своей книге о Дж. Вазари А.К. Дживелегов, говоря об эстетической природе Возрождения³⁴, приводит слова из сонета Винченцо да Филикайя, написанные в XVII в.:

«Италия! Италия!.. О ты,
Кому судьба жестокая послала
Дар гибельной чудесной красоты
И на челе проклятье начертала!
О, если бы красой не так блистала,
Но более сильна была бы ты,
Врагов своих ты меньше бы прельщала
И не была добычей пустоты!»³⁵

А.К. Дживелегов так комментирует это стихотворение: «Во времена Вазари никто не считал красоту “злополучным даром или роковым приданым бесконечных бед”. И варваром был бы провозглашен всякий, кто бы пожелал Италии быть “менее прекрасной”, хотя бы даже ценой того, чтобы она стала “более сильной”»³⁶. Приведенные выше размышления Гвиччардини, очевидно, до некоторой степени опровергают это утверждение: хотя он прямо не сетует по поводу чрезмерной привлекательности своей родины, условия ее процветания он прямо выводит из наличия в ней «множества республик», без которого культурный и экономический расцвет оказался бы невозможным. А множество «республик» делало страну уязвимой для соседей.

Подводя итоги, можно сказать, что Италия политически ослабла и в значительной степени подпала под чужеземное владычество. Католицизм остался национальной религией итальянцев, проявив большую жизнеспособность, он стал распространяться на другие регионы и континенты (Азию, Африку, Латинскую Америку), сохранился в Испании, во Франции,

³⁴ «Красота царила, все собой проникала, благоговейно культивировалась, а страна гибла. Не существовало ли между этими двумя фактами какой-либо связи? И не было ли в гегемонии красоты фатального преувеличения? Не действовали ли эстетические критерии – иногда, а может быть, и часто – в ущерб другим?»

Когда у кардинала Фарнезе шла беседа, увековеченная Вазари, об этом еще не думали, но через сто лет или чуть позже кое-кому станут видны губительные плоды, возвращенные культурой красоты, сомнение начнет закрадываться в умы, и Винченцо Филикайя бросит своей родине страстную жалобу». *Дживелегов А.К.* Вазари и Италия // Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.; Л., 1933. С. 19.

³⁵ Часть стихотворения в переводе М. Рудневича, впервые опубликованного в статье: *Рудневич М.* Поездка из Неаполя в Поццуоли // Шехеразада. 1859. № 17. С. 539–552. Полный итальянский текст:

Italia, Italia, o tu cui feo la sorte
Dono infelice di bellezza, ond' hai
Funesta dote d'infiniti guai
Che in fronte scritti per gran doglia porte;
Deh fossi tu men bella, o almen più forte,
Onde assai più ti paventasse, o assai
T'amasse men chi del tuo bello ai rai
Par che si strugga, e pur ti sfida a morte!
Che or giù dall'Alpi non vedrei torrenti
Scender d'armati, né di sangue tinta
Bever l'onda del Po gallici armenti;
Né te vedrei, del non tuo ferro cinta,
Pugnar col braccio di straniere genti,
Per servir sempre o vincitrice o vinta.

URL: http://az.lib.ru/f/flikaija_w/text_1683_83_sonet.shtml (дата обращения: 20.08.22). Там же шесть вариантов русского перевода.

³⁶ *Дживелегов А.К.* Вазари и Италия... С. 20.

отчасти в Германии, Венгрии, Польше, проник и в Россию (на Украину). Государственность того типа, который существовал до XVI в., в Италии по-прежнему присутствовала большей частью под протекторатом империи и Испании; в разных формах ее представляли папский Рим, Великое герцогство Тосканское, Венецианская (и Генуэзская) республики.

Но в Новое время империя, позднее в качестве австро-венгерской, стала своего рода «инкубатором» национальных государств. Это отчасти относится и к Италии, поскольку Испания в XVI—XVII вв. может претендовать на роль своего рода империи. Т. Кампанелла грезил о всемирной испанской монархии, но в Италии испанское владычество, прямое или косвенное, не сыграло объединяющей роли. Папство оставалось помехой объединению почти до конца XIX в., разделение страны было прежним.

Можно спорить о том, что является условием выживания народа, нации — государство, вера или культура в целом (т.е. язык, историческое и художественное наследие, устоявшийся образ жизни — не говорю о физическом выживании, которое, бесспорно, необходимо). Я полагаю, что ни один из этих важных элементов не является абсолютно определяющим и неотъемлемым, хотя культурной составляющей, видимо, следует отдавать приоритет.

В Италии на рубеже Нового времени складывание нации затормозилось, потому что в политическом и религиозном отношении она осталась на прежних позициях, сложившихся в Средние века. Но феномен Возрождения по форме универсальный, исторически же (прото)национальный, совпавший с созданием общеитальянской культуры на основе тосканской литературы и общения-соперничества многочисленных государств, стал залогом будущего национального объединения.

Библиография

- Арендт Х.* О революции. М., 2011.
- Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Вазари Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.; Л., 1933.
- Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. Т. 2. М., 2004.
- Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005.
- Гвиччардини Ф.* Сочинения / под ред. А.К. Дживелегова. М.; Л., 1934.
- Гвиччардини Ф.* История Италии: в 2-х т. М., 2018.
- Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. Т. 2. М., 1964.
- Еллинек Г.* Право современного государства. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1908.
- Команьи Д.* Хроника событий, случившихся в его время. М., 2015.
- Коннелл У.Дж.* Когда Макиавелли написал «Государя»: хронология начала и окончания работы // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013. С. 43–73.
- Мунд С.* Описание Новгорода и Пскова в мемуарах Voyages et ambassades рыцаря Гильберта де Ланнуа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7. С. 47–50.
- От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Вып. 10 (96).
- Понятие государства в четырех языках / под ред. О.В. Хархордина. СПб., 2002.
- Рудневич М.* Поездка из Неаполя в Поццуоли // Шехеразада. 1859. № 17. С. 539–552.
- Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. СПб., 1991.
- Сказкин С.Д.* Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Bondanella P.* Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature // Annali d'Italianistica. 1984. Vol. 2. P. 7–18.
- Călina N., Grozoiu L.M.* On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. P. 257–268.
- Cutinelli-Rendina E.* Guicciardini Francesco // Enciclopedia machiavelliana. Roma, 2014. P. 685–694.
- Guicciardini F.* Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933.
- Inglese G.* Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Roma, 2006.
- Machiavelli N.* Lettere familiari / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883.
- Machiavelli N.* Il Principe / a cura di L. Firpo. Torino, 1972.
- Machiavelli N.* Tutte le opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1971.

References

Arendt Kh. O revolutsii [On revolution]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti [Italian Renaissance in Search of Individuality]. Moskva, 1989. (In Russ.)

Contragni D. Khronika sobytij, sluchivshikhsya v ego vremya [Chronicle of events that happened in his time]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Connell W.J. Kogda Machiavelli napisal "Gosudarya": khronologiya nachala i okonchaniya raboty [When Machiavelli wrote The Prince: A Chronology of the Beginning and Ending of the Work] // Perechityvaya Machiavelli. Idei i politicheskaya praktika cherez veka i strany [Rereading Machiavelli. Ideas and Political Practice Across Centuries and Countries]. Moskva, 2013. S. 43–73. (In Russ.)

De Sanctis F. Istoriya ital'yanskoj literatury [The History of Italian Literature]. T. 2. Moskva, 1964. (In Russ.)

Ellinek G. Pravo sovremennogo gosudarstva [The Law of the Modern State]. 2-e. izd. T. 1. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)

Guicciardini F. Sochineniya [Works] / pod red. A.K. Dzhivelegova. Moskva; Leningrad, 1934. (In Russ.)

Mund S. Opisanie Novgoroda i Pskova v memuarakh "Voyages et ambassades" rytsarya Gil'bera de Lannua [Description of Novgorod and Pskov in memoirs "Voyages et ambassades" of the knight Gilbert de Lannoy] // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki [Old Russia]. 2002. № 7. S. 47–50. (In Russ.)

Ot patrimonial'noj monarkhii k publichno-pravovomu gosudarstvu v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [From patrimonial monarchy to the public-law state in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Age] / pod red. N.A. Khachatryan // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2020. Vyp. 10 (96). (In Russ.)

Ponyatie gosudarstva v chetyryokh yazykakh [The Notion of State in Four Languages] / pod red. O.V. Kharkhordina. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Rudnevich M. Poezdka iz Neapolya v Potstuoli [Journey from Naples to Pozzuoli] // Shekherazada [Scheherazade]. 1859. № 17. S. 539–552. (In Russ.)

Rutenburg V.I. Titany Vozrozhdeniya [Titans of the Renaissance]. Sankt-Peterburg, 1991. (In Russ.)

Skazkin S.D. Ocherki po istorii zapadno-evropejskogo krest'yanstva v srednie veka [Essays on the History of the Western European Peasantry in the Middle Ages]. Moskva, 1968. (In Russ.)

Vazari D. Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelej i zodchikh [Biographies of the most famous painters, sculptors and architects]. Moskva; Leningrad, 1933.

Venediktov A.V. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu [Selected works in civil law]. T. II. Moskva, 2004. (In Russ.)

Vygotskij L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of Human Development]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Bondanella P. Francesco Guicciardini in Modern Critical Literature // Annali d'Italianistica. 1984. Vol. 2. P. 7–18.

Călina N., Grozoiu L.M. On Francesco Guicciardini's Thought and Some of his Considerations on Machiavelli // Athens Journal of History. 2021. Vol. 7. P. 257–268.

Cutinelli-Rendina E. Guicciardini Francesco // Enciclopedia machiavelliana. Roma, 2014. P. 685–694.

Guicciardini F. Opere / a cura di R. Palmarocchi. Vol. VIII. Scritti politici e Ricordi. Bari, 1933.

Inglese G. Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Roma, 2006.

Machiavelli N. Lettere familiari / ed. E. Alvisi. Firenze, 1883.

Machiavelli N. Il Principe / a cura di L. Firpo. Torino, 1972.

Machiavelli N. Tutte le opere / a cura di M. Martelli. Firenze, 1971.

DOI: 10.31857/S013038640021151-4

© 2022 г. М.А. ПЕТРОВА

ПРИЗНАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ: ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ (первая половина 1740-х годов)

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Аннотация. В статье, основанной на неопубликованных документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), впервые в историографии рассматриваются различные возможности признания императорского титула Иоанна VI Антоновича и Елизаветы Петровны со стороны императора и штатов Священной Римской империи германской нации в первые годы Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. Признание титула, принятого Петром I в 1721 г., означало признание равенства российских государей, прежде всего на уровне церемониала, не только с коронованными особами, но и с главой Священной Римской империи, считавшимся первым среди равных в иерархии суверенных правителей Европы. После смерти в 1740 г. императора Карла VI, отказывавшего российским государям даже в обращении «Величество», неофициальное обсуждение этого вопроса началось среди курфюрстов и их дипломатических представителей, собравшихся в конце 1741 г. во Франкфурте-на-Майне для выборов нового императора. Но дело застопорилось из-за того, что ни правительство Анны Леопольдовны, ни позднее Елизавета Петровна не могли себе позволить выступать в роли просителей перед формально еще зависимыми от императора курфюрстами. После избрания в феврале 1742 г. баварского курфюрста Карла Альбрехта императором под именем Карла VII российский двор сделал ставку на прямые переговоры с ним, которые продолжались около двух лет. В статье детально восстанавливается ход переговоров, анализируются аргументы сторон и уступки, на которые они готовы или не готовы были пойти. Рассчитывая на помощь Елизаветы Петровны в войне против Австрии, император согласился на компромиссный вариант: он предоставил российской государыне желанный титул от своего имени, пообещав в дальнейшем убедить все штаты Священной Римской империи последовать его примеру. В обмен Елизавета Петровна специальной декларацией (реверсалом) подтвердила Карлу VII, что признание титула не повлечет за собой никаких изменений в церемониальном общении монархов и их дипломатических представителей.

Ключевые слова: Российская империя, Священная Римская империя, титулатура, дипломатические отношения, церемониал, Елизавета Петровна, Карл VII, Коллегия курфюрстов, И. М. фон Нейгауз, Война за австрийское наследство.

М.А. Petrova

The Recognition of the Imperial Title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: The Problem and Its Solutions (first half of the 1740s)

Maria Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019; РИНЦ ID: 3378-9989

Abstract. Drawing upon unpublished documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the author, for the first time in historical scholarship, examines various scenarios of recognition of the imperial titles of Ivan VI Antonovich and Elizaveta Petrovna by the Emperor and Estates of the Holy Roman Empire in the early years of the War of the Austrian Succession (1740–1748). The recognition of the title, adopted by Peter the Great in 1721, signalled recognition of the equality of Russian sovereigns, particularly at the ceremonial level, not only with the heads of ruling houses, but also with the Holy Roman Emperor, who was considered first among equals in the hierarchy of sovereign rulers of Europe. After the death in 1740 of Emperor Charles VI, who had refused even to call Russian sovereigns “Majesty”, an informal discussion of the matter began among the Electors and their diplomatic representatives, who assembled at Frankfurt am Main in late 1741 to elect a new Emperor. However, the matter came to a standstill as neither the government of Anna Leopoldovna nor, later, Elizaveta Petrovna could afford to plead their case before the Electors, still formally dependent on the Emperor. Following the election of Charles Albrecht, Elector of Bavaria, as Emperor in February 1742 under the name of Charles VII, the Russian court staked on direct negotiations with him, which lasted about two years. The author reconstructs in detail the course of the negotiations, analyses the arguments of the parties and the concessions they were or were not prepared to make. The Emperor, counting on Elizaveta Petrovna’s assistance in the war against Austria, agreed to a compromise: he granted the Russian sovereign the coveted title in his own name, promising to further persuade all the Estates of the Holy Roman Empire to emulate his example. In return, Elisabeth confirmed to Charles VII with a special declaration that the recognition of the title would not entail any changes in the ceremonial interaction between the monarchs and their diplomatic representatives.

Keywords: Russian Empire, Holy Roman Empire, titles, diplomatic relations, ceremonial, Elisabeth Petrovna, Charles VII, College of Electors, Joseph Maria von Neuhaus, War of the Austrian Succession.

Иерархия светских правителей Европы начала формироваться еще в раннее Средневековье. Один из первых сохранившихся ее вариантов был зафиксирован в дневнике церемониймейстера папской капеллы Париса де Грассиса под названием «Порядок христианских королей» (*Ordo Regum Christianorum*) и «Порядок герцогов» (*Ordo Ducum*). Он был составлен в 1504 г. в связи с приемом папой Юлием II посольства английского короля Генриха VII. Первым светским правителем Европы в этом списке был указан император Священной Римской империи, за ним следовал римский король – избранный курфюрстами¹, но еще не коронованный папой глава империи, далее – короли Франции, Испании (Кастилии), Арагона, Португалии, Англии, Сицилии, Шотландии, Наварры, Кипра, Богемии, Польши и Дании. Критерием очередности монархов в списке была древность королевского титула, исходя из имевшихся в то время исторических представлений, однако в самом тексте имелись оговорки, что едва ли не каждый король оспаривает первенство стоявшего рядом². После заключения в 1648 г. Вестфальского мирного договора, завершившего Тридцатилетнюю войну, в Европе на протяжении столетия постепенно утверждалась идея равенства суверенных государей (прежде всего коронованных особ) – в том числе благодаря введению системы постоянных дипломатических представителей и упорядочиванию системы дипломатических рангов³. При этом император Священной Римской империи вплоть до ее распада в 1804 г. сохранял за собой статус первого среди равных.

До начала XVIII в. российские государи находились вне вышеуказанной иерархии, хотя их суверенитет, выражавшийся в том числе в праве направлять к иностранным

¹ Курфюрсты – дословно «князья-выборщики». Согласно Золотой булле императора Карла IV от 1356 г., статус курфюрста получили семь имперских князей: архиепископы Майнца, Трира и Кёльна, король Богемии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонии, маркграф Бранденбурга. К 1692 г. в число курфюрстов также вошли герцоги Баварии и Брауншвейг-Люнебурга.

² Публикацию списка по рукописи, хранящейся в Британском музее, см.: *Satow E. A Guide to Diplomatic Practice*. London, 1922. P. 22–23.

³ *Croxton D. Westphalia: the Last Christian Peace*. New York, 2013. P. 127–155.

дворам послов (дипломатов первого ранга), был повсеместно признан в Европе. Только с введением Петром I института постоянных дипломатических представителей и началом их регулярного общения с иностранными коллегами на основе установленного церемониала Россия встроилась в общеевропейскую систему государств. Провозглашение России империей в 1721 г. внесло разлад в эту систему, не предполагавшую наличия двух императоров, а признание нового титула на международной арене стало едва ли не главным объектом внешнеполитических устремлений ее государей — от Петра I до Екатерины II. Признание титула означало признание равенства, прежде всего на уровне церемониала, не только с коронованными особами Европы, но и с главой Священной Римской империи.

В первой половине 1720-х годов новый статус российских государей подтвердили Пруссия, Республика Соединенных провинций, Швеция и Дания. Избранный в 1711 г. император Священной Римской империи Карл VI Габсбург последовательно отказывал Петру I, Екатерине I, Петру II и Анне Иоанновне даже в обращении «Величество» (лат. *Majestas*), ограничиваясь в соответствии с прежней традицией обращением «Светлость» (*Serenitas*)⁴. Кончина Карла VI 9 (20) октября 1740 г. стала переломным моментом в решении этой крайне чувствительной для петербургского двора проблемы. В обозримом будущем во Франкфурте-на-Майне должны были состояться выборы нового императора, который мог бы изменить сложившийся порядок отношений между Россией и Священной Римской империей.

Рассматриваемая нами проблема выпала из поля зрения исследователей, хотя позиция России в системе европейских союзов накануне и во время Войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. подробно изучена в историографии⁵. Указанный пробел восстанавливается на основе неопубликованной переписки Коллегии иностранных дел, хранящейся в Архиве внешней политики Российской империи.

Известие о смерти Карла VI еще не достигло Петербурга, когда 17 (28) октября 1740 г. умерла российская самодержица Анна Иоанновна. Престол перешел к ее внучатому племяннику четырехмесячному Иоанну VI Антоновичу (в XVIII в. его именовали Иваном III) при регентстве герцога Курляндского Э.И. Бирона. Еще не зная о смерти Анны Иоанновны, к ней и к кабинет-министру вице-канцлеру Андрею Ивановичу Остерману, отвечавшему за внешнюю политику России, обратился статский советник Фридрих Филипп фон Атценгейм (*Atzenheim*), резидент во Франкфурте-на-Майне курфюрста Брауншвейг-Люнебургского (чаще именуемого Ганноверским по названию столицы курфюршества) и короля Великобритании Георга II⁶, и предложил за годовое вознаграждение снабжать российский двор новостями о будущих выборах императора и других германских делах. Местонахождение письма Атценгейма Остерману неизвестно, а из письма резидента Анне Иоанновне от 12 ноября 1740 г.⁷ непонятно, действовал ли он по собственной инициативе или получил соответствующие инструкции от своего государя Георга II. Атценгейм упомянул лишь о добром согласии, существующем между его государем и российской импера-

⁴ См., например, грамоту Карла VI императрице Анне Иоанновне от 12 апреля 1739 г. о наделении полномочного министра в Петербурге маркиза А. Ботты Адорно послесловия характером на время бракосочетания Анны Леопольдовны и Антона Ульриха Брауншвейгского // АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 2. Д. 104. Л. 3–3 об. Благодарю О.В. Хаванову за предоставленный документ. О политике Карла VI в отношении России см.: *Steppan Ch. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)*. Göttingen, 2016. S. 287–354.

⁵ См. прежде всего: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010; *Анисимов М.Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.

⁶ Личная уния между курфюршеством Брауншвейг-Люнебург (Ганновер) и Великобританией продлилась с 1714 по 1837 г.

⁷ Европейские документы датированы новым стилем, российские — старым. Иногда в делопроизводстве Коллегии иностранных дел использовались двойные даты.

трицей⁸, вероятно, имея в виду российско-британский торговый договор, заключенный в 1734 г. В ответе ганноверскому резиденту от 3 февраля 1741 г. Остерман не стал задавать уточняющие вопросы, ограничившись благодарностью за сделанное предложение, которое было благосклонно принято российским двором⁹.

К этому времени Бирон был отправлен в ссылку, а регентшей при малолетнем Иоанне VI стала его мать — урожденная принцесса Мекленбургская, в замужестве герцогиня Брауншвейгская Анна Леопольдовна. В европейских делах тоже произошли перемены. 5 (16) декабря 1740 г. с нападением Пруссии на австрийскую Силезию началась Война за австрийское наследство. Поводом к ней послужил отказ Франции, Пруссии, Баварии, Саксонии, Испании и Сардинии признать право дочери покойного Карла VI эрцгерцогини Марии Терезии на владения Австрийского дома, зафиксированное в Прагматической санкции 1713 г. Этот документ, устанавливавший принцип престолонаследия по женской линии, если у императора не будет наследников мужского пола, при его жизни был официально признан всеми европейскими державами и имперскими штатами¹⁰, кроме Баварии. Весной—летом 1741 г. в войну вступили Франция, курфюршества Бавария, Саксония и Пфальц, в результате чего курфюрст Баварский Карл Альбрехт, который был женат на племяннице Карла VI и дочери его старшего брата императора Иосифа I — эрцгерцогине Марии Амалии, провозгласил себя эрцгерцогом Австрии, а после завоевания Праги в ноябре 1741 г. — королем Богемии, хотя далеко не все представители чешских и богемских сословий принесли ему присягу, а коронация так и не состоялась. Претендовавший на императорский престол Карл Альбрехт теперь имел на выборах два голоса — от Баварии и Богемии. Марию Терезию поддержали только Великобритания и Республика Соединенных провинций.

Нуждаясь в новостях из Германии, правительство Анны Леопольдовны решило вновь учредить самостоятельный дипломатический пост в Нижнесаксонском округе Священной Римской империи с местом пребывания в Гамбурге, ранее совмещенный с постом в Дании. Новому резиденту в Гамбурге Иоганну Дитриху Гейнсону предписывалось следить за ходом дел в Германии и незамедлительно информировать о них российский двор¹¹. Ему также было поручено вступить в переписку с ганноверским резидентом во Франкфурте Атценгеймом и пересылать его сообщения в Петербург. Сразу по приезде в Гамбург в марте 1741 г. Гейнсон попросил Атценгейма доверительно писать ему обо всех заслуживающих внимания происшествиях, «а особливо о важном деле цесарского избрания, которого окончания вся Европа ныне с нетерпеливостью ожидает, и какие меры от государственных чинов и соседственных держав к последствованию или препятствованию оного принимаются»¹². Атценгейм предпочел общаться с Петербургом напрямую, посылая свои донесения два-три раза в неделю, но дублируя их через Гейнсона¹³.

Обеспокоенность правительства Анны Леопольдовны положением дел в Германии объяснялась тем, что в конце 1740 г. Россия неожиданно стала союзницей двух воюющих держав. Почти одновременно с нападением Пруссии на Австрию в Петербурге завершились долгие переговоры о подготовке российско-прусского оборонительного договора, начавшиеся еще в правление Анны Иоанновны. Договор был подписан 16 (27) декабря 1740 г. В тот же день к прусскому королю Фридриху II от имени императора Иоанна VI

⁸ Копия письма Анне Иоанновне на немецком языке от 12 ноября 1740 г. и его перевод, сделанный в Коллегии иностранных дел // АВПРИ. Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1741—1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 29—30 об., 32—33 об.

⁹ Копия письма Остермана на немецком языке и его перевод // Там же. Л. 3—3 об., 10—10 об.

¹⁰ В русской традиции также имперские чины или имперские сословия.

¹¹ Инструкция И.Д. Гейнсону от 31 января 1741 г., отправленная от имени Иоанна VI за подписью графа Б.Х. Миниха, графа А.И. Остермана, канцлера А.М. Черкасского и вице-канцлера М.Г. Головкина // АВПРИ. Ф. 44. Сношения России с Гамбургом. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 3 об.—4.

¹² Перевод письма Гейнсона от 30 марта 1741 г. // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741—1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 13 об.

¹³ Рескрипт Гейнсону от 5 мая 1741 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 17.

было направлено письмо, в котором сообщалось, «что русское правительство с удивлением и прискорбием узнало о вторжении прусских войск в Силезию» и о нарушении обязательств по соблюдению Прагматической санкции¹⁴. С 1726 г. Россия находилась в союзе с Австрией, а договор с Пруссией в Петербурге рассчитывали использовать против Швеции, которая с 1738 г. готовилась к новой войне против России с целью пересмотра итогов Ништадтского мира 1721 г. В сложившейся ситуации Анна Леопольдовна решила не ратифицировать договор с Фридрихом II, но и вступать в войну на стороне Марии Терезии не спешила, тем более что 28 июля (8 августа) 1741 г. Швеция при поддержке Франции все-таки объявила войну России.

* * *

15 (26) декабря 1741 г. встревоженный Атценгейм сообщил Гейнсону о распространяющихся слухах, что в Петербурге произошли перемены в пользу «принцессы Елизаветы» (цесаревны Елизаветы Петровны) и что российский посланник в Дрездене Герман Карл фон Кейзерлинг уже вручил саксонскому курфюрсту и польскому королю Фридриху Августу II новую верительную грамоту¹⁵. В тот же день Атценгейм написал Остерману, но ни словом не обмолвился о слухах о перевороте, сообщив лишь, что Коллегия курфюрстов наконец собралась на выборы императора и что избирательные посланники¹⁶ Фридриха II как курфюрста Бранденбургского заявили другим имперским дипломатам о готовности способствовать «признанию императорского титула России» (*Anerkenn- und Beylegung des Kayserlichen Tituls von Rußland*)¹⁷. К письму было приложено сообщение из Франкфурта, в котором Атценгейм неожиданно предложил пути решения важнейшей для российского двора проблемы. Ганноверский резидент полагал, что бранденбургские избирательные посланники в силу якобы тесной дружбы между Берлином и Петербургом могли бы поднять в Коллегии курфюрстов вопрос о признании титула, но, чтобы избежать возражений других имперских штатов, требовалось некое официальное обоснование, каковым должна была стать грамота от императора Всероссийского или промемория, составленная по его поручению с изложением сути дела. Атценгейм призывал как можно скорее выбрать один из возможных вариантов, поскольку выборы были назначены на 13 (24) января 1742 г., а в середине февраля члены коллегии должны были разъехаться. Ганноверский резидент полагал, что курфюрсты не будут чинить препятствия к признанию титула, и готов был сам подготовить промеморию, если ему пришлют из Петербурга соответствующие инструкции¹⁸. Упоминание в обоих документах о Фридрихе II явно свидетельствовало о том, что, узнав о перевороте, осуществленном Елизаветой Петровной 25 ноября (6 декабря) 1741 г., он стремился оказать ей услугу, добившись, таким образом, ратификации российско-прусского договора 1740 г. или по крайней мере удержав Россию от вступления в войну на стороне Австрии¹⁹.

¹⁴ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. Трактаты с Германиею. 1656–1762. СПб., 1880. С. 332.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 45. Гамбургская миссия. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 159–159 об., 162–162 об.

¹⁶ В выборах принимали участие или сами курфюрсты, или чаще их представители – так называемые избирательные посланники (*Wahlgesandte*).

¹⁷ АВПРИ. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 160.

¹⁸ См. «экстракт» ведомостей и их перевод // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 5–5 об., 14–15.

¹⁹ 12 (23) декабря 1741 г. Фридрих II написал посланнику в Петербурге барону Акселю фон Мардефельду: «Мне искренне жаль печальной участи, которая, судя по всему, уготована герцогу Антону Ульриху (супругу Анны Леопольдовны. – М.П.) и его брату принцу Людвигу; кровные и дружеские узы, связывающие меня с герцогским Брауншвейгским домом, не позволяют мне быть равнодушным к тому, что с ними происходит. Однако я не думаю, что эта перемена может быть вредна для моих интересов: кем бы ни были ее инициаторы, вряд ли они думают ввязаться в войну против меня» // *Politische Correspondenz Friedrichs des Großen*. Bd. 1–2. Berlin, 1879. Bd. 1. S. 438–439.

Удостоверившись, что в России действительно установилось новое правление, Атценгейм повторно написал в Петербург – теперь уже канцлеру Алексею Михайловичу Черкасскому, назначенному Анной Леопольдовной и сохранившему свой пост при Елизавете Петровне, а затем напрямую новой императрице²⁰, и предложил, как прежде, присылать в Петербург новости из Германии. Ссылаясь на свое последнее письмо Остерману, ганноверский резидент напоминал Черкасскому о вероятном избрании на престол Священной Римской империи баварского курфюрста Карла Альбрехта и настоятельно советовал не тянуть с отправкой в Коллегию курфюрстов грамоты по поводу признания российского императорского титула или распорядиться о составлении соответствующей промемории, в чем он был готов оказать содействие²¹.

Черкасский от имени императрицы подтвердил заинтересованность российского двора в получении новостей из Германии и обещал со следующей почтой ответить и на вопрос о признании титула²². Обрадованный Атценгейм, извиняясь перед канцлером, что не владеет русским языком, просил разрешения и впредь писать к нему по-немецки, а также прояснить вопрос с выплатой вознаграждения и почтовых расходов за этот и прошлый год. Резидент вновь заверил Черкасского, что после получения из Петербурга инструкций будет хлопотать о признании российского императорского титула, ведь после завершившихся выборов, в результате которых император впервые с 1452 г. стал представителем не династии Габсбургов, а баварского рода Виттельсбахов под именем Карла VII, во Франкфурте ожидали открытия Постоянного рейхстага – собрания всех штатов Священной Римской империи или их представителей²³. С 1683 г. рейхстаг заседал в Регенсбурге, расположенном на территории Баварии, где в начале 1742 г. развернулись военные действия. Через два дня после коронации австрийцы взяли Мюнхен, началось наступление на Ингольштат. Для подкрепления армии императора Карла VII Франция выделила 40 батальонов общей численностью 20 тыс. человек, но их марш через Рейн обещал быть трудным, во-первых, из-за плохой погоды, а во-вторых, из-за катастрофической нехватки продовольствия, которое австрийцы уже практически вывезли из Баварии, бросив ее жителей на произвол судьбы²⁴. Поэтому было решено проводить заседания рейхстага во Франкфурте, ставшем почти на три года императорской резиденцией.

Наступил март 1742 г., но инструкции, обещанные Черкасским в письме от 23 января, из Петербурга не пришли, так что Атценгейму пришлось вновь их запрашивать²⁵. На это письмо ответа также не последовало. Более того, в дневнике докладов российского внешнеполитического ведомства – Коллегии иностранных дел, заслушанных Елизаветой Петровной в первые три месяца 1742 г., отсутствуют сведения о том, что она вообще обсуждала с советниками предложения ганноверского резидента, хотя новости о германских делах, присылаемые им время от времени, в этом документе фиксировались²⁶.

В Петербурге предпочитали общаться с Атценгеймом не напрямую. Так, на его прошение поступить на российскую службу и стать официальным представителем императрицы во Франкфурте-на-Майне, не оставляя при этом британскую службу²⁷, отказ пришел через российского резидента в Гамбурге Гейнсона. Елизавета Петровна сочла невозможным,

²⁰ Письмо Атценгейма от 12 января 1742 г. и его перевод // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 16–17 об., 18–19.

²¹ Письмо Атценгейма от 5 января 1742 г. и его перевод // Там же. Л. 1–2 об., 7–9 об.

²² Копия письма Черкасского Атценгейму на немецком языке 23 января 1742 г. // Там же. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 198.

²³ Письмо Атценгейма от 24 февраля 1742 г. и его перевод // Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 34–34 об., 38–39.

²⁴ Ведомости из Франкфурта от 24 февраля 1742 г. с переводом // Там же. Л. 36–37, 40–43.

²⁵ Письмо Атценгейма Черкасскому от 16 марта 1742 г. // Там же. Л. 79–79 об.

²⁶ Дневная записка Коллегии иностранных дел за 1742 г. (генварь, февраль, март месяцы) // Архив князя Воронцова. Т. 1. М., 1870. С. 126, 145, 277, 310, 326.

²⁷ Письмо Атценгейма от 2 марта 1742 г. и его перевод // АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 1. Л. 48–48 об., 49–50.

чтобы ее интересы представлял дипломат, состоявший на службе у другого, пусть даже дружественного на тот момент, двора, тем более что мнением британского короля насчет возможной двойной аккредитации его резидента она не располагала. Признавая необходимость регулярно получать сведения из Германии, императрица поручила Гейнсону «без излишнего на то иждивения» найти «к такой иногда потребной корреспонденции способную какую в Франкфурте персону или иную какую по вашему рассмотрению надежную в том дорогу». При этом Елизавета Петровна не хотела терять канал Атценгейма и просила выяснить, согласится ли он продолжать свою деятельность на прежнем основании и за какое вознаграждение²⁸. Ганноверский резидент заверил императрицу через Гейнсона, что готов заниматься порученными ему делами и без официальной аккредитации, а за свои услуги просил 500 рублей в год, т.е. 750 руб. с начала 1741 г., а также уплаты почтовых расходов. Как выяснилось, предприимчивый Атценгейм работал еще на два германских двора и получал от ландграфа Гессен-Дармштадтского 1200 гульденов, что было сопоставимо с выставленной российской императрице суммой²⁹.

В июле 1742 г. Елизавета Петровна согласилась выплатить Атценгейму 750 руб. и возместить почтовые расходы, но попросила предварительно прислать подробный счет. Гейнсон должен был «пристойно уведомить» ганноверского резидента, чтобы он «далее не трудился» вести корреспонденцию с российским двором, поскольку выборы «римского цесаря» уже состоялись, а в получении важных сведений из Германии императрица рассчитывала на своего резидента в Гамбурге³⁰. Заслуженное вознаграждение Атценгейм получил только весной 1745 г. В письме канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину от 9 апреля 1745 г. он сообщил, что дважды пересылал в Петербург счет почтовым издержкам, но ответа не получил³¹. Были ли они выплачены, неизвестно, поскольку корреспонденция с Бестужевым на этом прерывается.

Так почему же предложение Атценгейма о способах признания российского императорского титула было встречено молчанием? Ответ, на наш взгляд, лежит на поверхности. Для суверенного монарха, каким была Елизавета Петровна, дочь первого российского императора, императрица и самодержица Всероссийская, было немислимо поставить себя в подчиненное положение перед курфюрстами, которые спустя 100 лет после Вестфальского мира 1648 г. все еще продолжали отстаивать свой суверенитет и независимость от императорской власти. Вариант с подачей промемории, видимо, также не рассматривался российским двором. В делопроизводстве Коллегии курфюрстов и рейхстага была предусмотрена подача промеморий представителями имперских штатов, чтобы каждый из них мог инициировать обсуждение какого-либо дела. Но российский двор едва ли был заинтересован в подобном обсуждении, тем более что составление промемории от имени ганноверского резидента требовало согласования с его государем — британским королем. Внутренние документы Коллегии иностранных дел свидетельствуют, что в Петербурге в это время рассчитывали на помощь польско-саксонского и прусского дворов, давно признавших императорский титул российских государей, а о Великобритании, чья позиция по этому вопросу неоднократно менялась с 1721 г., речь вовсе не шла.

Из более поздней дипломатической корреспонденции мы узнаем, что еще 18 февраля (1 марта) 1741 г. саксонский курфюрст и польский король Фридрих Август II дал указания своему представителю во Франкфурте графу Иоганну Фридриху фон Шёнбергу (Schönberg) хлопотать на предстоящих выборах о признании императорского титула Иоанна VI

²⁸ Рескрипт Гейнсону от 5 апреля 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 42–44 об.

²⁹ Письмо Атценгейма Гейнсону от 18 мая 1742 г. // Там же. Ф. 45. Оп. 1. 1741–1743. Д. 19а. Л. 258–259; Выписка из реляции Гейнсона от 28 мая (8 июня) 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 92–93.

³⁰ Рескрипт Гейнсону от 15 июля 1742 г. // Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 95–97.

³¹ Там же. Ф. 83. Оп. 1. 1741–1742. Д. 1. Ч. 2. Л. 24–25 (несмотря на указанные в описи годы, в деле хранятся и более поздние документы).

Антоновича³². 9 (20) января 1742 г. уже Елизавета Петровна предписала российскому посланнику в Дрездене Г.К. фон Кейзерлингу, чтобы он «чинил домогательства, дабы дружеским старанием тамошняго двора признан был российский императорский титул при тогдашнем во Франкфурте имперском собрании». Первый министр курфюрста граф Генрих фон Брюль (Brühl) заверил Кейзерлинга, что саксонским избирательным посланникам уже даны соответствующие инструкции³³. Однако их усилия, как и усилия упоминавшихся Атценгеймом бранденбургских избирательных посланников, якобы успеха не имели. Фридриху II и Фридриху Августу II ничего не оставалось, кроме как пообещать Елизавете Петровне, что их представители при дворах других курфюрстов будут и дальше прилагать старания в этом направлении³⁴.

Нам не известно, обсуждали ли избирательные посланники курфюрстов, даже частным порядком, проблему признания российского императорского титула. Существенным препятствием на пути такого обсуждения могла стать позиция нового императора Карла VII. 2 (13) февраля 1742 г., через два дня после коронации, он подписал известительную грамоту на имя Елизаветы Петровны о своем восшествии на престол. Она была приложена к письму конференц-министра императора графа Игнаца Феликса фон Тёрринга-Йеттенбаха (Törting-Jettenbach), составленному по-французски на имя канцлера А.М. Черкасского. Но если Тёрринг именовал Елизавету Петровну императрицей, то его государь Карл VII отказал ей не только в титуле, но даже в обращении «Величество», применявшемся к коронованным особам, ограничившись обращением «Ваша Светлость», или на языке XVIII в. «Ваша Пресветлость» (Serenitas Vestra). В качестве адресата грамоты было указано: «Serenissimae e potentissimae Principi, Dominae Elisabethae, Totius Magnae, Parvae, Albaeque Russiae pp., Czarae & Autocratrici, Amicae et Sorori Nostrae Charissimae», в переводе Коллегии иностранных дел: «Пресветлейшей Державнейшей Государыне Царице и Великой Княгине Елисавете всея великия малыя и белыя России Самодержице и протч, приятелнице и сестре нашей любезнейшей»³⁵.

Ознакомившись с текстом грамоты по ее копии, Елизавета Петровна приказала вернуть оригинал, не распечатав, что и сделал канцлер Черкасский. Его крайне любезное сопроводительное письмо графу Тёррингу от 5 апреля 1742 г. было составлено так, как будто о присылке грамоты императрицу не уведомили, хотя содержание документа ее, безусловно, порадовало бы, если бы форма оказалась приемлемой. Не акцентируя внимание на отсутствии в грамоте императорского титула, Черкасский заметил, что Елизавета Петровна готова принять лишь ту титулатуру, «которая с Ея достоинством сходствует, и как Ей, так и Ея императорским предкам, от других держав давана». Подробно канцлер остановился лишь на употреблении обращения «Светлость», низводящего императрицу до положения принцессы. Выразив уверенность, что Карл VII не мог намеренно поставить Елизавету Петровну «в толь затруднительное неравенство» с другими коронованными особами, Черкасский предположил, что император, вероятно, следовал в этом вопросе примеру своего предшественника Карла VI, обращавшегося к российским государям «Ваша Светлость». Посетовав на излишнее снисхождение царственных предшественников Елизаветы, канцлер давал понять, что российский двор больше не будет мириться со сложившейся практикой, но готов не придавать значения указанным недоразумениям в случае их устранения. В заключение письма говорилось, что императрица, принимая в делах Карла VII дружеское участие, готова приветствовать у себя его дипломатического представителя³⁶.

³² См. упоминание об этих указаниях в рескрипте Фридриха Августа II графу Шёнбергу от 1 мая 1745 г. // Там же. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 37.

³³ Архив князя Воронцова. Т. 1. С. 111, 126–127.

³⁴ Там же. С. 218, 219.

³⁵ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 1. Л. 2 (копия текста на латинском языке без начального и конечного протокола), 6–7 об. (перевод грамоты на русский язык с полным начальным и конечным протоколом).

³⁶ См. отпуск письма на русском и немецком языках // Там же. Оп. 1. 1742. Д. 6. Л. 7–8 об., 21–24.

У российского двора были определенные основания рассчитывать на перемену позиции императорского двора. В марте 1742 г. прусский посланник в Петербурге барон Аксель фон Мардефельд сообщил Черкасскому, что имперский вице-канцлер Иоганн Георг фон Кёнигсфельд (Königsfeld) пытается убедить Карла VII в том, чтобы предоставить российской государыне императорский титул, и отговаривает его выносить этот вопрос на обсуждение Коллегии курфюрстов, полагая, что император «может собственной властью Коллегии внушить о том указом»³⁷. Но аргументы вице-канцлера не подействовали.

31 мая (11 июня) 1742 г. в Москву, где после коронации находился двор, прибыла новая грамота от императора Карла VII, датированная по-прежнему 13 февраля 1742 г. В сопроводительном письме имперского вице-канцлера Кёнигсфельда от 15 мая 1742 г. отказ от прежнего этикета и предоставление Елизавете Петровне обращения «Величество» преподносились как уступка (Willfahung, в Коллегии иностранных дел это слово перевели как снисхождение), которая, несомненно, будет воспринята как явный знак совершеннейшего почтения и дружбы императора и откроет новые перспективы в двусторонних отношениях, в том числе учреждение дипломатической миссии в России. Об отсутствии в грамоте императорского титула Елизаветы Петровны Кёнигсфельд не упомянул³⁸.

Российская сторона снисхождения не оценила, и новую грамоту постигла прежняя участь. Она была приложена нераспечатанной к письму канцлера Черкасского от 20 июня 1742 г. В нем говорилось, что официальное общение между дворами будет возможно только после признания императорского титула Елизаветы Петровны, причем в грамотах следовало использовать не сокращенный, а полный титул императрицы с указанием всех принадлежавших ей владений (каких — не уточнялось)³⁹.

Письмо Черкасского и грамота были отправлены из Москвы только три месяца спустя — 20 сентября (1 октября) 1742 г. — через резидента Гейнсона, который должен был вручить документы императорскому министру в Гамбурге. Чтобы избежать возможных вопросов о «несвежей» дате, Гейнсону предлагалось выбрать одну из двух отговорок: или что он по неизвестной причине только сейчас получил депеши по почте вместе с другими письмами от 28 июня; или что посланный из Петербурга в Дрезден курьер тяжело заболел в Гданьске и, не дожидаясь выздоровления, отправил документы почтой в Гамбург⁴⁰.

Истинная же причина задержки состояла в том, что российский двор ждал прибытия полномочного министра Карла VII барона Иосифа Марии Николауса Игнаца фон Нейгауза (Neuhaus), надеясь, вероятно, что в его кредитивной (верительной) грамоте будет наконец указан императорский титул. На пути в Москву Нейгауз под Новгородом встретился с покидавшим Россию французским посланником маркизом Жаком Иоахимом Тротти де ла Шетарди, участником недавнего переворота в Петербурге, который дал коллеге словесный портрет многим персонам при российском дворе и настоятельно рекомендовал императорскому министру вести все дела с канцлером Черкасским, а не с «интриганом» Бестужевым, тогда еще вице-канцлером⁴¹.

Нейгауз прибыл в Москву 7 (18) сентября 1742 г. Через два дня он через секретаря объявил Черкасскому о своем приезде и попросил о встрече как можно скорее. Секретаря заверили, что встреча состоится при первой возможности. 10 (21) сентября канцлер через своего человека поздравил Нейгауза с прибытием. Тот вновь выразил желание встретиться с Черкасским, добавив, что не собирается до этого времени общаться с другими иностранными министрами. 11 (22) сентября Нейгауза посетил неназванный сотрудник Коллегии иностранных дел «с пристойным комплементом» от имени канцлера и вице-канцлера и сообщил, что Елизавета Петровна уведомлена о его приезде. Министру также

³⁷ Архив князя Воронцова. Т. 1. С. 327.

³⁸ Оригинал и перевод письма // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 6. Л. 34–37.

³⁹ Отпуск письма на русском и немецком языках // Там же. Л. 40–41 об., 44–46.

⁴⁰ Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 132–133 об.

⁴¹ См. донесение Шетарди главе французской внешней политики маркизу де Амело от 11 сентября 1742 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 100. СПб., 1907. С. 363–364.

напомнили, что уже две грамоты (на самом деле пока только одна!) Карла VII отправлены обратно ввиду отсутствия надлежащей титулатуры, и потому хотели выяснить, содержится ли в привезенной верительной грамоте императорский титул. Нейгауз уклонился от ответа на поставленный вопрос и начал рассуждать, что, если бы от личной воли его государя зависело наделение императорским титулом, он несомненно сделал бы это в отношении «Ея Всероссийского Величества» ради установлении с ней искренней дружбы, но «римской цесарь императорского титула никому не дает и к коронованным главам не ко всем с величеством пишет», например к датскому и прусскому королям. В заключении этой краткой речи Нейгауз вновь попросил о встрече с Черкасским, чтобы вручить ему копию верительной грамоты, заметив, что в таких неофициальных визитах обычно не отказывают иностранцам, особенно посланникам столь высокой персоны⁴².

15 (27) сентября встреча состоялась, и копия верительной грамоты от 17 июля 1742 г. была передана российскому двору⁴³. Она была составлена точно так же, как вторая известительная грамота от 13 февраля, — с обращением «Величество», но без императорского титула; кроме того, в начальном и конечном протоколе у Карла VII была указана полная титулатура, а у Елизаветы Петровны сокращенная. Как говорилось выше, 20 сентября (1 октября) 1742 г. известительную грамоту с сопроводительным письмом Черкасского графу Кёнигсфельду от 20 июня отправили в Гамбург. 28 сентября (9 октября) секретарь Коллегии иностранных дел Петр Петрович Курбатов зачитал Нейгаузу официальное заявление российского двора. В нем еще раз были перечислены все упущения в тексте кредитивной грамоты, но они объяснялись тем, что при отъезде полномочного министра в Россию письмо Кёнигсфельду еще не дошло до адресата. При этом подчеркивалось, что титул Елизаветы Петровны является наследственным (héritédaire, в русском тексте объявления — «природным») и признается другими державами. Нейгауз, поблагодарив Курбатова за сообщение, попросил переписать французский текст, чтобы переслать его императору, на что получил согласие. На прощанье министр вынужден был констатировать, что от него в этом деле ничего не зависит⁴⁴.

7 (18) октября 1742 г. в циркулярном рескрипте, адресованном всем российским дипломатам за рубежом, Елизавета Петровна разъяснила свою позицию: «И Мы для того и сию (известительную. — М.П.) грамоту принять не могли, но оную назад отослать велели с вторичною декларациею, что Мы никакую грамоту кроме с надлежащею нам императорскою титулатурою принять ниже прежнюю венского двора в грамотах сюда употребленную этикету малейше в пример допустить не намерены». Императрица также выражала сожаление, что отсутствие надлежащей титулатуры в верительной грамоте стало препятствием для аккредитации Нейгауза при российском дворе, отметив, что против своей воли лишена «того удоволствования на аттенции его римско-цесарского величества соответствовать, коль великая в протчем наша склонность к тому и к засвидетельствованию его величеству нашего к персоне его высокопочитания ни есть»⁴⁵.

К осени 1742 г. положение дел на международной арене складывалось для Карла VII непросто. 31 мая (11 июня) Австрия и Пруссия заключили в Бреславле прелиминарный мирный договор, согласно которому Фридрих II получил Верхнюю и Нижнюю Силезию и графство Глац. 16 (27) июля условия договора были подтверждены в Берлине при посредничестве Великобритании. После выхода Пруссии из войны Австрия могла теперь сосредоточиться на борьбе с другими врагами — Францией, Испанией и Баварией в лице императора. И хотя летом 1742 г. австрийцы оставили большую часть Баварии, они продолжали удерживать Мюнхен, а к началу 1743 г. вытеснили французов из Богемии и вернули Прагу.

⁴² Записка о происхождении с новым цесарским министром Нейнгаузеном // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 1—4 об.

⁴³ Там же. Л. 9.

⁴⁴ См. текст объявления на двух языках // Там же. Л. 6—8 об., 14—16 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 44. Оп. 1. 1742. Д. 4. Л. 146—148 об.

Нам пока не известно, как развивались переговоры между Карлом VII и Елизаветой Петровной о признании российского императорского титула в октябре—декабре 1742 г. Возможно, они на какое-то время прерывались по объективным причинам, ведь при самом благоприятном раскладе письмо с курьером из Петербурга во Франкфурт шло дней 17, а по почте больше трех недель. Российский двор до конца года все еще находился в Москве. Также необходимо учитывать неизбежные задержки в курьерском и почтовом сообщении, вызванные военными действиями в Европе. Так или иначе следующий раунд переговоров, нашедший отражение в документах Коллегии иностранных дел, относится к январю—февралю 1743 г. Записка барона Нейгауза от 29 января 1743 г. (ст.ст.) является ответом на какое-то несохранившееся сообщение Коллегии иностранных дел, в котором право Елизаветы Петровны на титул обосновывалось так же, как когда Петр I провозглашал себя императором. В 1718 г. в архиве Посольского приказа была обнаружена грамота от 4 августа 1514 г. Максимилиана I (1508—1519 г.), в которой он именовал великого князя Московского Василия III (1505—1533 г.) императором и государем Всероссийским (Kaysar vnnnd herscher aller Rewssen) и предлагал ему условия возможного союза⁴⁶. По распоряжению Петра I грамота была опубликована с переводом на европейские языки.

Нейгауз выразил сомнение, что императорский титул в грамоте 1514 г. был употреблен в том смысле, как это требуется в 1743 г., ведь с тех пор ни один глава Священной Римской империи этого титула российским государям не давал. Поэтому Карл VII не может следовать примеру Максимилиана I. Кроме того, дипломат напомнил о безоговорочном первенстве «римских цесарей» «пред всеми другими потентатами», заметив, что российская государыня не может требовать от императора больше, чем ей предоставляют другие коронованные особы, прежде всего французский король, который ограничивается в переписке с ней обращением «Величество»⁴⁷.

23 февраля (6 марта) 1743 г. вице-канцлер Бестужев передал Нейгаузу подготовленный двумя днями ранее ответ, утвержденный Елизаветой Петровной. В нем выражалось ее удивление, что Карл VII следует в вопросе о признании титула примеру держав, находящихся в меньшинстве, и она сочла невозможным входить в разъяснение обстоятельств, по которым на какое-то время остановились переговоры с Францией о признании титула, и вообще сравнивать одно дело с другим. Императрица прямо заявила, что слишком долгие переговоры об «угодностях и учтивостях» (*complaisances und Gefälligkeiten*) перестают быть приятными, но в то же время заверяла, что никогда не требовала и не требует для себя ничего, что бы «к предосуждению» императора «касаться могло». Таким образом, речь шла о равенстве двух монархов, а не о приобретении больших прав российской стороной. Копия этой записки была отправлена в начале марта всем российским дипломатическим представителям⁴⁸.

Нам не удалось найти официальный ответ Нейгауза на эту записку. Возможно, переговоры были на время прерваны. В апреле 1743 г. после освобождения баварцами Мюнхена Карл VII на некоторое время вернулся в свою столицу, но уже в мае вновь вынужден был бежать во Франкфурт. Австрийцы повторно захватили Баварию, а Мария Терезия 1 (12) мая короновалась богемской короной. Однако Россия по-прежнему не вступала в войну на ее стороне. 16 (27) марта Елизавета Петровна заключила с Фридрихом II союзный договор о дружбе и взаимопомощи, главным образом в польских делах, согласно которому Пруссия не гарантировала России территории в Финляндии, присоединенные по Абоскому миру 1743 г. со Швецией, а Россия не гарантировала Пруссии захваченные у Австрии силезские земли⁴⁹.

В июле 1743 г. отношения Петербурга и Вены резко ухудшились из-за слухов об участии бывшего посла в России маркиза Антониотто Ботты Адорно в заговоре против

⁴⁶ URL: <https://rarity.rusarchives.ru/dokumenty/gramota-imperatora-svyashchennoy-rimskoy-imperii-maksimiliana-i-k-velikommu-knyazyu-moskovskomu> (дата обращения: 12.07.2022).

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 2—5 об.

⁴⁸ Текст записки на русском и немецком языках // Там же. Л. 6—7 об., 12—13.

⁴⁹ *Емелина М.А.* Российско-пруссский договор 1743 г. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 100—109.

Елизаветы Петровны в пользу Иоанна VI Антоновича. В заговоре обвинили представителей семьи Лопухиных и супругу старшего брата вице-канцлера А.Г. Бестужева. Из донесений барона Нейгауза, которые Коллегия иностранных дел начала перлюстрировать с августа 1743 г., известно, что именно следствие и подготовка к публичной экзекуции приостановили переговоры о титуле до середины сентября⁵⁰. Императрица также потребовала от Марии Терезии наказания для маркиза Ботты.

На этом фоне свои услуги в урегулировании разногласий между императорскими дворами предложил Фридрих II. Выйдя из войны с Австрией год назад, он тем не менее был заинтересован в поддержке антиавстрийской коалиции со стороны России и убеждал Карла VII пойти на уступки Елизавете Петровне: дать ей императорский титул, по крайней мере в письмах, исходящих из его личной канцелярии (*sa chancellerie domestique*), а затем пообещать приложить усилия, чтобы титул был со временем признан всей Священной Римской империей. Этот шаг, по мнению прусского короля, фактически отменившего церемониал при своем дворе, являлся сущей мелочью по сравнению с перспективами, которые сулило установление регулярного общения между императором и российским двором, — получением военной помощи или субсидий в продолжавшейся войне⁵¹. Под влиянием аргументов Фридриха II позиция Карла VII начала меняться. Он отправил в Петербург барону Нейгаузу особые полномочия, в которых были проработаны разные варианты развития событий и содержались возможные уступки. Содействие переговорам по приказу прусского короля начал оказывать и его посланник в Петербурге Мардефельд⁵².

9 (20) октября 1743 г. на очередной встрече (или на языке эпохи — конференции) с российскими министрами — вице-канцлером Бестужевым и членом Коллегии иностранных дел тайным советником Карлом фон Бреверном — Нейгауз объявил, что признание титула зависит не только от воли императора, но и от имперских штатов, без которых он «ничего учинить не в состоянии». Поэтому, рассчитывая на понимание Елизаветы Петровны, Карл VII выразил готовность «впредь чрез своих министров здесь и везде при всех случаях словесно и письменно императорской Ея Величества титул употреблять», надеясь, что она воспримет это как знак дружбы и высокопочитания. Бестужев и Бреверн выразили удивление, что имперские чины могут не поддержать императора в этом деле, если сам он желает сделать такое «приятное угодение» Елизавете Петровне, и попросили искать другие пути для решения вопроса, поскольку она от своих требований не отступит⁵³.

Пользуясь полученными инструкциями, Нейгауз предложил новый вариант, похожий на тот, что придумал Фридрих II. Карл VII готов употребить императорский титул в грамоте, исходящей из его Придворной канцелярии (*Hofkanzlei*), но с условием, чтобы была принята еще и первая верительная грамота без титула, подготовленная в Имперской канцелярии (*Reichskanzlei*)⁵⁴, и на эту грамоту был дан ответ, хотя такой вид документов ответа не предполагал. Карл VII хотел получить и так называемый реверсал (или реверс⁵⁵) — документ, выдаваемый еще со времен Петра I иностранным монархам в качестве заверения, что признание ими императорского титула не повлечет за собой изменений в церемониале,

⁵⁰ См. расшифрованную копию на французском языке реляции Нейгауза Карлу VII от 30 июля (10 августа) 1743 г. и ее перевод // АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (Перлюстрации). Оп. 1. Д. 15. Л. 1–4, 38–42 об.

⁵¹ См. об этом в письмах Фридриха II барону Мардефельду от 30 августа 1743 г. и командующему баварской армией имперскому графу Ф.Г. фон Зекендорфу от 17 сентября 1743 г. // *Politische Correspondenz...* Bd. 2. S. 412, 422.

⁵² Переводы реляции Нейгауза от 24 сентября (5 октября) и 1 (12) октября 1743 г. // АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 56 об.—62 об., 63–67 об.

⁵³ Записка о конференции барона Нейгауза от 9 октября 1743 г., составленная в Коллегии иностранных дел // Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 17–19 (в этом деле хранятся документы и за 1743 г.).

⁵⁴ Полное название — Имперская придворная канцелярия (*Reichshofkanzlei*), находилась в ведении курфюрста Майнца как эрцканцлера империи.

⁵⁵ В рассматриваемых в статье документах употребляется термин «реверс», но в более позднюю эпоху и в научной литературе закрепился термин «реверсал», который я и буду использовать.

выступавшем в качестве средства символического общения монархов и их дипломатических представителей. В этом реверсале Карл VII просил указать, что титул, употребленный им в грамоте из Придворной канцелярии, не даст повод к каким-либо предосудительным последствиям для него как главы Священной Римской империи. Нейгауз еще раз подчеркнул, что у его государя нет ни полномочий, ни возможности дать грамоту с титулом, подготовленную в Имперской канцелярии, особенно когда «нынешние конъюнктуры и замешательства такое дело имперским чином для склонения их на то предлагать не дозволяют». При этом дипломат дал понять, что его государь впредь «чинимое о титуле с здешней стороны домогательство своими добрыми официями по возможности подкреплять не склонен будет», но заметил, что это последняя уступка, на которую императорский двор готов пойти. Когда Бестужев и Бреверн указали Нейгаузу на «несходство» (т.е. недопустимость) принятия двух противоречащих друг другу грамот, тот сказал, что при желании легко можно будет придумать причину, по которой это было сделано. Кроме того, министр попросил, чтобы в случае одобрения указанных предложений ему предварительно показали титулатуру Карла VII из текста будущей ответной грамоты Елизаветы Петровны⁵⁶. Нейгауз этого тогда не произнес, но император по-прежнему претендовал на титул короля Богемии, хотя к этому времени Мария Терезия уже короновалась короной Св. Вацлава в Праге.

13 (24) октября 1743 г. Елизавета Петровна на встрече с Бестужевым отклонила предложение Нейгауза о принятии двух грамот, согласившись только на одну – из Придворной (личной) канцелярии императора, но с титулом. Одновременно российскому посланнику в Париже князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру было предписано добиваться от короля Людовика XV (1710–1774) получения «приватной кабинетной грамоты» с императорским титулом⁵⁷. Нотой от 18 октября 1743 г. Нейгауз был проинформирован, что Елизавета Петровна ценит усилия Карла VII и готова понять причины, по которым он не считает целесообразным в настоящее время выносить этот вопрос на обсуждение имперских штатов и заручаться их согласием. Однако принятие сразу двух грамот – с титулом из Придворной канцелярии и без титула из Имперской – неизбежно создало бы противоречие между императором Карлом VII и курфюрстом Баварии Карлом Альбрехтом и послужило бы умалению статуса Елизаветы Петровны, позволившей себе принять от императора меньше, чем ей предоставляет курфюрст. Кроме того, российский двор вынужден был бы отложить выдачу реверсала до тех пор, пока императрица не получит признание своего титула через Имперскую канцелярию. Таким образом, Елизавета Петровна предлагала направить ей грамоту с титулом из Придворной канцелярии Карла VII и предоставить ему реверсал, рассчитывая, что в дальнейшем он приложит действенные усилия к получению ею аналогичной грамоты из Имперской канцелярии⁵⁸.

Переслав ноту российского двора во Франкфурт и получив резолюцию императора, 14 (25) декабря 1743 г. Нейгауз приехал в дом Бестужева и объявил о ее содержании в присутствии Бреверна. Карл VII соглашался признать императорский титул Елизаветы Петровны и «оной не токмо чрез него барона Нейгауза своего министра, но и чрез грамоту из Надворной своей канцелярии давать, обнадлежа, что о таком же впредь и от стороны Римской империи воспоследует признанию свои пристойные официи и старания по возможности употреблять не преминет». На одновременном принятии грамоты, не содержащей императорского титула, он более не настаивал. В ответ император ожидал реверсал, подготовленный на основе деклараций, данных прежде другим державам. В нем следовало указать, что «такой с стороны Его Римско-Императорского величества благосклонной поступок за единую учтивость и снисходительство признан быть и из того ни Римской империи, ниже высочайшему Его Римско-Императорского величества

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 19 об.—21.

⁵⁷ См. дневник докладов Коллегии иностранных дел за ноябрь 1742 – декабрь 1743 г. // Архив князя Воронцова. Т. 4. М., 1872. С. 334.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 26–29 (черновик ноты на немецком языке с трудно читаемой правкой, вероятно, Бреверна).

достоинству малейшее предосуждение никогда не происходить имеет»⁵⁹. Решаясь на этот шаг, Карл VII рассчитывал на получение ответного «снисхождения» — предоставления ему в официальных документах титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии. Нейгауз привел в пользу этого права ряд «резонов и доказательств»⁶⁰.

Во-первых, поскольку император имел «старые права» на Австрию и Богемию (читай — считал себя законным наследником Карла VI), а штаты и подданные этих земель принесли ему присягу, то потеря части этих земель вовсе не отменила прав и претензий, давно уже публично заявленных, и, следовательно, указанные титулы никем не могут быть оспорены. Во-вторых, они признаются многими державами, даже теми, кто состоит в дружбе с королевой Венгрии Марией Терезией. Среди них первые штаты империи — прусский король (курфюрст Бранденбурга) и польский король (курфюрст Саксонии), а также короли Франции, Испании, Сицилии. Правда, о позиции королей Швеции, Дании, Великобритании и правительства Республики Соединенных провинций Нейгауз не знал, но считал, что можно выяснить ее у находившихся в Петербурге дипломатов этих дворов. В-третьих, Мария Терезия никаких протестов державам, признававшим титулы Карла VII, не заявляла и потому не будет раздосадована, если Елизавета Петровна ее в этом вопросе не поддержит. Впрочем, рассуждал Нейгауз, довольно имеется примеров, когда две державы употребляют один титул: например английский король носит титул короля Франции и получает его от всех держав без возражений французского двора⁶¹. Карл VII обещал не оспаривать отдельные части российского императорского титула, которые сохранились и в титуле польских королей⁶². Наконец, российский двор просто обязан был оказать императору «такую маловажную учтивость» в ответ на немислимый для его предшественников поступок, ибо «признание нового и втораго в христианстве Императорского достоинства всем старым в Римской империи уставам противно»⁶³.

Бестужев и Бреверн по обыкновению поблагодарили Нейгауза за приложенные усилия, пообещав ему передать Елизавете Петровне «все снисходительные сентименты» Карла VII и в скором времени ответить на высказанные предложения. В частном порядке министры отметили, что признание за императором титула «короля Богемского и архидука Аустриского» следует отложить до заключения мира между ним и Марией Терезией. Они сочли «весьма необыкновенным донныне в свете делом», чтобы без соглашения о спорных владениях между воюющими державами требовать признания титулов за одной из них от третьей стороны, не участвующей в этом споре, и считать такое признание «простой и безвинной учтивостью» по отношению к императору российский двор не может. Что касается признания титулов со стороны некоторых держав, то среди них были перечислены в основном те, кто помогал императору завоевать Богемию. И хотя польский и прусский короли помирились с венгерской королевой, для них как курфюрстов и имперских чинов было бы неприлично отозвать это признание. О позиции Швеции, Дании и Республики Соединенных провинций в Петербурге было неизвестно, но король Великобритании Карлу VII титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии не дает.

По словам Бестужева и Бреверна, российский двор не собирался оспаривать «старые права и претензии» императора на Богемию и Австрию, тем более вступать в исследование этих прав. Но поскольку им известно, что Карл VII принимает грамоты и без титулов, он не может расценивать отказ Елизаветы Петровны признать их до окончания войны с Марией Терезией как «нарочную несклонность» российского двора. Министрам явно

⁵⁹ Там же. Оп. 1. 1742. Д. 8. Л. 23 об.—24 об.

⁶⁰ Там же. Л. 25—27 об.

⁶¹ Несмотря на потерю владений на Европейском континенте в результате Столетней войны, короли Англии сохраняли за собой титул королей Франции до 1800 г.

⁶² Польские короли вплоть до потери своей державы в результате трех разделов в XVIII в. носили титул великого князя Смоленского и Черниговского, хотя по Вечному миру 1686 г. Речь Посполитая признала за Россией Смоленскую и Чернигово-Северскую земли.

⁶³ АВПРИ. Ф. 32. Оп.1. 1742. Д. 8. Л. 25 об.—28.

не пришлось по вкусу рассуждения Нейгауза о том, что будет или не будет приятно венгерской королеве. Вопрос состоял в том, что «справедливо, пристойно и обыкновенно есть» в таких тонких делах. Поэтому императрица не может позволить себе отнимать титулы у одного государя и давать их другому независимо от своего отношения к каждому из них, так как этот «необыкновенный поступок» был бы «неминуемо подвержен у всего света разным толкованиям».

Соглашаясь, что примеры употребления двумя державами одного титула действительно имеются (английский король именуется французским; император Карл VI, провозгласивший себя королем Испании в 1703 г., до конца своих дней считал себя таковым, даже после воцарения в Мадриде династии Бурбонов в 1714 г.; потерявший в 1734 г. польский престол Станислав Лещинский продолжает именоваться польским королем), Бестужев и Бреверн отметили, что «употребление оных титулов всегда чрез взаимные между интересованными сторонами соглашения надлежащим порядком подтверждено было». Так, прусский король не требовал от других держав титула герцога Силезии, пока не заключил мир с венгерской королевой; у России также есть соглашение с польским королем о российских владениях и о титуле. Поэтому, заключали российские министры, «предъявленные примеры наипаче сие доказывают, что и в нынешнем случае весьма приличнее и с всегдашними обыкновениями сходнее было б, ежели требование о частопомянута спорном титуле до окончания оного спора отложено будет». В конце беседы российские министры еще раз заявили Нейгаузу, что императорский титул бесспорно принадлежит Елизавете Петровне и она не будет ни от кого принимать ненадлежащую титулатуру. Уставы же Священной Римской империи не могут служить для нее правилом, «ибо всякому делу когда-нибудь начало быть имеет»⁶⁴.

Таким образом, все аргументы Нейгауза, несмотря на его протесты, были последовательно отклонены, но, судя по сохранившимся в архиве Коллегии иностранных дел черновикам, эта безупречно выстроенная аргументация была подготовлена еще на предыдущем этапе переговоров — она местами дословно, только в сокращенном виде, воспроизводится в записке от 18 октября 1743 г., на основе которой Коллегия два месяца спустя дала официальный ответ на представления имперского дипломата⁶⁵. Примечательно, что записка была составлена через несколько дней после перлюстрации донесения Нейгауза Карлу VII от 11 (22) октября. В нем министр сообщал, что пытался осторожно прозондировать почву у Бреверна по вопросу о титулах короля Богемии и эрцгерцога Австрии, и пришел к выводу, что российский двор в общении с императором не будет их использовать⁶⁶.

И все-таки у Нейгауза был шанс получить согласие Елизаветы Петровны по этому вопросу. Его поддержали лейб-медик императрицы Иоганн Лесток и обер-гофмаршал великокняжеского двора голштинец Отто Фридрих фон Брюммер, высказавшие мнение, что признанием за императором титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии можно будет досадить венскому двору, так и не наказавшему маркиза Ботту. Но Бестужев из перлюстрированной переписки Нейгауза уже знал, что дипломат получил инструкции отказаться при необходимости и от этого требования, поэтому вице-канцлер с легкостью убедил Елизавету Петровну не ухудшать и без того сложные отношения с Марией Терезией, тем более что идти на уступки Карлу VII не имело смысла.

Получив на конференции 19 (30) декабря соответствующий ответ императрицы, Нейгауз не смог скрыть от Бестужева и Бреверна своего разочарования тем, что на столь большую уступку императора не было дано ни малейшей «взаимной угодности». Но еще более обидно было то, что в ходе разговора он понял, что его корреспонденция перлюстрируется и министры Елизаветы Петровны уже знают о том, что он имеет указание от Карла VII в случае затруднения с признанием за ним титулов короля Богемии и эрцгерцога Австрии использовать в переписке с российским двором только сокращенную титулатуру⁶⁷, «а имянно Пре-

⁶⁴ Там же. Л. 28–33 об.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 18–21 об. (русский перевод), 30–33 (немецкий оригинал).

⁶⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15. Л. 86–86 об.

⁶⁷ Перевод реляции Нейгауза от 20 (31) декабря 1743 г. // Там же. Л. 252–253 об.

светлейшему и Державнейшему Князю и Государю Каролу Седьмому, Божию милостию избранному Римскому императору всегда прибавителю и протчая, и протчая, и протчая, другу и брату нашему любезнейшему (*Serenissimo & Potentissimo Principi et Domino Carolo Septimo divina favente Clementia Electo Romanorum Imperatori Semper Augusto &&& Amico & Frati nostro Charissimo*), а напротив того он к Ея Императорскому Величеству писать будет таким же сокращенным образом: Пресветлейшей и Державнейшей Княгине и Государыне Елисавете Первой, Божиею милостию Всея России императрице и самодержице, и протчая, и протчая, и протчая, приятельнице и сестре нашей любезнейшей (*Serenissimae & Potentissimae Principi & Domine Elisabethae Primae, divina favente Clementia Totius Russiae Imperatrici, et Autocratrici, &&& Amicae & Sorori Nostrae Carissimae*)». По завершении войны Карл VII рассчитывал на закрепление полной титулатуры и обещал ходатайствовать о признании императорского титула Елизаветы Петровны всеми штатами Священной Римской империи⁶⁸.

23 декабря 1743 г. (3 января 1744 г.) Елизавета Петровна согласилась на предложение Нейгауза употреблять в переписке с Карлом VII только сокращенную титулатуру и выслушала проект реверсала⁶⁹. В нем говорилось, что признание российского императорского титула не нанесет никакого ущерба или вреда ни императору, ни Священной Римской империи и не повлечет за собой изменений в церемониале⁷⁰. В первоначальном проекте реверсала от 20 декабря содержался пассаж, что Карл VII при первой возможности сделает все, что от него зависит, чтобы императорский титул Елизаветы Петровны был признан грамотой из Имперской канцелярии, т.е. от имени всех штатов империи. 26 декабря 1743 г. (6 января 1744 г.) Нейгауз вернул российской стороне переданный ему на утверждение текст и попросил убрать этот пассаж, на что получил согласие⁷¹. Оригинал реверсала за подписью вице-канцлера Бестужева дипломату вручили 3 (14) января.

Только 4 (15) января 1744 г. Нейгауз наконец удостоился первой аудиенции Елизаветы Петровны и вручил ей свою кредитивную грамоту. В отличие от первой грамоты без императорского титула, датированной 17 июля 1742 г., эта по неизвестной причине была датирована 7 июня 1742 г. и, согласно взаимной договоренности, составлена «в меньшей форме» (*littera in forma minori*), т.е. с указанием кратких титулов обоих монархов⁷². В своей речи на немецком языке полномочный министр Карла VII уверял императрицу в чувствах истинной дружбы, которые к ней питает его государь⁷³. В ответ вице-канцлер Бестужев от имени Елизаветы Петровны выразил ее искреннее желание «к общей пользе обоих имперей не токмо в добром согласии пребывать, но и оное вяще и вяще наблюдать и утверждать»⁷⁴. Однако в последующие месяцы никаких подвижек в двусторонних отношениях не произошло — Россия так и не присоединилась к антиавстрийской коалиции.

3 (14) августа 1744 г. на официальной встрече с Бестужевым Нейгауз выразил удивление, что на грамоту Карла VII до сих пор не дано никакого ответа. Канцлер заметил на это, что в Петербурге хранится только одна грамота императора — кредитив самого Нейгауза, а на такие грамоты отвечать не «в обыкновении было». Тогда дипломат выразил свое личное мнение, что Елизавете Петровне следует поскорее направить министра к императорскому двору. Бестужев заверил его, что это будет сделано, «как скоро токмо способный к тому субъект найдется»⁷⁵. О том, что «субъект» действительно нашелся, Нейгаузу тогда не объявили, но из документов Коллегии иностранных дел известно, что еще

⁶⁸ Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 22–25 об. (запись конференции с Нейгаузом с фиксацией русского варианта титулов), 41 (латинский вариант титулов).

⁶⁹ Архив князя Воронцова. Т. 4. С. 364.

⁷⁰ Реверсал на немецком и русском языках // АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1743. Д. 4. Л. 34–34 об., 38–39.

⁷¹ Там же. Л. 35–36.

⁷² Копия грамоты на латинском языке и ее перевод // Там же. Л. 40, 43–44.

⁷³ Текст речи на русском и немецком языках // Там же. Оп. 1. 1744. Д. 5. Л. 9–10 об.

⁷⁴ Ответ Елизаветы Петровны на русском и немецком языках // Там же. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Л. 23–24.

27 июля (7 августа) 1744 г. полномочным министром к императорскому двору, который в октябре вернулся в Мюнхен, был назначен тайный советник граф Герман Карл фон Кейзерлинг, представлявший интересы России при польско-саксонском дворе⁷⁶. Нам еще предстоит выяснить, каким образом Елизавета Петровна и руководство Коллегии иностранных дел предполагали добиваться от Карла VII выполнения не зафиксированного документально обещания хлопотать о признании российского императорского титула всеми штатами Священной Римской империи и действительно ли император собирался выступать в роли ходатая. 9 (20) января 1745 г. он скоропостижно скончался, еще до того как полномочный министр Елизаветы Петровны граф Кейзерлинг успел выехать к новому месту службы в Мюнхен. Однако именно ему удалось окончательно решить эту проблему в 1745–1746 гг. в ходе очередных выборов императора⁷⁷.

Библиография

- Анисимов М.Ю.* Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). М., 2020.
- Емелина М.А.* Российско-прусский договор 1743 г. // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 100–109.
- Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000.
- Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.
- Петрова М.А.* Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 89–109.
- Croxton D.* Westphalia: the Last Christian Peace. New York, 2013.
- Satow E.* A Guide to Diplomatic Practice. London, 1922.
- Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

References

- Anisimov M.Yu.* Rossiya v sisteme velikih derzhav v carstvovanie Elizavety Petrovny (1741–1761 gg.) [Russia in the system of Great Powers in the reign of Elizabeth Petrovna (1741–1761)]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Emelina M.A.* Rossijsko-prusskij dogovor 1743 g. [Russo-Prussian Treaty of 1743] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2018. № 11. S. 100–109. (In Russ.)
- Liechtenhan F.-D.* Rossija vkhodit v Evropu: Imperatriza Elizaveta Petrovna i vojna za Avstrijskoe nasledstvo, 1740–1750 [Russia enters Europe: Empress Elisabeth Petrovna and the War of Austrian Succession, 1740–1750]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Nelipovich S.G.* Soyuz dvuglavykh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII v. [Union of double-headed Eagles: Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Petrova M.A.* German Karl fon Keizerling i priznanie imperatorskogo titula rossijskih gosudarej Svyashchennoj Rimskoj imperiej germanskoj nacii v 1745–1746 gg. [Hermann Karl von Keyserlingk and the recognition of the imperial title of Russian sovereigns by the Holy Roman Empire of the German Nation in 1745–1746] // Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin Moscow State Institute of International Relations]. 2021. № 14 (6). S. 89–109. (In Russ.)
- Croxton D.* Westphalia: the Last Christian Peace. New York, 2013.
- Satow E.* A Guide to Diplomatic Practice. London, 1922.
- Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

⁷⁶ Отпуск кредитивной грамоты на русском языке и ее перевод на латинский язык // Там же. Оп. 1. 1744. Д. 1. Л. 3–5, 6–6 об.

⁷⁷ См. об этом: *Петрова М.А.* Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 89–109.

DOI: 10.31857/S013038640020557-0

© 2022 г. А.Г. ГОТОВЦЕВА

ДАТА РОЖДЕНИЯ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА: ИСТОРИЯ ОДНОГО СТАРОГО СПОРА

Готовцева Анастасия Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: brunhilda@yandex.ru

Scopus Author ID: 57234687400; Researcher ID: H-8119-2013

Аннотация. Статья посвящена столетней полемике о дате рождения Наполеона Бонапарта, начавшейся сразу после его отречения от престола в 1814 г. и закончившейся лишь в начале XX в., когда историки согласились с традиционной датой. В отечественной историографии данная полемика не только не освещалась, но и само ее наличие отражалось лишь косвенно путем единичных упоминаний в переводных мемуарах. Автор ставит целью подробно разобратить ход полемики, берущей свое начало в пропагандистском стремлении антибонапартистов объявить Наполеона иностранцем, совершенно чуждым Франции и ее народу. Эта точка зрения нашла свою главную опору в свидетельстве о браке Наполеона и Жозефины, из которого следовало, что Наполеон родился не в 1769 г., а в 1768 г., то есть до присоединения Корсики к Франции. Автор показывает, как на каждом этапе полемики, в которой участвовали как публицисты, так и профессиональные историки, на суд публики были представлены документы, призванные подтвердить или опровергнуть новую дату. Но примечательно, что каждый раз оживлению спора способствовали те или иные события политической жизни Франции. Таким образом, полемика никогда не была чисто исторической и имела политическую мотивацию. На современном этапе, когда традиционная датировка не вызывает сомнений, проблема разбирается лишь астрологами, утверждающими, что дата рождения императора не соответствует его гороскопу, и эссеистами, которые настаивают на новом разборе данного вопроса.

Ключевые слова: дата рождения, антибонапартизм, Наполеон I Бонапарт, Корсика, Аяччо.

A.G. Gotovtseva

Date of Birth of Napoleon Bonaparte: The Story of an Old Dispute

Anastasia Gotovtseva, Russian State University named after A.N. Kosygin, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: brunhilda@yandex.ru

Scopus Author ID: 57234687400; Researcher ID: H-8119-2013

Abstract. The article is focused on a century-long controversy about the date of birth of Napoleon Bonaparte, which began immediately after his abdication in 1814 and ended only at the beginning of the twentieth century, when historians have agreed on the traditional date. Russian historians have not given it any attention, and its existence is reflected in Russian historiography only indirectly, through isolated references in memoirs translated into Russian. The author attempts to examine in detail the course of the controversy, which originated in the propagandistic efforts on the part of the anti-Bonapartists to declare Napoleon a foreigner, absolutely alien to France and

her people. This claim found its principal support in the marriage certificate of Napoleon and Joséphine, which showed that Napoleon was born in 1768, rather than 1769, i.e. before Corsica was annexed by France. The author demonstrates how at each stage of the controversy, which involved both publicists and professional historians, documents were presented to the public to confirm or disprove the new date. Yet, it is noteworthy that each time a particular event in French political life contributed to reviving the controversy. Thus the debate was never purely historical and was politically motivated. At the present stage, when the traditional date is not in dispute, the problem is only addressed by astrologers who claim that the emperor's date of birth does not correspond to his horoscope, and by essayists who insist on a fresh debate on the issue.

Keywords: date of birth, Anti-Bonapartism, Napoleon I Bonaparte, Corsica, Ajaccio.

«УСТУПИТЬ КОРСИКУ НАВСЕГДА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Вопрос, о котором пойдет речь в данной статье, в русскоязычной публицистике и историографии не освещался ни на уровне исследований, ни на уровне энциклопедических сведений. На уровне упоминаний, не получивших каких-либо трактовок, тема была затронута на страницах единичных переводных мемуаров, рецензий, художественных произведений¹.

Между тем во Франции вопрос о дате рождения Наполеона был поднят сразу после его отречения от престола.

Стоит пояснить, что сама дата не имела бы большого значения и была бы интересна исключительно источникам и биографам Наполеона, если бы была просто исторической датой. Но дело в том, что Наполеон был корсиканцем, и в случае своего рождения до 15 мая 1768 г., когда Генуэзской республикой, не имеющей возможности справиться с движением за независимость на Корсике, был заключен договор о переуступке прав на остров Франции (утвержден Людовиком XV 15 августа того же года), будущий французский император и едва ли не самый великий человек в истории своей страны появился на свет на территории другого государства. Юридически договор предусматривал передачу Корсики Франции временно, сроком на 10 лет, за ежегодную ренту в размере 200 тыс. турецких ливров. Однако уже современникам было понятно, что остров стал французским навсегда. Вольтер в «Обзоре века Людовика XV» писал: «Этим договором королевство Корсика не было полностью передано королю Франции, но оно считалось ему принадлежащим с сохраняемой за республикой возможностью вернуть суверенитет, уплатив королю огромные издержки, которые были сделаны в пользу республики. В действительности это означало уступить Корсику навсегда, потому что было невероятным, чтобы генуэзцы были в состоянии ее выкупить; и еще менее вероятно, чтобы они смогли бы сбросить ее от корсиканцев, которые поклялись скорее умереть, чем жить под игом Генуи»².

Впрочем, некоторые историки отодвигают дату окончательного присоединения Корсики на июнь 1769 г., когда были подавлены последние очаги сопротивления, а его руководитель, Паскуале Паоли (Filippo Antonio Pasquale de' Paoli), бежал в Англию. Однако это мало что меняет. Общепринятая дата рождения Наполеона – 15 августа 1769 г.

«РОКОВОЙ ИНОСТРАНЕЦ»: ИСТОКИ ВЕКОВОГО СПОРА

Сразу после отречения Наполеона в антибонапартских кругах был велик соблазн откеститься от него, открыто объявив его иностранцем.

4 апреля 1814 г., в день отречения императора от престола, официальная газета *Journal des débats* опубликовала обращение Сената, в котором утверждалось, что Наполеон

¹ Бурьени Л.-А. Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов: в 5-ти т. Т. 1. СПб., 1834. С. 17–18; Кареев Н.И. По поводу нового сочинения о Наполеоне I. Th. Jung. Bonaparte et son temps. Paris, 1880 // Русская Мысль. 1881. № 1. С. 18; Наполеон. Годы величия. 1800–1814. В воспоминаниях секретаря Меневала и камердинера Констанана. М., 2002. С. 290; Каневский Л.Д. Несравненная Жозефина. М., 2010. С. 72.

² Voltaire. Œuvres complètes: in 46 vol. T. 13. Paris, 1900. P. 190.

никогда не смог бы «натурализоваться между французами», и риторически вопрошалось: «Был ли французом тот, который, помещенный на троне, украшенном добротой, милостью и галантностью наших королей, был всегда оскорбителем для женщин, который смеялся над ними с грубостью на закате их красоты? Был ли французом тот, кто когда-либо что-то давал только с намерением поглотить, тот, кто посреди двора подло злоупотреблял своей властью, чтобы обратить грубые слова умеренному правителю, честному судье и храброму военному... ничто не могло смягчить характер корсиканского солдата, выправить его ложный ум, возвысить его испорченную душу»³.

В этом контексте писатель и политик Франсуа Рене Шатобриан (François-René, vicomte de Chateaubriand) опубликовал написанную еще до официального отречения знаменитую брошюру «О Бонапарте, о Бурбонах и о необходимости сплотиться вокруг наших законных государей для благоденствия Франции и Европы». Выдержки из нее публиковались в той же *Journal des débats* в номерах, вышедших 4, 5 и 7 апреля⁴. Взрывной антинаполеоновский памфлет проводил ту же мысль об иноземном происхождении бывшего императора: «Среди наших распрей сформировались неподкупные, твердые и мужественные судьи, полководцы, известные своей честностью столь же, сколь и талантами, но не им была предложена власть, которую их принципы запрещали им принять. Между французами отчаялись найти голову, которая осмелилась бы носить корону Людовика XVI. Явился иностранец: он был избран... Нет, потомство не сможет понять, как мы изгнали таких добрых государей, государей наших сограждан, чтобы поставить предводительствовать собой иностранца, злейшего из всех людей».

При этом претензии Наполеона на звание француза категорически отвергались: «Напрасно стали бы утверждать, что Бонапарт не иностранец. Это так в глазах всей Европы, всех непредубежденных французов... Бонапарт не имеет ничего французского ни в манерах, ни в характере»⁵.

В этих суждениях не было ничего нового. Это был не более чем удачный пропагандистский ход, который использовался антибонапартистской публицистикой. Мадам де Сталь (Anne-Louise Germaine de Staël-Holstein) утверждала, что она, дочь швейцарца Неккера (Jacques Necker), «была более француженкой», чем Наполеон⁶. В антибонапартистских кругах его называли «роковым иностранцем»⁷.

Однако вскоре такому взгляду появилось документальное обоснование, и здесь, собственно, — начало многолетней дискуссии.

В 1814 г. вышли мемуары философа, историка и литературоведа, убежденного монархиста и сторонника Реставрации Бурбонов Жака Сальга (Jacques-Barthélemy Salgues), где он безапелляционно утверждал, что Наполеон родился 5 февраля 1768 г. В сноске к этому фрагменту текста сообщалось: «Наполеон счел нужным омолодить себя примерно на восемнадцать месяцев, перенеся день своего рождения на 15 августа 1769 г. Считается, что у него при этом было два намерения. Корсика не была подчинена Франции до июня месяца 1769 г.: он хотел заставить считать себя французом. Людовик XIII поместил свое королевство под защиту Пресвятой Богородицы, и этот обет отмечался каждый год 15

³ Sénat conservateur // *Journal des débats*. 4.IV.1814. P. 2.

⁴ *Chateaubriand F.-R.* De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe // *Journal des débats*. 4.IV.1814. P. 3–4; 5.IV.1814. P. 3–4; 7.IV.1814. P. 3–4.

⁵ *Chateaubriand F.-R.* De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Paris, 1814. P. 5, 64, 67–68.

⁶ *Staël-Holstein G.* Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française: in 3 vol. T. 2, Paris, 1818. P. 302.

⁷ *Coriolis d'Espinouse Ch.* Le tyran, les alliés et le roi. Paris, 1814. P. 14; *Staël-Holstein G.* Op. cit. P. 243.

августа. Он хотел заставить забыть это, занять место Девы и заставить смотреть на себя самого как на покровителя империи»⁸.

Из этого отрывка видно, что данный вопрос, до того как попасть на печатные страницы, активно обсуждался в обществе.

В качестве доказательства Сальг полностью процитировал свидетельство о свадьбе Наполеона и Жозефины (оно будет цитироваться еще не раз в текстах, посвященных данному вопросу), состоявшейся 19 вантоза 4 года Республики (9 марта 1796 г.). В этом свидетельстве сообщалось, что для церемонии были представлены два свидетельства о крещении — жениха и невесты. В первом сообщалось, что жених родился 5 февраля 1768 г. в Аяччо, на Корсике, а невеста — 23 июня 1767 г. на Мартинике. Указывалось, что жениху и невесте, таким образом, по 28 лет⁹.

Логично предположить в данном случае, что жених хотел себя немного состарить, а Жозефина, наоборот, себя омолодить, чтобы как-то смягчить неприятные разговоры, начавшиеся в обществе и в семье Наполеона, где мать и сестры, и прежде всего младшая сестра Полина, ровесница дочери Жозефины Гортензии, открыто называли невесту своего сына и брата «старухой». Вообще в этом акте брака странно все. В нем говорится о «департаменте Корсика», но такого департамента не существовало, а на острове было образовано два департамента — Лиамон и Голо. Кроме того, одному из свидетелей, личному адъютанту генерала, капитану Жану Лемаруа (Jean Léonor François Le Marois), едва исполнилось на момент заключения брака Наполеона двадцать лет. Между тем по действовавшей тогда Конституции республики 1793 г. совершеннолетие, а следовательно, дееспособность наступали в возрасте 21 года (ст. 4).

* * *

Практически сразу (1815 г.) в спор с Сальгом вступил автор «Истории Наполеона Буонапарте» Агриколь-Ипполит Лапьер де Шатонёф (Agricol-Hippolyte de Lapierre de Châteauneuf), бывший, впрочем, столь же непримиримым антибонапартистом. Он, однако, защищал традиционную дату, заявив, что Наполеон, не дождавшись своей собственной выписки о крещении из Аяччо, использовал выписку старшего брата Жозефа. Кроме того, он опубликовал впервые скопированный им фрагмент штата учеников Бриеннской военной школы, выпускающихся для поступления на службу или для продолжения обучения в военной школе Парижа. В этом документе датой рождения Наполеона значится 15 августа 1769 г., а также сообщается, что он «4 футов 10 дюймов, окончил четвертый класс. Телосложения, здоровья отличного, характера покорного, мягкого, честного и благодарного, очень правильного поведения, всегда отличался прилежанием в математике. Он весьма довольно знает историю и географию; очень слаб в занятиях изящными искусствами. Это будет отличный моряк. Достоин поступить в Парижскую школу»¹⁰.

Документ этот был заверен главным инспектором военно-учебных заведений Агафном Гинеманом, шеваляе де Керальо (Agathon Guinement, chevalier de Keralio). Керальо привечал Наполеона и рекомендовал его для поступления в военную школу в Париже, несмотря даже на то, что по некоторым предметам его протеже не отличался хорошей успеваемостью и прекрасно учился лишь по математике¹¹.

Но вернемся к полемике. Не согласился с Сальгом и другой его политический единомышленник, такой же яркий роялист, воевавший в армии принца Конде против

⁸ *Salgues J.-B. Mémoire pour servir à l'histoire de France sous le gouvernement de Napoléon Buonaparte et pendant l'absence de la maison de Bourbon: in 9 vol. T. 1. Paris, 1814. P. 64. N. 1* (здесь и далее цифра означает номер сноски на указанной странице).

⁹ *Ibid.* P. 66. N. 1.

¹⁰ *Lapierre de Châteauneuf A.-H. Histoire de Napoléon Buonaparte. Londres, 1815. P. 9.*

¹¹ *Coston F.-G. de. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte: in 2 vol. T. 1. Paris; Valence, 1840. P. 48–50.*

революционеров, генерал Арман Фирма-Перье (Armand Charles Daniel Firmas-Périès). Он придерживался традиционной даты, заявив: «Реестры королевской военной школы дают 15 августа 1769 г. как дату рождения Наполеона, и надо этому поверить, так как не было интереса обманывать»¹².

Конечно, для всех троих Наполеон — дерзкий корсиканец, узурпировавший трон французских королей, кровавадный тиран. При этом позиция Лапьера де Шатонёфа и Фирма-Перье выглядит еще более радикальной: даже формальное рождение французом, т.е. после присоединения Корсики, никак не амнистирует Наполеона.

* * *

Любопытно, что сам Наполеон на острове Святой Елены, если верить его адъютанту, генералу Анри Бертрану (Henri Gatien Bertrand), объяснял данный казус так же, как Лапьер де Шатонёф и Фирма-Перье: «Одна из необычных вещей заключается в том, что в свидетельстве о браке, найденном у Рагидо (нотариус, составивший брачный контакт Наполеона и Жозефины. — *А.Г.*), которого я с тех пор сделал банкиром, императрица Жозефина использовала свидетельство о рождении своей умершей сестры, потому что она была на 3 или 4 года моложе ее и хотела омолодить себя, и что, не имея моего свидетельства о рождении, которое было необходимо для брака, воспользовались свидетельством моего старшего брата, находящегося в Париже по делам. Таким образом, этим актом удостоверено, что я родился в январе и что зовут меня Жозеф, это, может быть, было известно различным людям и заставило говорить, что Наполеон не было моим именем». При разводе Наполеон, по его собственному признанию, записанному Бертраном, хотел исправить это, но один из приближенных отговорил его, мотивируя тем, что брак не имел никаких последствий, поскольку в нем не было детей, а это простое, часто случаемое дело можно было бы разрешить одним судебным решением за полчаса слушания¹³.

Граф Эммануэль Лас Каз (Emmanuel, comte de Las Cases) там же, на острове Святой Елены, записал еще одно признание императора на эту тему: «Император привел историю одной знатной дамы, которая, вступая в брак, обманула своего супруга, заявив, что она на пять или шесть лет моложе, и представив свидетельство о крещении своей младшей сестры, давно умершей. “Бедняжка Жозефина подвергала себя, однако, большим рискам, — произнес император, — это могло стать поводом для аннулирования брака”»¹⁴.

На самом деле это объяснение не выдерживает критики, а сам текст свидетельства переполнен неточностями и несуразностями, даже одной из которых было бы достаточно, чтобы аннулировать брак. Главными из них, безусловно, являются даты рождения жениха и невесты.

Невеста сразу не представила свое свидетельство о крещении, необходимое для заключения брака, ограничившись подтверждением ее личности двумя свидетелями у нотариуса¹⁵. Однако затем оно все же было предоставлено, так как было найдено исследователями в бумагах канцелярии 2-го округа Парижа. Жозефина не предоставляла свидетельство своей сестры. У нее было две сестры, которых на момент ее брака с Наполеоном уже не было в живых, но ни одна из них не была рождена 23 июня 1767 г. Французская историография утверждает, что она представила свое собственное свидетельство, но исправила в нем путем затирания слово «три» (trois) в годе рождения на слово «семь» (sept)¹⁶.

¹² Firmas-Périès A.-Ch.-D. Bigamie de Napoléon Buonaparte. Paris, 1815. P. 7–8. N. 1.

¹³ Bertrand H.G. Cahiers de Sainte-Hélène: in 3 vol. T. 2. Journal 1818–1819. Paris, 1959. P. 262.

¹⁴ Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène: in 8 vol. T. 6. Paris, 1823. P. 127–128.

¹⁵ Masson F. Napoléon et les femmes. Paris, 1894. P. 35.

¹⁶ Eckard J. Question d'état civil et historique Napoléon Buonaparte est-il né français? Paris, 1826. P. 28–29; *Idem*. Note supplétive à un écrit qui a pour titre: Question d'état civil et historique: Napoléon Buonaparte est-il né français? // Appendice aux “Recherches historiques et biographiques sur Versailles”. Versailles, 1834. P. 35–40; То же во втором издании: *Idem*. Recherches historique et biographiques sur Versailles. 2 ed. Versailles, 1836. P. 393–398.

Что касается свидетельства о крещении самого Наполеона, где значилась дата рождения 5 февраля 1768 г., то никто из специально исследовавших этот вопрос его не видел. Оно якобы было изъято самим Наполеоном из архива парижской мэрии в 1810 г. при расторжении брака с Жозефиной. Глава канцелярии актов гражданского состояния не осмелился противиться неожиданной императорской директиве, оставив лишь пометку на соседнем документе в связке: «Его свидетельство о рождении было передано ему, поскольку не было возможности в момент его требования доставить ему копию»¹⁷. Таким образом, то, на основании чего была внесена запись в свидетельство о браке, свидетельство о рождении, которое является основным аргументом сторонников «генуэзской» даты рождения Наполеона, коих было немало, исчезло из поля зрения исследователей.

На некоторое время и сам этот вопрос во Франции, переживающей в первые годы Реставрации отрицание всего, что связано с Бонапартом, несколько отошел на второй план.

«НАПОЛЕОН БУОНАПАРТ РОДИЛСЯ ФРАНЦУЗОМ»: ПОЛЕМИКА О ДАТЕ В 1820-е – 1830-е годы

После смерти Наполеона на острове Святой Елены в мае 1821 г., когда реальный человек перешел в категорию легенды, появились новые суждения и доказательства, связанные с этим вопросом.

В 1822 г. свои труды опубликовали Жозеф Бомон (Joseph-Gabriel-Marie baron de Beaumont), военный и государственный деятель наполеоновской эпохи, ставший при Наполеоне кавалером ордена Почетного легиона и рыцарем Империи, а также Жак Альфонс Мауль (Jacques-Alphonse Mahul), журналист, в будущем – либеральный политик, деятель Июльской революции и Июльской монархии. Каждый из них обнаружил документы, подтверждающие традиционную дату рождения Наполеона.

Мауль, приводя текст того же свидетельства о браке, отвергает, однако, обвинения в том, что Наполеон перенес день своего рождения с намерением «установить, что он родился французом». «Следует, однако, отметить, – пишет Мауль, – что невозможно согласовать дату рождения Наполеона Бонапарта, если она установлена 5 февраля 1768 г., с датой рождения его брата Жозефа, которую все биографии и все альманахи бесспорно устанавливают 7 января 1768 г.»¹⁸. В доказательство своей позиции исследователь также напечатал штат учеников Бриеннской военной школы, несколько текстуально отличающийся от копии, опубликованной Лапьером де Шатонёфом. Мауль, кажется, более точен¹⁹.

Бомон со своей стороны, в противовес акту свадьбы, который и позволил говорить о фальсификации даты рождения, впервые опубликовал акт крещения Наполеона Бонапарта на итальянском языке, извлеченный из приходского реестра города Аяччо и сообщающий: «Тысяча семьсот семьдесят первого года двадцать первого июля состоялись торжественные церемонии и молитвы над Наполеоном, сыном, рожденным от законного брака господина Карло (сына. – А.Г.), покойного Джузеппе Бонапарта, и Марии Летиции, его жены, уже должным образом крещенного дома с благословения и пр. почтенного наставника Лучиано Бонапарте. Он родился пятнадцатого августа тысяча семьсот шестьдесят девятого года. Присутствовали на священной церемонии: славнейший Лоренцо Джубега ди Кальви, королевский прокурор, в качестве крестного отца; и как крестная мать, госпожа Гертруда, жена господина Николаса Паравичини. Присутствующий отец и все названные подписались со мной».

¹⁷ Eckard J. Question d'état civil et historique Napoléon Buonaparte est-il né français? P. 8–9.

¹⁸ Mahul A. Annuaire nécrologique, ou complément annuel et continuation de toutes les biographies ou dictionnaires historiques: in 8 vol. T. 2. II-me année (1821). Paris, 1822. P. 20–21. N. 1.

¹⁹ Ibid. P. 22. Воспроизведено так же чуть ранее: Biographie nouvelle des contemporains ou Dictionnaire historique et raisonné de tous les hommes qui, depuis la Révolution française, ont acquis de la célébrité par leurs actions, leurs écrits, leurs erreurs ou leurs crimes, soit en France, soit dans les pays étrangers: in 20 vol. T. 3. Paris, 1821. P. 148.

Как видно из текста, крещение было проведено спустя почти два года после рождения в семье Карло (Шарля) и Летиции Бонапарте второго сына. «Что касается времени рождения... нельзя ничего заключить из задержки в составлении свидетельства. На Корсике нередко так откладывают церемонию крещения, и не видно, какую пользу г-н Бонапарт мог найти в омоложении своего сына, потому что Франция никогда не относилась по-разному к островитянам, рожденным под ее властью, и тем, кто увидел свет ранее», — справедливо резюмирует Бомон²⁰.

Итак, к середине 1820-х годов эти три документа, служащие подтверждением той или иной точки зрения на дату рождения первого французского императора, были опубликованы и обсуждены.

Многие, в том числе безусловные сторонники Наполеона, предпочитали не вдаваться в подробности о конкретной дате его рождения, пытаясь перевести этот вопрос в чисто биографическую плоскость и заявляя, подобно поэту и драматургу, поклоннику Наполеона Антуану Венсану Арно (Antoine Vincent Arnault): «Наполеон родился в Аяччо. 5 февраля 1768 г. или 15 августа 1769 года? Этот вопрос, который уже был затронут и которому придается какое-то значение, наиболее бесполезен в интересах истории. Поскольку мы не можем вывести какие-либо реально значимые последствия, мы не имеем необходимости углубляться в это с той скрупулезностью, которую мы должны были бы привнести, если это разъяснение могло послужить установлению какого-либо права. Омолаживаясь восемнадцатью месяцами, Наполеон имел целью, как говорят, считаться рожденным во Франции. Корсика, приобретенная Францией, стала частью королевства только в июне 1769 г. Допустимо ли это предположение? Наполеон, наделенный в высшей степени точным умом, мог ли он поверить, что достигнет своей цели с помощью этого несостоятельного искажения? Разве он не знал, что из всех обстоятельств, которые могут придать ему свойство француза, дата его рождения была наименее убедительной; что ребенок всегда принадлежит к нации своих отцов; что он мог быть только корсиканцем, даже после присоединения, только потому, что он родился от отца и матери корсиканцев? Во всей его жизни, а не в свидетельстве о рождении, нужно искать его звание гражданина. Если бы в течение этой жизни все его способности не были посвящены интересам Франции, Наполеон был бы менее французом, чем этот саксонец, чем этот Морис, принятый в подданство при Фонтенуа благодаря победе; Наполеон был бы не более французом, чем столько людей, которые считают, что ими являются, потому что они из Франции»²¹.

Однако перевести данный вопрос исключительно в историческую плоскость в обществе, взбудораженном наполеоновской эпохой, когда воспоминания о ней были еще слишком свежи, оказалось невозможным.

* * *

Поначалу этот вопрос был лишь частью мемуаров, исследований и словарей, обсуждавших более широкий спектр вопросов, однако в 1826 г. вышла брошюра, специально посвященная дате рождения Наполеона.

Ее автор, Жан Эккар (Jean Eckard), несколько лет изучал Версальский дворец и историю королевской семьи, посвятив значительную часть своих трудов Бурбонам. «Многие из придворных, которые долгое время были усыпаны милостями, далеки от того, чтобы сделать для Бурбонов то, что г-н Эккар сделал своими трудами для их дела»²², — замечает его биограф. Но Эккар не был роялистом, он был ученым. Среди осуществленных им изданий есть, например, предпринятый в 1811 г. совместно с поэтом и публицистом Жаном-Жаком Люсе (Jean-Jacques Lucet) двухтомный сборник в честь новорожденного

²⁰ *Beaumont J.-G.-M.* Observations sur la Corse. Paris, 1822. P. 21–22. N. 1.

²¹ *Arnault A.-V.* Vie politique et militaire de Napoléon: in 2 vol. T. 1. Paris, 1822. P. 1–2.

²² *Daniel E., Daniel H.* Biographie des hommes remarquables du département de Seine-et-Oise. Rambouillet; Versailles; Paris, 1832. P. 43.

сына Наполеона под названием «Поэтическая похвала на рождение короля Римского», включивший оды, эклоги и поэмы, написанные по этому случаю на разных европейских, а также на латинском языке²³. По словам того же биографа Эккара, «произведения г-на Эккара заслуживают внимания не столько блеском стиля, сколько математической точностью фактов и простотой, с которой он их представляет»²⁴.

Действительно, брошюра ученого представляет собой кропотливое исследование. В частности, он замечает, что никто тщательно не сверял с оригиналом штат учеников Бриеннской школы: он был воспроизведен в нескольких работах с различиями в тексте. Поэтому документ не убедил Эккара, и он, по собственному признанию, придерживался противоположного официальной традиции мнения и даже распространил эту точку зрения среди литераторов²⁵. Так, он сообщил свои соображения публицисту Пьеру Анри (Henry Pierre François), и тот отразил их в «Истории Наполеона Буонапарте»²⁶. Таким образом, сложилась традиция считать, что именно Эккар установил дату 5 февраля 1768 г. как альтернативную дату рождения Наполеона. В частности, это утверждает Шатобриан в «Замогильных записках»²⁷.

Однако на самом деле Эккар на страницах своей брошюры, изложив имеющиеся у него аргументы, подтвердил традиционную дату. Склоняться к ней исследователя заставляла публикация де Бомоном обнаруженного в реестрах гражданского состояния Аяччо свидетельства о крещении Наполеона, датированного 21 июля 1771 г. Проверка реестров, по выражению Эккара, после этого «стала обязательной», и он обратился к одному из должностных лиц Корсики, через которого серия запросов была направлена в Аяччо. Также было запрошено свидетельство о рождении Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона. Получив документ, Эккар заметил: «Итак, в этом акте, взятом из реестров гражданского состояния Аяччо и имеющем установленную законом форму, читаем, что 7 января 1768 г. родился сын г-на Шарля Буонапарта... Жозеф Набулион. ... Священник-составитель написал это последнее имя как произносят Наполеон на Корсике. Таким образом, бесспорно, что Наполеон родился пятнадцатого августа тысяча семьсот шестьдесят девятого года»²⁸. Заметим в скобках, что Эккару передали, очевидно, копию свидетельства, так как Жозеф родился не в Аяччо, а в Корте, где, как мы увидим далее, сохранился оригинал.

В конце концов Эккар делает заключение: «Неоспоримо, таким образом, что Жозеф был принят в подданство, а Наполеон Буонапарт родился французом»²⁹.

К документальным свидетельствам, тщательно разобранным Эккарком, вскоре добавилось и мемуарное свидетельство на эту тему. В 1829 г. вышли мемуары Луи Антуана Бурьенна (Louis Antoine Fauvelet de Bourrienne), соученика Наполеона по Бриеннской школе. Бурьенн значится лишь титульным автором «Записок о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восшествии Бурбонов». На самом деле он только составил заметки для этого сочинения, а автором был другой человек³⁰. Но, так или иначе, в основе «Записок» относительно Бриеннской школы лежат собственные воспоминания Бурьенна, который, конечно, отстаивал традиционную датировку, вводя в нее личностную составляющую: «Некоторые утверждали, будто бы он выставлял себя моложе и что он родился в 1768 г. Причины, к сему приводимые, не имеют никакой основательности: он

²³ *Hommages poétiques à Leurs Majestés impériales et royales sur la naissance de S. M. le roi de Rome: in 2 vol. / recueillis et publiés par J.-J. Lucet et Eckard. Paris, 1811.*

²⁴ *Daniel E., Daniel H. Op. cit. P. 43.*

²⁵ *Eckard J. Question d'état civil et historique Napoleon Buonaparte est-il né français? P. 5, 13–14.*

²⁶ *Henry P.-F. Histoire de Napoléon Buonaparte, offrant le tableau complet de ses opérations militaires, politiques et civiles, de son élévation et de sa chute: in 4 vol. T. IV. Paris, 1823. P. 565. N. 1.*

²⁷ *Chateaubriand F.-R. Mémoires d'Outre-Tombe: in 12 vol. T. V. Paris, 1849. P. 202.*

²⁸ *Eckard J. Question d'état civil et historique Napoléon Buonaparte est-il né français? P. 18.*

²⁹ *Ibid. P. 21.*

³⁰ *Tulard J. Bibliographie critique des Mémoires sur le Consulat et l'Empire. Genève, 1971. P. 25*

всегда говорил мне, что день его рождения есть 15 августа 1769 г., и как я родился 9 июля того же года, то мы за удовольствие считали, будучи еще в Бриеннской военной школе, находить в этом ровесничестве новую причину к союзу и к дружбе».

В качестве доказательства в дополнение к уже опубликованным документам Бурьенн приводит выписку из журнала директора школы Луи Бертон (Louis-Sébastien Berton), в которой сообщалось: «Наполеон Бонапарте вступил в королевскую военную школу Бриенн-ле-Шато в возрасте девяти лет, восьми месяцев и пяти дней; здесь он провел пять лет, пять месяцев, двадцать семь дней и вышел в возрасте пятнадцати лет, двух месяцев, двух дней, для того чтобы отправиться в Парижскую военную школу, как это свидетельствуется следующим извлечением из журнала выпуска учеников короля: “17 октября 1784 г. был выпущен из королевской военной Бриеннской школы г-н Наполеон Бонапарте, эсквайер, рожденный в городе Аяччо, на острове Корсика 15 августа 1769 г., сын благородного Шарля-Мария Бонапарте, депутата дворянства Корсики, жительствовавшего в вышеупомянутом городе Аяччо, и госпожи Летиции Рамолино, его матери ...принятый в это заведение 25 апреля 1779 г.”».

Как видим, Бертон в своей записке цитирует еще один документ – журнал выпуска учеников короля³¹, в котором дата рождения, естественно, не отличалась от традиционной. «Вышеприведенная выписка не оставляет никакого сомнения насчет настоящего возраста Бонапарте»³², – делает вывод Бурьенн.

«СТАТЬ ФРАНЦУЗОМ ПО РОЖДЕНИЮ ИЗ ФРАНЦУЗА ПО ПРИСОЕДИНЕНИЮ»: ДАТА РОЖДЕНИЯ НАПОЛЕОНА И ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ

После публикации всех этих документов спор мог показаться законченным. Однако внешние события вскоре вновь возродили его к жизни. Во Франции грянула Июльская революция. Вслед за ней произошла «романтическая сакрализация образа Наполеона»³³. Современников Наполеона становилось все меньше, а публицисты как будто хотели поставить окончательную точку в старом споре.

В 1833 г. по распоряжению Луи Филиппа была восстановлена статуя Наполеона на вершине Вандомской колонны в Париже, а в 1840 г. было осуществлено перенесение праха бывшего императора с острова Святой Елены в парижский Дом Инвалидов. Таким образом, монархия Бурбонов в лице младшей Орлеанской ее ветви символически примирилась с Бонапартом.

В 1834 г. исторический ежемесячник *Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique* («Ретроспективное обозрение или Историческая библиотека»), издаваемый политическим деятелем и ученым Жюлем Антуаном Ташро (Jules-Antoine Taschereau), опубликовал документы, представленные отцом Наполеона Шарлем Бонапартом в Бриеннскую школу и переданные затем специалисту по дворянским гермам Франции Антуану Мари Озье де Сериньи (Antoine Marie d'Hoziere de Sérigny) для подтверждения дворянского происхождения будущего ученика, так как школа была сословным учебным заведением. Среди этих документов была и выписка из свидетельства о крещении Наполеона, родившегося, как в ней указано, 15 августа 1769 г.³⁴ Здесь же был снова опубликован и фрагмент штата учеников Бриеннской школы, заверенный инспектором военных школ Керальо, затем перепечатанный также газетой *La Quotidienne*³⁵.

³¹ См. воспроизведение этого документа: *Coston F.-G. de. Op. cit. P. 56.*

³² *Бурьенн Л.-А. Указ. соч. С. 17–19. Фр. текст см.: Bourrienne L.-A. Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat; sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l' Empire et la Restauration: in 10 vol. T. I. Paris, 1829. P. 18–20.*

³³ *Сиари Ж., Шервашидзе В.В. Образ Наполеона во Франции // Слово.ру: балтийский акцент. 2013. № 1. С. 37.*

³⁴ *Preuves de noblesse faites pour Napoléon de Buonaparte a son entrée a l'école de Brienne // Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique. 1834. T. IV. P. 322.*

³⁵ *Actualités diverses // La Quotidienne. 8.X.1834. № 281. P. 4.*

После этого в редакцию газеты пришло письмо от одного из подписчиков, возмущенного «исторической несправедливостью». Он настаивал на дате 5 февраля 1768 г., ошибочно, правда, обозначив ее как 7 февраля. «Я не знаю, где “Ретроспективное обозрение” нашло заметку, опубликованную им о Наполеоне Буонапарте, заметку, которую вы воспроизводите сегодня в La Quotidienne. Эта заметка неверная или ложная. Буонапарт родился не 15 августа 1769 г., а 7 февраля 1768 г., что подтверждается свидетельством о браке с Жозефиной Таше де ла Пажери. Это свидетельство содержится в записях мэрии второго округа, под датой этого брака, которую я не держу в памяти, его легко найти. Она известна, впрочем, тем, кто имеет эти реестры на хранении»³⁶.

После этого редакция Revue retrospective поместила на страницах той же газеты свой ответ, в котором отметила, что, во-первых, невозможно согласовать эту дату с датой рождения старшего брата Наполеона Жозефа, появившегося на свет 7 января 1768 г., во-вторых, то, что в момент создания выписки о крещении Наполеона, о которой тут же упоминается, а также штата учеников Бриеннской школы будущий император был еще ребенком и не мечтал о престоле. Автор ответа заметил, обращаясь к редактору La Quotidienne: «У вашего подписчика, месье, было довольно простое средство узнать источник, из которого была подчеркнута эта заметка, — взглянуть на статью сборника, которую он опроверг. Предприняв этот труд, он избавил бы себя от того, чтобы сказать, что только после возвышения Буонапарта ему был назначен этот период рождения для того, чтобы стать французом по рождению из француза по присоединению, которым только он был, по словам автора письма. С 1779 г., т.е. когда Наполеону было всего десять лет и он не мечтал о французском престоле, свидетельство о рождении от 15 августа 1769 г. было предъявлено г-ну д'Озье де Сериньи, судье по дворянским гермам Франции, облеченному обязанностью проверить его дворянские титулы для поступления в школу Бриенн. В 1784 г. генеральный инспектор военных школ г-н де Керальо провозгласил ту же дату в докладе королю. Общие архивы королевства, которые открыты как для вашего подписчика, так и для меня, предоставят ему, как и “Ретроспективному обозрению”, это доказательство и покажут ему, что его утверждение о времени, когда стали назначать Наполеона рожденным в 1769 г., совершенно неверно»³⁷.

В юридической практике Французского государства исторически существовало несколько оснований приобретения французского гражданства/подданства: по праву рождения, по закону, путем натурализации, по присоединению территории, через брак. Нас здесь интересуют два случая. *Французами по рождению* (курсив мой. — А.Г.) становятся дети тех, кто был французом на момент рождения или зачатия этих детей, имел права и выполнял соответствующие обязанности. *Французами по присоединению территории к Франции* (курсив мой. — А.Г.) становились все жители присоединенной территории ipso facto (в силу самого факта) присоединения, закрепленного заявлением французского правительства. Это последнее часто смешивают с *натурализацией* (курсив мой. — А.Г.), под которой понимается совершенно другая юридическая процедура — приобретение французского гражданства иностранцем при соблюдении определенных условий³⁸.

После этого в дискуссию вмешался еще один читатель La Quotidienne, приславший в газету текст свидетельства о крещении, которое и было в очередной раз опубликовано. Подписчик этот в своем письме выражает искреннее удивление: «Поскольку, написав в Аяччо, любой человек может получить копию этого акта, я не понимаю, почему историки Наполеона не заметили такой простой вещи, и что все еще есть некоторые сомнения относительно времени его рождения. Нет никакого интереса переносить его на год, потому что одним фактом присоединения Корсики к Франции все обитатели острова

³⁶ Au rédacteur // La Quotidienne. 10.X.1834. № 283. P. 4. То же: Date de la naissance de Napoléon // Revue retrospective, ou Bibliothèque historique. 1834. T. V. P. 150.

³⁷ Au rédacteur // La Quotidienne. 16.X.1834. № 289. P. 4. То же: Date de la naissance de Napoléon // Revue retrospective, ou Bibliothèque historique. Paris, 1834. T. V. P. 151.

³⁸ Aubry Ch. Cours de droit civil français. 3 ed.: in 6 vol. T. I. Paris, 1856. P. 204–208, 218–235.

становились французами, родились они до или после завоевания; это неоспоримый принцип публичного права»³⁹.

Таким образом, можно констатировать, что дискуссия со страниц исторических и мемуарных трудов перешла в общественное поле и вопрос этот стал обсуждаться на уровне рядовых подписчиков газет (по крайней мере, так это было обставлено).

По поводу полемики, разразившейся на страницах *La Quotidienne* в приложении к «Ретроспективному обозрению», снова высказался Жан Эккар, еще раз изложив основные выводы своей работы 1826 г. и заметив, что спор важен именно потому, что необходимо знать, была Франция управляема иностранцем или нет. При этом совершенно очевидно, что в данном вопросе Эккар, так же, как и подписчики *La Quotidienne*, понимал, что различие между «французом по рождению» и «французом по присоединению» имеет не юридический, а чисто публицистический характер⁴⁰.

С другой стороны, после Июльской революции среди историков и публицистов, которые писали о Наполеоне, возник консенсус в отношении как к самому императору, так и к дате его рождения. Те, кто в наполеоновскую эпоху относился к нему по-разному, стали сходиться в оценке его личности, пытаясь быть наиболее объективными. Среди них — офицер императорской армии, прошедший почти все компании, от Итальянской до Русской, Франсуа Жильбер Костон (*François Gilbert Coston, baron de*)⁴¹; личный секретарь Наполеона, затем Марии-Луизы, безуспешно требовавший от французского правительства разрешения разделить с низложенным императором изгнание на Святой Елене, Клод Меневаль (*Claude François de Méneval*); антибонапартист, в молодости отбывавший даже за это тюремное заключение, получивший из рук Людовика XVIII орден Почетного легиона, Луи Габриэль Мишо (*Louis-Gabriel Michaud*). Все они, опираясь на уже известные документы и признавая заслуги великого человека перед Францией, датируют его рождение традиционно 15 августа 1769 г. Они утверждают, что именно этот срок «неопрровержимо установлен» (*établie d'une manière irréfragable*) свидетельством о крещении. Фальсификация же возраста в свидетельстве о браке объясняется простым желанием сделать приятное Жозефине, а также «небрежностью, которую извиняло свободное течение той эпохи» (*une irrégularité qu'excusait le laisser aller de l'époque*)⁴². Костон публикует также бюллетень выпуска Наполеона из Бриеннской школы от 17 октября 1784 г., содержащий официальную дату его рождения — 15 августа 1769 г., процитированный ранее Бурьенном⁴³. Мишо, заканчивая свой труд «Публичная и личная жизнь Наполеона Бонапарта», замечает: «Таков был этот человек, чья колоссальная фигура доминирует в истории наших дней. После долгого наблюдения, после ознакомления со всеми свидетельствами мы показали его таким, каким увидели, во всей его нагоде, с его пороками и достоинствами во всей откровенности нашего мнения, *sine ira et studio* (лат. без гнева и пристрастия), без злобы, без любви, без другого интереса, кроме исторической истины»⁴⁴.

Здесь можно было бы признать принадлежность личности Наполеона истории, его огромное значение для Франции и Европы и несущественность в этом отношении даты

³⁹ Actualités diverses // *La Quotidienne*. 29.X.1834. № 302. P. 3.

⁴⁰ *Eckard J.* Note supplétive à un écrit qui a pour titre: Question d'état civil e1 historique: Napoléon Buonaparte est-il né français? // Appendice aux "Recherches historiques et biographiques sur Versailles". Versailles, 1834. P. 35; *Idem.* Recherches historique et biographiques sur Versailles. 2 ed., revue, augmentée et suivie de quelques autres écrits. Versailles, 1836. P. 396.

⁴¹ Биографию см.: *Liévyns A., Verdout J.-M., Bégat P.* Fastes de la Légion-d'Honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre: in 5 vol. T. 5. Paris, 1847. P. 122.

⁴² *Coston F.-G. de.* Op. cit. P. 7, 446; *Méneval C.-F.* Napoléon et Marie-Louise: souvenir historique: in 3 vol. T. 1. Paris, 1843. P. 229–230. N. 2; *Michaud L.-G.* Vie publique et privée de Napoléon Bonaparte. Paris, 1844. P. 7. N. 2.

⁴³ *Coston F.-G. de.* Op. cit. P. 56.

⁴⁴ *Michaud L.-G.* Op. cit. P. 220–221.

рождения. Однако вмешались внешние обстоятельства, которые позволили оставить на плаву старый спор.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСЧЕЗЛО»: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К СЮЖЕТУ «НАПОЛЕОН И ШАТОБРИАН»

В феврале 1848 г. рухнула Июльская монархия и вскоре после этого умер Франсуа Рене Шатобриан, завещавший после его смерти опубликовать знаменитые «Замогильные записки». В пятом томе, вышедшем в 1849 г. (до этого тот же фрагмент «Записок» был опубликован газетой *La Presse* в номере от 11 июля того же года), писатель вернулся к утверждению, что Наполеон родился 5 февраля 1768 г. Обращает внимание Шатобриан и на старый сюжет об изъятии Наполеоном в 1810 г. своего свидетельства о крещении, предоставленного для свадьбы, из архива мэрии второго округа Парижа. Это, по мнению мемуариста, подтверждает желание императора скрыть истинную дату своего рождения.

Биография Наполеона, вошедшая в «Замогильные записки», писалась Шатобрианом в Италии в 1828 г. Видимо, он, как и Пьер Анри, был одним из тех авторов, которым Эккар показывал свою неопубликованную работу, провозглашающую 5 февраля 1768 г. датой рождения Наполеона: именно брошюру Эккара Шатобриан упоминает в качестве своего источника сведений. Однако очевидно и другое: опубликованную работу Эккара, изменившего свое мнение, Шатобриан не читал. И ему это было не нужно. Он не искал историческую истину, ему было важно доказать иностранное происхождение человека, против которого он сражался на почве исторической памяти: «Омолодился ли Бонапарт на год с тем, чтобы оказаться французом, т.е. чтобы его рождение не предшествовало дате присоединения Корсики к Франции? Этот вопрос кратко, но содержательно обсуждается г-ном Эккаром: его брошюру можно прочесть. Отсюда следует, что Бонапарт родился 5 февраля 1768 г., а не 15 августа 1769 г., несмотря на положительное утверждение г-на Бурьенна. Вот почему консервативный Сенат в своем воззвании от 3 апреля 1814 г. рассматривал Наполеона как *иностранца*. ...Свидетельство о рождении Бонапарта, унесенное адъютантом в 1810 г., исчезло; все поиски для его обнаружения не увенчались успехом. Это неопровержимые факты, и я также думаю, исходя из этих фактов, что Наполеон родился в Аяччо 5 февраля 1768 г. ...Бонапарт склонялся к итальянской родине; он ненавидел французов до тех пор, пока их доблесть не дала ему империю. Доказательства этого отращения изобилуют в записях его юности»⁴⁵.

«ПРОБУДИТЬ ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ»: СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ НАПОЛЕОНА И ПОЛЕМИКА О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ

Новый этап в обсуждении воскрешенной «Замогильными записками» темы наступил с приближением столетия со дня рождения Наполеона — во второй половине 1860-х годов. В 1866 г. вышел 37-й том «Новой всеобщей биографии», издаваемой братьями Фирмэн-Дидо (*Firmin-Didot*) под редакцией врача и лексикографа немецкого происхождения Фердинанда Офера (*Ferdinand Höfer*). Том содержал большой раздел «Биография Наполеона, его династии и членов его семьи». Здесь в орбиту широкого научного и общественного осмысления вводится еще один документ, написанный по-латыни. Это выписка из реестра крещений города Кортэ на Корсике 1768 г., которая была изготовлена 19 июля 1782 г. и обнаружена в военном архиве. Текст документа не был воспроизведен полностью, но сообщалось, что «Наполеон, названный в этом акте Набулионе, должен был родиться в Кортэ 7 января 1768 г.; речь идет именно о Наполеоне Бонапарте, потому что указаны имена родителей»⁴⁶.

Автор не может объяснить происхождение и дату, указанную в этом документе, воспроизводя уже бытовавшие ранее рассуждения, что, во-первых, Наполеону не было

⁴⁵ *Chateaubriand F.-R. Mémoires d'Outre-Tombe*. P. 202, 204–206.

⁴⁶ *Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus réglés jusqu'à nos jours*: in 46 vol. T. 37. Paris, 1866. Col. 194.

нужно фальсифицировать дату своего рождения, так как Франция не делала различий между теми, кто родился до присоединения Корсики и после; во-вторых, что невозможно признать дату рождения Наполеона, указанную в акте, так как в это же число родился его старший брат Жозеф, и, наконец, то, что существует ряд документов, связанных с обучением Наполеона в Бриеннской школе, которые сообщают традиционную дату⁴⁷.

Объяснение этому было найдено Огюстом Жалем (Auguste Jal), историографом и архивистом, спасшим, благодаря публикации в своем фундаментальном «Критическом словаре биографии и истории», множество документов, сгоревших затем в 1871 г. во время беспорядков в Париже. Он опубликовал текст латинского документа, выданного настоятелем храма св. Маркела в Кортэ и засвидетельствовавшего церемонию крещения в церкви Благовещения этого города 8 января 1768 г. младенца, родившегося днем ранее, 7 января, и нареченного Набулион. Родителями мальчика являются Карло и Летиция Бонапарте из Аяччо.

Жаль утверждает, что перед глазами чиновника гражданского состояния 2-го округа Парижа был именно этот документ, но прочел и перенес сведения в составляемый акт о браке он невнимательно. Отсюда и ошибка и в дате, и в месте рождения. О том, что Наполеон родился в Аяччо, утверждает Жаль, было известно в Париже, и чиновник, не очень хорошо знавший латынь, увидев в акте слово *Adjacii*, распознал его как место рождения Наполеона, а не место происхождения его родителей, коим оно на самом деле являлось. Слово же *Curtis* (Кортэ) не было им разобрано и правильно атрибутировано. На церемонии заключения брака акт читался очень быстро, и Наполеон, «влюбленный и торопящийся», слушал его даже менее внимательно, чем все остальные, поэтому ошибки не были исправлены.

Этот латинский документ был не чем иным, как свидетельством о рождении Жозефа Бонапарта. Имя же Набулион (Наполеон), по мнению Жалю, было дано двум детям, что не было редкостью в то время, один из них потом, чтобы отличить свою индивидуальность, поменял его. Кроме этого, Жалем в архиве Парижской военной школы была найдена еще одна копия итальянского свидетельства о крещении, предоставленного при поступлении Наполеона в это учебное заведение.

Показав все это, Жаль делает вывод, уже ранее звучавший в рассуждениях поэта Арно: «Отец Наполеона вовсе не ошибся во времени рождения ученика военной школы, как это утверждали те, кто хотел установить, что, будучи рожден до присоединения Корсики к Франции, т.е. до 1769 г., Бонапарт не был французом... Бонапарт был французом по услугам, оказанным стране, которой он служил с ранней юности; этого было достаточно и слишком много». И вообще, все это дело Жаль приписывает лишь «салонным слухам», нелепым и корыстным⁴⁸.

Незадолго до работы Жалю историком Корсики Леонардом Сен-Жерменом (Léonard de Saint-Germain) была опубликована фотокопия того самого места реестра гражданского состояния Аяччо, куда был занесен итальянский акт крещения Наполеона⁴⁹.

Всем этим, казалось бы, можно было ограничиться, но 12 апреля 1869 г. в печати было опубликовано письмо императора Наполеона III государственному министру Эжену Руэ (Eugène Rouher), отвечающему за организацию праздников и церемоний. Главная инициатива письма состояла в том, чтобы выделить дополнительное денежное довольствие воинам Первой империи в честь грядущего столетия Наполеона I: «Господин министр, 15 августа исполняется сто лет со дня рождения императора Наполеона. За этот долгий период нагромоздилось много руин, но великая фигура Наполеона осталась стоять. Именно она еще направляет нас и защищает нас; это она из ничего сделала меня тем, что

⁴⁷ Ibid. Col. 195–197.

⁴⁸ Jal A. Dictionnaire critique de biographie et histoire. Paris, 1867. P. 900–902.

⁴⁹ *Saint-Germain L.* Album de la famille Bonaparte: reproduction des portraits originaux légués à la ville d'Ajaccio par Madame Mère. Nice, 1866.

я есть. Празднование столетия рождения человека, который называл Францию великим государством... является для меня священным долгом, в котором вся страна захочет соединиться. На мой взгляд, лучший способ почтить этот национальный юбилей — пролить немного щедрот среди старых товарищей Императора по оружию. Два миллиона семьсот тысяч франков, которые орден Почетного легиона распределяет им каждый год, недостаточны для обеспечения их существования. Я подумал, что можно было бы обязать депозитную кассу обеспечить этих старых солдат более высокими пожизненными пенсиями... Я бы хотел, чтобы с будущего 15 августа каждый солдат Республики и Первой империи получал ежегодную пенсию в 250 франков. Законодательный корпус, я не сомневаюсь, будет приветствовать это предложение с национальным чувством... Пробудить великие исторические воспоминания — означает возродить веру в будущее; воздать должное памяти великих людей — значит различать одно из самых ярких проявлений божественной воли. Я прошу вас прийти к соглашению с министром финансов и министром моего Двора, чтобы подготовить законопроект и незамедлительно представить его в законодательный орган после консультации с Государственным советом»⁵⁰.

Отношение к Наполеону III внутри его страны к этому моменту было очень скептическим, неудачи как внешней, так и внутренней политики, несмотря на ряд либеральных реформ, усиливали антибонапартистские настроения, на рынке наблюдался товарно-денежный дефицит. Вторая империя близилась к закату. Сам Луи-Наполеон надеялся воспринимать о своем великом предке сплотить нацию и заставить ее поверить в будущее.

Но вышло наоборот. Это императорское письмо вызвало к жизни полемику на страницах оппозиционной газеты *L'Union*. Огюст Эмэ Булле (*Auguste-Aimé Boullée*) — писатель и государственный деятель эпохи Реставрации, вышедший в отставку после Июльской революции, опубликовал в газете⁵¹, а затем, с некоторой авторской правкой, отдельным изданием, работу под тривиальным названием «Об официальной дате рождения Наполеона I» (*Sur la date officielle de la naissance de Napoléon Ier*). В ней Булле не вводит в научный оборот никаких новых документов, а лишь трактует уже известные: «В то время, как сторонники Первой империи поддерживали *modicus* (лат. «всеми силами». — А.Г.) их официальную дату, среди противников Наполеона казалось занимательным приписать чисто генуэзское происхождение первому императору французов».

Эту «занимательность» Булле относил к процитированному выше латинскому акту, который Жаль вполне аргументированно отнес к старшему брату Наполеона Жозефу Бонапарту. Однако эти выводы Жалю Булле не заинтересовали, он лишь заявил, что все подобные трактовки «непреодолимо терпят неудачу перед присвоением новорожденному имени Набулион»⁵². Критикуя выводы своего оппонента, Булле обращает внимание лишь на его, действительно, не вполне состоятельные рассуждения о спешке во время брачной церемонии, не замечая всех остальных его аргументов.

Пытаясь показать собственную беспристрастность, Булле ставит рядом два «аутентичных» и противоречащих друг другу документа — латинское свидетельство о крещении *Набулиона* (курсив мой. — А.Г.) и один из документов, представленных Шарлем Бонапартом в Бриеннскую школу, — итальянское свидетельство о рождении, откуда дата рождения была внесена в штат учеников, заверенный Керальо. При этом Булле делает следующий вывод: «Итак, что же осталось в общей сложности в основании этого необычного конфликта? Два акта, одинаково достоверных, явно непримиримых, высказывания которых обоюдно противоречат друг другу, не предполагая ни у одной, ни у другой стороны никаких реальных подозрений в мошенничестве или обмане. Если, как-то, вероятно, это сообщение, о котором могли судить как о беспристрастном, вызовет появление новых

⁵⁰ *Le mémoire diplomatique: Journal international, politique, littéraire & financier*. 15.IV.1869. № 15. P. 236–237.

⁵¹ *Boullée A.-A. De la date de la naissance de Napoléon Ier // L'Union*. 27.IV.1869. № 117. P. 1.

⁵² *Boullée A.-A. Sur la date officielle de la naissance de Napoléon Ier*. Paris, 1869. P. 1–2, 4.

свидетельств и новых разъяснений, долг биографа будет изучать источники этих сведений, удостоверять их ценность и честно признавать выводы своего исследования, какими бы они ни были»⁵³.

Однако из последних нескольких фраз статьи Булле становится понятно, зачем вообще она писалась. Цель была чисто политическая — указать Наполеону III на то, что он не может своей собственной волей решать, когда отмечать юбилей и — между строк — выделять ли дополнительное денежное содержание воинам эпохи Первой империи. «До тех пор (пока не будут изучены новые сведения. — *А.Г.*) вопрос продолжит быть нерешенным, и императорская власть напрасно льстит себе тем, что лишь одним выражением одобрения рассеяла долгую тьму, парящую над хронологическим происхождением ее основателя. Действительно, прошло время, когда державное слово заставляло верующее и послушное население признать себя непреложной истиной. Неизбежное и прогрессивное противодействие последовало за этой долгой покорностью. Поколение, разочарованное и подозрительное, придерживается в этом равного недоверия официальным декларациям и рекомендациям, и (да простят мне тривиальность этой метафоры) вывеска перестала, по крайней мере на время, прикрывать товар»⁵⁴.

На страницах той же *Union*, посвятившей вопросу отдельный раздел «Столетие первого Наполеона», Булле ответил Леонард Сен-Жермен, который обратил внимание, как до него и Жаль, на то, что латинский акт, фиксирующий крещение ребенка под именем Набулион, относился к старшему брату Жозефу. В свете предстоящего юбилея и, видимо, во избежание лишнего «салонных слухов», которые циркулировали в обществе, власти приняли решение запретить доступ к документам военного министерства, касающимся Наполеона I, и Сен-Жермен не смог оценить акт крещения, хранящийся в этом архиве. Помимо парижского архива текст этого акта сохранился в реестрах Корте. В ответ на соответствующий запрос он получил латинский текст, несколько отличающийся от предыдущего.

В этой копии имя ребенка читается как Жозеф Набулион (*Joseph Nabulion*). Имя «Жозеф», видимо, более поздняя вставка, так как оно не латинизировано, однако само наличие этой вставки весьма показательны. В дальнейшем Сен-Жермен оперировал уже известными документами: записью штата учеников военной школы Бриенна, заверенной шевалье Керальо 1783 г., а также итальянским свидетельством о крещении от 21 июля 1771 г.: «При наличии этих подлинных документов сомнение больше недопустимо: Наполеон I действительно родился в Аяччо 15 августа 1769 г.»

Вывод, который делает историк, однако, вполне примирительный: «Теперь Наполеон генуэзец или француз? Это серьезный вопрос, который... не решен, и я могу сказать, что это один из исторических вопросов нашей эпохи, самых странных, самых драматических и самых таинственных, но он требует достоверного изложения»⁵⁵.

Этот вывод вполне устроил Булле, поместившего вслед за статьей Сен-Жермена в этом же номере *L'Union* свою «Реплику», выражающую, надо полагать, мнение всех, кто был не согласен с празднованием юбилея в 1869 г. Булле пишет: «Вывод, который г-н Леонард де Сен-Жермен делает из этой совокупности фактов, показался нам замечательным как образец сдержанности и беспристрастности»⁵⁶.

Однако сам Сен-Жермен все же придерживался в этом споре более определенных позиций. В своем «Путевом описании Корсики» (*Itinéraire descriptif et historique de la Corse*) он заметил: «Таким образом, подлинным актом (крещения Наполеона 1771 г. — *А.Г.*) находятся опровержения самым абсурдным утверждениям, повторенным серьезными писателями, которые должны были бы лучше осведомляться. Итак, этим неопровержимым

⁵³ Ibid. P. 7.

⁵⁴ *Boullée A.-A.* Sur la date officielle de la naissance de Napoléon Ier. P. 7–8.

⁵⁵ Le centenaire du premier Napoléon // *L'Union*. 27.VII.1869. № 208. P. 3.

⁵⁶ Ibidem.

документом установлено, что Бонапарт был французом, что он родился 15 августа 1769 г., а не 5 февраля 1768 г.»⁵⁷.

«НО ЗАЧЕМ ТАК НАСТАИВАТЬ?»: СПОР О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Эпоха Второй империи закончилась, столетний юбилей миновал, и тема даты рождения Наполеона вновь на некоторое время забылась. Пожалуй, последний раз вопрос о дате рождения первого императора Франции был всерьез поднят в монографии Анри Феликса Теодора Юнга (Henri Felix Théodore Jung (Iung)) «Бонапарт и его время» (Bonaparte et son temps). Сын художника немецкого происхождения Теодора Юнга (Théodore Jung), автора многих картин и гравюр, прославляющих Наполеона, он, однако, был скептически настроен по отношению к Бонапартам, видимо потому, что карьера его при Наполеоне III долго не налаживалась. Возможно, также поводом для публикации в 1880 г. первого тома названного труда, где как раз и обсуждается данная проблема, стал кризис в бонапартгистской партии, вызванный смертью сына Наполеона III Эжена Луи Наполеона (1879 г.).

Юнг признает, что фальсификация даты рождения для того, чтобы отодвинуть ее на время после официального присоединения Корсики к Франции, юридически не имела никакого смысла и называет подобные утверждения «несерьезными»: «Единственным фактом покорения Франции все корсиканцы приобрели одинаковые права на посты и должности, какова бы не была дата их рождения»⁵⁸.

Однако констатация этого не освобождает Бонапартов от обвинений в фальсификации целых массивов документов: «Деликатность поступков — чувство, неизвестное в семье Бонапартов. Подмена актов, создание неточных свидетельств, ложных служебных характеристик для Бонапартов, Жозефа и Луи — вещи незначашие. Цель оправдывает средства, кажется...Тщательность, с которой Бонапарты, придя к власти, изъяли все бумаги, касающиеся их, из Марселя, Аяччо, Бастии и Корте, является довольно серьезным обвинением. Уничтожение достоверных листов реестра рождений церковного прихода Аяччо, введение в архивы неверных бумаг, касающихся Жозефа ...только подтверждают это мнение»⁵⁹.

Привлекая косвенные свидетельства, зачастую очень натянутые, Юнг утверждает, что Шарль Бонапарт поменял местами время рождения своего первого и второго сыновей для того, чтобы, омоложив Наполеона на полтора года, дать ему, уже якобы перешагнувшему предельный для поступления 10-летний возраст, возможность стать учеником Бриеннской военной школы.

Конечно, это объяснение не выдерживает критики, и, кажется, весь этот этюд про дату рождения и был задуман лишь для того, чтобы опубликовать вышецитированные рассуждения о том, как Бонапарты подменяли и изымали документы из архивов. Автор, сам понимая это, с некоей долей иронии замечает в конце этого фрагмента своего сочинения: «Это объяснение хорошо? Мы придаем ему ровно столько, сколько оно стоит. Как мы это говорили выше, оно имеет мало значения. От того, что Бонапарт родился в одну дату или в другую, он не стал менее известным человеком, жизнь которого мы изучаем, и это единственное, чем мы должны здесь заниматься»⁶⁰.

Подобное объяснение не могло никого убедить, и ближайшие поколения историков остались приверженцами традиционной даты, которая, судя по всему, и является верной. Известный австрийский историк Август (Огюст) Фурнье (August Fournier) лишь вскользь коснулся этого вопроса в своей фундаментальной, увидевшей свет во второй половине 1880-х гг. и переведенной на несколько языков трехтомной монографии «Наполеон I».

⁵⁷ *Saint-Germain L.* Itinéraire descriptif et historique de la Corse. Paris, 1869. P. 95.

⁵⁸ *Jung (Iung) Th.* Bonaparte et son temps, 1769–1799: d'après les documents inédits: in 3 vol. T. I. Paris, 1880. P. 48.

⁵⁹ *Ibid.* P. 47–48.

⁶⁰ *Ibid.* P. 50.

Написанная «очень доступно и по источникам», она до сих пор актуальна для немецкоязычного читателя⁶¹. Фурнье писал: «Наполеон родился 15 августа 1769 г. в Аяччо; дата, точность которой, впрочем, была поставлена под сомнение недавними исследованиями. И действительно, недавние свидетельства немало способны поколебать авторитет столь прославленного Дня Наполеона. Согласно им, 1768 г. должен быть годом рождения, а Корте — местом рождения знаменитого человека. Однако доказательств недостаточно, чтобы уже сегодня окончательно отвернуться от до сих пор имевшей авторитет традиции; кроме того, по сравнению со многими великими событиями в жизни нашего героя, может иметь лишь второстепенное значение, пришел он в мир годом раньше или позже, во внутренних районах или на побережье своей родины. Достаточно того, что он был там и довольно скоро дал о себе знать»⁶².

Новый документ в этом деле, подтверждающий традиционную дату, был введен в научный оборот знаменитым историком Фредериком Массоном (Louis Claude Frédéric Masson), включившим свои «Заметки о юности Наполеона» (Notes sur la jeunesse de Napoléon) в сборник документов «Неизвестный Наполеон: неизданные бумаги» (Napoléon inconnu: papiers inédits). Массон благодаря своей женитьбе на дочери члена государственного совета при Второй империи был вхож в круг императорской семьи и имел доступ к архивным материалам, недоступным для других исследователей. Именно им был найден документ, поставивший точку в вопросе исторического осмысления этой даты и в публицистических спекуляциях, переводящих его политическую плоскость. Документ называется «Эпоха моей жизни» (Epoques de ma vie), принадлежит самому Наполеону и содержит следующую информацию: «Родился в 1769 г. 15 числа месяца августа. Отправился во Францию 15 декабря 1778 г. Прибыл в Отен 1 января 1779 г. Отбыл в Бриенн 12 мая 1779 г. Отбыл в Парижскую школу 30 октября 1784 г. Отбыл в полк де ла Фер в звании младшего лейтенанта 30 октября 1785 г. Отбыл из Валанса для полугодового отпуска в Аяччо 1786 г., 1 сентября. Таким образом, я прибыл на мою родину через 7 лет и 9 месяцев после моего отъезда в возрасте 17 лет и 1 месяца. Я стал офицером в возрасте 16 лет 15 дней (т.е. 1 сентября 1785 г. — *А.Г.*). Прибыв 15 сентября 1786 г., я отбыл 12 сентября 1787 г. в Париж, откуда я отбыл на Корсику, куда прибыл 1 января 1788 г., оттуда отбыл 1 июня в Оксон».

Эта маленькая записочка представляет собой перечень дат, записанных Наполеоном для своей памяти, и не предназначена для публикации. Здесь он трижды называет свой возраст: сначала — дату рождения, затем — когда прибыл на Корсику после 7 лет и 9 месяцев отсутствия и затем — когда стал офицером. Из всего этого Массон делает вывод: «Значит, он имел личную убежденность, что он родился 15 августа 1769 г. Иначе он не стал бы утверждать это три раза в одном документе, полностью личном, полностью индивидуальном, который он писал только для себя одного и который спустя век был открыт в забытой папке»⁶³.

Таким образом, публицистическая компонента ушла из этого спора. После Массона историки уже всерьез не обсуждали дату 5 февраля 1768 г. как возможное время рождения Наполеона Бонапарта.

В 1898—1899 гг. историк и литературовед Артюр Шюке (Arthur Maxime Chuquet) выпустил трехтомную монографию «Юность Наполеона» (La jeunesse de Napoléon), где, обсуждая этот вопрос, сосредоточился на опровержении идей Юнга о том, что Шарль Бонапарт поменял местами братьев Жозефа и Наполеона. Вспомнив обе упомянутые выше копии крестильного акта Жозефа, в одной из которых он назван Набулионом, а в другой — Жозефом Набулионом, он выдвигает гипотезу, что у Жозефа был старший брат,

⁶¹ Volker U. Napoleon. Eine Biographie. Reinbek, 2004. S. 12.

⁶² Fournier A. Napoleon I: eine Biographie: 3 Bände. Bd. 1. Von Napoleons Geburt bis zur Begründung seiner Alleinherrschaft über Frankreich. Leipzig; Prag, 1886. S. 5.

⁶³ Masson F. Notes sur la jeunesse de Napoléon // Napoléon inconnu: papiers inédits, 1786—1793. Paris, 1895. P. 16.

который и носил это имя до него, а Жозеф был вторым, поэтому, по существующей в семье традиции, был назван Набулионом (Наполеоном). Затем этот ребенок умер, а имя Жозеф перешло к будущему королю Неаполя и Испании. Так это или нет, но по всем семейным документам Жозеф действительно был старшим, утверждает Шюке, а если бы это было не так, это стало бы известно рано или поздно. Все младшие братья и сестры Жозефа считали его старшим, хотя, как сам он шутил, Наполеон ловко подменил «его право первородства», имея в виду феноменальное возвышение своего брата. «Наполеон часто спорился с Жозефом, — писал Шюке, — но он обычно отходил первым, потому что имел к нему уважение, которое корсиканцы проявляют к старшим. Жозеф никогда не сомневался в своем рождении в Корте и в своем праве первородства. ...Именно ему, как старшему, его умирающий отец поручил семью в 1785 г., а в 1835 г. в письме к матери Жозеф свидетельствовал о себе, что он, согласно его роли и долгу, сделал то, что мог для своей семьи, не нарушая своих обязанностей в течение полувека»⁶⁴.

Шюке заключает свое исследование риторическим вопросом: «Но зачем так настаивать? Свидетельство о рождении Наполеона существует, и, согласно повсеместному использованию до революции, это его свидетельство о крещении. Оно было подписано крестным отцом, крестной матерью и отцом ребенка, а также экономом прихода Аяччо Жан-Батистом Диамантом. Оно сообщает, что в 1771 г., 21 июля, в отцовском доме с разрешения преподобного Люсьена Бонапарта святые обряды и молитвы были совершены над Наполеоном, родившимся 15 августа 1769 г. Этого единственного документа достаточно»⁶⁵.

* * *

И, наконец, уже в середине 1920-х Огюстен Кабане (Augustin Cabanès) — врач и историк медицины, издал монографию «В изголовье императора» (*Au chevet de l'Empereur*), где наибольшее внимание уделил последним дням Наполеона на острове Святой Елены. Однако обойти вниманием проблему даты рождения он не смог. Кабане вводит в научный оборот еще одно подтверждение традиционной даты, а именно книгу расходов Шарля Бонапарта, в которой, отмечая рождение своей дочери Паолы-Марии (Паулетты) в октябре 1780 г., он вспомнил и своих двух старших сыновей, которые находились на обучении вне дома: «О рождении Паулетты, известной в истории под именем Полины Бонапарт, ее отец, который является также отцом Наполеона, записал в своем реестре расходов: “ночью 20 октября 1780 г., в 10 часов с половиной сеньора Летиция, моя жена, родила ребенка, которого мы назвали Паулеттой, т.е. Паола-Мария, крестным отцом был мой дядя, архидьякон”. На той же самой странице Шарль собрал рождение остальных своих детей, и мы находим здесь еще раз подтверждение того, что Жозеф на самом деле родился в Корте в 1768 г., а Наполеон в Аяччо в следующем году. “Мой сын Жозеф, который в колледже в Отене, — замечает отец в своих табличках, — родился в Корте 7 января 1768 г., мой сын Наполеон, который во Франции в военном колледже, родился в Аяччо 15 августа 1769 г.” А несколькими страницами далее Шарль Бонапарт записывает свежий этюд о Жозефе: “Пансион Жозефа, моего старшего, с марта 1782 г. по март 1783 г...”. Случай вам кажется, как и нам, отныне разобраным»⁶⁶.

Современными учеными данный вопрос либо вообще не освещается, либо трактуется как откровенная фальсификация, которую не стоит подробно исследовать. Для них он действительно оказался давно изученным. Самый известный, ныне здравствующий историк Наполеона Жан Тюлар (Jean Claude Fernand Tulard), книга которого Наполеон, или Миф о “спасителе”» выдержала начиная с середины 1970-х годов несколько изданий, проблему даже подробно не рассматривает, упомянув о дискуссии в немногих

⁶⁴ *Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. T. 1. Brienne. Paris, 1898. P. 66.*

⁶⁵ *Ibid. P. 67.*

⁶⁶ *Cabanès A. Au chevet de l'Empereur. Paris, 1925. P. 30, 33.*

фразах⁶⁷. В русском издании «Наполеона, или Мифа о “спасителе”» этот фрагмент и вообще отсутствует.

Другой современный наполеоновед Тьерри Ленц (Thierry Christian Marie Lentz) в также переизданной неоднократно книге «Наполеон в 100 вопросах» замечает: «Эта ревизия “французской национальности” Наполеона берет свое начало в мнимой фальсификации даты его рождения. Согласно этому тезису, он родился в 1768 г., когда Корсика еще не была французской. Шатобриан и мадам де Сталь были из тех, кто выставлял это обвинение против “рокового иностранца”. Но они ошибались...»⁶⁸.

«БЫЛ СОБЛАЗНЕН ЗНАКОМ ЛЬВА»: ДАТА РОЖДЕНИЯ НАПОЛЕОНА КАК ПРЕДМЕТ АСТРОЛОГИИ И ЭССЕИСТИКИ

Исчезнув из публицистического и научного контекста, вопрос перешел в другие области, среди которых прежде всего надо отметить астрологию.

В августе 1969 г., в двухсотлетнюю годовщину со дня рождения Наполеона, в литературном приложении к *Le Figaro – Le Figaro littéraire* – появился довольно объемный иллюстрированный материал, возвращающий читателя к старому спору⁶⁹. Его автор Жильбер де Шамбертран (Gilbert de Chambertrand), известный своими разносторонними увлечениями и занятиями, назвал свою статью «Когда Наполеон родился на самом деле?». Здесь, привлекая астрологические расчеты, он доказывает, что две даты, которые назывались в качестве дат рождения Наполеона, «противопоставлены друг другу ... в зодиакальной и космической области, потому что 15 августа солнце находится в знаке Льва, а 5 февраля – в знаке Водолея, диаметрально противоположном». В традиционной дате, по мнению Шамбертрана, много «подозрительных деталей» (*des précisions bien suspectes*): сам Наполеон засвидетельствовал ее уже «в преддверии могилы», Жозеф Бонапарт упомянул о датах рождения своей и брата тоже лишь кратко и в незадолго до смерти написанных мемуарах, а документы, относящиеся к этому делу, были либо изначально выполнены с единственным намерением подтвердить традиционную дату, либо отредактированы, либо вообще утеряны.

В качестве аргументов в пользу даты 5 февраля приводится то, что Наполеон имел перстень с аметистом, который является камнем созвездия Водолей. В случае своего появления на свет 5 февраля именно под этим знаком он и был бы рожден. Однако в пропагандистских целях Наполеону было выгодней отнести дату своего рождения под знак Льва. Возвращается Шамбертран и к старой мотивации об официальном присоединении Корсики к Франции. И третьей причиной выбора даты 15 августа для перенесения на нее дня своего рождения для Наполеона, по словам Шамбертрана, было то, что в этот день католики (и французы в том числе) праздновали Успение Богородицы: «Во-первых, поскольку Франция заняла Корсику только во второй четверти 1769 г., дата должна была быть выбрана после 1 июля. Также возможно, что Наполеон был соблазнен знаком Льва, через который Солнце проходит с 21 июля по 21 августа, Лев казался отвечающим его амбициям. Но, безусловно, именно праздник Успения Пресвятой Богородицы определил его выбор. Не только его отец, его мать, его жена носили имя Мария, и, возможно, он тоже, но, прежде всего, Корсика была посвящена Деве»⁷⁰. Перстень же стал «нескромным свидетелем» и потому был подарен Марии Валевской.

Далее доказательства сосредотачиваются в области чисто астрологической и космологической. Шамбертран рассуждает о том, что дважды в год солнце, поклонение которому Наполеон, если верить барону Гурго, хотел бы избрать своей религией, уходит за горизонт, появляясь в проеме Триумфальной арки. Оно заходит на так называемой

⁶⁷ *Tulard J.* Napoléon ou le mythe du sauveur. Paris, 1980. P. 56.

⁶⁸ *Lentz T.* Napoléon en 100 questions. 4 ed. Paris, 2021. P. 11.

⁶⁹ *Chambertrand G.* Quand Napoléon est-il vraiment né? // *Le Figaro littéraire*. 11–17.VIII.1969. № 1212. P. 6–11.

⁷⁰ *Chambertrand G.* Op. cit. P. 8.

исторической оси Парижа, начинающейся от Лувра (или даже от Венсенского замка), проходящей Бастилию, Отель-де-Виль, Лувр, арку Каррузель и сад Тюильри, Площадь Согласия, Елисейские Поля, Площадь Звезды с Триумфальной аркой и заканчивающейся в деловом районе Дефанс у одноименной арки, построенной по инициативе Франсуа Миттерана. Это два дня в году – 5 мая (день смерти Наполеона) и 7 августа, когда свергнутый император поднялся на борт корабля Нортумберленд, отплывающего на остров Святой Елены. Ось же наклонена к параллели Парижа подобно тому, как плоскость эклиптики (круга небесной сферы, по которому происходит видимое с Земли годичное движение Солнца) наклонена к плоскости экватора. В то же время биссектрисами прямых углов, образованных пересечением оси солнцестояний и оси равноденствий, являются прямые, соединяющие попарно четыре даты. Это уже названные 5 мая и 7 августа, а также 5 февраля, которое является доказываемой Шамбертраном датой рождения Наполеона, и с трудом объясненное 7 ноября, «когда было решено и назначено через два дня исполнение государственного переворота 18 брюмера». Все эти построения названы «замечательной теограммой» (*un merveilleux théogramme*).

Кроме всего этого, автор фокусируется на самом имени Наполеон, которое также привлекается им для подтверждения даты рождения 5 февраля 1768 г. Он обращает внимание на две буквы N по обеим сторонам имени, которые «поддерживают центральную часть как вертел торговца жареным мясом поддерживает курицу». Этими N в космографии обозначаются узлы Луны (точки пересечения орбиты Луны с эклиптикой) – восходящий и нисходящий. То, что находится между этими двумя буквами, относится к движению солнца по эклиптике и расшифровывается следующим образом: «апо» – это греческий префикс, который обычно используется в астрономии и означает «самый дальний от», «лео» – латинское слово означающее Лев. Таким образом, имя Наполеон говорит нам, что Солнце наиболее далеко от Льва, то есть в середине Водолея, а время, когда оно находится в середине Водолея, календари датируют 5 февраля. Год же рождения, 1768 г., зашифрован восемью буквами, содержащимися в имени Наполеон⁷¹. Все эти построения, не лишённые, впрочем, определенного остроумия, все же имеют мало отношения к реальности.

В астрологическом дискурсе вопрос даты рождения первого французского императора сохраняется едва ли не до сегодняшнего дня. Среди астрологов считалось, что дата рождения Наполеона и его гороскоп не совпадают. В 1982 г. немецкоязычный журнал «Меридиан», позиционирующий себя как «научный журнал по всем областям астрологии, космобиологии и астропсихологии», опубликовал маленькую анонимную заметку под названием «День рождения Наполеона (исправление)»⁷². Здесь не найти никаких сложных астрономических построений и чертежей, как у Шамбертрана. В заметке безапелляционно заявляется, что дата рождения должна быть исправлена на основании берлинского издания – «Немецкого народного календаря на 1838 г.». Упомянутый календарь – не что иное, как издаваемый Фридрихом Вильгельмом Губицом (*Friedrich Wilhelm Gubitz*) «Ежегодник полезного и занимательного» (*Jahrbuch des Nützlichen und Unterhaltenden*) на 1838 г. Здесь на нескольких страницах находим статью о Наполеоне, в которой констатируется, что «он родился на Корсике в Аяччо 5 февраля 1768 г., соответственно, ранее, чем Корсика вошла во Францию». Лишь после того, как он стал консулом, он перенес дату своего рождения, «потому что хотел создать впечатление, что родился французом»⁷³. Материал этот имеет по отношению к французской полемике явно второстепенное значение и спровоцирован ее начальным этапом. Но для автора «Меридиана» этого оказывается достаточно для сенсационного вывода: «всегда удивлялись, что дата рождения и гороскоп не совпадали. Теперь этому – вышеупомянутое объяснение»⁷⁴.

⁷¹ *Chambertrand G. Op. cit. P. 10.*

⁷² *Der Geburtstag Napoleons (Berichtigung) // Meridian: Fachzeitschrift für alle Gebiete der Astrologie, Kosmobiologie und Astropsychologie. 1982. № 1. S. 11.*

⁷³ *Jahrbuch des Nützlichen und Unterhaltenden für 1838. Berlin, 1838. S. 137.*

⁷⁴ *Der Geburtstag Napoleons (Berichtigung)... S. 11.*

* * *

И, наконец, упомяну здесь еще о том, что можно назвать популярной историей или исторической эссеистикой, посвященной дате рождения Наполеона. Среди материалов сайта о Наполеоне, автором которого является бельгиец Бернар Копен (Bernard Coppens), историк-популяризатор и иллюстратор собственных книг, находим небольшую статью, посвященную интересующему нас вопросу. Для Копена вопрос этот все еще не лишен исторической актуальности, по сути же — это материал для создания популярной истории. Он отмечает предвзятую оценку современной историографией творчества исследователей, критически относящихся к Наполеону. Именно поэтому, считает Копен, точка зрения о том, что Наполеон скрыл свою подлинную дату рождения, не возобладали, а на нее, между тем, необходимо обратить внимание: «Я... не говорю, что Наполеон родился в 1768 г., а не в 1769 г., я просто отмечаю, что историки удалили этот вопрос в форме быстрой и малоубедительной; вот почему я думаю, что сбор данных может быть полезен. Мне все еще не хватает аргументов полковника Юнга, потому что его сочинения не так легко найти, как работы Массона, Шюке и Кабане. Действительно, эти последние не “враждебны Императору” и тем самым снискали огромную популярность публики. Заметим в этом отношении, что Ж. Тюлар считает полезным указать, что Юнг враждебен Наполеону, в то же время он опускает, что Массон идолопоклоннически боготворит выдающуюся личность»⁷⁵. Однако данный аргумент не может быть серьезно принят во внимание: в эпоху цифровизации работы Юнга так же доступны, как и труды «невраждебных» Наполеону исследователей.

«ИСТОРИЮ НАПОЛЕОНА ПРИДЕТСЯ ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ КАЖДЫЙ ГОД»: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пройдя почти двухсотлетний путь, легенда о дате рождения Наполеона дожила до наших дней. Сейчас энциклопедии и справочники не фиксируют каких-либо проблем с ее определением. Интерес, который эта проблема вызывала, постепенно трансформировался из политического в источниковедческий, а затем в мистический или даже спекулятивный. Наполеон вошел в историю и останется в ней навсегда. Ж. Тюлар замечает: «Не обречен ли на забвение исчезнувший с мировой сцены император после того, как занимал ее почти двадцать лет? Слишком искусный пропагандист для того, чтобы игнорировать разрушения, наносимые людской памятью его отсутствием, он собирался дать со скалы Святой Елены свой последний бой, высекая образ, который желал оставить потомству»⁷⁶.

Элементом этого образа была загадка с датой и местом рождения, которую Наполеон среди бесчисленного наследия завещал потомкам. Она породила множество страниц печатного текста, к которым теперь добавился текст электронный, правда, в гораздо меньшем объеме.

Здесь стоит упомянуть еще об одной попытке перенести дату рождения Наполеона и объявить его к тому же сыном не Шарля Бонапарта, а губернатора Корсики Луи де Марбёфа (Charles Louis de Marbeuf), бретонца по происхождению, с которым у матери Наполеона Летиции якобы в начале 1770-х гг. был роман. Эта легенда была подхвачена антибонапартистскими кругами, правда, имела гораздо меньшее распространение, чем та, о которой эта статья, и послужила поводом для переноса даты рождения на 1770 г. или даже на 1771 г., когда состоялось крещение будущего императора. Сторонники этой версии утверждали, что имя Наполеон является анаграммой местечка Сен-Поль-де-Леон (Saint-Pol-de-Léon) в Бретани, где Марбёф владел двумя замками: Наполеон — «рожденный в Поль-Леоне» (né à Pol-de-Léon). Несмотря на всю ее абсурдность, легенда эта

⁷⁵ Coppens B. Napoléon est-il né en 1769? // L'Annuaire 1789–1815. URL: https://www.1789-1815.com/p_nb_naissance.htm (дата обращения: 04.09.2022).

⁷⁶ Tulard J. Napoléon ou le mythe du sauveur. P. 600.

продолжала пропагандироваться уже в начале XXI в. некоторыми бретонскими писателями — в погоне за сенсацией и с целью сделать Наполеона своим земляком⁷⁷.

«Лет через пятьдесят историю Наполеона придется переделывать каждый год»⁷⁸, — прозорливо заметил Стендаль, имея в виду появление все новых источников. И ее писали, пишут и будут писать, находя все новые поводы для этого. Однако вопрос с датой представляется закрытым.

Библиография / References

Бурьенн Л.-А. Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов: в 5-ти т. Т. I. СПб., 1834.

Каневский Л. Д. Несравненная Жозефина. М., 2010.

Кареев Н. И. По поводу нового сочинения о Наполеоне I. Th. Jung. Bonaparte et son temps. Paris, 1880 // Русская Мысль. 1881. № 1. С. 14–19.

Наполеон. Годы величия. 1800–1814. В воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констанана. М., 2001.

Сиари Ж., Шервашидзе В. В. Образ Наполеона во Франции // Слово.ру: балтийский акцент. 2013. № 1. С. 35–46.

Bourrienne L.-A. Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra o Napoleone, direktorii, konsul'stve, Imperii i vosstanovlenii Burbonov [Notes by G. Burienne, Minister of State on Napoleon, the directory, the Consulate, the Empire and the restoration of the Bourbons]: v 5-ti t. T. I. Sankt-Peterburg, 1834. (In Russ.)

Kanevskii L. D. Nesravnennaia Zhozefina [Incomparable Josephine]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Kareev N. I. Po povodu novogo sochineniia o Napoleone I. Th. Jung. Bonaparte et son temps. Paris. 1880 [Concerning the new work about Napoleon I. Th. Jung. Bonaparte et son temps. Paris, 1880] // Russkaia Mysl' [Russian Thought]. 1881. № 1. P. 14–19. (In Russ.)

Наполеон. Gody velichii. 1800–1814. V vospominaniakh sekretaria Menevalia i kamerdinera Konstana [Napoleon. Great years. 1800–1814. In the memoirs of secretary Meneval and valet Constant]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Siari J., Shervashidze V. V. Obraz Napoleona vo Frantsii [Image of Napoleon in France] // Slovo.ru: baltiskii aktsent [Slovo.ru. Baltic accent]. 2013. № 1. P. 35–46. (In Russ.)

Arnault A.-V. Vie politique et militaire de Napoléon: in 2 vol. T. 1. Paris, 1822.

Aubry Ch. Cours de droit civil français. 3 ed.: in 6 vol. T. I. Paris, 1856.

Beaumont J.-G.-M. Observations sur la Corse. Paris, 1822.

Bertrand H. G. Cahiers de Sainte-Hélène: in 3 vol. T. 2. Journal 1818–1819. Paris, 1959.

Biographie nouvelle des contemporains ou Dictionnaire historique et raisonné de tous les hommes qui, depuis la Révolution française, ont acquis de la célébrité par leurs actions, leurs écrits, leurs erreurs ou leurs crimes, soit en France, soit dans les pays étrangers: in 20 vol. T. 3. Paris, 1821.

Boullée A.-A. De la date de la naissance de Napoléon Ier // L'Union. 27.IV.1869. № 117. P. 1.

Boullée A.-A. Sur la date officielle de la naissance de Napoléon Ier. Paris, 1869.

Bourrienne L.-A. Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat; sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l' Empire et la Restauration: in 10 vol. T. 1. Paris, 1829.

Branda P. Les secrets de Napoléon. Paris, 2014. P. 13–27.

Cabanès A. Au chevet de l'Empereur. Paris, 1925.

Chambertrand G. Quand Napoléon est-il vraiment né? // Le Figaro littéraire. 11–17.VIII.1969. № 1212. P. 6–11.

Chateaubriand F.-R. De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Paris, 1814.

Chateaubriand F.-R. Mémoires d'Outre-Tombe: in 12 vol. T. V. Paris, 1849.

Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. T. 1. Brienne. Paris, 1898.

Coppens B. Napoléon est-il né en 1769? // L'Annuaire 1789–1815. URL: https://www.1789-1815.com/p_nb_naissance.htm (access date: 04.09.2022).

Coriolis d'Espinouse Ch. Le tyran, les alliés et le roi. Paris, 1814.

Coston F.-G. de. Biographie des premières années de Napoléon Bonaparte: in 2 vol. T. 1. Paris; Valence, 1840.

Daniel E., Daniel H. Biographie des hommes remarquables du département de Seine-et-Oise. Rambouillet; Versailles; Paris, 1832.

Date de la naissance de Napoléon // Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique. 1834. T. V. P. 150–154.

⁷⁷ См. подр.: *Branda P.* Les secrets de Napoléon. Paris, 2014. P. 13–27.

⁷⁸ *Stendhal.* Napoléon. Vie de Napoléon. Paris, 1930. P. 1.

Der Geburtstag Napoleons (Berichtigung) // *Meridian: Fachzeitschrift für alle Gebiete der Astrologie, Kosmobiologie und Astropsychologie*. 1982. № 1. S. 11.

Eckard J. Question d'état civil et historique Napoléon Buonaparte est-il né français? Paris, 1826.

Eckard J. Note supplétive à un écrit qui a pour titre: Question d'état civil et historique: Napoléon Buonaparte est-il né français? // Appendice aux "Recherches historiques et biographiques sur Versailles". Versailles, 1834. P. 35–40.

Eckard J. Recherches historique et biographiques sur Versailles. 2 ed. Versailles, 1836.

Firmas-Péridès A.-Ch.-D. Bigamie de Napoléon Buonaparte. Paris, 1815.

Fournier A. Napoleon I: eine Biographie: 3 Bände. Bd. 1. Von Napoleons Geburt bis zur Begründung seiner Alleinherrschaft über Frankreich. Leipzig; Prag, 1886.

Henry P.-F. Histoire de Napoléon Buonaparte, offrant le tableau complet de ses opérations militaires, politiques et civiles, de son élévation et de sa chute: in 4 vol. T. IV. Paris, 1823.

Hommages poétiques à Leurs Majestés impériales et royales sur la naissance de S. M. le roi de Rome: in 2 vol. / recueillis et publiés par J.-J. Lucet et Eckard. Paris, 1811.

Jahrbuch des Nützlichen und Unterhaltenden für 1838. Berlin, 1838.

Jal A. Dictionnaire critique de biographie et histoire. Paris, 1867.

Jung (Jung) Th. Bonaparte et son temps, 1769–1799: d'après les documents inédits: in 3 vol. T. I. Paris, 1880.

Lapierre de Châteauneuf A.-H. Histoire de Napoléon Buonaparte. Londres, 1815.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène: in 8 vol. T. 6. Paris, 1823.

Lentz T. Napoléon en 100 questions. 4 ed. Paris, 2021.

Liévyns A., Verdol J.-M., Bégat P. Fastes de la Légion-d'Honneur: biographie de tous les décorés accompagnée de l'histoire législative et réglementaire de l'ordre: in 5 vol. T. 5. Paris, 1847.

Mahul A. Annuaire nécrologique, ou complément annuel et continuation de toutes les biographies ou dictionnaires historiques: in 8 vol. T. 2. II-me année (1821). Paris, 1822.

Masson F. Notes sur la jeunesse de Napoléon // Napoléon inconnu: papiers inédits, 1786–1793. Paris, 1895. P. 1–140.

Masson F. Napoléon et les femmes. Paris, 1894.

Méneval C.-F. Napoléon et Marie-Louise: souvenir historique: in 3 vol. T. 1. Paris, 1843.

Michaud L.-G. Vie publique et privée de Napoléon Bonaparte. Paris, 1844.

Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus régulés jusqu'à nos jours: in 46 vol. T. 37. Paris, 1866.

Preuves de noblesse faites pour Napoléon de Buonaparte a son entrée à l'école de Brienne // *Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique*. 1834. T. IV. P. 321–328.

Saint-Germain L. Album de la famille Bonaparte: reproduction des portraits originaux légués à la ville d'Ajaccio par Madame Mère. Nice, 1866.

Saint-Germain L. Itinéraire descriptif et historique de la Corse. Paris, 1869.

Salgues J.-B. Mémoire pour servir à l'histoire de France sous le gouvernement de Napoléon Buonaparte et pendant l'absence de la maison de Bourbon: in 9 vol. T. 1. Paris, 1814.

Stendhal. Napoléon. Vie de Napoléon. Paris, 1930.

Tulard J. Bibliographie critique des Mémoires sur le Consulat et l'Empire. Genève, 1971.

Tulard J. Napoléon ou le mythe du sauveur. Paris, 1980.

Volker U. Napoleon. Eine Biographie. Reinbek, 2004.

Voltaire. Œuvres complètes: in 46 vol. T. 13. Paris, 1900.

DOI: 10.31857/S013038640020486-2

© 2022 г. А.О. ХОРОШЕВА

ЛЕОПОЛЬД I И ПОЛИТИКА БЕЛЬГИИ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Хорошева Александра Олеговна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021

Аннотация. В статье анализируется внешнеполитическая деятельность короля Бельгии Леопольда I, а именно попытки в период международного кризиса сохранить европейское равновесие, от которого зависела судьба бельгийского государства. До начала Крымской войны монарх полагал, что основная угроза дестабилизации исходит от Франции, и искал поддержки трех великих держав: Великобритании, Австрии и России, однако вскоре обострение Восточного вопроса, в котором противниками становились державы, гарантировавшие бельгийский нейтралитет в 1831 и 1839 гг., поставило перед Леопольдом I задачу повлиять на мирное разрешение конфликта. Цель данного исследования – проследить, насколько активно глава нейтрального государства пытался выступить посредником и примирить конфликтовавшие стороны, и показать итоги его деятельности. Источниками послужили документы Архива внешней политики Российской империи, а также опубликованная личная корреспонденция короля с монархами, государственными деятелями и представителями иностранных держав. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что оформление англо-французского военно-политического союза в марте 1854 г. и объявление войны России вынудили короля адаптировать свою политику к создавшейся международной обстановке, в том числе урегулировать отношения Бельгии с Францией. В то же время, как показывают документы, позиция Леопольда I по отношению к России не изменилась: основанный на взаимной поддержке диалог между государствами был продолжен.

Ключевые слова: Бельгия, Россия, Леопольд I, Николай I, королева Виктория, Наполеон III, Крымская война 1853–1856 гг., международные отношения, внешняя политика.

A.O. Khorosheva

Leopold I and Belgian Policy on the Eve of the Crimean War

Alexandra Khorosheva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alexas23@yahoo.com

Scopus Author ID: 57205765063; Researcher ID: AAB-7328-2021

Abstract. In this article, the author analyses the foreign policy efforts of King Leopold I of Belgium, namely his attempts during the international crisis to maintain the European balance on which the future of the Belgian state depended. Prior to the Crimean War, the monarch believed that the main threat of destabilisation emanated from France and sought the support of the three great powers, namely Great Britain, Austria and Russia, but soon the aggravation of the Eastern Question, in which the powers that had guaranteed Belgian neutrality in 1831 and 1839 became

adversaries, presented Leopold I with a challenge to mediate a peaceful resolution of the conflict. The purpose of this study is to trace the extent to which the head of a neutral state tried to mediate and reconcile the parties and to show the results of his activities. The sources are documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire, as well as published personal correspondence between the king and monarchs, statesmen, and representatives of foreign powers. The author concludes that the formation of the Anglo-French military-political alliance in March 1854 and the declaration of war on Russia forced the King to adapt his policy to the existing international situation, including the settlement of relations between Belgium and France. At the same time, documents indicate that Leopold I's position towards Russia had not changed and that the dialogue between the two countries, based on mutual support, persisted.

Keywords: Belgium, Russia, Leopold I, Nicholas I, Queen Victoria, Napoleon III, Crimean War of 1853–1856, international relations, foreign policy.

Внешняя политика Бельгии в период царствования короля Леопольда I (1790–1865), правившего с 1831 г., отличалась тем, что безраздельно находилась в руках монарха. Для осуществления своих целей Леопольд I использовал династические связи и личные каналы. Зачастую он не ставил в известность министерство иностранных дел о своих действиях, отдавая собственную позицию от политики правительства¹. «Моя роль с 1831 г. очень проста: управляя кораблем, я совершаю маневры, которые необходимы для того, чтобы сохранить его на плаву...» — писал король в канун начала Крымской войны². Обширная переписка короля с главами государств, иностранными политическими деятелями, личные визиты монарха в другие государства, его общение с представителями иностранных государств, аккредитованными при бельгийском дворе, наглядно подтверждают это. Особый интерес в этом контексте представляют донесения российского посланника в Брюсселе М.И. Хрептовича и письма Леопольда I Николаю I за период 1853–1854 гг., хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Эти документы ранее не рассматривались исследователями при изучении внешней политики Бельгии данного периода и при освещении дипломатических переговоров довоенного периода. Однако они позволяют дополнить анализ политической деятельности Леопольда I, показать его заинтересованность в поисках мирных решений и желание поддерживать взаимовыгодные отношения с Россией³.

Используя собственные связи, Леопольд I в первую очередь действовал в интересах бельгийского государства и, как отмечают биографы, не забывал при этом, что он представитель одной из самых авторитетных европейских династий Кобургов⁴. По словам Леопольда, семейные узы сделали его «естественным посредником между различными кабинетами Европы, посредником, чтобы примирить, сблизить, просветить, но не для того, чтобы распалить и сеять раздор»⁵. Как справедливо утверждает бельгийский историк Жан Стенгерс, Леопольд I вел политическую игру, выходящую за рамки управляемого им государства, «политическую игру в прямом смысле европейскую»⁶. По собственному выражению Леопольда, он «добился доверия большинства кабинетов и народов», рассчитывая пользоваться им и использовать его во благо Европы⁷. Действительно, многие исследователи сходятся во мнении, что король Бельгии проводил политику, которую можно охарактеризовать скорее как общеевропейскую,

¹ В частности, в вопросе о попустительстве правительства антифранцузским публикациям в прессе. См.: *Bartelous J.* Nos premiers ministres. 1831–1934. Bruxelles, 1983.

² *Juste Th.* Léopold I, Roi des Belges d'après des documents inédits. Bruxelles, 1868. P. 370.

³ Значительная часть этой дипломатической переписки опубликована в книге: Россия и Бельгия. Страницы истории. К 150-летию установления дипломатических отношений / сост. А.С. Намазова. М., 2003.

⁴ О «кобургской» политике Леопольда I см.: *Defrasne O.* Leopold Ier et le clan Cobourg. Bruxelles, 2004.

⁵ Цит. по: *Defrasne O.* Op. cit. P. 10.

⁶ *Stengers J.* Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975. P. 33.

⁷ Из письма Леопольда I кузену Эмманюэлю де Менсдорф-Пуий. Лакен, 20 декабря 1848 г. // *Lettres de Léopold Ier.* Liège, 1973. P. 367.

нежели исключительно бельгийскую⁸. Биограф Леопольда К. Бронн утверждает, что Леопольду удалось «заставить услышать его голос в концерте наций, превратив розданную ему бельгийскую карту⁹ в карту европейскую, обеспечившую ему уважение современников и будущих поколений»¹⁰. Эта характеристика в полной мере отражает политику Леопольда с начала его правления до середины 1850-х годов.

Важнейшей целью монарха было обеспечение безопасности вверенного ему государства. Основатель бельгийской династии считал, что именно ему Бельгия обязана своим существованием, благодаря его деятельности страна сумела избежать внутреннего кризиса¹¹. В июле 1847 г. король писал министру внутренних дел Шарлю Рожье: «То положение, которого я добился для нее (Бельгии. — А.Х.) в Европе, *прекрасно* (курсив Леопольда. — А.Х.) и превосходит во многом то, на что она могла рассчитывать в 1830 г.; так, нельзя допустить, чтобы она его лишилась»¹².

Внутриполитическая атмосфера в Бельгии в период, предшествовавший Крымской войне, была чрезвычайно напряженной, что было связано с опасностью, исходившей со стороны соседней Франции. В 1848 г. Бельгия дала отпор французским революционным силам, пытавшимся перейти границу. Волнения внутри страны также были вовремя остановлены, либеральная конституция позволила правительству осуществить ряд социальных преобразований¹³. Позиция короля Леопольда I в ходе кризиса вызвала одобрение глав великих держав, гарантировавших в 1831 и 1839 гг. бельгийскую независимость. Несмотря на то что Бельгия первая признала Французскую республику в 1848 г., Леопольд I предполагал, что, возможно, Луи Наполеон попытается восстановить империю, а значит, рано или поздно на повестке дня возникнет вопрос о судьбе Бельгии. Об этом в декабре 1848 г. Леопольд писал своему кузену Александру де Менсдорф-Пуийи¹⁴. Короля прежде всего волновал вопрос обеспечения благополучного существования Бельгии, т.е. защиты национальной безопасности, без которой, по мнению монарха, «не могло быть политического существования (государства. — А.Х.)»¹⁵. Опасения Леопольда оправдались. 2 декабря 1851 г. Луи Наполеон совершил переворот. В Бельгию хлынул поток эмигрантов (орлеанистов, либералов, республиканцев), среди которых были П.Ж. Прудон, А. Дюма, В. Гюго и пользовавшийся большим доверием короля Леопольда I А. Тьер. Бельгия, страна с либеральной конституцией, предоставила им убежище, правительство не препятствовало публикациям французских эмигрантов против Луи Наполеона в бельгийской прессе. Эти события заставили Леопольда I, который после смерти супруги королевы Луизы Марии в октябре 1850 г. долгое время не мог оправиться, по его собственному выражению, «практически отошел от большой политики»¹⁶, вновь вернуться к активной деятельности.

Поначалу политика принца-президента Франции не была открыто враждебной по отношению к северной соседке, хотя ситуацию осложняли нападки бельгийской прессы¹⁷. Однако

⁸ О международной политике Леопольда I см.: Comte Corti, baron Buffin. *Leopold Ier, oracle politique de l'Europe*. Bruxelles, 1927; *Stengers J. L'action du Roi en Belgique depuis 1831. Pouvoir et influence*. Paris; Louvaine-la-Neuve, 1992. P. 247–259; *Намазова А.С., Балебанов А.М.* Бельгия. Династия Саксен-Кобург-Гота // *Монархи Европы. Судьбы династий*. М., 1996. С. 40–42.
⁹ После признания независимости Бельгии в 1830 г. кандидатуру немецкого принца Леопольда Саксен-Кобург-Гота на бельгийский престол в апреле 1831 г. выдвинула Великобритания.

¹⁰ *Lettres de Léopold Ier* / ed. C. Bronne. Bruxelles, 1948 (далее — *Lettres...*). P. 19.

¹¹ *Намазова А.С.* Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках. М., 2008. С. 224.

¹² *Lettres...* P. 210.

¹³ См.: *Ridder A. de. La crise de la neutralité belge de 1848. Dossier diplomatique*. Bruxelles, 1928.

¹⁴ *Lettres de Léopold Ier*. Liège, 1973. P. 375.

¹⁵ Леопольд I Шарлю Рожье 21 января 1851 г. // *Lettres...* P. 245.

¹⁶ Исследователь А. де Риддер ссылается на свидетельство советника Леопольда I Жюля Ван Прага (см.: *Ridder A. de. Le mariage de Léopold II d'après les documents inédits*. Bruxelles, 1925. P. 272).

¹⁷ Тон бельгийских газет вызывал недовольство в России, Австрии и Пруссии, что в значительной мере повлияло на принятие закона об ответственности за оскорбление глав иностранных государств в прессе, подписанного Леопольдом I 20 января 1853 г.

дошедшие до короля Бельгии в январе 1852 г. слухи о возможном подписании закона о конфискации имущества Орлеанов весьма насторожили Леопольда, поскольку речь шла о наследстве его потомков¹⁸. 23 января закон был опубликован; неосведомленность бельгийского посланника в Париже Ф. Рожье о таком решении Луи Наполеона вызвала негодование бельгийского короля. Предполагая дальнейшие недружественные действия по отношению к Бельгии, Леопольд отправил с отдельной миссией во Францию своего советника Сильвена Ван де Вейера, который в тот момент являлся посланником в Лондоне. 13 января 1852 г. Ван де Вейер, докладывая Леопольду I о беседе с Наполеоном, привел слова принца-президента: «...я начну войну только тогда, когда буду вынужден это сделать. Я хочу оставаться верным традициям, традициям старой французской политики, той политики, которая существует уже более 14 веков. ... Существуют только три правительства, которые нам мешают: Швейцарии, Сардинии и Бельгии»¹⁹. Наполеон имел в виду нежелание правительства Бельгии изменить конституцию в отношении свободы прессы, допускавшей враждебные публикации в его адрес, но в конце разговора высказался за дружеский диалог, предложив «начать с чистого листа». Однако Леопольд I полагал, что у Наполеона III есть «программа», одной частью которой была конфискация имущества Орлеанов, другой — аннексия Бельгии²⁰.

Родственные узы позволяли Леопольду I рассчитывать на поддержку Великобритании в деле «умиротворения» императора Франции. Будучи дядей британской королевы Виктории, Леопольд долгие годы был ее самым близким советчиком и мудрым воспитателем²¹. Давая советы августейшей племяннице, бельгийский монарх обращал внимание королевы и политиков на угрозу возрождения империи во Франции, надеясь на поддержку и помощь Великобритании, и в ответ он не раз получал заверения в этом. В письмах к английским корреспондентам (помимо Виктории, ими были принц Альберт, лидер консерваторов лорд Дерби, министр иностранных дел Великобритании Дж. Рассел, глава кабинета Дж. Абердин) король говорил об опасности, которую представляла политика Луи Наполеона. «Я бы очень хотел верить в его мирные намерения, — писал Леопольд королеве Виктории 2 апреля 1852 г., — но поскольку на протяжении трех лет он ни разу не сказал правды, нельзя забывать, что существуют слова, призванные скрывать факты»²². Леопольд советовал Виктории прочитать книгу «Революция, консулат, империя» А. Тьера²³, отрывок из которой об угрозе Англии во время завоевания Францией Нидерландов он цитировал в письмах своим британским корреспондентам²⁴. Виктория неоднократно заверяла Леопольда в решимости защищать нейтралитет Бельгии. Леопольд, в свою очередь, утверждал, что Бельгия сделает все возможное, чтобы не создавать трудностей для своих соседей²⁵.

Опасения Леопольда подтвердились, когда 2 декабря 1852 г. во Франции была провозглашена Вторая империя. Взаимоотношения между Бельгией и Францией были лишены доверия. Кроме того, эффект разорвавшейся бомбы в конце 1852 г. во Франции произвело издание брошюры Александра Ле Массона «Границы Франции»²⁶, в которой автор доказывал необходимость возврата к естественным границам — между Атлантикой и Средиземноморьем, вклю-

¹⁸ Речь шла о наследстве, которое могло перейти детям Леопольда по линии супруги, дочери французского короля Луи Филиппа, Луизы Марии Орлеанской (1812–1850). Подробнее см.: *Ridder A. de, Loran F. Une succession royale. Léopold II et le prince de Chimay // Revue Générale. Octobre–novembre 1927.*

¹⁹ Archives Générales du Royaume (далее — AGR). Papiers Van de Weyer. № 118.

²⁰ Lettres... P. 252; *Stengers J. Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre*. P. 40.

²¹ См.: *Остапенко Г.С.* Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. Москва, 2006. С. 12–14, 16–18, 22–24.

²² Цит. по: *Stengers J. Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre*. P. 40.

²³ *Letters of Queen Victoria: A selection from her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861* / eds A.Ch. Benson, R.V.B. Escher. London, 1908; Vol. 2. 1844–1853. P. 389.

²⁴ *Stengers J. Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre*. P. 41.

²⁵ Письмо короля канцлеру Австрии Шварценбергу 7 февраля 1852 г. // *Lettres...* P. 237–238.

²⁶ *Alexandre Le Masson. Les limites de France*. Paris, 1853. (Брошюра появилась в печати уже в декабре 1852 г.)

чая Бельгию, рейнские области, Альпы и Пиренеи²⁷. Публикация вызвала панику в Бельгии и на долгие годы укрепила боязнь Франции²⁸. Беспокойство правящих кругов даже побудило начать переговоры о высадке английского десанта в Антверпене в случае нарушения Францией бельгийского нейтралитета²⁹. Королева Виктория в письме 3 декабря 1852 г. посоветовала Леопольду стараться ничем не вызывать ярость Наполеона и подтвердила, что посягательство со стороны Франции на независимость Бельгии составит *casus belli*, на который Великобритания ответит незамедлительно³⁰.

В создавшихся условиях Леопольд сохранял убежденность в том, что обеспечить поддержание порядка в Европе могли три консервативные державы. В письме австрийскому императору Францу Иосифу от 31 декабря 1852 г. король Бельгии, сообщая о территориальных претензиях, высказанных в публикации Ле Массона, отмечал: «Для того, чтобы противостоять этим попыткам... нет более энергичного средства, чем объединение трех великих держав (Великобритании, Австрии, России), только оно может помешать этому осуществиться»³¹.

Леопольд видел в России надежного гаранта бельгийской независимости, способного противостоять намерениям Франции, и получал заверения в этом от российской стороны. Еще в ноябре 1848 г. бельгийский посланник в Лондоне сообщал Леопольду, что в разговоре с ним российский посланник Ф.И. Бруннов заявил, что Бельгия с Россией и Англией является одной из трех осей, на которых покоится социальный порядок, и «особенно важной задачей является сохранить между тремя державами отношения, основанные на взаимном доверии»³². Как только угроза со стороны Франции на рубеже 1852–1853 гг. приобрела реальные очертания, бельгийская сторона форсировала давно подготавливаемое обеими сторонами официальное установление дипломатических отношений с Россией.

Как известно, государства связывали династические узы³³, внешнеполитические связи (Россия выступила гарантом бельгийского нейтралитета, наряду с другими великими державами, в 1831 г.) и тесные торговые отношения. Формальному обмену посланниками, необходимость которого давно назрела, предшествовало назначение консула виконта де Йонге Д'Ардуа в Санкт-Петербурге в 1848 г. и заключение между странами торгового договора 2/14 февраля 1850 г. Кроме того, Россия через Бруннова подтвердила верность Венским договорам 1815 г. о совместных действиях против Франции в случае ее агрессии в отношении Бельгии. Россия выразила готовность выставить 60-тыс. корпус в помощь союзникам, при необходимости использовать дополнительные силы³⁴. Препятствием официальному установлению дипломатических отношений являлось нахождение на службе в Бельгии нескольких сотен польских офицеров-эмигрантов. В 1852 г. эта преграда была снята и последовало долгожданное сближение³⁵. 23 февраля 1853 г. нижняя палата бельгийского парламента проголосовала за открытие представительства в Санкт-Петербурге.

²⁷ Теория о естественных границах Франции получила развитие в ходе войн Французской революции XVIII в.

²⁸ См.: *Baubeau P.* Les rumeurs d'annexion de la Belgique à la France de la II-e République à Sedan // France–Belgique: 1848–1914. Affinités-ambiguïtés. Actes du colloque des 7, 8 et 9 mai 1996. Bruxelles, 1997. P. 29–51.

²⁹ *Bruley Y.* Le coup d'État vu par l'Europe // Revue du souvenir Napoléonien. Décembre 2008. P. 54.

³⁰ Letters of Queen Victoria. P. 362.

³¹ Lettres... P. 252–253.

³² *Ridder A. de.* La crise de la neutralité belge de 1848. P. 292.

³³ *Namasova A.* L'institution monarchique en Europe et les liens de la maison Romanoff avec la famille royale de Belgique // Patrimoine russe dans l'Union Européenne. Bruxelles, 2012. P. 46–60.

³⁴ Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 15.

³⁵ Archives du Ministère des Affaires étrangères de Belgique (далее – АМАЕ). Classement B. Dossier № 47. Relations de la Belgique avec la Russie 1831–1914. Aperçu fait par le service des archives.

Главы государств не скрывали, насколько важно официальное оформление отношений³⁶. Император Николай I высоко оценивал роль короля Леопольда I и возможность его влияния на переговорный процесс в решении международных проблем. Бельгийский исследователь Ш. Терлинден, ссылаясь на сообщение бельгийского консула де Йонге, утверждает, что император сам вызвал дипломата и заявил о необходимости обмена верительными грамотами³⁷.

Леопольд I понимал, что сближение с Россией могло дать повод Франции усмотреть в нем направленные против нее действия. В письме королеве Виктории от 5 марта 1853 г. он сравнивал положение бельгийцев с неприятным положением жителей теплых стран, когда в их постели оказывается змея: они не смеют сделать движение, боясь ее раздразнить, но и не могут оставаться неподвижными, так как имеются все шансы быть укушенным³⁸. В этом контексте бельгийский МИД предписывал представителю в Париже в преддверии установления дипломатических отношений с Россией «воздержаться от любой провокации или прямого или непрямого демарша в этом отношении. ... Осторожность должна быть обязательна в текущих обстоятельствах. Прибытие русского агента (посланника. — А.Х.) в Брюссель и назначение бельгийского агента в Санкт-Петербург дадут повод слухам о коалиции, которые французские газеты, в особенности *Le National*, с удовольствием начнут распространять и, возможно, будут с такой же досадой восприняты в Германии, как и в самом Париже»³⁹.

Французское правительство неблагоприятно отнеслось к урегулированию дипломатических связей Брюсселя с кабинетом Санкт-Петербурга, хотя и не пыталось помешать этому. В марте 1853 г. французский император лишь позволил себе возмутиться, что в верительных грамотах посланника было предусмотрено обращение к бельгийскому королю *Sire et bon Frère*, тогда как к Наполеону III со стороны российского императора употреблялось обращение *Sire et bon Ami*⁴⁰. По сведениям бельгийского министра иностранных дел, французскому послу в России было поручено добиться аналогичного обращения к бельгийскому королю⁴¹. Тем не менее российская сторона не приняла во внимание протест французского дипломата.

Подтверждение значимости для каждого из государств официального сближения в сложившихся обстоятельствах содержится в инструкциях первым посланникам. В проекте инструкций посланнику короля бельгийцев при российском императорском дворе графу Камиллю де Брие министр иностранных дел Анри де Брукер констатировал: установление дипломатических отношений с Россией является сложившимся фактом, которое приветствуется бельгийским двором, и встречено с одобрением по всей стране. Для Бельгии и для ее короля это является «свидетельством того, что договоры о гарантиях ее нейтралитета 1839 г. остаются основополагающими в европейской политике». В инструкции пост в Санкт-Петербурге был назван «одним из самых важных» ввиду влияния России на общеевропейскую политику». Установление же дипломатических отношений между Россией и Бельгией состоялось в момент международного кризиса, который мог нарушить европейское равновесие: «Осложнения, причиной которых был и остается Восточный вопрос, показывают, что существует

³⁶ Процесс подготовки установления дипломатических отношений между государствами хорошо изучен в российской и бельгийской историографии. См.: *Terlinden Ch. L'établissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852–1853) // Revue d'histoire diplomatique. 1923. № 37. P. 398–431; Россия — Бельгия. К 150-летию установления дипломатических отношений. 1853–2003. Russia — Belgium. 150th anniversary of diplomatic relations. Moscow, 2003; Намазова А.С. Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 94–104.*

³⁷ *Terlinden Ch. Op. cit. P. 429.*

³⁸ *Lettres... P. 240.*

³⁹ Министр иностранных дел К. Хоффшмидт посланнику в Лондоне С. Ван де Вейеру 2 мая 1848 г. // *Ridder A. de. La crise de la neutralité belge de 1848. P. 299.*

⁴⁰ Как известно, обращение Николая I к императору французов «Сир и добрый Друг» в верительных грамотах, адресованных Наполеону III в 1852 г., подразумевало, что царь не рассматривал его как «равноправного члена европейской монархической семьи». (Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 92).

⁴¹ AGR. Papiers Van de Weyer. № 19.

чрезвычайно тесная взаимосвязь между сохранением мира в Восточной Европе и такового в Западной». В связи с этим для Бельгии важно уловить «малейший признак отдаления или сближения России с другими державами, иначе говоря, необходимо предвидеть, где она станет искать союзников в случае серьезных осложнений»⁴².

В личном письме Николаю I от 29 марта 1853 г. Леопольд I описал качества и таланты посланника и указал цель данных ему инструкций — «найти средства, наиболее подходящие для поддержания и укрепления благоприятных отношений, которые существуют между нашими коронами»⁴³.

В проекте инструкций российскому посланнику графу Михаилу Ириневичу Хрептовичу⁴⁴, на полях которого стоит помета Николая I «быть по сему», говорилось, что «его (Королевства Бельгия. — А.Х.) близкое соседство с Францией в тот момент, когда она только осуществила восстановление Империи, предоставляет ценность и политическую важность, которой у него до этого не было; учитывая число различных причин, которые побудили Императора завязать более тесные связи с бельгийским Монархом, это основное соображение является особо весомым». В инструкции упоминается об амбициозных проектах Наполеона III в отношении Бельгии, о прямом давлении, оказываемом на кабинет Брюсселя и бельгийский двор лично императором; в качестве предлога используются атаки бельгийской прессы на Наполеона III и слишком широкие свободы, предоставляемые в Бельгии политическим эмигрантам. В документе упоминается, что с момента переворота 2 декабря 1851 г. Наполеон III готовил три великие державы Европы (Великобританию, Австрию и Россию) к тому, что под определенным предлогом Бельгия может быть завоевана.

В заключении документа содержатся важные строки о значении миссии в Брюсселе. Этот дипломатический пост должен стать пунктом наблюдений: «географическое расположение этой столицы в этой связи, как предполагается, должно предоставить для этого бесспорные возможности». Ввиду близости и соседских отношений Бельгии с Францией миссия в Брюсселе дает возможность получать информацию о внутривнутриполитическом положении в империи, учитывая личное общение короля Леопольда с государственными деятелями и двором Великобритании. Хрептовичу предписывается обратить особое внимание на то влияние, которое король оказывает на королеву Викторию. Министерство обещало держать в курсе позиции российского императора по основным европейским вопросам, чтобы посланник имел возможность обсуждать их с королем, «склонить его к нашим взглядам и расположить к нашей политике»⁴⁵.

Дипломатические миссии в Брюсселе и Санкт-Петербурге открылись весной 1853 г., событие совпало с началом конфликта между Россией и Османской империей. В конце марта 1853 г. король Леопольд I, крайне обеспокоенный новостями, в личном письме Николаю I писал, что 22 марта последовало официальное заявление французского правительства о том, что любое начало военных действий на Востоке будет означать нарушение европейского равновесия и свободу действий для Франции⁴⁶.

Параллельно с установлением официального дипломатического канала с Россией Леопольд I намеревался укрепить отношения с Австрией в стремлении создать противовес нарастающей угрозе со стороны Франции путем заключения династического брака бельгийского наследника. В апреле 1853 г. король Леопольд вместе с сыном, герцогом Брабантским, нанес официальный визит австрийскому императору. Леопольд I не скрывал того, что выступал за единение Великобритании, Австрии и России, о чем он писал 20 мая из Вены в личном письме Николаю I: «Сохранение союза великих держав является самым ценным залогом мира

⁴² АМАЕ. Film P1296. Russie. Légation. 13.6.1849—4.9.1900. Décembre. Copie. 29 mars 1853.

⁴³ Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 12.

⁴⁴ О первом полномочном представителе в Брюсселе см.: *Намазова А.С.* Российская империя и Королевство Бельгия. С. 94—104.

⁴⁵ Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 16.

⁴⁶ Письмо короля Бельгии Леопольда I российскому императору Николаю I. Брюссель, 24 марта 1853 г. // Там же. С. 10—11.

и безопасности Европы»⁴⁷. Свою позицию приверженности союзу консервативных держав Леопольд продемонстрировал, посетив, вслед за Австрией, германские княжества. Этот визит дал повод Наполеону III обвинить короля в расположенности к Германскому союзу и сближению с германскими государствами в большей степени, чем с Францией, торговые переговоры с которой затягивались по вине правительства Бельгии⁴⁸.

Реальной целью поездки бельгийского короля была помолвка наследника с австрийской эрцгерцогиней⁴⁹. Герцог Брабантский Леопольд и Мария Генриетта приходились друг другу родственниками в четвертом колене. Решение о бракосочетании было принято в мае 1853 г. Наполеон III воспринял этот шаг как оскорбление, поскольку Леопольд, таким образом, предпочел нормализации отношений с Францией (бельгийское правительство затягивало подписание торгового договора) налаживание связей с Германским союзом. О гневе императора свидетельствует отсутствие представителей Франции среди иностранных гостей на церемонии бракосочетания в Брюсселе 22 августа⁵⁰. Династический союз с Австрией был дипломатическим успехом Леопольда I, хотя и не преподносился как политический акт, направленный против Франции.

Однако именно в этот момент противоречия между великими державами по Восточному вопросу поставили Леопольда в сложное положение между Россией и наметившимся союзом Великобритании и Франции, возросшее влияние которой не могло не беспокоить короля. Документы показывают, что на протяжении всего кризиса Леопольд продолжал активное общение с российским императором лично и через российского посланника в Брюсселе. Санкт-Петербург высказывал решимость поддерживать соблюдение нейтралитета Бельгии, обеспечивая его защиту совместно со своими союзниками, ожидая, что Бельгия будет осторожна и не позволит действий, выходящих за рамки принципа своего политического существования (нарушения своими действиями статуса постоянно нейтрального государства). Россия же намеревалась с помощью Леопольда доносить свою позицию до британского кабинета. Через посланника при бельгийском дворе российский император передавал, что Россия рассчитывала использовать влияние Леопольда, дабы «помочь просветить английский кабинет об ответственности, которую он несет, подбадривая Порту в ее слепом противостоянии справедливым требованиям»⁵¹. Бельгийский монарх, в свою очередь, выражал готовность способствовать этому, «будучи уверенным в том, что его оценки пользуются доверием, а значит, его советы будут иметь необходимый вес». Леопольд придерживался позиции: «быть в хороших отношениях со всеми странами, оправдывать, таким образом, общие ожидания и выполнять обязательства, которые на нас возложены»⁵².

Дипломатическая переписка отражает попытки Леопольда I предотвратить усугубление конфликта и повлиять на позицию Великобритании. Во время одной из аудиенций в королевском дворце король сообщил Хрептовичу о происках французской дипломатии в Лондоне и в Константинополе, ее стремлении втянуть английское правительство в совместные действия против России и подчеркнул, что он «уговорил английский кабинет продолжать доверять щедрости императора», указав, что «это единственный путь, которому английский кабинет должен следовать в отношении Вашего августейшего суверена». По словам Леопольда, этот совет поддержал Абердин, и король взялся отстаивать эту позицию перед королевой⁵³. Виктория прислушивалась к словам Леопольда. 22 июня 1853 г. королева писала дяде, что она уверена в

⁴⁷ Там же. С. 23–24.

⁴⁸ Там же. С. 32.

⁴⁹ См.: *Ridder A. de. Le mariage de Leopold II d'après les documents inédits. Bruxelles, 1925.*

⁵⁰ Донесение М.И. Хрептовича К.В. Нессельроде. Брюссель, 12/24 августа 1853 г. // Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 31–32.

⁵¹ Там же. С. 18.

⁵² *Намазова А.С. Российская империя и Королевство Бельгия. С. 99.*

⁵³ Донесение М.И. Хрептовича К.В. Нессельроде. Брюссель, 20 мая/2 июня 1853 г. // Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 22.

возможности избежать войны⁵⁴. Однако вскоре у Леопольда возникли сомнения в этом. Хрептович передавал в Санкт-Петербург, что Леопольд обеспокоен враждебно настроенным общественным мнением Великобритании в отношении России, что может «дать слишком большой повод для каких-либо чрезвычайных мер»⁵⁵. Кроме того, бельгийский король сетовал на то, что ситуация увеличила политическое влияние Франции в Европе, и император воспользовался кризисом, чтобы выйти из изоляции.

12 июля вновь Леопольд I писал Николаю I из Брюсселя, что его усилия сосредоточены на благополучном разрешении Восточного вопроса, король намеревался убедить державы, что у России нет намерения разрушить существование Оттоманской империи⁵⁶. 2 сентября 1853 г. в очередном письме российскому императору Леопольд I высказал надежду, что кризис вскоре завершится благоприятно для императора и для поддержания порядка и спокойствия в Европе⁵⁷. 5 октября Леопольд писал Николаю о предстоящей поездке в Лондон, во время которой он намеревался способствовать решению вопроса, уточняя, что для этого наступил подходящий момент в связи со сменой английского кабинета. Накануне отъезда короля российский посланник был приглашен на аудиенцию, во время которой Леопольд сообщил о намерении обсудить проблему с королевой и британским правительством. Указывая на поразительное недоверие, которое царит в Англии в отношении российской политики по Восточному вопросу, Леопольд попросил передать императору его просьбу: в письменной форме предоставить заверения в том, что «сохранение Оттоманской империи является частью интересов России и что императорский кабинет не имеет намерений получить политическое влияние в Турции, не соответствующее ее существованию, несмотря на тяжесть обстоятельств не намеревается переходить Дунай и останется на позициях обороны»⁵⁸.

3 ноября бельгийский король писал российскому императору из Виндзорского замка: кабинет настроен на решение, которое удовлетворит российского императора, однако «есть политики, которые с удовольствием ждут войны... если этим людям дать возможность управлять ситуацией в этом русле, по моему мнению, мы подвергнемся действию губительных осложнений»⁵⁹.

Надежда на мирное урегулирование таяла, что не могло не расстраивать Леопольда I. В донесении от 26 декабря 1853 г. Хрептович передавал в Санкт-Петербург, что «вход союзных кораблей в Черное море удручает короля». Ответственность за эти действия, по мнению Леопольда I, падала на английское правительство, единодушие внутри которого «угрожает безопасности в Европе», поскольку оно может поддержать авантюристские мероприятия Наполеона III. Кроме того, Леопольд предупреждал императора о возможной роли Австрии⁶⁰, которую эта держава может сыграть во время Восточного кризиса⁶¹.

Демарши бельгийского короля и продолжение диалога с Россией имели негативные последствия для имиджа Леопольда I в глазах британской общественности, учитывая, что в самой Великобритании в конце 1853 — начале 1854 г. началась кампания против супруга королевы Виктории принца Альберта. Ему вменяли в вину, что он без ведома правительства ведет переписку с иностранными принцами и препятствует проведению внешней политики⁶², не скрывая своих симпатий по отношению к России. Альберта, племянника короля Леопольда I, давно воспринимали как ставленника бельгийского короля, а учитывая расположение

⁵⁴ Letters... Vol. 2. P. 449.

⁵⁵ Донесение М.И. Хрептовича К.В. Нессельроде. Брюссель, 7/19 июля 1853 г. // Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 25–27.

⁵⁶ Там же. С. 28–29.

⁵⁷ Там же. С. 34–35.

⁵⁸ Там же. С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 38–39.

⁶⁰ Речь о действиях австрийского посла в Париже Й. Хюбнера, по сведениям короля Леопольда, склонявшего свое правительство к решению Восточного вопроса любой ценой.

⁶¹ Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 40–42.

⁶² Остапенко Г.С. Указ. соч. С. 59–60.

Леопольда к России, радикальная британская пресса обрушилась и на Леопольда, якобы желающего разрушить союз Великобритании с Францией. Бельгию стали считать настроенной прорусски и даже желающей военного поражения британским войскам. Зазвучали слова о том, что Бельгию необходимо отдать Франции⁶³.

В письме королеве Виктории от 13 января 1854 г. Леопольд опроверг слухи о своем желании добиться разрыва альянса Лондона с Парижем. «Единственное влияние, которое я мог бы оказать, это помешать худшему, когда мне под силу это сделать, и иногда это удастся», — писал король. «Если можно избежать войны и при этом добиться желаемого, совершенно естественно, что сначала пытаются сделать именно это» (курсив Леопольда. — А.Х.). ... Глупо обвинение в том, что мы делаем все возможное, чтобы разрушить альянс с Францией, оно самое абсурдное из всех; что может быть для нас выгодным — это видеть Англию и Францию тесно и надолго связанными, если не сказать навсегда...»⁶⁴.

Однако король, как и прежде, не был склонен доверять Франции. Такой же точки зрения придерживался и герцог Брабантский. В одном из писем Ван де Вейеру принц Леопольд утверждал, что «ослабление Франции находится в общих интересах России и Бельгии». По его мысли, Францию стоило «блокировать второстепенными сильными государствами, вокруг нее возвести барьер, кордон, чтобы ее остановить». В этом же документе содержится интересное суждение Леопольда о значении сотрудничества Бельгии и России. «Бельгия, может быть, единственная, кто хочет верховенства России, предоставляет ей пристанище (*piéd-à-terre*)⁶⁵ в центре Европы, в 10 часах езды от Парижа. ... Как только Франция будет повержена, России понадобится Бельгия. ... Поскольку наши интересы едины, Бельгия должна просить Россию договориться о линии поведения, чтобы усилия двух государств достигли наилучшего возможного результата»⁶⁶. Позиция принца Леопольда вскоре изменится, и в начале войны он будет ратовать за союз с Францией в обмен на возврат Бельгии части Лимбурга и южного Люксембурга. Осведомленный о подобных высказываниях сына, в одном из писем королю отец посоветовал быть более сдержанным и не высказывать свои мысли открыто⁶⁷.

Леопольд I понимал, что английский кабинет настроен на военное решение вопроса, и вновь предупреждал об этом императора Николая I. 9 февраля 1854 г. он писал из Брюсселя: «В Англии атаки прессы крайне серьезны, большая часть кабинета настроена умеренно, но его постоянно тягивают в процесс в связи с тем, что происходит в Константинополе. Я полагаю, что во Франции не хотят войны, но как только она начнется, воинственный дух страны возьмет верх, и ее поддержат энергично». Леопольд все еще пытался предостеречь императора от развязывания войны, по его мнению, для ослабленной России момент не был подходящим⁶⁸.

Антибельгийские настроения в Англии не только поставили Леопольда в сложное положение, но и вынудили изменить свой прежний курс, учитывая усиление Франции. 18 февраля 1854 г. Леопольд писал посланнику в Берлине барону Ж.-Б. Нотомбу: «Мы находимся в весьма опасном кризисе... То, что произошло в Англии в январе, сильно повлияло на нашу политику, мы не можем допустить, чтобы нас представляли *препятствием* (курсив Леопольда. — А.Х.) осуществлению английской политики. В стране, где пресса сбивает с толку общественное мнение, нужно быть готовым к самым безрассудным решениям»⁶⁹. 21 февраля королева Виктория сообщала Леопольду: «Война, я боюсь, неизбежна. ... Последние предложения

⁶³ Taillandier, Saint-René. Le Roi Léopold et la Reine Victoria. Récits d'histoire contemporaine. T. 2. Paris, 1878. P. 311.

⁶⁴ Леопольд I королеве Виктории. Лакен, 13 января 1854 г. // Lettres... P. 255.

⁶⁵ Понятие «пристанище» (фр. *piéd-à-terre*) — жилое помещение, квартира или вилла, расположенная в центре, иногда в пригороде большого города, на небольшом расстоянии от основного места жительства, в котором останавливаются на короткий срок. Употребляется с XIX в.

⁶⁶ AGR. Papiers Van de Weyer. 2 mai 1854.

⁶⁷ Juste Th. Léopold I et Léopold II. Rois des Belges. Leur vie et leur règne. Bruxelles, 1878.

⁶⁸ Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 43–44.

⁶⁹ Juste Th. Léopold I, Roi des Belges d'après les documents inédits. P. 369.

Буоля⁷⁰ не будут приняты Россией, поскольку их не примут Франция и Англия; если на нашей стороне выступают Австрия и Пруссия, как мы надеемся, война не продлится долго»⁷¹.

Несмотря на отсутствие доверительных отношений между Бельгией и Францией, сближение двух великих держав имело благоприятный результат для малого государства. Российский посланник Хрептович отмечал 7/19 июля 1853 г.: «Восточный кризис имел для Бельгии эффект, противоположный тому, который произвели осложнения в других странах». Положение страны вдруг упрочилось согласием, установившимся между Лондоном и Парижем. Казалось очевидным: чем дольше будет существовать союз двух морских держав, тем дольше не будут затронуты покой и территория со стороны Франции⁷². 27 февраля 1854 г. был, наконец, подписан давно готовившийся торговый договор Бельгии с Францией.

В марте 1854 г. оформившие военно-политический союз Франция и Великобритания объявили войну России. Вскоре на стороне союзников выступили Австрия и Пруссия. Леопольд I просил Николая «не сердиться» на них за то, что они выступили с дипломатической поддержкой политики западных держав против России⁷³. В сложившейся ситуации Бельгия заняла политику равных отношений с обеими сторонами конфликта. В мае 1854 г. правительство Бельгии провозгласило декларацию о нейтралитете. Посланникам Бельгии за границей было предписано «воздержаться от участия в религиозных и государственных празднованиях, связанных с успехом той или иной армии в соответствии с обязанностями постоянно нейтрального государства, возложенными на Бельгию договорами 1839 г.»⁷⁴.

Леопольд I был вынужден наладить отношения с Наполеоном III, избегая любых поводов для недовольства. В августе 1854 г. состоялась встреча короля бельгийцев и императора французов в Кале, в ходе которой Леопольд, следуя политике нейтралитета, воздержался от смотра французских военных гарнизонов, отправляемых в экспедицию в Черное море. В 1855 г. герцог Брабантский с супругой по приглашению императора посетили Париж.

Крымская война нарушила концерт великих держав, установленный Венским конгрессом 1815 г., на сохранение которого столь рассчитывал король Бельгии. В годы войны Леопольд I продолжал активную переписку с главами воюющих государств, осуществлял демарши в стремлении способствовать мирному урегулированию конфликта, в том числе предлагая провести переговоры в Вене или Брюсселе. Усилия, предпринятые Леопольдом I в попытке остановить войну, положительно оценивались императором Николаем I⁷⁵. Для России, разорвавшей в ходе конфликта дипломатические отношения с Францией и Великобританией, дипломатический пост в Бельгии получил особое значение. В столицу Бельгии временно переместилась российская миссия в Лондоне. Отсюда российские посланники передавали в Санкт-Петербург чрезвычайно важную и точную информацию, в том числе военного характера⁷⁶.

Некоторые исследователи утверждают, что в 1850-е годы король Леопольд I уже не обладал быллым авторитетом, в связи с чем он не смог повлиять на предотвращение конфликта и весьма сокрушался по этому поводу⁷⁷. На наш взгляд, короля бельгийцев можно расценивать как важного посредника, который, следуя интересам безопасности своего государства, хотел добиться мирного урегулирования конфликта. Документы показывают, насколько ценились в высших государственных кругах, в том числе российских, опыт и положение Леопольда I,

⁷⁰ Речь о предложении Австрии получить от России обещание не переходить Дунай. (О политике Австрии накануне Крымской войны см.: *Котова Е.В.* Политика Австрии накануне и в период Крымской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». Том 11. Вып. 8 (94). 2020).

⁷¹ Letters... Vol. 2. P. 11.

⁷² Донесение М.И. Хрептовича К.В. Нессельроде. 7/19 июля 1853 г. // Россия и Бельгия. Страницы истории. С. 25.

⁷³ *Тарле Е.В.* Сочинения. Том IX. М., 1959. С. 267.

⁷⁴ AMAE. Correspondance politique. Légation Russie. Farde 1849–1899. 9 mai 1854. № a1165. Copie.

⁷⁵ Ibid. Classement B. Dossier № 47. Relations de la Belgique avec la Russie 1831–1914. Aperçu fait pas la service des archives.

⁷⁶ *Тарле Е.В.* Сочинения. С. 290.

⁷⁷ *Holden A.* Uncle Leopold. A life of the first King of the Belgians. London, 1936. P. 204.

проводившего «ожесточенную борьбу против дезинтеграции международного порядка»⁷⁸, хотя его голос и не заставил умерить воинственный пыл гарантов бельгийского нейтралитета.

Библиография / References

- Намазова А.С.* Бельгия. Эволюция государственности в XVIII–XX веках. М., 2008.
- Намазова А.С.* Российская империя и Королевство Бельгия: установление дипломатических отношений и первые посланники // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 94–104.
- Россия и Бельгия. Страницы истории. К 150-летию установления дипломатических отношений / сост. А.С. Намазова. М., 2003.
- Россия – Бельгия. К 150-летию установления дипломатических отношений. 1853–2003. Russia – Belgium. 150th anniversary of diplomatic relations. Moscow, 2003.
- Тарле Е.В.* Крымская война. Т. I–II. М., 2005.
- Тарле Е.В.* Сочинения. Т. IX. М., 1959.
- Namazova A.S.* Bel'gija. Jevoljucija gosudarstvennosti v XVIII–XX vekah [Belgium. The evolution of statehood in the 18th–20th centuries]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Namazova A.S.* Rossijskaja imperija i Korolevstvo Bel'gija: ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenij i perve poslanniki [The Russian Empire and the Kingdom of Belgium: the Establishment of Diplomatic Relations and the First Envoys] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 94–104. (In Russ.)
- Rossija i Bel'gija. Stranicy istorii. K 150-letiju ustanovlenija diplomaticheskikh otnoshenij [Russia and Belgium. Pages of history. On the 150th anniversary of the establishment of diplomatic relations] / sost. A.S. Namazova. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Rossija – Bel'gija. K 150-letiju ustanovlenija diplomaticheskikh otnoshenij. 1853–2003. Russia – Belgium. 150th anniversary of diplomatic relations. Moscow, 2003. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Krymskaja vojna [The Crimean War]. Т. I–II. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Tarle E.V.* Sochinenija [Works]. Т. IX. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Alexandre Le Masson.* Les limites de France. Paris, 1853.
- Baubeau P.* Les rumeurs d'annexion de la Belgique à la France de la II-e République à Sedan // France–Belgique: 1848–1914. Affinités-ambiguïtés. Actes du colloque des 7, 8 et 9 mai 1996. Bruxelles, 1997. P. 29–51.
- Comte Corti, baron Buffin. Léopold Ier, oracle politique de l'Europe. Bruxelles, 1927.
- Defrasne O.* Léopold Ier et le clan Cobourg. Bruxelles, 2004.
- Juste Th.* Léopold I et Léopold II. Rois des Belges. Leur vie et leur règne. Bruxelles, 1878.
- Juste Th.* Léopold I, Roi des Belges d'après des documents inédits. Bruxelles, 1868.
- Letters of Queen Victoria: A selection from her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861 / eds A.Ch. Benson, R.B.B. Escher. Vol. 2, 3. London, 1908.
- Lettres de Léopold Ier / ed. C. Bronne. Bruxelles, 1948.
- Lettres de Léopold Ier. Liège, 1973.
- Namasova A.* L'institution monarchique en Europe et les liens de la maison Romanoff avec la famille royale de Belgique // Patrimoine russe dans l'Union Européenne. Bruxelles, 2012. P. 46–60.
- Nouveaux regards sur Léopold Ier et Léopold II. Bruxelles, 1997.
- Ridder A. de.* La crise de la neutralité belge de 1848. Dossier diplomatique. Bruxelles, 1928.
- Ridder A. de.* Le mariage de Léopold II d'après les documents inédits. Bruxelles, 1925.
- Stengers J.* L'action du Roi en Belgique depuis 1831. Pouvoir et influence. Paris; Louvaine-la-Neuve, 1992.
- Stengers J.* Léopold I et la France au lendemain du coup d'État du 2 décembre // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Metz, 1975. P. 21–64.
- Terlinden Ch.* L'établissement des relations diplomatiques entre la Belgique et la Russie (1852–1853) // Revue d'histoire diplomatique. 1923. № 37. P. 398–431.
- Witte E., Gubin E., Nandrin J.-P., Deneckere G.* Nouvelle histoire de Belgique. Vol. 1. 1830–1905. Bruxelles, 2005.

⁷⁸ *Viaene V.* La monarchie et la position de la Belgique en Europe sous Léopold Ier et Léopold II // Nouveaux regards sur Léopold Ier et Léopold II. Bruxelles, 1997. P. 153.

DOI: 10.31857/S013038640023087-3

© 2022 г. А.В. ГОРДОН

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРИЖСКОГО ПРИГОРОДА: ОБЕРВИЛЬЕ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus Author ID: 57193746873

Аннотация. Заявленная тема находится на пересечении двух направлений научных исследований: промышленной революции во Франции и истории современных пригородов Парижа. Методологически это полидисциплинарное исследование, соединяющее экономическую историю, социальную антропологию и историческую географию. В источниковедческом плане преобладают краеведческие материалы. В статье раскрываются три аспекта темы в их взаимосвязи: индустриализация, урбанизация, мультикультурность. В качестве объекта типологии парижского пригорода как социально-исторического явления на основе многолетних наблюдений выбран Обервилье, экономически развитая коммуна с преобладанием бедного иммигрантского населения в департаменте Сена-Сен-Дени, известном влиянием левых сил, исламских группировок и молодежной преступностью. На примере Обервилье показана запоздалость промышленной революции во Франции, ее затяжной характер, отягощенный недостатком трудовых ресурсов и минерального сырья, что привело к интенсивному использованию иммиграции и сырья «животного происхождения». В поступательном превращении старинного сельского бурга в промышленный город выявляется устойчивость сельско-городского симбиоза как специфика развития страны после революции XVIII в. Подчеркивается значение связи с Парижем и политики столичных властей, направленной на удаление из города вредных производств и рабочего населения, в образовании промышленных пригородов. В целостности формирования промышленного пригорода автор раскрывает специфику городской экономики и среды обитания, характеризует условия труда и быта рабочих, отмечает формирование иммигрантских кварталов и особенности интеграции различных иммигрантских общин во французское общество.

Ключевые слова: Франция, промышленная революция, Париж, промышленные пригороды, иммиграция, мультикультурность, Обервилье.

A.V. Gordon

The Emergence of a Parisian Suburb: Aubervilliers During the Industrial Revolution

Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus Author ID: 57193746873

Abstract. The stated theme lies at the intersection of two areas of research, namely the industrial revolution in France and the history of contemporary Parisian suburbs. Methodologically, it is a multidisciplinary study combining economic history, social anthropology and historical geography. In terms of sources, it is dominated by local history. The author explores three interrelated aspects

of the topic: industrialisation, urbanization, and multiculturalism. The typology of the Parisian suburbs as a socio-historical phenomenon, drawn from many years of observation, is focused on Aubervilliers, an economically developed commune with a predominantly impoverished immigrant population in the Seine-Saint-Denis department, known for its left-wing influence, Islamic groups and youth crime. The case of Aubervilliers shows the belated nature of the industrial revolution in France, its protracted character aggravated by the shortage of labour and minerals, which led to the intensive use of immigration and raw materials of “animal origin”. The progressive transformation of the old rural burg into an industrial city reveals the sustainability of rural-urban symbiosis as a feature of the country’s development after the eighteenth century revolution. The author emphasises the importance of the link to Paris and the metropolitan authorities’ policy of removing harmful industries and the working population from the city in the formation of industrial suburbs. In the integrity of the formation of industrial suburbs the author reveals the particularities of the urban economy and habitat, characterises the working and living conditions of workers, notes the formation of immigrant neighbourhoods and the specific features of the integration of different immigrant communities into French society.

Keywords: France, Industrial Revolution, Paris, industrial suburbs, immigration, multiculturalism, Aubervilliers.

Современные представления французского общества о пригородах¹ крупных городов имеют негативный колорит, сфокусированный на образе особого и опасного пространства (зоны). Образ закрепился в официальном термине *zones urbaines sensibles* (городские территории, требующие особого внимания). Представление об опасной территории остается в центре политических баталий, что отчетливо продемонстрировала президентская кампания 2022 г., когда правый сектор французской политики дружно заговорил о неконтролируемых и даже отделившихся территориях².

Подобные представления глубоко укоренились в политической ментальности французского общества. Еще в середине XIX в. в полицейских отчетах о криминогенности парижских кварталов, населенных рабочей беднотой, возникло понятие «опасные классы»³. В XX в. локацией «опасных классов» стали пригороды, и исходящая от них угроза обрела политическое звучание «красного пояса», сферы коммунистического влияния⁴. Ныне задействован исламский фактор, и пригороды относят к территориям, захваченным исламистами⁵.

Негативный колорит неблагоприятно сказался на литературе о пригородах, в которой доминирует ситуационный аспект, оценка, обычно нелестная, современного политического

¹ Во французской литературе принято название *les banlieues*, которое восходит к средневековому обозначению поселения, находящегося под сеньориальной юрисдикцией.

² *Norimitsu Onishu*. In a France Fearful of Immigrants, Another Candidate Tacks Hard Right // *New York Times*. 18.XII.2021. На тему исламской угрозы существует обширная, в том числе отечественная, литература. См.: *Латина Н.Ю.* «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 11. С. 97–105.

³ Авторство принадлежит чиновнику префектуры полиции Парижа Фрежье. *Frégier H.A.* *Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures*: in 2 vol. Paris, 1840. См. также: *Chevalier L.* *Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle*. Paris, 1958; *Mullaney M.M.* *Frégier and the “Dangerous Classes”*: Poverty in Orleanist France // *International Social Science Review*. 1983. Vol. 58. № 2. P. 88–92; *Ratcliffe B.M.* *Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle?: The Chevalier Thesis Reexamined* // *French Historical Studies*. 1991. Vol. 17. № 2. P. 542–574.

⁴ *Les Territoires du communisme. Élus locaux, politiques publiques et sociabilités militantes* / dir. E. Bellanger, J. Mischi. Paris, 2013.

⁵ *Territoires conquis de l’islamisme* / dir. B. Rougier. Paris, 2020. См. также: *Stovall T.* *From Red Belt to Black Belt: Race, Class, and Urban Marginality in Twentieth-Century Paris* // *L’Esprit Créateur*. 2001. Vol. 41. № 3. P. 9–23; *Kepel G.* *Quatre-vingt-treize*. Paris, 2012.

положения⁶. В последнее время обстановка начала меняться: осознается потребность во всестороннем воссоздании картины пригородов и их прошлого. «Выйдя из забвения, предместья вновь и очевиднее, чем когда-либо, оказываются в центре истории этой страны», — пишет издатель новейшего сочинения о пригородах⁷. Однако их ранняя история с точки зрения становления своеобразного социально-исторического феномена остается недостаточно разработанной на аналитическом уровне; особенно этот недостаток относится к локальным исследованиям.

Промышленная революция во Франции со всеми неприглядными сторонами раннего этапа индустриализации привела к перемещению обремененных тяжелым физическим трудом, губительных для здоровья рабочих и загрязняющих природную среду производств за пределы плотно населенного центра столицы в ее окрестности. Немаловажным оказался социальный фактор. Советская историография вслед за классиками марксизма подчеркивала значение промышленной революции в классовой поляризации французского общества⁸.

Для власть имущих в череде парижских бунтов и восстаний, сопровождавших революционные перевороты конца XVIII — первой половины XIX в., злободневной стала проблема переселения из столицы рабочего населения. Дороговизна парижской жизни немало благоприятствовала такому исходу. Земля в окружающих город сельских поселениях стоила значительно меньше, а потому всякое обустройство на ней — завод, жилье, логистика — обходилось гораздо дешевле. Доступность аренды жилья могла стать привлекательным фактором и для парижской бедноты, вынужденной покидать столицу из-за сноса своих кварталов. Тем не менее в массе она не желала оставлять Париж и воспринимала свое переселение как изгнание, даже ссылку, в ходу было упоминание о Кайенне (Французская Гвиана), ставшей с конца XVIII в. местом каторги и ссылки⁹.

Объективные последствия были очевидны. По словам исследователя, «Париж слил свою нищету в ближайшие пригороды». Если в начале века (1802 г.) пособие по бедности получали более 20% парижан, то к концу — в 1890-х годах — таких осталось на порядок меньше (2%)¹⁰. При этом в пригороды переместилось из Парижа более трети промышленных предприятий¹¹.

Процесс перебазирования производства из Парижа в пригороды занял целое столетие и протекал в два этапа. В первой половине XIX в. перемещение происходило из центральных районов столицы к его окраинам, так формировались промышленные предместья¹². С 1860 г. отмечается второй этап, которому и посвящена статья, — перемещение вредных и опасных производств за пределы упраздненных таможенных застав, на территорию самостоятельных поселений — сельских бургов.

Таким поселением с многочисленными крестьянскими парцеллами, усадьбой бывшего сеньора, старинной приходской церковью Богоматери Добродетельной, рыночной площадью перед ней (ставшей площадью мэрии) был Обервилье. Ныне это город со стотысячным, в большой степени иммигрантским, населением на северо-восточной оконечности Большого Парижа, сразу за Периферическим бульваром.

⁶ Boudjaaba F., *De Luca Barrusse V. Populations de banlieue, une histoire à revisiter* // *Annales de démographie historique*. 2013. № 2 (126). P. 5–15.

⁷ *Histoire des banlieues françaises* de Erwan Ruty // URL: <https://www.amazon.fr/histoire-banlieues-fran%C3%A7aises-Erwan-Ruty/dp/B07Z76LPJF> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1–2. М., 1971; Кожокин Е.М. Французские рабочие: от великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; *Ego же*. История бедного капитализма: Франция XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.

⁹ *Premiers banlieusards. Aux origines des banlieues de Paris 1860–1940* / dir. A. Faure. Paris, 1991.

¹⁰ Brée S. La population de la région parisienne au XIXe siècle // *Démographie et sociétés*. Document de travail 6. Louvain-la-Neuve, 2015. P. 24.

¹¹ *Ibid.* P. 19.

¹² Описание этого процесса см.: Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 гг.: повседневная жизнь. М., 2013. С. 165–195. О нарастающей дискриминации рабочих кварталов в 1830–1840-х годах см.: Gribaudi M. Paris, ville ouvrière. Une histoire occultée, 1789–1848. Paris, 2014.

Легендарным прошлым история города восходит к Древнему Риму, в этимологии названия видят поселение (вилла) на дороге, связывающей Лютецию (Париж) с римскими владениями на востоке (Фландрия), принадлежавшее некоему Адальберу (Альбер-Обер). Отсюда первое упоминание в источниках как *Albertivillare* (1059 г.), закрепившееся в наименовании жителей *альбертивиллары* (курсив мой. — А.Г.). А дорога сохраняла название Фландрской, став центральной улицей города (ныне проспект Жана Жореса).

Восставая буквально из пепла после событий Столетней войны, религиозных войн и Фронды, Обервилье с XVII в. сделался сельскохозяйственным придатком богатевшего Парижа со значительным для сельской местности населением (1500 жителей в 1709 г.)¹³. Используя плодородную почву и хорошее увлажнение долины Сены, местные фермеры выращивали на продажу свежую зелень, особенно ценились у парижан местные сорта савойской капусты и лука, поставлялись также цветы, а из садов — груши. Коммерческая активность огородников Обервилье испытала новый подъем в середине XVIII в., поддерживалась она и при индустриализации. Еще в 1914 г. в городе насчитывалось 140 фермеров¹⁴.

Сельские сообщества пригородов по общему правилу оставались изолированными от прилегающего рабочего населения¹⁵, Обервилье не был исключением. Общение между крестьянами и рабочими сводилось к минимуму, перекрестных браков не было, и, как замечает Л. Боннеф, даже служа в одном полку, призывники из бурга и рабочих кварталов Обервилье «не братались»¹⁶. Тем не менее существовало определенное хозяйственное взаимодействие между двумя секторами местной экономики, и крестьяне, доставлявшие на парижские рынки свою продукцию, везли назад на своих телегах строительные материалы для рабочего жилья.

На протяжении всего XIX в. городская экономика представляла сосуществование постепенно расширявшегося промышленного сектора с медленно сокращавшейся аграрной сферой, отражая типологическую черту промышленной революции во Франции. В отличие от Англии с ее катастрофическим исходом сельского населения французское крестьянство, обретшее собственность на свою parcelлу в результате Революции 1789 г., закрепило позиции при Второй империи и вплоть до Первой мировой войны не уступало численностью населению городов. В течение всей промышленной революции промышленность, по выражению исследователя, оставалась «данницей сельского хозяйства»¹⁷.

Не случайно во французской историографии оспаривается сам термин «промышленная революция» в применении к Франции. Немало ученых, включая виднейшего исследователя промышленного развития страны в XIX–XX вв. Луи Бержерона, полагают, что во Франции не было столь радикального перехода от аграрного общества к индустриальному и собственно индустриализация (термин, который представляется им предпочтительным) носила более плавный характер — без того «взлета», который соответствует английской модели¹⁸.

Квазитрадиционное, аграрное общество продолжало проявлять себя и в XIX в., затрагивая политическую жизнь страны. Симптоматично, что вступление пригородов на арену

¹³ Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers // Département de la Seine-Saint-Denis direction de la culture, de la jeunesse et du sport bureau du patrimoine Pantin / eds J.-B. Debost, C. Rousset. Saint-Denis, 2004. P. 21. Если число жителей превышало две тысячи, поселение оказывалось в категории «городов».

¹⁴ Ferme Mazier // URL: <https://www.aubervilliers.fr/La-Ferme-Mazier> (дата обращения: 05.05.2022).

¹⁵ Типичную ситуацию описывает Фабрис Буджааба: *Boudjaaba F.* La banlieue et Paris dans le premier XIXe siècle. Le choix des témoins au mariage civil à Ivry-sur-Seine // *Annales de démographie historique*. 2013. № 2 (126). P. 141–172.

¹⁶ *Bonneff L.* Aubervilliers. Roman. Saint-Denis, 1981 (réimpr.). P. 18.

¹⁷ *Lévy-Leboyer M.* La croissance économique en France au XIXe siècle. Résultats préliminaires // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1968. Vol. 23. № 4. P. 796.

¹⁸ *Bernard A.* Pour une exégèse des écrits de l'historien Louis Bergeron // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ethno/2020-v42-n1-2-ethno05809/1074937ar/> (дата обращения: 13.06.2022). См. также: *Bergeron L.* L'industrialisation de la France au XIXe siècle. Paris, 1979; *La France n'est-elle pas douée pour l'industrie?* / dir. L. Bergeron, P. Bourdelais. Paris, 1998.

политической борьбы в Третьей республике было воспринято лидерами партии радикалов в Париже как «дыхание деревни» с ее консерватизмом, отсталостью и реакционностью¹⁹.

Толчком к индустриализации Обервилье стало завершение строительства гидросистемы, соединяющей Сену с бассейном Марны. Задуманная еще Наполеоном для улучшения водоснабжения столицы и обхода навигации через центр Парижа, она была достроена в начале 1820-х, и частью ее стал канал Сен-Дени 6,6 км длиной и до 70 м шириной, проходящий через окраину Обервилье. Санитарными, а конкретно ассенизационными возможностями канала воспользовались парижские власти, переведя сюда городскую скотобойню в 1841 г., и эту дату считают началом превращения Обервилье в промышленный пригород.

«Обервилье в цвету» и «Обервилье в отходах» — так едко определил контраст между территорией бурга и урбанизирующимися кварталами автор романа-хроники 1900 г. Леон Боннеф, прибавив: «Обервилье достался весь парижский навоз»²⁰. Переработка «сырья животного происхождения», как это называлось в промышленной статистике того времени, сделалась исходной базой местной индустриализации. Кости, кожа, жир, внутренности забракованных ветеринарами лошадей, ставших главным сырьем местных скотобоев, использовались для производства клея и желатина, свечей и минеральных удобрений, лакокрасочных и парфюмерных изделий. К концу XIX в. Обервилье стал важнейшим центром химической промышленности.

Индустриализации Обервилье способствовали отмена таможенных застав и включение в состав Парижа окрестных коммун при Второй империи, что открыло дорогу для экспансии столичного финансового капитала, приступившего к интенсивной скупке крестьянских владений под строительство промышленных предприятий. Реконструкция центра столицы префектом департамента Сены бароном Ж. Османом заставила бедноту искать новое жилье, значительная часть находила прибежище в пригородах.

С этого момента наблюдается резкий рост населения последних. В Обервилье за первую половину XIX в. оно увеличилось лишь на две тысячи — с 1834 жителей в 1801 г. до 3842 в 1856 г., тогда как за 1856—1876 гг. почти на 10 тыс., более чем утроившись за два десятилетия (13 340 чел.)²¹. Это был выражено пролетарский город: 75,8% самостоятельного населения Обервилье, по данным 1885 г., составляли именно рабочие²².

При переносе нежелательных производств из центра Парижа возникала порой отчетливая взаимосвязь между размещением их в окрестностях города и за его пределами. На противоположной от Обервилье стороне канала Сен-Дени в присоединенной к столице коммуне Ла Виллет в 1860-х годах сооружался огромный комплекс, соединивший общегородские скотобойни с оптовым мясным рынком. Частично эти скотобойни с сопутствующими им производствами перекочевали по старинной дороге с улицы Фландрии в Ла Виллет на Фландрскую дорогу в Обервилье, положив начало застройке ее промышленными предприятиями. Среди них оказались перебравшиеся с этой парижской окраины парфюмерные фабрики.

Новый этап городской индустриализации ознаменовался укреплением местных производственных цепочек. Так, большая парфюмерная фабрика Л.Т. Пивера, обосновавшаяся в Обервилье в 1869 г., оказалась по соседству с двумя снабжавшими ее своей продукцией салотопилками, в свою очередь получавшими сырье с местных скотобоев. Парфюмерные фабрики, а благодаря доступному сырью влед за предприятием Пивера появились аналогичные, паковали свою продукцию в коробки, изготовленные на картонажной фабрике Лурделета и Марикота, которая открылась в 1852 г. в бывшем поместье сеньора, купленном хозяевами фабрики. За первой последовало открытие еще нескольких картонажных фабрик, а всего к 1920 г. их стало девять²³.

¹⁹ Faure A. Un faubourg, des banlieues, ou la déclinaison du rejet // Genèses. 2003. № 2 (51). P. 62.

²⁰ Bonneff L. Op. cit. P. 17.

²¹ Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers. P. 31.

²² Albert A. Aubervilliers, l'ouvrière // Métropolitiques. 8.IV.2019. URL: <https://metropolitiques.eu/Aubervilliers-l-ouvriere.html> (дата обращения: 10.05.2022).

²³ Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers. P. 26.

Такой примечательный рост был обусловлен во многом промышленным развитием самого города. Продукция картонажных фабрик использовалась не только параллельно развивавшейся ввиду роста потребностей в средствах гигиены и косметики парфюмерной отрасли, но и в мебельном и обувном производстве, а также в фармацевтике. Эти отрасли местной индустрии были представлены небольшими по числу занятых работников предприятиями. Существовали и характерные для ранней урбанизации формы хозяйственной деятельности, вроде промысла старьевщиков, напоминающего рассеянную мануфактуру времен Старого порядка. Мужчины обходили места сбора мусора, женщины отбирали из него все подлежащее продаже и сдавали перекупщикам²⁴.

Основная масса рабочих была занята на крупных заводах и фабриках Обервилье. Только в парфюмерии, которую представляла прежде всего фабрика Пивера, трудилось около тысячи работниц. Условия их труда были сносными, в своих белых халатах с клетчатыми фартуками они работали за столами и представляли предмет зависти для работниц других производств. Л. Боннеф называет их «рабочей аристократией». Между тем и они страдали от профессиональных заболеваний: сильные запахи доводили работниц до головокружения, порождая хроническую головную боль. При изготовлении пудры работницы задыхались от мучной пыли и ходили обсыпанные ею с ног до головы²⁵.

Самой тяжелой и неприятной считалась работа на скотобойнях, тогда как на спичечной фабрике — самой опасной. Между тем первоначально здесь использовался даже детский труд: в 1872 г. из 80 рабочих половина были дети²⁶. Исходной базой спичечного производства в Обервилье являлись все те же скотобойни, поскольку сырьем для изготовления белого фосфора служили обожженные кости животных. В 80-х годах на фоне бурного роста потребления изготовление спичек расширилось, и к концу века на находившихся под единым управлением предприятиях Обервилье-Пантена работало уже 635 рабочих (243 мужчины и 392 женщины)²⁷. Производили они, по данным 1887 г., больше трети всего объема национальной продукции²⁸.

На производстве спичек зародилось рабочее движение, именно здесь возникли первые в Обервилье профсоюзы. В 1893 и 1895 гг. на спичечной фабрике прошли забастовки. Рабочие требовали замены белого фосфора менее возгораемым красным фосфором, традиционными были требования о повышении заработной платы, а также пенсий. Фабрика стала центром общенационального профсоюзного движения отрасли. В созданный на предприятии в 1892 г. профсоюз вошли больше 80% персонала предприятия (495 человек), в том же году фабричный профсоюз организовал общенациональный конгресс²⁹.

Еще одним крупным предприятием, продукция которого имела значение для всей Франции, был завод Сен-Гобен. Разместился он на территории 37 000 м² у канала Сен-Дени, по которому доставлялся уголь³⁰. История фирмы, сыгравшей заметную роль в истории Обервилье, восходит к одной из мануфактур, созданной Кольбером, а именно той, что заместила своим производством зеркала из Венеции и, в частности, обустроила уникальную галерею в Версале³¹. Во времена промышленной революции фирма расширила свое производство, выйдя за пределы

²⁴ *Bonneff L.* Op. cit. P. 177.

²⁵ Quand Léon Bonneff racontait Aubervilliers, en 1912–1913 // URL: <https://www.leparisien.fr/seine-saint-denis-93/aubervilliers-93300/quand-leon-bonneff-racontait-aubervilliers-en-1912-1913-01-09-2015-5053191.php> (дата обращения: 07.04.2022).

²⁶ *Smith P.* L'ancienne manufacture d'allumettes d'Aubervilliers // *Situ [en ligne]*. 2015. № 26. URL: <http://journals.openedition.org/insitu/12871> (дата обращения: 06.05.2022).

²⁷ *Ibid.* P. 35.

²⁸ *Ibid.* P. 16.

²⁹ *Ibid.* P. 35.

³⁰ *Furio A., Katz C.* Usine de produits chimiques Saint-Gobain, actuellement Centre de recherche et développement // URL: <https://patrimoine.seinesaintdenis.fr/Usine-de-produits-chimiques-Saint-Gobain-actuellement-centre-de-recherche-et-developpement> (дата обращения: 05.05.2022).

³¹ Название она получила от деревни в нынешнем департаменте Эны, где была первоначально размещена.

стекольной отрасли. В 1868 г. она приобрела построенный в Обервилье в 1862 г. завод Бойда по производству соды. Основательная реконструкция завода позволила Сен-Гобену к началу XX в. выпускать ежегодно 68 000 т серной кислоты, 44 000 т суперфосфата и около 1500 т селитры, используемой для производства азотных удобрений³². Труд здесь был вредным для здоровья рабочих. При производстве минеральных удобрений пыль, возникающая от размельчения суперфосфата, вьедалась в кожу, скрипела на зубах при еде, забивала дыхание³³.

График труда на предприятиях Обервилье заметно различался. Обычным был 12-часовой рабочий день. Но если на одних предприятиях эта норма соблюдалась и существовал еженедельный выходной день, на других продолжительность труда была ненормированной, выходные отсутствовали, работа не прекращалась и по праздникам³⁴.

Неофициальный статус «столицы химии»³⁵ Обервилье сохранял до самого конца промышленной революции: более половины предприятий города (их в 1870-х было уже 40) относились к химической отрасли³⁶. Вместе с тем общенациональная динамика развития тяжелой индустрии затронула экономику Обервилье.

Одной из особенностей промышленной революции во Франции было позднее развитие металлургии и машиностроения. Сказались ряд обстоятельств: нехватка угля и железной руды (особенно после аннексии Эльзаса и Лотарингии) и профессиональных кадров (были приглашены английские инженеры). Однако потребности железнодорожного транспорта и перевооружения армии ввиду назревания вооруженного конфликта с Германией властно диктовали развертывание в стране тяжелой индустрии. Обервилье не остался в стороне. В начале 1900-х годов в городе один за другим возникают машиностроительные заводы, самым значительным из которых стал завод подшипников и шестеренок Малисет и Блен, попытавшийся после окончания Первой мировой войны наладить даже собственное производство автомобилей.

Слабый прирост населения и узость внутреннего рынка труда стимулировали приток внешней рабочей силы. В последней трети XIX в. Франция сделалась крупнейшим центром иммиграции в Европе, и Обервилье с его растущей промышленностью оказался одним из мест притяжения. На Фландрской дороге, где она пересекается с дорогой в соседний Пантен, ныне Перекресток четырех дорог, чаще в литературе просто Четыре дороги, образовалось поселение «малая Пруссия» из уроженцев Эльзаса и особенно Лотарингии, аннексированных Германией в результате Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Селились здесь также выходцы из Бельгии, Люксембурга, Швейцарии, так что бытовой лексикой оказались преимущественно разговорные наречия немецкого, отсюда и наименование поселения³⁷.

Согласно устной традиции, жители «малой Пруссии» работали преимущественно на заводе Сен-Гобен³⁸. Реконструкция предприятия, значительно расширившая его производственные мощности, и прибытие волны переселенцев из аннексированных провинций северо-восточной Франции действительно совпадают. Так, было положено начало мультикультурности Обервилье: изначально город формировался как центр многообразной

³² *Lehuédé P.* 150 ans d'histoire de Saint-Gobain à Aubervilliers // *Les Vertus à travers le temps. Aubervilliers.* 2013. № 75. P. 12.

³³ *Bonneff L.* *Op. cit.* P. 74.

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ *Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers.* P. 26.

³⁶ *Usine Saint-Gobain à Aubervilliers* // URL: https://www.tourisme93.com/document.php?pageidx=84&engine_zoom-PcuIDFC930001359 (дата обращения: 04.05.2022).

³⁷ Люди бежали от Пруссии, но, поскольку в массе не знали французского, их отнесли к «немцам», а последние в ту пору ассоциировались с пруссаками, имя которых было на слуху как заклятых врагов.

³⁸ *Plongez dans la mémoire de "la Petite Prusse"* // *Le Parisien.* 7.III.2009.

в этноконфессиональном отношении иммиграции, приобретая опыт межкультурных отношений³⁹.

А бурно развивавшийся во время промышленной революции квартал Четырех дорог так и остался средоточием иммиграционного населения в Обервилье (сейчас преимущественно выходцев из Магриба). Из 13 340 жителей, проживавших в городе в 1876 г., 8767 приходилось на этот квартал. Одновременно в той части квартала, которая относилась к юрисдикции коммуны Пантена, проживали 3234 жителя⁴⁰. Среди жителей квартала возникло стремление отделиться и от Обервилье, и от Пантена, образовав самостоятельную коммуну. Желание это не было реализовано, однако своеобразие квартала и его социальная и культурная идентичность сохранились⁴¹.

Такую идентичность отчетливо характеризует открытие в квартале церкви Св. Марты. Церковное начальство задумывало окормление нарождающегося пролетариата, не порвавшего со своими крестьянскими корнями и с религиозностью⁴². О социальном адресате приходского храма красноречиво свидетельствовала надпись на входе при освящении о духовной избранности бедняков (*Heureux vous les pauvres*⁴³) — многозначительный перифраз евангельской заповеди по-французски: *Heureux les pauvres en esprit*⁴⁴.

Открытие церкви встретило немало сложностей из-за активной антирелигиозной политики властей Третьей республики, проводивших курс отделения государства и школы от церкви. Между тем первые школы квартала открылись именно около строящегося храма — школа братьев и школа сестер. В 1876 г. в квартале был открыт и светский школьный комплекс Жана Массе.

В целом урбанизация пригородов носила сложный характер; «гармонизация» между развитием промышленности и городским благоустройством, «требованиями производства и повседневной жизни», по оценке Луи Бержерона, достигалась с трудом, во многом из-за производства предпринимателей, деятельность которых за пределами Парижа контролировалась фабричной инспекцией гораздо слабее. В результате пригороды в пору становления представляли пространство «неурбанизованности», в которое они «начинают по существу превращаться теперь»⁴⁵, добавляет ученый⁴⁶.

Все же на рубеже XIX–XX вв. в пригородах отмечались благоприятные сдвиги. Фрагментарная застройка уступала место системной, отдельные промышленные зоны, воспроизводившие расположение крестьянских парцелл, соединялись общегородскими коммуникациями. Обервилье благоустроивался. Прокладывались тротуары, превращавшие проезжие дороги в улицы, зажигались по вечерам газовые фонари, возникали кафе и рынки, включая живописную барахолку. Формировалась транспортная инфраструктура, укреплялась связь с Парижем. В 1877 г. в Обервилье появился трамвай, соединивший город с центром столицы.

Развивалась социальная среда. Если на первом этапе возникновения промышленных пригородов в настроениях рабочих преобладало ощущение изгнания и соответственно неприятие нового пространства, то к началу 1900-х исследователи отмечают переход к активному

³⁹ В настоящее время здесь насчитывают представителей 70 различных этносов, отчетливая калька мультикультурности самого Парижа как «города-мира». См.: *Гордон А.В.* Мультикультурность в парижском пригороде Обервилье // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 5–37.

⁴⁰ *Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers*. P. 62.

⁴¹ *Plongez dans la mémoire de “la Petite Prusse”*.

⁴² *Auduc A.* Une difficile construction d'église en banlieue: l'exemple de Sainte-Marthe des Quatre Chemins à Pantin (1875–1897) // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1999. Т. 85. № 215. P. 291–314.

⁴³ Блаженны вы, бедные. Перевод с фр.

⁴⁴ Блаженны нищие духом. Перевод с фр.

⁴⁵ *Гордон А.В.* Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2022. № 3. С. 5–32.

⁴⁶ *Bergeron L.* La banlieue parisienne à la fin du XIXe siècle // *Histoire par l'image (en ligne)*. URL: histoire-image.org/etudes/banlieue-parisienne-fin-xixe-siecle (дата обращения: 13.06.2022).

его освоению⁴⁷. С феминизацией состава получила новое качество иммиграция: трудовые мигранты обрели семейную жизнь, а с ней и более устойчивую связь с территорией, где они поселялись. Время «перемещенных лиц», в первую очередь «беженцев из Парижа», уходило, жители пригородов становились, по выражению Алена Фора, «колонистами»⁴⁸. Хотя жилищные условия не слишком располагали к прочности семейных устоев, количество нерегистрируемых отношений и, как следствие, внебрачных детей в пригородах было велико, тем не менее несемейных оказывалось немного. К концу XIX в. доля замужних женщин возросла до 55–60%, превысив соответствующие показатели по Парижу (47–54%)⁴⁹.

Вопреки литературной и историографической традиции частная жизнь рабочих людей не была монотонно-мрачной. Они стремились разнообразить ее «маленькими радостями», по выражению Леона Боннефа. Живя порой впроголодь и экономя на всем, бедняки не отказывали себе в праздничных пиршествах по случаю крестин, первого причастия, свадьбы, полочки и при иных благовидных поводах⁵⁰. Не игнорировались и столичные развлечения. В Париже XIX в. большое распространение получили общественные балы, танцы со скромным музыкальным сопровождением, к которым имели доступ все желающие за небольшую плату. В контексте общегородской динамики перемещения общественной жизни из центра к окраинам подобные балы с танцами, пением, а то едой и питьем (что здесь обходилось дешевле) все чаще устраивались в сельских кабачках или рядом с ними, «на природе»⁵¹.

«На этих бедных балах, — писал А.И. Герцен в 1847 г., — все идет благопристойно, поношенные блузы, полинялые платья из холстинки... танцуют весело, но скромно»⁵². Те же черты бедного бала за те же 10 су⁵³ описывает Л. Боннеф в Обервилье в начале 1900-х. Рабочие в своей повседневной производственной одежде, хотя с вычищенными ботинками, составляли большинство, у работниц единственным украшением были шарфы, старьевщицы приходили в тех же платьях, что им попадались среди мусора. Выделялись вместе с тем шеголи, напомаженные и гладко причесанные. Шиком у мужчин считалось танцевать, не выпуская сигарету изо рта⁵⁴. Средоточием подобных увеселений в Обервилье был все тот же квартал Четырех дорог, где в ту пору танцзалы открывались один за другим.

Во времена становления Обервилье как промышленного пригорода уже обнаружилась дифференциация социального пространства, которая воспроизводится до сих пор в контрастности благополучных и неблагополучных кварталов. В подобной дифференциации находила отчетливое выражение специфика различных иммигрантских общин, определявшая характер и степень их интегрированности во Францию⁵⁵. Иммиграция периода промышленной революции носила волнообразный характер, накладывавший отпечаток на формирование социального пространства.

Немецкоязычных рабочих сменили волны южан: итальянцы, испанцы, португальцы. В начале XX в. итальянцы оказались самой многочисленной диаспорой в Парижском регионе, к 1930-м годам она составила две трети иностранного населения. В основном это была трудовая иммиграция, представленная всевозможными строительными профессиями. В Обервилье, переживавшем в ходе индустриализации строительный бум, итальянские рабочие оказались востребованными: в 1911 г. каждый восьмой житель города был итальянцем⁵⁶.

⁴⁷ Premiers banlieusards...

⁴⁸ Faure A. Transfuges et colons : le rôle des parisiens dans le peuplement des banlieues (1880–1914) // Immigration, vie politique et populisme en banlieue parisienne (fin 19e–20e siècles) / dir. J.-P. Brunet. Paris, 1995. P. 29–48.

⁴⁹ Brée S. Op. cit. P. 33.

⁵⁰ Bonneuf L. Op. cit. P. 121.

⁵¹ Мильчина В.А. Указ. соч. С. 625–647.

⁵² Там же. С. 636–637.

⁵³ Средняя зарплата рабочих в Обервилье была 10 франков в день.

⁵⁴ Bonneuf L. Op. cit. P. 95–96.

⁵⁵ См.: Noiriel G. Le creuset français: Histoire de l'immigration XIXe–XXe siècles. Paris, 1988.

⁵⁶ Société d'histoire retrace le parcours des migrants // Le Parisien. 6.VIII.2012.

Работали итальянцы и на различных промышленных предприятиях города, обживали местные бидонвили, подвергались ксенофобии во времена Муссолини; но в целом это была относительно успешно интегрировавшаяся во французское общество мигрантская община. Хуже оказалось положение выходцев из Испании. Об их статусе красноречиво свидетельствует тот факт, что в начале 1930-х годов послу Испании пришлось вмешаться, когда городской муниципалитет во главе с небезызвестным Пьером Лавалем (мэр Обервилье в 1923–1944 гг.) отказал в приеме детей испанских мигрантов в школы, а их семьям в пособия по безработице⁵⁷.

В Обервилье испанские мигранты сменили итальянцев на вредных и грязных производствах вроде боен, а также в трущобах, которые образовали район, получивший наименование «малой Испании». Этот «квартал закоулков» был лишен элементарных форм городского благоустройства, а электричества, газа и водопровода у обитателей не было до 1950-х годов. Одно- или двухэтажные домики на несколько семей изготавливались из смеси глины с другими доступными материалами, скрепленной цементом или известью, для крыш употреблялись листы кровельного железа, оставшиеся от сносимого старого жилья в Париже⁵⁸.

Более благоустроенными оказывались кварталы так называемых казарм: длинные, до сотни метров, обычно трехэтажные здания на 120–150 квартир с несколькими подъездами, соединенные общим коридором и напоминающие известные по российской истории общежития семейного типа. Классом, так сказать, ниже были одноэтажные «казармы», подобие ангаров, где жильцы утепляли стены просмоленным картоном, а крыши прикрывали от непогоды шифером. Среди подобного «народного жилья» были гостиницы, сдававшие в наем на небольшой срок свои номера для постоянно мигрирующего рабочего населения.

Рабочие, сумевшие скопить какие-то сбережения, стремились обзавестись собственным жильем. От этого ограниченного рабочими доходами квартала донине сохранилась улица с красноречивым названием переулоч Роз. На живописной тенистой улице домики дачного типа с двориком и палисадником. Несколько деревьев, цветник. Обувь по сельскому обыкновению оставляют на крыльце⁵⁹.

Тяга к земле, столь типичная для населения с глубокими сельскохозяйственными традициями, выразилась также в устройении подобия российских садово-огородных товариществ. Начало распахки пустошей под огороды относится к разгару промышленной революции. Подхваченная десятками рабочих Обервилье инициатива аббата Лемира 1896 г. привела к возникновению «рабочих огородов» размером в 2–3 сотки, продукция которых оказывалась подспорьем для рабочих семей, не говоря уже о здоровом препровождении свободного времени⁶⁰.

В 1960-х годах в Обервилье началась деиндустриализация. Аналогично тому, как в начале индустриализации Франции производства перемещались из городских центров в пригороды, ее завершением стало их перемещение из мировых индустриальных центров в страны Третьего мира⁶¹. Предприятия города, возникшие во время промышленной революции, закрывались одно за другим. Как вспоминают свидетели, то была «эпоха безработицы, болезней, наркотиков»⁶². Процесс был крайне болезненным, его социальные последствия ощущаются до сих пор.

Есть и другая сторона. На месте предприятий возникали многоэтажные жилые комплексы, школы, скверы. Кварталы казарм и бидонвилей, объявленные «территориями антисанитарии»,

⁵⁷ Petite Espagne de la Plaine-Saint-Denis Un quartier d'immigration espagnole au XXe siècle / Dossier pédagogique réalisé par Sandrine Saule, professeur-relais. Mars 2012 // Archives départementales de la Seine-Saint-Denis. URL: dl?f-customer_2/blog/la_petite_espagne_html.pdf (дата обращения: 10.05.2022).

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Сужу по личным впечатлениям 2002 г., когда довелось месяц прожить в Обервилье, в упомянутом квартале Четырех дорог, благодаря гранту Дома наук о человеке.

⁶⁰ L'esprit de résistance des jardins des vertus d'Aubervilliers // URL: <https://www.lavillepousse.fr/les-jardins-des-vertus-a-aubervilliers-lesprit-de-resistance-des-jardins-familiaux-preserve/> (дата обращения: 15.06.2022).

⁶¹ См.: Лапина Н.Ю. Есть ли шанс возродить французскую промышленность? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 103–111.

⁶² Bédarida C. Seine-Saint-Denis, naissance d'un ghetto // Le Monde. 29.IX. 2008.

в большинстве случаев подверглись полной реконструкции⁶³. Складывалась современная городская инфраструктура, пришло метро. В экономическом плане Обервилье стал средоточием мелкого арабо-африканского бизнеса и оптово-импортной торговли китайской общины. Чем дальше, тем больше формируется структура постиндустриальной эпохи – в Обервилье сосредотачиваются офисы транснациональных корпораций, предприятия и учреждения телекоммуникаций, подготовки инженерных кадров, исследовательские лаборатории высоких технологий. В кампус Кондорсе на окраине города переехали факультеты новой Сорбонны.

Промышленная революция во Франции имела очаговый характер. За несколько десятилетий XIX в. экономическая география страны радикально трансформировалась. Возникновение новых центров экономической деятельности обусловливалось сочетанием двух факторов – наличием сырья и транспортной инфраструктурой. Обервилье был тесно связан с Парижем старинной Фландрской дорогой, к которой присоединился водный путь (система каналов Урк – Сен-Дени – Сен-Мартен), а затем железнодорожное сообщение. Сырьевой базой для промышленности Обервилье стал тот же Париж, избавлявшийся от загрязняющих отходов и вредных для экологии производств. Динамика автономного развития на основе местной производственной кооперации сделала город региональной столицей французской химии. Спутницей индустриализации явилась урбанизация. С освоением городского пространства активизировалась разнообразная социальная и культурная жизнь, сосредотачиваясь в отдельных кварталах. Некоторые из них имели этнический характер: со времени промышленной революции город стал мультикультурным. Возникло рабочее движение, сделавшее город в XX в. частью «красного пояса», заложив основание левой политической традиции.

Библиография / References

- Гордон А.В.* Мультикультурность в парижском пригороде Обервилье // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 5–37.
- Гордон А.В.* Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2022. № 3. С. 5–32.
- Кожюкин Е.М.* Французские рабочие: от великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985.
- Кожюкин Е.М.* История бедного капитализма. Франция XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.
- Лапина Н.Ю.* Есть ли шанс возродить французскую промышленность? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 103–111.
- Лапина Н.Ю.* «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 11. С. 97–105.
- Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 гг.: повседневная жизнь. М., 2013.
- Потемкин Ф.В.* Промышленная революция во Франции. Т. 1–2. М., 1971.
- Gordon A.V.* Civilizationalnyye problemy multikulturnogo parizhskogo prigoroda [Civilizational Problems of the Multicultural Parisian Suburb] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika [Social Sciences and Humanities. Ser. 9. Oriental and African studies]. 2022. № 3. S. 5–32. (In Russ.)
- Gordon A.V.* Multiculturalnost' v parizhskom prigorode Obervil'e [Aubervilliers. Multiculturality in the suburb of Paris] // Social'nye i gumanitarnye nauki. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika [Social Sciences and Humanities. Ser. 9. Oriental and African studies]. 2022. № 1. S. 5–37. (In Russ.)
- Kozhokin E.M.* Frantsuzskie rabochie: ot Velikoi burzhuaznoi revolyutsii do revolyutsii 1848 goda. [French workers: from the great bourgeois revolution to the revolution of 1848]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Kozhokin E.M.* Istoriya bednogo kapitalizma. Frantsiya XVIII – pervoi poloviny XIX veka. [History of poor capitalism. France of the XVIII 18th – first half of the 19th century]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Lašina N.Yu.* “Islamskij faktor” i obshchestvenno-politicheskaya diskussiya po voprosam immigracii v sovremennoj Francii [“Islamic Factor” and Socio-Political Debate on Immigration in Modern France] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. T. 65. № 11. S. 97–105. (In Russ.)

⁶³ Contribution au diagnostic du patrimoine de la commune d'Aubervilliers. P. 136–137.

Lapina N.Yu. Est' li shans vozrodit' francuzskuyu promyshlennost'? [Is There Any Chance to Revive French Industry?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2020. T. 64. № 10. S. 103–111. (In Russ.)

Mil'china V. A. Parizh v 1814–1848 godakh: povsednevnaia zhizn' [Everyday life in Paris. 1814–1848]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Potemkin F.V. Promyshlennaya revolyuciya vo Francii. [Industrial Revolution in France]. T. 1–2. Moskva, 1971. (In Russ.)

Albert A. Aubervilliers, l'ouvrière // *Metropolitiques*. 8.IV.2019. URL: <https://metropolitiques.eu/Aubervilliers-1-ouvriere.html> (access date: 10.05.2022).

Auduc A. Une difficile construction d'église en banlieue: l'exemple de Sainte-Marthe des Quatre Chemins à Pantin (1875–1897) // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1999. T. 85. № 215. P. 291–314.

Bastie J. La croissance de la banlieue parisienne. Paris, 1964.

Bédarida C. Seine-Saint-Denis, naissance d'un ghetto // *Le Monde*. 29.IX. 2008.

Belmessous H. Petite histoire politique des banlieues populaires. Paris, 2022.

Bergeron L. L'industrialisation de la France au XIXe siècle. Paris, 1979.

Bergeron L. La banlieue parisienne à la fin du XIXe siècle // *Histoire par l'image* (en ligne). URL: histoire-image.org/etudes/banlieue-parisienne-fin-xixe-siecle (access date: 13.06.2022).

Bernard A. Pour une exégèse des écrits de l'historien Louis Bergeron // URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ethno/2020-v42-n1-2-ethno05809/1074937ar/> (access date: 13.06.2022).

Bonneff L. Aubervilliers. Roman. Saint-Denis, 1981 (rémpr.).

Bouchard J. Comment le retard vient aux Français. Analyse d'un discours sur la recherche, l'innovation et la compétitivité 1940–1970. Paris, 2008.

Boudjaaba F. La banlieue et Paris dans le premier XIXe siècle. Le choix des témoins au mariage civil à Ivry-sur-Seine // *Annales de démographie historique*. 2013. № 2 (126). P. 141–172.

Boudjaaba F., De Luca Barrusse V. Populations de banlieue, une histoire à revisiter // *Annales de démographie historique*. 2013. № 2 (126). P. 5–15.

Brée S. La population de la région parisienne au XIXe siècle // *Démographie et sociétés*. Document de travail 6. Louvain-la-Neuve, 2015.

Chevalier L. Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle. Paris, 1958.

Cholley A. La croissance de la banlieue parisienne, de Jean Bastié [compte-rendu] // *Annales de géographie*. 1965. T. 74. № 404. P. 462–469.

Faure A. Transfuges et colons: le rôle des parisiens dans le peuplement des banlieues (1880–1914) // *Immigration, vie politique et populisme en banlieue parisienne (fin 19e–20e siècles)* / dir. J.-P. Brunet. Paris, 1995. P. 29–48.

Faure A. Un faubourg, des banlieues, ou la déclinaison du rejet // *Genèses*. 2003. № 2 (51). P. 48–69.

Frégier H.A. Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures: in 2 vol. Paris, 1840.

Furio A., Katz C. Usine de produits chimiques Saint-Gobain, actuellement Centre de recherche et développement // URL: <https://patrimoine.seinesaintdenis.fr/Usine-de-produits-chimiques-Saint-Gobain-actuellement-centre-de-recherche-et-developpement> (access date: 05.05.2022).

Gribaudi M. Paris, ville ouvrière. Une histoire occultée, 1789–1848. Paris, 2014.

Kepel G. Quatre-vingt-treize. Paris, 2012.

La France n'est-elle pas douée pour l'industrie? / dir. L. Bergeron, P. Bourdelais. Paris, 1998.

Lehuédé P. 150 ans d'histoire de Saint-Gobain à Aubervilliers // *Les Vertus à travers le temps*. Aubervilliers. 2013. № 75. P. 8–15.

Les premiers banlieusards. Aux origines des banlieues de Paris (1860–1940) / dir. A. Faure. Paris, 1991.

Les Territoires du communisme. Élus locaux, politiques publiques et sociabilités militantes / dir. E. Belanger, J. Mischi. Paris, 2013.

Lévy-Leboyer M. La croissance économique en France au XIXe siècle. Résultats préliminaires // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 1968. Vol. 23. № 4. P. 788–807.

Magri S. Rec.on: Les premiers banlieusards. Aux origines des banlieues de Paris (1860–1940) / dir. A. Faure. Paris, 1991 // *Genèses. Sciences sociales et histoire*. 1992. № 9. P. 168–170.

Moulin I. La petite Espagne à la Plaine-Saint-Denis. Identification. Paris, 1986.

Mullaney M.M. Frégier and the "Dangerous Classes": Poverty in Orleanist France // *International Social Science Review*. 1983. Vol. 58. № 2. P. 88–92.

Noiriel G. Le creuset français: Histoire de l'immigration XIXe–XXe siècles. Paris, 1988.

Norimitsu Onishu. In a France Fearful of Immigrants, Another Candidate Tacks Hard Right // *New York Times*. 18.XII.2021.

Petite Espagne de la Plaine-Saint-Denis Un quartier d'immigration espagnole au XXe siècle / Dossier pédagogique réalisé par Sandrine Saule, professeur-relais. Mars 2012 // Archives départementales de la Seine-Saint-Denis. URL: dl?f-customer_2/blog/la_petite_espagne_html.pdf (access date: 10.05.2022).

Quand Léon Bonneff racontait Aubervilliers, en 1912–1913 // URL: <https://www.leparisien.fr/seine-saint-denis-93/aubervilliers-93300/quand-leon-bonneff-racontait-aubervilliers-en-1912-1913-01-09-2015-5053191.php> (access date: 07.04.2022).

Ratcliffe B.M. Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle?: The Chevalier Thesis Reexamined // *French Historical Studies*. 1991. Vol. 17. № 2. P. 542–574.

Ruty E. Une histoire des banlieues françaises. Paris, 2020.

Smith P. L'ancienne manufacture d'allumettes d'Aubervilliers // *Situ* [en ligne]. 2015. № 26. URL: <http://journals.openedition.org/insitu/12871> (access date: 06.05.2022).

Stovall T. From Red Belt to Black Belt: Race, Class, and Urban Marginality in Twentieth-Century Paris // *L'Esprit Créateur*. 2001. Vol. 41. № 3. P. 9–23.

Territoires conquis de l'islamisme / dir. B. Rougier. Paris, 2020.

DOI: 10.31857/S013038640021232-3

© 2022 г. А.Ю. ВАТЛИН

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ: ОТНОШЕНИЯ НАРКОМА Г.В. ЧИЧЕРИНА И ПОЛПРЕДА А.А. ИОФФЕ в 1918 году

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017

Аннотация. После прихода к власти в 1917 г. большевики начали выстраивание собственной системы принятия внешнеполитических решений, отвергнув в Декрете о мире традиции и нормы буржуазной дипломатии, а также отказавшись от использования кадрового потенциала российского МИД. Впервые опробовали новую систему, построенную на принципах революционного марксизма, во время брестских переговоров, завершившихся поражением Советской России. Подписание 3 марта 1918 г. Брестского договора открыло перспективу перехода от войны к миру в отношениях РСФСР и Германии, выражением чего стал обмен дипломатическими представительствами. Советское полпредство в Германии, которое возглавил А.А. Иоффе, стало для правительства большевиков фактически единственным «окном в Европу».

Ввиду отсутствия отлаженного внешнеполитического механизма, а также крайне неустойчивой связи между Москвой и Берлином деятельность полпреда, который не являлся профессиональным дипломатом, определялась его дореволюционным политическим опытом и личными качествами. Отвергая «старорежимную» иерархию и не скрывая своих амбиций, А.А. Иоффе вступил в перманентный конфликт со своим непосредственным начальником — наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, продолжавшийся вплоть до высылки советского полпредства из Берлина в ноябре 1918 г.

В статье на основе служебной переписки наркома и полпреда реконструирована подготовка ключевых решений в сфере советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны, показана роль человеческого фактора в этом процессе, механизм урегулирования ведомственных и личных конфликтов, залогом которого выступал авторитет В.И. Ленина. Автор приходит к выводу, что процесс становления советской внешней политики в 1918 г. шел чрезвычайно быстро, в целом соответствуя темпу событий, и продвигался вперед, преодолевая ошибки. Заложенные в первый год работы Наркоминдела традиции и нормы оказывали немалое влияние на последующую историю советской дипломатии.

Ключевые слова: Первая мировая война, советско-германские отношения, Брестский мир, большевики, Германия, РСФСР, внешняя политика, Наркоминдел, Г.В. Чичерин, А.А. Иоффе, гражданская война, интервенция.

A.Yu. Vatlin

Bolshevik Intellectuals on the Foreign Policy Front: The Relationship Between Commissar for Foreign Affairs Georgy Chicherin and Plenipotentiary Representative Adolf Joffe in 1918

Alexander Vatlin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; Researcher ID: W-2922-2017

Abstract. After coming to power in 1917, the Bolsheviks began to form their own system of foreign policy decision-making, rejecting the traditions and standards of bourgeois diplomacy in the Decree on Peace, and refusing to use the personnel of the Russian Ministry of Foreign Affairs. The first trial of the new system, built on the principles of revolutionary Marxism, took place during the Brest negotiations and ended in defeat for Soviet Russia. The signing of the Treaty of Brest-Litovsk on 3 March 1918 paved the way for the transition from war to peace between the two countries and, consequently, for the exchange of diplomatic representatives. The Soviet legation in Germany, headed by Joffe, was in fact the only 'window to Europe' for the Bolsheviks.

Because of the lack of a fine-tuned foreign policy decision-making mechanism and the highly unstable communication between Moscow and Berlin, and because Joffe was not a professional diplomat, the activities of his plenipotentiary representation were determined by his pre-revolutionary political experience and personal qualities. Rejecting the hierarchy of the old regime and making no secret of his own ambitions, Joffe came into continuous conflict with his immediate superior, the People's Commissar for Foreign Affairs, Chicherin, and this conflict continued until the Soviet plenipotentiary representative was expelled from Berlin in 1918.

The author reconstructs the formation of key decisions in the sphere of Soviet-German relations at the end of the Great War on the basis of official correspondence between the People's Commissar and the Plenipotentiary, shows the role of human factor in the process and the mechanism of departmental and personal conflicts resolution, the core of which was the authority of Lenin. The author concludes that the process of shaping the Soviet foreign policy in 1918 was extremely rapid, generally in line with the pace of events, and developed by trial and error. The traditions and norms laid down in the first year of the work of the People's Commissariat largely influenced the subsequent history of Soviet diplomacy.

Keywords: World War I, Soviet-German relations, the Brest treaty, bolsheviks, Germany, Russian federation, foreign policy, Commissariat for Foreign Affairs, Georgy Chicherin, Adolf Joffe, civil war, intervention.

Придя к власти в ноябре 1917 г. и провозгласив безусловный «слом государственного аппарата» Российской империи, большевики не отдавали себе отчета в том, насколько сложной является эта задача. Среди партийных активистов было некоторое количество выходцев из интеллектуальной элиты российского общества, имевших дореволюционный опыт работы в бизнесе, образовании и даже в легальной политике. Помимо них новая власть могла бы рекрутировать кадры из «спецов», т.е. людей, работавших в старых государственных структурах, многие из которых отдавали себе отчет и в исчерпанности царского режима, и в нежизнеспособности «временной» демократии. Главная проблема заключалась в другом — у большевиков не было готовой схемы и понимания принципов функционирования «государства диктатуры пролетариата». Речь шла не просто о том, чтобы овладеть колоссальной машиной государственного управления, но и радикально перекроить ее, причем сделать это буквально на ходу, подгоняя новые структуры не столько под краеугольные положения марксистской доктрины, сколько под оперативные потребности новой власти.

Хуже всего дело обстояло в тех ведомствах, где от государственных деятелей и чиновников средней руки требовались специальные знания и многолетний практический опыт, которые формировались и отрабатывались в течение поколений. Одной из таких

закрытых каст была дипломатическая элита, в которой традиционно доминировали выходцы из аристократических семей и иностранцы, в том числе немцы, рекрутированные напрямую из-за рубежа, или выходцы из остзейских провинций¹. Естественно, и тем и другим вход в советскую внешнюю политику был категорически запрещен.

Л.Д. Троцкий, которому сразу после прихода к власти большевиков поручили отвечать за внешнюю политику государства, воспринимал это как продолжение партийной работы «иными средствами». Ее стратегической целью было продвижение вперед мировой пролетарской революции, для чего на первых порах требовалось превратить империалистическую войну в гражданскую. Первый нарком иностранных дел, не брезгуя тайными контактами с военными миссиями Антанты, сделал ставку на пропаганду и агитацию, завоевание массовых симпатий в зарубежных странах и формирование в них коммунистических партий, которые и возглавят рабочие массы.

Перемирие, заключенное на советско-германском фронте в декабре 1917 г., сопровождалось «братаниями», в ходе которых немецким солдатам раздавались большевистские газеты и листовки. Прибыв в Брест на переговоры с представителями Центральных держав, Троцкий в конечном счете отказался идти на заключение мирного договора, считая его кабальным, и покинул зал заседаний, следуя выдвинутой им формуле: «ни мира, ни войны».

Ленину с огромным трудом удалось добиться подписания «похабного мира», отдавшего под германскую оккупацию значительную часть европейской России. После этого он уже никогда не доверял кому бы то ни было выработки стратегического курса внешней политики страны. Однако взять на себя функции оперативного контроля за его практической реализацией вождь партии большевиков, в марте 1918 г. принявший название Российской коммунистической (РКП(б)), не мог, даже если бы захотел. И здесь вставал «проклятый вопрос» о кадрах, точнее об их отсутствии. Если в сфере экономики еще можно было рассчитывать на инициативу трудящихся масс, то внешняя политика, как продемонстрировали переговоры в Бресте, не могла делаться «дипломатами в лаптях»².

Еще до начала брестских переговоров Ленин сделал выбор в пользу двух личностей, которые и станут главными героями нашей статьи, — это Г.В. Чичерин и А.А. Иоффе. Первый после ухода Троцкого в военную сферу стал исполняющим обязанности наркома (с июня 1918 г. — наркомом) иностранных дел РСФСР, второй — советским дипломатическим представителем в Берлине (обмен посольствами был согласован в Брестском мирном договоре). Их взаимоотношения во время кратковременного пребывания Иоффе на этом посту (конец апреля — начало ноября 1918 г.) стали важным фактором становления механизмов, принципов и даже стилевых особенностей внешней политики нового государства. В статье на основе сохранившейся между ними переписки будет предпринята попытка показать, в какой степени эти отношения определялись личными качествами наших героев, их индивидуальным подходом к воплощению в жизнь того «общего дела», служение которому определяло их политическую биографию.

Ни Чичерин, ни Иоффе не были ближайшими соратниками Ленина и лишь весьма условно могли быть причислены к сонму «героев-подпольщиков» большевистской партии. Их объединяло то, что оба были выходцами из преуспевающих слоев общества, получили прекрасное общее и высшее образование, свободно владели иностранными языками (Иоффе учился в Берлине и Вене) и были знакомы со светскими манерами.

Оба значительную часть своей взрослой жизни провели в эмиграции. Чичерин вернулся из-за границы в январе 1918 г. и сразу же был направлен на работу в Наркоминдел, поскольку ранее служил по линии внешнеполитического ведомства. Иоффе к началу Первой мировой войны находился в ссылке, где и встретил Февральскую революцию, а

¹ См.: *Иванова Н.И.* Немцы на дипломатической службе в Российской империи. М., 2021.

² Генерал Макс Гофман, который являлся фактическим главой делегации Центральных держав на переговорах, издевательски говорил о «дипломатах в лаптях», прибывших из Москвы (*Гофман М.* Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 216).

вскоре, прибыв в Петроград, вместе с Троцким примкнул к большевикам. В биографическом очерке, написанном в последние годы своей жизни, последний отметил нервную неуравновешенность своего верного соратника, которая граничила с психическим заболеванием: «Политическое формирование Иоффе происходило на моих глазах и при моем участии. В Вене он проживал после первой революции в качестве студента медицины и еще больше в качестве пациента. Его нервная система была отягощена тяжелой наследственностью. Несмотря на чрезвычайно внушительную внешность, слишком внушительную для молодого возраста, чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость — черты внутренней уравновешенности, Иоффе был на самом деле невротиком с молодых лет... На собраниях русской колонии Иоффе никогда не выступал. Даже необходимость объясняться с отдельными лицами, в частности разговаривать по телефону, его нервировала, пугала и утомляла. Я тогда совсем не думал, что он станет хорошим оратором и особенно дипломатом с мировым именем»³.

В ходе брестских переговоров Иоффе показал себя достойным оппонентом представителей Германии и ее союзников, ершистым и неуступчивым в деталях, но в целом подержавшим линию Троцкого, которая вела дело к срыву переговорного процесса в расчете на то, что «немец наступать не будет».

Казалось бы, трудно было найти менее подходящую кандидатуру на пост полпреда Советской России в Германии⁴, чем Адольф Иоффе — недавний меньшевик, интеллигент с дипломом врача, сибарит и германofil. Главным аргументом в его пользу было то, что других кандидатур у Ленина просто не было, за исключением, пожалуй, Карла Радека, ведавшего в тот момент пропагандой среди германских войск на линии фронта. Кандидатура человека, который нарушал все правила дипломатического этикета во время переговоров в Бресте, была бы воспринята германской стороной как провокация, хотя сам Радек не скрывал своих амбиций стать советским полпредом в Берлине⁵. Бухарин вспоминал позже, что Ленин «очень не любил Радека и говорил, что Радек своим языком выносит все на улицу»⁶, — качество, совершенно неприемлемое для кадрового дипломата.

Получив новое назначение, Иоффе лихорадочно принялся подбирать персонал будущего полпредства в Берлине — у него было всего две недели. В этих условиях было бесполезно проводить осмысленный отбор кандидатов на дипломатическую службу, тем более что и у самого Иоффе не было сколько-нибудь четкого понимания сути своей будущей деятельности. В условиях цейтнота он мог проверить только знание немецкого языка, а потому пользовался рекомендациями Г.Е. Зиновьева и К.Б. Радека (последний представил ему Марию Гиршфельд, которая в Берлине станет личным секретарем, а затем второй женой полпреда). Отстаивая кандидатуры своих будущих сотрудников из «бывших», Иоффе ссылаясь на то, что получил на это специальное разрешение⁷. Осторожный Чичерин, который в конечном счете отвечал за благонадежность персонала полпредства, предпочел подстраховаться, обратившись напрямую к Ленину: «Иоффе у прямого проводя спрашивает, согласен ли Кремль на то, чтобы он взял в Берлин генеральным консулом старого сановника, лицо с именем в промышленных кругах, делопроизводителя Керенского, вообще “пригодное для этой должности лицо”». Ленин предпочел уклониться от

³ Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 327.

⁴ Чтобы лишний раз продемонстрировать отрицание традиций и норм буржуазной дипломатии, советское правительство решило отказаться от титула «посла», заменив его «полномочным представителем», т.е. полпредом.

⁵ *Guftjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek — die Biographie.* Köln; Weimar; Wien, 2012. S. 287.

⁶ Протокол заседания Президиума Исполкома Коминтерна от 23 июля 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 79. Л. 178.

⁷ См.: Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 93.

прямого ответа, начертав на чичеринской записке туманную резолюцию: «Гм...гм... Кота в мЭшке покупает. Пусть берет на себя ответственность»⁸.

Так или иначе, несколько десятков дипломатов, технических сотрудников и членов их семей уже 18 апреля 1918 г. отправились специальным поездом к демаркационной линии и через трое суток оказались в Берлине. По приезде в столицу Германской империи полпреду Иоффе приходилось самостоятельно решать огромный круг проблем, не имея ни опыта дипломатической службы, ни добросовестных и опытных сотрудников вокруг себя. Он жаловался Зиновьеву: «Я буквально завален работой и абсолютно не в состоянии писать несколько докладов, а помощи нет, ибо публика почти вся никчемная»⁹. Георгий Соломон, ставший в июле первым секретарем полпредства, так описывал его работу: «В посольстве, благодаря набранному с бора да с сосенки штату, царит крайняя запущенность в делопроизводстве, в отчетности, в хозяйстве, и мне предстоит много кропотливой работы, так как хотя служащие и неопытны, но самомнение у них громадное и амбиции — хоть отбавляй, равным образом хромает и дипломатическая часть». Сам Соломон по прибытии на место работы нашел положение дел просто удручающим: «Всюду царил анархия, которая все резче и резче выступала на вид по мере того, как я входил в дела... массы служащих, которые бестолково, не зная дела, суетятся и что-то работают, что-то путают, к ним в помощь для распутывания назначаются другие, которые тоже путают, и так до бесконечности»¹⁰.

На бюрократическую неразбериху внутри полпредства накладывалось почти полное отсутствие надежной связи с Россией: телеграммы в Наркоминдел приходилось отправлять с берлинского главпочтамта, а радиограммы — через военно-морскую радиостанцию в Науэне. Значительная часть этой корреспонденции перехватывалась и попадала на стол чиновникам германского МИД¹¹. Политические донесения с секретной информацией везли в Москву курьеры, находившиеся в пути два-три дня, а иногда возвращавшиеся с родины навеселе, что побуждало полпреда к жестким директивам отнюдь не дипломатического толка: «Так как присланный Вами курьер был пьян как стелька и вчера выехать не мог, то сегодня препровождаю его арестованным в Ваше распоряжение и пользуюсь случаем, чтобы кое-что добавить к вчерашнему докладу»¹².

Вопреки всем препятствиям Иоффе с завидной педантичностью отправлял в Москву обширные политические донесения, затрагивая в них широкий круг проблем, выходящих за рамки его прямых служебных обязанностей. Многие из них заканчивались фразой: «вынужден закончить, иначе курьер опоздает на поезд». Внутренние трудности в работе полпредства многократно усугублялись внешними обстоятельствами, с которыми каждый день сталкивались советские дипломаты: «Ощущение непрочности владело всеми в посольстве. Ежедневно циркулировали всевозможные, неведомо кем распространяемые слухи, часто слышалось выражение “придется собирать чемоданы” и пр. Все себя чувствовали точно на какой-то станции, многие даже продолжали хранить свои вещи в чемоданах»¹³.

Общественное мнение Германии считало представительство РСФСР «прибежищем красных» и «рассадником терроризма», военные власти — центром шпионажа,

⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24316. Л. 1. Вероятно, речь идет о Ю.А. Воронове, который являлся кадровым дипломатом, занял пост заместителя генерального консула и стал одним из первых «невозвращенцев», отказавшись в ноябре 1918 г. под благовидным предлогом присоединиться к персоналу полпредства, который был выслан из Германии (Politisches Archivdes Auswaertigen Amtes (далее — РА АА). RZ/201/1726).

⁹ Письмо Зиновьеву от 3 мая 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 140.

¹⁰ Соломон Г.А. Среди красных вождей. Лично увиденное и пережитое на советской службе. М., 2015. С. 40–41.

¹¹ Копии перехваченных телеграмм составляют более десятка объемистых дел архива МИД Германии: РА АА. RZ /201/1727—1730, 2000—2006, 22290, 20643—20647.

¹² Политический доклад в НКВД № 17, июль 1918 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 991. Л. 55.

¹³ Соломон Г.А. Указ. соч. С. 42.

а чиновники МИД — случайным собранием временщиков и самозванцев, которые вот-вот будут смещены с незаконно занятых постов. Однако главным было то, что межгосударственные отношения и после подписания Брестского договора находились в состоянии «ни мира, ни войны». Вплоть до лета германские войска продвигались в глубь территории бывшей Российской империи, захватив Крым, перейдя Дон и подобравшись к Северному Кавказу.

В этих чрезвычайных условиях Иоффе был вынужден отказаться от жесткого следования вертикали ведомственного подчинения, которая замыкалась на Чичерина. Его политические доклады были адресованы всем руководителям РКП(б). Кроме того, в архивах сохранилось несколько писем Ленину, полпред называл их «личными» и содержащими информацию, предназначенную исключительно для вождя: «Моя нелегальная работа Комиссариата иностранных дел не касается, и в ней я даю отчет лично Вам, чтобы не делать этого в ЦК»¹⁴. Речь шла прежде всего о финансовой и политической поддержке левых социалистов Германии, но не только. Иоффе информировал Ленина о судьбе интернированных российских социалистов, о своем видении архитектуры послевоенного мира и почти постоянно выступал с резкой критикой своего непосредственного начальника — наркома иностранных дел.

Наряду с политическими докладами, Иоффе начал нумеровать свою переписку с Чичериным, однако бросил делать это уже после четвертого письма¹⁵. Этому есть несколько причин. Во-первых, поддерживать параллельный канал связи Иоффе было просто не под силу, он едва успевал подготовить к отъезду курьера один политический документ. Во-вторых, появление в полпредстве в июне телеграфной связи («аппарата Юза») выдвинуло на первый план обмен «записками по прямому проводу», который позволял в режиме реального времени обсуждать те или иные вопросы. Но даже в этом случае личное начало прорывалось сквозь служебные вопросы буквально в каждой телеграмме.

В своих первых посланиях Чичерину Иоффе сухо излагал только оперативную и техническую информацию, в их тоне чувствовались его собственные амбиции занять наркомовский пост¹⁶. Так, в одном из первых писем по прибытии в Берлин полпред устроил наркому форменный выговор, потребовав, чтобы тот прекратил бюрократическую неразбериху в своем ведомстве и по существу отвечал на его запросы. Речь шла прежде всего о присылке из Москвы делегации для того, чтобы начать работу двусторонней политической комиссии по имплементации Брестского мирного договора. Чичерин настаивал, что комиссия должна собраться в Москве, и всячески затягивал подбор членов советской делегации. Иоффе понимал, что это было явно неприемлемым требованием со стороны фактически проигравшей стороны, и максимально торопил, не останавливаясь даже перед угрозой отставки: «Я Вам уже телеграфировал, что, если к 25[мая] Ваших не будет, я сам здесь назначу комиссию, и хоть бы Вы мне 10 раз писали, что мои переговоры будут играть “подсобную” роль, я буду решать все по-своему. Пусть меня отзывают, но иначе я работать не могу. Я тут дело делаю, а не в бирюльки играю и работаю почти все сутки сплошь, а Вы действительно какую-то “мельницу” у себя устроили и засыпаете меня

¹⁴ Письмо Ленину от 10 июля 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 27–28. Иоффе подчеркивал, что об этой работе он отчитывается перед вождем как член ЦК РКП(б), а не как сотрудник Наркоминдела.

¹⁵ Письмо № 4 Чичерину от 18 июня 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 80–89. Иоффе начал свое послание словами: «Решил теперь нумеровать не только доклады, но и письма, ибо оказывается, что последние становятся довольно частыми». Перед отправкой он сделал еще одну ремарку, подразумевавшую, что личной переписки с наркомом у него нет и быть не может: «Надеюсь, что и такие письма даются на прочтение Владимиру Ильичу и другим».

¹⁶ Следует отметить, что в авторизованном биографическом очерке для энциклопедического словаря «Гранат» Иоффе указывал, что в период между брестскими переговорами и работой полпредом он являлся «комиссаром иностранных дел» (см. репринт словаря: Деятели СССР и Октябрьской революции. М., 1989. С. 154).

телеграммами с требованием протеста, либо с доказательствами одного и того же пережеванного и совершенно неверно Вами представляемого вопроса... Повторяю, так работать невозможно; либо Вы должны свою “мельницу”, наконец, превратить в нормальное министерство, либо мне придется в своей работе совершенно не считаться с Вами, здесь все решать самому и в Россию посылать своих агентов на предмет исполнения моих предложений, которые Вы не исполняете»¹⁷.

Сделав выбор в пользу Иоффе (это произошло в начале апреля 1918 г.¹⁸), Ленин вряд ли мог подозревать, сколько хлопот в ближайшем будущем принесет ему несоответствие личных качеств наркома и полпреда. Первый являлся командным игроком, но не лидером, второй — комфортно чувствовал себя в роли одиночки, которому приходится единолично принимать судьбоносные решения. Первый был, скорее, флегматиком, второй — холериком. Первый предпочитал работать по ночам, второй терпеть не мог переговоров по прямому проводу до раннего утра. Это осталось в памяти даже 12-летнего ребенка — Надежда Иоффе вспоминала о берлинском периоде работы отца: «Очень осложняло его работу (не только в этот период, а вообще) отсутствие делового контакта с Чичериным. Как мне сейчас кажется, изначально причина была в несходстве характеров, в различном стиле работы. Отец был человеком очень организованным, может быть, даже педантичным. Он никогда не опаздывал, любил повторять, что, когда он приходит на заседание, назначенное в 6 часов, — часы бьют шесть. Чичерин же работал в основном по ночам, из-за этого и весь аппарат вынужден был работать по ночам. Он мог позвонить по прямому проводу в 5 часов утра, чтобы получить какую-нибудь справку, что вполне можно было сделать на несколько часов позже. Отца это очень раздражало. К тому же они очень часто расходились и в принципиальных вопросах. Отец был человеком очень независимых взглядов, проводил ту линию, которую считал правильной. Как тогда говорили, он “перенес Наркоминдел в Берлин”»¹⁹.

Цитируемый дочерью Иоффе бонмот, приписываемый Радеку, хотя и страдал полемическим задором, в известной мере отражал сложившееся на тот момент соотношение сил между наркомом и полпредом. Не без умысла он был упомянут Лениным в его первом письме, адресованном Иоффе в Берлин, к тому моменту противостояние двух центров принятия внешнеполитических решений уже ни для кого в руководстве РКП(б) не являлось секретом: «Слышу речи против того, что “Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин”. Трения между Вами и Чичериным иногда используются — более бессознательно, чем сознательно, — в смысле или в направлении обострения этих трений. Я уверен, что Вы будете начеку и обострять этих трений не дадите. Я следил внимательно за Вашими письмами и убежден непреклонно, что трения эти неважные (хаос везде, неаккуратность везде — во всех комиссариатах, и от этого зла лечение медленное). Терпение и настойчивость, и трения уладятся. Чичерин превосходный работник, Ваша линия вполне лояльно проводит Брестский договор, успех у Вас уже есть, по-моему, — а отсюда вытекает, что трения легко уладим»²⁰.

Ленин явно приукрашивал ситуацию, сводя прорывавшиеся наружу личные «трения» лишь к несовершенству институтов новой власти и ведомственному бюрократизму. Сохранявшиеся в письме отеческие нотки, выражавшие поддержку усилий полпреда в установлении нормальных отношений с Германией и налаживании взаимовыгодного товарообмена, плохо сочетались с местом и временем, когда письмо было написано.

¹⁷ Письмо в НКВД от 20 мая 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 52–53.

¹⁸ 5 апреля 1918 г. Ленин подписал постановление Совнаркома (протокол № 89, п.1) о назначении Иоффе полпредом в Берлин (Государственный архив РФ (далее - ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 10. Л. 152–155). 8 апреля Чичерин радиogramмой сообщил в Берлин о назначении на пост полпреда Адольфа Иоффе, «председателя мирной делегации в Бресте» (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60. Л. 3).

¹⁹ *Иоффе Н.А.* Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992. С. 20.

²⁰ Письмо А.А. Иоффе от 2 июня 1918 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1982. С. 87–88.

Ленин участвовал в совещании, в ходе которого члены советской делегации, направлявшейся в Берлин для участия в переговорах об имплементации Брестского мира, получили последние инструкции. Сам факт отправки такой делегации, причем состоявшей из функционеров, находившихся в партийной иерархии выше Иоффе, должен был вызвать недоумение и недовольство последнего. Предвидя такую реакцию полпреда и предупреждая ее, Ленин делал вид, будто данное назначение произошло без его прямого участия («пользуясь случаем, чтобы Вас несколько предупредить»). Кроме того, он давал членам делегации весьма нелицеприятные характеристики, стиль которых через несколько лет повторит политическое завешание вождя: «Бухарин лоялен, но зарвался в “левоглупизм” до чертиков. Сокольников свихнулся опять. Ларин — мечущийся интеллигент, ляпала первосортный. Поэтому будьте начеку со всеми этими премилыми и препрекрасными делегатами»²¹.

Несмотря на все эти смягчающие обстоятельства, факт оставался фактом — обещанная Иоффе свобода рук в проведении германской политики ставилась под вопрос. Ситуация хрупкого равновесия, склонявшегося то в одну, то в другую сторону, вполне устраивала вождя, прошедшего суровую школу партийных интриг и эмигрантских склок. Знавшие его лично неоднократно отмечали, что Ленин сознательно сталкивал не только своих противников, но и соратников, чтобы выступить верховным арбитром в их «управляемых» конфликтах²².

Доклады Ю.М. Ларина и Г.Я. Сокольникова, в большом количестве отложившиеся в архивных фондах секретариатов Ленина и Чичерина, в свою очередь содержали крайне негативные оценки деятельности Иоффе, якобы сдававшего на каждом шагу национальные интересы страны и революции²³. Дело дошло до перепалок между членами советской делегации в присутствии немецких партнеров по переговорам. В результате полпред попросту изолировал прибывших из Москвы оппонентов от участия в работе двусторонней политической комиссии. Дальнейшие переговоры он вел в одиночку, взяв в помощники только своего старого знакомого Л.Б. Красина, который ранее работал в фирме «Сименс» и сохранил добрые отношения с предпринимательской элитой Германии.

Такое обращение со стороны Иоффе, который ссылался на соответствующее распоряжение Ленина²⁴, лишь усилило поток обид и жалоб, направляемых Лариным и Сокольниковым в Москву. В свою очередь Чичерин транслировал их содержание членам большевистского руководства, что провоцировало новые конфликты с Иоффе. В конце концов дело дошло до очередного ультиматума полпреда, в котором он дезавуировал своих оппонентов: «По поводу записки Ларина — Сокольникова считаю нужным указать, что оба они в переговорах и работе здесь почти никакого участия не принимали, с положением дел знакомы столько же, сколько и Вы можете быть знакомы на основании всех посылавшихся Вам докладов. Осведомленность их во всех здешних делах ничуть не больше Вашей, и поэтому сами можете судить о ценности их заявлений. Все время здешней работы никакой помощи от них не имел, и, наоборот, они беспрестанно вставляли палки в колеса... Категорически заявляю, что, если Вы согласитесь с мнением Сокольникова и Ларина о необходимости продолжать переговоры на определенной базе с нашей стороны, я этой обязанности на себя взять не смогу»²⁵.

Еще до того, как переговоры в политической комиссии о заключении договора, конкретизирующего положения Брестского мира, подошли к своему завершению, между наркомом и полпредом разгорелся новый конфликт, касавшийся решения судьбы военнопленных. Германская сторона поставила достижение соглашения об обмене

²¹ Там же. С. 88.

²² См., например: *Валентинов Н.В.* Недорисованный портрет. Встречи с Лениным. М., 1993. С. 187–219.

²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1132; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 994.

²⁴ «Послу Иоффе уже были даны, и неоднократно, все полномочия вплоть до отсылки Ларина назад. Подтверждаю эти полномочия» // *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 90.

²⁵ Телеграмма Ленину и Чичерину от 9 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 98–100.

военнопленными в качестве условия нормализации всего спектра советско-германских отношений. Под давлением Ставки, требовавшей новых пополнений, в ночь на 23 июня Иоффе был вызван в МИД и ему был предъявлен ультиматум, отражавший мнение Верховного главнокомандования: всех военнопленных будут обменивать по принципу «один на один».

Полпред провел всю ночь в переговорах с немецкими дипломатами, и в итоге был найден компромисс: после завершения обмена по этому принципу германские власти будут по собственному усмотрению отправлять из страны русских военнопленных. Поскольку такое соглашение вызвало бы бурные протесты российской общественности, его было решено оформить как секретную ноту Германии, адресованную Москве. Впервые представители советской власти, провозгласившей в Декрете о мире отказ от любых форм тайной дипломатии, прибегли к ней. Такая практика, общепринятая в условиях войны, ранее клеймилась как «империалистическая» не только большевиками, но и значительной частью либерального общественного мнения Европы, левыми радикалами и пацифистами.

После того, как немецкая сторона по телеграфу получила одобрение военных властей, а Иоффе не смог добиться ответа из Москвы, он на свой страх и риск подписал короткий «протокол о взаимном обмене пригодными к службе военнопленными», датированный 24 июня 1918 г.²⁶ Чичерин почувствовал себя обойденным, увидев в этом шаге лишнее подтверждение того, что «Иоффе переносит Комиссариат иностранных дел в Берлин». Межведомственный и межличностный конфликт приобрел такой масштаб, что был вынесен на заседание Совнаркома, состоявшееся 1 июля 1918 г. В решении по этому поводу говорилось, что «Совет Народных Комиссаров принимает к сведению соглашение по обмену военнопленными, заключенное Иоффе (срок возврата) с Германией».

В то же время в решении специально обращалось внимание полпреда «на желательность и необходимость предварительных сношений с НКВД перед принятием каких-либо серьезных решений и в особенности перед заключением каких-либо соглашений с Германией»²⁷. На копии выписки из протокола имеется примечание на машинке, очевидно, сделанное в оригинале Лениным: «Исполнение этого пункта прошу Вас, тов. Чичерин, взять на себя»²⁸. Чтобы поставить все точки над «i», председатель Совнаркома в тот же день отправил послание Иоффе, выдержанное в нравоучительном тоне: «Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много делового пишете в личном письме ко мне (последнем, карандашом)²⁹ и вставляете ряд личных вылазок, выпадов, шпилек и проч. против Чичерина (ненастоящий министр и т.п.). Чичерину же пишете: “перспективы в письме к Ленину”. Это же ведь черт знает что такое! Конечно, Чичерин спрашивает у меня письмо, я показать не могу, не желая быть орудием склоки. Выходит порча делу и порча отношений»³⁰.

В заключение своего письма Ленин дал позитивную характеристику наркому, как бы подчеркивая, что он всецело на его стороне («работать с Чичериным можно, легко работается, но испортить работу даже с ним можно»), а Иоффе попросту игнорирует его указания, без которых «послы не вправе делать решающих шагов». Интересно, что, еще не зная о ленинской нотации, Иоффе продолжал наращивать свое наступление на позиции наркома. Заодно досталось и Радеку, которого Иоффе еще не так давно лично рекомендовал на пост начальника отдела Центральной Европы в НКВД (тот поддержал Чичерина в вопросе о военнопленных). В порыве гнева полпред дошел до рискованных обобщений: «Меня очень удивляет, что в русском социалистическом правительстве хуже, чем в старом царистском, держится nepотизм и личные счета ставятся выше политической необходимости. Нужно Вам лично взяться за чистку авгиевых конюшен, чтобы какой-нибудь

²⁶ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917–1918. М., 1968. С. 560–561.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р–130. Оп. 2. Д. 2. Л. 92.

²⁸ Копия датирована 3 июля 1918 г. // Там же. Л.50.

²⁹ Речь идет о письме от 24 июня 1918 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 16–26.

³⁰ Ленин В.И. Указ. соч. С. 111.

Радек не кричал на весь мир, что он не признает уже подписанного (пусть даже ошибочно) официального соглашения. Если так будет продолжаться и впредь, то я принужден буду отказаться от здешней работы, ибо она станет бесполезной»³¹.

Полный перечень явных и скрытых ультиматумов Иоффе о своей отставке и готовности «перейти на низовую партийную работу» будущие исследователи смогут составить, ознакомившись с публикацией всей переписки Иоффе с Москвой, которая готовится к изданию под эгидой Российско-германской комиссии историков³². За полгода пребывания его на берлинском посту таких заявлений можно насчитать не менее десятка. Чичерин неизменно отвечал на них в примирительном тоне, признавая чрезвычайные условия, в которых приходится работать Иоффе. Одновременно он требовал принять во внимание и свое собственное положение в иерархии большевистского руководства, не оставлявшее ему шансов для личной «передышки»: «У нас создались треугольные отношения: я за дипломатизирование, осторожность и смягчение углов, Троцкий за яркие выступления, Ленин любит бить в барабан, но сознательно ведет политику осторожности и перекидывается то туда, то сюда»³³.

Таким же образом, «перекидываясь» между наркомом и полпредом, Ленин вспылил лишь однажды и закончил собственное письмо ультиматумом в адрес Иоффе, предвосхитив его очередную просьбу об отставке: «Не зная фактов и не вдумавшись в них, Вы впали с меморандумом и пр. в ошибку. Если хотите настаивать на ней, подавайте заявление в ЦК. До Вашего заявления в ЦК, до принятия Вашей отставки ЦК, до отправки Вам заместителя, до приезда его Вы, конечно, как член партии (что Вы и сами пишете) исполните свой долг»³⁴.

Категоричный тон вождя вполне соответствовал масштабу разгоревшегося конфликта. В его основе лежало разное понимание политики «лавирования» между Антантой и Центральными державами в дни, когда перед Советской Россией стоял вопрос о жизни и смерти. Не имея полного представления о сложившейся в стране ситуации, Иоффе решил в очередной раз подвергнуть критике чичеринскую пассивность, заслужив внимание вождя. Но Ленин к тому моменту уже согласовал с Чичериным поворот советской внешней политики от заигрывания с державами Антанты к прощупыванию возможностей военного сотрудничества с Германией.

Это произошло в конце июля 1918 г., когда английские интервенты активизировали свои действия на Русском Севере, подконтрольный Антанте чехословацкий корпус добился важных успехов в Поволжье, а Добровольческая армия под командованием генерала Алексея начал активно расширять зону своего влияния на Северном Кавказе. Внешнеполитический зондаж Наркоминдела вызвал сдержанную реакцию немецких дипломатов, работавших в Москве. Майор Карл фон Ботмер, представитель Верховного главнокомандования при германском посольстве, записал в своем дневнике: «Вопрос союза с Германией против Антанты... [здесь] взвешивается очень серьезно. Но пойти в этом вопросе до конца не решаются, поскольку боятся, что официальное объявление войны Англии и Франции не найдет поддержки у народа, к тому же не хотят предоставлять нам для операций территорию восточнее Чудского озера. Поэтому более желателен случайный характер совместных действий. Я считаю, что если такой союз не состоится, то мы должны это только приветствовать. В нашем положении было бы сложно отказаться от предложения о заключении такого союза. Принести существенную пользу он не может,

³¹ Политический доклад от 3 июля 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 20.

³² См.: URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/proekty/tekushchie-proekty/politicheskie-donesenija-posla-sovetskoj-rossii-adolfa-ioffe-iz-berlina-aprel-nojabr-1918-g> (дата обращения: 20.06.2022).

³³ Записка Чичерина Иоффе от 18 июля 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 104.

³⁴ Ленин В.И. Указ. соч. С. 135.

но вполне способен еще более раздробить наши силы, утвердить нашу “славу” друзей большевизма»³⁵.

Во исполнение принятого в Москве решения Иоффе должен был прозондировать почву в берлинских дипломатических кругах. Но он только что получил от немецкой стороны первый проект Добавочного договора к Брестскому миру, доработка которого требовала длительной и упорной борьбы, и просьба Москвы показалась ему крайне несвоевременной. Очевидно, к тому моменту немецкие партнеры щедро обеспечили полпреда утками, согласно которым «правительство максималистов», как называли в Берлине большевиков, оказалось у последней черты.

Находившийся вдалеке от Кремля, Иоффе не мог знать, что решение просить помощь у немцев было принято там не в силу очередного приступа паники у Чичерина³⁶, а после тщательной проработки остающихся у советского правительства шансов на выживание. И полпред крайне не вовремя перешел во фронтальное наступление, чтобы отстоять свое видение внешнеполитической ситуации. В письме, отправленном с курьером 29 июля и снабженном ремаркой «конфиденциально (здесь и далее подчеркнуто в документе. — А.В.) с просьбой, чтобы не попало, куда не следует», он впервые обратился не ко всем членам большевистского руководства, а только к Ленину и Чичерину (они станут адресатами всех его последующих политических докладов). Фактически к первому из них была обращена жалоба на второго. Иоффе начал свое письмо с констатации очевидного факта: «Я стоял и стою на почве необходимости для нас лавирования между двумя враждебными империалистическими коалициями, не становясь на сторону ни одной из них и не порывая ни с той, ни с другой. Я глубоко убежден, что всякое приближение наше к одной из этих коалиций непременно ослабляет нас в отношении нее же, а разрыв с одной из сторон еще более ослабляет нас в отношении другой стороны. Я был уверен и не разочаровался в этом и до сих пор, что такое лавирование практически вполне осуществимо».

Реализация такой политики невозможна без сокрытия от противника реального положения вещей, писал Иоффе, «вся моя деятельность в Берлине сводилась и сводится к тому, чтобы убедить руководящие круги Германии в том, что мы достаточно сильны, чтобы для нее имело смысл вообще находиться с нами в сношениях, и что мы достаточно реалистичны, чтобы понять необходимость поддержки Германии сырьем и не только понять, но и осуществлять это; что, с другой стороны, германская политика, проводимая до сих пор, политика захвата силой того, что ей нужно, ни к чему не приводит».

Далее следовала весьма проницательная оценка целей Германии на востоке: «Они сводятся, как Вам известно, к тому, чтобы создать из всей России, хотя бы на период войны, громадный резервуар, из которого она могла бы черпать сырье, столь необходимое ей. Тактика, посредством которой осуществлялся на практике этот план, заключалась в том, чтобы, пользуясь нашими же лозунгами и классовый борьбой внутри России, отрывать от нее отдельные части, создавая “самостоятельные” республики, в которых Германия могла бы хозяйничать по-своему. Открытая война для этой цели не только не нужна, но и вредна, ибо разрушила бы иллюзию мира на востоке и испортила бы положение внутри Германии, а цель вполне осуществлялась и без этого при указанной выше тактике».

До сего дня, продолжал Иоффе, «руководящие круги Германии вовсе еще не уверовали в нашу силу и при неустойчивости их настроения в отношении нас всякая демонстрация нашей слабости страшно опасна. Германия вовсе не друг нам и ничего, конечно, даром для нас не сделает. Вы отлично знаете, что все, что можно от нее получить, необходимо вырывать клещами. До сих пор вся политика здесь и вся работа, как открытая, так и тайная, сводилась к тому, чтобы добиться от них передышки. Во имя этой передышки

³⁵ Запись от 1 августа 1918 г. // *Ботмер К. фон*. С графом Мирбахом в Москве. М., 2010. С. 215.

³⁶ После убийства германского посла Мирбаха 6 июля 1918 г. Иоффе неоднократно требовал от Чичерина «не впадать в панику», «не поддаваться паническим настроениям» и тому подобное. Ранее он писал нарком: «Ваша нервность сильно мешает моей здешней работе» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 42).

делалась масса уступок. Уступалось все, что явно не могло быть нами удержано, но, с другой стороны, и у них создавалась вера, что если я чего-нибудь не уступаю, то, значит, не могу этого уступить».

И в этих условиях просьба советского правительства о военной помощи означала бы не что иное, как крах всех усилий доказать силу Советской России и ее экономический потенциал. Далее Иоффе переходил к упрекам: «Если теперь даже самым осторожным и ловким образом намекнуть немцам, как Вы того требуете, что мы ничего не имеем против их немедленной интервенции, то это сразу испортит всю трехмесячную работу здесь».

Впрочем, продолжал полпред, «мои услуги оказались уже ненужными, помощи-то Вы действительно запросили. Я утверждаю, что нужно отдавать себе отчет в том, что делаешь, и не поддаваться влиянию аффекта. Нужно ясно понимать, что невозможно требовать чего-нибудь от немцев и одновременно просить их помощи. Добиться чего-нибудь от них можно только в результате успеха нашей политики убеждения их в нашей силе и невозможности получить из России то, что им нужно, путем захвата, а не путем миролюбивого соглашения. А Вы в один и тот же вечер предлагаете просить помощи немцев и требуете, чтобы мы отстояли от них Донецкий бассейн и не уступали притязаниям финнов, т.е. тех же немцев, на часть Мурманского побережья и железную дорогу. Это абсолютно невозможно.

Помощь немцев нам означает непременно отдачу всей России на поток и разграбление немцам. Если Вы из страха перед Антантой хотите немецкими руками расправиться с этим врагом, то Вы должны знать заранее, что немец будет владеть Вами. Я считаю такую политику глубоко ошибочной. Я совершенно убежден, что добиться чего-нибудь можно только лавируя между этими двумя силами до тех пор, пока они не спелись, и ни в коем случае нельзя впускать немцев еще глубже в Россию. Если Вы полагаете, что я не прав, то так и скажите. Но не мешайте моей работе»³⁷.

Аргументация Иоффе выглядела безупречной. Однако резкое обострение ситуации на фронтах гражданской войны привело к тому, что советский запрос о помощи последовал еще до того, как процитированное письмо Иоффе добралось до Москвы. 30 июля 1918 г. в беседе с Чичериным послы стран Антанты заявили, что в речи Ленина, произнесенной на заседании ВЦИК, говорилось, что Советская Россия находится в состоянии фактической войны с их странами. На следующий день Чичерин излагал Иоффе свою аргументацию в ходе переговоров с антантовскими представителями: «Я заявил им, что Ленин только констатировал несомненный факт, нами же упоминавшийся в нотах, что англо-французы ведут против нас военные действия, но что мы из этого вовсе не делаем того вывода, чтобы требовался дипломатический разрыв. Мы в особом положении как социалистическое рабоче-крестьянское правительство, и если небольшие группы ведут против нас военные операции, то мы через их головы обращаем взоры к тем народным массам, в которых мы усматриваем наших настоящих партнеров и контрагентов и отношения к которым определяют наше поведение»³⁸.

Выведа ситуацию на грань разрыва с Антантой, большевистское руководство неизбежно должно было компенсировать этот разрыв сближением с Германией. Появление в Москве влиятельного германского политика Гельфериха, занявшего место убитого левыми эсерами 6 июля графа Мирбаха, создавало основу для более доверительных отношений, позволяло завязать новую интригу, найти новую «соломинку», за которую можно было ухватиться³⁹. Вечером 1 августа, т.е. уже на следующий день после встречи с послами стран Антанты, Чичерин обратился к Гельфериху за военной помощью против

³⁷ Письмо Ленину и Чичерину от 28–29 июля 1918 г. // Там же. Л. 79–84.

³⁸ Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 15. Д. 60. Л. 80.

³⁹ О кратковременном пребывании Гельфериха на посту дипломатического представителя Германии в Советской России см. подробнее: *Ланник Л.В.* Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // *Россия и современный мир.* 2020. № 4. С. 189–212.

английского десанта на севере и Добровольческой армии на юге России⁴⁰. Через несколько лет нарком вспоминал об этом так: «После долгого совещания с Владимиром Ильичем я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексева на юге и о возможности отправки германского отряда, по соглашению с нами, для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха»⁴¹.

На самом деле причиной того, что такая перспектива была отставлена на второй план, являлся не только внезапный отъезд германского посла (последовавший лишь неделю спустя), но и отрицательное отношение к ней Иоффе, который продолжал настаивать на том, что равноудаленность от обеих воюющих коалиций должна оставаться краеугольным камнем политики «лавирования». На следующее утро после переговоров с Гельферихом курьер доставил в Москву письмо полпреда, датированное 28–29 июля и обильно процитированное выше. Отдавая себе отчет в том, что конфликт с Иоффе достиг наивысшей точки и он может помешать реализации «этого плана», Чичерин взял необычный для себя лично-доверительный тон, который был характерен скорее для ленинской переписки с непокорным полпредом: «Сколько у нас “несогласных”, в случае применения системы отставок наш лагерь давно бы опустел. А я-то? Сколько мне было навязано истерических скачков – с неотроцкизмом приходится идти об руку. Что касается смотра сквозь пальцы на известные Вам продвижения, в частности вопрос об Алексееве, Вы не сознаете степень нашей военной слабости (о чем нельзя было Вас информировать) и катастрофичность нашего военного положения. Немцы знают нашу слабость... Англия идет на нас. А наше военное положение ужасно. Деятели же революции не должны покидать ее»⁴².

Ответ Ленина Иоффе, датированный 3 августа, был не менее ярким и драматичным, чем записка Чичерина. Он лишний раз свидетельствовал о чрезвычайности ситуации и экзальтированных настроениях в большевистском руководстве, которое переживало один из самых серьезных кризисов с момента своего нахождения у власти. В ответ на возражения полпреда из-за курса на конфронтацию с державами Антанты Ленин буквально взорвался: «Все, что Вы пишете в последних письмах, несуразно до сверхъестественности. Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после Онеги – смешно. Нельзя же даму с ребенком сделать опять невинной. Смешно и называть интервенцией или помощью – то, что мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять уже взятое Антантой, и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России»⁴³.

Иоффе, несомненно, догадывался, что Ленин и Чичерин не дают ему полной информации о катастрофическом положении дел на фронтах гражданской войны и о своих замыслах, связанных с использованием военного потенциала Германии. Это было невозможно не только потому, что телеграфная связь прослушивалась немецкой стороной, но и из-за масштабов «большой игры», в которой полпред являлся отнюдь не главной фигурой. Придя вечером 3 августа в германский МИД с очередной порцией поручений Москвы, которые должны были продемонстрировать твердость советской позиции, он столкнулся с тем, что в ответ ему показали очередное обращение Чичерина о военной помощи, пересланное послом Гельферихом⁴⁴.

⁴⁰ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966. S. 106.

⁴¹ Чичерин Г.В. Ленинская внешняя политика // Мировая политика в 1924 г.: сб. статей / под ред. Ф. Ротштейна. М., 1925. С. 5.

⁴² Письмо Чичерина Иоффе от 2 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 993. Л. 7–8.

⁴³ Ленин В.И. Указ. соч. С. 134–135. Город Онега был захвачен английскими интервентами 31 июля 1918 г.

⁴⁴ «Вчерашний разговор в министерстве был очень затруднен, ибо на все мои возражения мне отвечали: как раз в данный момент идет передача ленты Гельфериха, которая начинается сообщением о его разговоре с Чичериным, в котором последний просил помощи против Алексева» (Телеграмма Чичерину от 4 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 45. Л. 40).

Той же ночью Чичерин телеграфом сообщил Иоффе о содержании своих последних бесед с германским послом. В их ходе нарком подчеркнул, что в рамках Брестского договора Германия должна взять на себя обязательство «уничтожения Краснова и Алексеева. Я подчеркивал, что речь идет не о соглашении против Алексеева, но о параллельных действиях, независимых друг от друга, причем сами же немцы хотят и должны вести борьбу против антантовской армии в лице Алексеева, угрожающей в конечном счете Германии»⁴⁵.

В основе такой позиции лежало несогласие Москвы с германским проектом Добавочного договора, который мог быть интерпретирован как предложение военного союза. Это категорически не устраивало большевиков, ибо перечеркивало политику «лавирования» и связывало им руки, превращая в союзников Германии, поражение которой уже мало у кого вызывало серьезные сомнения. Чичерин писал: «Военное соглашение между нами и Германией невозможное. Это мы всегда заявляли, это я заявил теперь Гельфериху, и он это вполне понимает... Компрометировать нас могут желать только те, кто стремится к нашему устранению, в нынешней конъюнктуре нас имеется временное и случайное совпадение интересов в определенной области и до известного предела между нами и Германией, но не больше. Возможны поэтому только параллельные действия их и наши независимо друг от друга, поэтому может идти речь отнюдь не о военном соглашении, а только о пассивном отношении с нашей стороны к некоторым действиям до известного предела. Движение их через Петроград находилось бы за таким пределом»⁴⁶.

Иоффе понимал, что из-за военной слабости Советской России реализовать такой подход на практике невозможно: «Все предложения вчерашней Вашей телеграммы, излагающей основы нашего контрпроекта, было бы очень трудно провести при самых лучших условиях»⁴⁷. Условия же первых августовских дней можно назвать самыми худшими для Советской России — ее войска отступали на всех фронтах, о «последних днях большевиков» доносили в Берлин дипломаты, работавшие в Москве⁴⁸.

Полпред, который и в момент захвата власти большевиками в октябре 1917 г., и в период брестских переговоров сохранял хладнокровие, «оставался наиболее сдержанным, не выходил из себя, не терялся в хаосе», позволил себе сбросить «дипломатический мундир», который, по словам Троцкого, так тяготил его всю оставшуюся жизнь⁴⁹. Третий политический доклад Иоффе, адресованный только Ленину и Чичерину, свидетельствовал о его эмоциональном выгорании, о полном трагизма ощущении бесплезности своих усилий: «По существу же положения здесь, должен открыто Вам сказать, за последние десять-пятнадцать дней я чувствую, как у меня ускользает почва из-под ног и как идет прахом все то, чего я с таким трудом добивался и добился в течение трех месяцев. Я не знаю, каково внутреннее положение России, вы никогда достаточно не информировали меня. Я не знаю также, каково международное положение России, Вы и об этом упорно молчали. Но зато я твердо знаю, что если Вы действительно бесповоротно порвали с Антантой и действительно находитесь на положении фактической войны с Англией и если все это приведет к преждевременному падению большевизма, то в этом повинна Ваша неразумная политика в отношении Антанты, благодаря которой Вы, безусловно, без достаточных оснований сами довели дело до разрыва».

⁴⁵ Там же. Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴⁶ Телеграмма Чичерина Иоффе от 3 августа 1918 г. // Там же. Л. 77а. Чичерин имеет в виду, что предложенное в проекте тайной ноты разрешение на проход германских войск через Петроград для борьбы с англичанами на Мурмане неприемлемо для советского правительства.

⁴⁷ Телеграмма Чичерину от 4 августа 1918 г. // Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 10. Д. 45. Л. 40.

⁴⁸ Гельферих сообщал в МИД 3 августа 1918 г., что обстановка в Москве требует немедленного отказа от сотрудничества с большевиками: «Берлинские договоры мы собираемся заключать с полным банкротом» (РААА. RZ 201/2009/56–58).

⁴⁹ *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 328, 331. Среди прочего Троцкий отмечал, имея в виду Иоффе: «Революция справилась с его нервами лучше, чем психоанализ» (Там же. С. 328–329).

По мнению Иоффе, не лучше выглядела и германская политика советского правительства, которое затягивало подписание Добавочного договора, выдвигая все новые и новые условия, не подкрепленные ни военно-политическими ресурсами, ни перспективой экономического сотрудничества. «Немцы ничего более не желают, как покоя на востоке. После трех месяцев работы их удалось убедить в том, что этот покой, как и сырье, они получают только, если согласятся с большевиками и не будут под них подкапываться. Антанта желает вовлечь их в новую войну на востоке, они боятся этого и требуют нашего противодействия против антантистских интриг. Вы заявляете им, [что] мы не можем сами справиться, наши враги — ваши враги, мы даем им разрешение бить их. И Вы воображаете почему-то, что они должны прийти в восторг, и закрываете глаза на то, что втягиваете их в новую восточную войну, т.е. делаете то же самое, чего хочет Антанта и чего не хотят немцы. Ясно, что если они будут втянуты в войну на востоке, то не во имя помощи нам, но во имя опасности, которую для них представляет новый Восточный фронт, и ясно поэтому, что даром они этого не сделают».

Завершающие строки письма Иоффе выглядели одновременно и как панегирик самому себе, и как ультиматум, обращенный к своим ближайшим соратникам. «Трехмесячная работа здесь постольку увенчалась успехом, поскольку удалось убедить немцев, что большевизм и есть именно та власть, которая сохраняет в России мир и дает немцам то, что им нужно. Но вместе с тем сила большевизма, в отличие от прежней Рады или нынешнего Скоропадского, заключалась в том, что большевизм не становился рабом Германии и имел возможность выбора и право угрозы.

Теперь Вы порвали с Антантой, выбора значит нет, а угроза есть только для нас. И если вместе с этим разрушается у немцев впечатление, что именно большевизм есть та власть, которая нужна, то я скажу Вам прямо — я выхода из этого положения не вижу»⁵⁰.

Это письмо было доставлено в Москву только 9 августа. Ответ Чичерина, последовавший немедленно, был нетипичным для его стиля — решительным и хладнокровным. Нарком признал, что ранее неоднократно предпринимал попытки удерживать Ленина от разрыва с Антантой, однако в последние две недели ситуация коренным образом изменилась: «В настоящее время нельзя не признать, что английская олигархия твердо решила использовать момент для нашего свержения возможно дешевым способом, и что никакие попытки идти навстречу Англии не изменят ее курса». Скрыть кризис Советской России невозможно, «немцы это отлично понимают, наша слабость им целиком известна, пытаться бросать им пыль в глаза совершенно безнадежно. Они считают наше положение плохим не потому, что мы обращались по поводу Алексея, а потому, что наше положение действительно плохо».

Отвечая на упрек полпреда, что его держат в неведении относительно реального положения дел в стране, Чичерин продолжал: «Совершенно иллюзорно полагать, что какая бы то ни было информация может для Вас заменить пребывание здесь... Полная осведомленность о нашем внутреннем положении ни при каких условиях невозможна за границей. Однако общая физиономия нашего политического положения быстро до Вас доходит»⁵¹.

Технические проблемы со связью, отсутствие надежных шифров привели к тому, что в ходе июльско-августовского конфликта, продолжавшегося около двух недель, Чичерин и Иоффе смогли лишь дважды обменяться содержательными письмами. То, что обмен телеграммами по прямому проводу в полном объеме перехватывался немцами, советским дипломатам было прекрасно известно⁵², доверять «прямому проводу» информацию такого рода было крайне опасно. Задержки с доставкой курьерами писем в данном случае

⁵⁰ Политический доклад № 3 Ленину и Чичерину от 5 августа 1918 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 101–103.

⁵¹ Там же. Д. 993. Л. 12.

⁵² «Я знал, что все наши беседы с центром были известны немцам, и конечно это очень затрудняло нашу задачу при переговорах», — вспоминал первый секретарь полпредства (Соломон Г.А. Указ.соч. С. 75).

пошли на пользу делу — очередное столкновение мнений наркома и полпреда приобрело самозатухающий характер, было снесено лавиной последующих событий.

Неизвестно, прочитал ли Иоффе обращенное к нему письмо Чичерина от 9 августа. В те дни им овладела иная идея — ввиду того, что в Москву возвращались Ларин и Сокольников, он стал решительно требовать разрешения на проезд вместе с ними, чтобы лично изложить свое мнение и получить вотум доверия от вождя. Ленин вяло сопротивлялся («Если Иоффе будет повторять идиотские речи о том, что мы порвали с Антантой, я его и слушать не буду... Я не вижу и тени мотива для его поездки в Москву»⁵³), но в конце концов согласился. Поздним вечером 11 августа 1918 г. Иоффе отбыл из Берлина на родину.

Два дня, проведенные в столице Советской России, позволили ему не только ознакомиться с ее актуальной «политической физиономией», но и представить большевистскому руководству парафированный проект Добавочного договора. Этот документ, подписанный 27 августа 1918 г.⁵⁴, являлся результатом интенсивного переговорного процесса, продолжавшегося в Берлине более двух месяцев. Благодаря несомненному дипломатическому искусству Иоффе был достигнут компромисс, устроивший обе стороны: основной текст договора содержал рамочные конструкции, регулировавшие советско-германские отношения в целом, в то время как конкретные договоренности о военном взаимодействии двух стран были изложены в тайных нотах, которыми стороны обменялись в тот же день⁵⁵.

Механизм урегулирования летних конфликтов наркома и полпреда станет типичным и для последующих стычек, которых будет еще немало вплоть до высылки советского полпреда из Берлина в начале ноября 1918 г. Их начальной точкой было несоответствие взглядов на решение той или иной проблемы, партнеры не слышали и не принимали аргументы друг друга, затем следовал взаимный обмен уколами, приобретающий все более личный характер, поминание прошлых ошибок и неосторожных высказываний. Конфликт развивался по нарастающей и в большинстве случаев разрешался благодаря личному вмешательству Ленина. Тот, беря под свое покровительство Чичерина, не отличавшегося административной хваткой, в то же время щадил чувства крайне амбициозного и легкоранимого Иоффе, понимая, что лучшего человека для работы в Берлине ему не найти.

За каждым ленинским арбитражем следовало смягчение тональности переписки между Чичериным и Иоффе, отзыв ультиматумов, обещание наладить «дружную работу». По сути же не изменялось ничего. Полпред настаивал на том, что право на прямое обращение к Ленину он получил при своем отъезде в Берлин и, кроме того, в его работе есть особо деликатные стороны, такие как поддержка левых социалистов или переговоры о военно-политическом сотрудничестве с Германией.

Чичерин продолжал выстраивать иерархию власти и подчинения в своем наркомате и отнюдь не выступал в служебных столкновениях исключительно страдательной стороной. Он постоянно жаловался, что Иоффе игнорирует его указания и директивы, отказывается сотрудничать с членами министерской коллегии, не доводит до него информацию первостепенной важности. Так, полпред не считал нужным отправить в Наркоминдел отчет о беседе Красина с генералом Людендорфом, состоявшейся на Западном фронте в обстановке глубокой секретности⁵⁶. Доставалось Иоффе и за то, что он проявлял гер-

⁵³ Запись разговора по прямому проводу В.И. Ленина и Г.В. Чичерина с Л.Б. Красиным 11 августа 1918 г. // *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891—1922. М., 2000. С. 244.

⁵⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 437—445.

⁵⁵ См.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история.* 2021. № 5. С. 208—230.

⁵⁶ Подробный отчет об этой сенсационной встрече был направлен в рукописи только Ленину, откуда так и не попал в Наркоминдел, затерявшись в совнаркомовском секретариате. См. подробнее: *Ватлин А.Ю.* «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // *Воронцово поле.* 2020. № 4. С. 32—37.

манофильские настроения⁵⁷, принимая на веру информацию берлинских властей о внутривосточном положении Советской России, заступался за арестованных там сановных вельмож, включая членов царской семьи, и даже высказывался против перегибов и крайностей «красного террора».

С научной точки зрения было бы непродуктивно видеть в череде конфликтов наркома и полпреда лишь личную составляющую и отсутствие административного опыта. Чрезвычайная ситуация, в которой находилась Советская Россия летом 1918 г., порождала необходимость предпринимать шаги, выходявшие за рамки дипломатических норм и обычаев, заставляла (в условиях отсутствия надежной связи) принимать ответственность за решения, принятые на свой страх и риск. И здесь различие характеров наших героев становилось более весомым фактором, чем формализованная ведомственная субординация.

Библиография

- Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. М., 2010.
- Ватлин А.Ю.* «В прочность положения большевиков я не очень-то верю» // *Воронцово поле.* 2020. № 4. С. 32–37.
- Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история.* 2021. № 5. С. 208–230.
- Иоффе Н.А.* Время назад. Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992.
- Ланник Л.В.* Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // *Россия и современный мир.* 2020. № 4. С. 189–212.
- Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1982.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917–1918. М., 1968.
- Соломон Г.А.* Среди красных вождей. Лично увиденное и пережитое на советской службе. М., 2015.
- Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010.
- Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991.
- Чичерин Г.В.* Ленинская внешняя политика // *Мировая политика в 1924 г.: сб. статей / под ред. Ф. Ротштейна.* М., 1925.
- Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
- Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012.

References

- Botmer K. fon.* S graфом Mirbakhom v Moskve [With Count Mirbach in Moscow]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Chicherin G.V.* Leninskaya vneshnyaya politika [Lenin's foreign policy] // *Mirovaya politika v 1924 g.* [World Politics in 1924]: sb. Statej / pod red. F. Rotshtejna. Moskva, 1925. (In Russ.)
- Ioffe N.A.* Vremya nazad. Moya zhizn', moya sud'ba, moya epocha [Time ago. My life, my destiny, my epoch]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Missiya Gel'ferikha v Moskve: zabytaya fluktuatsiya sovetsko-germanskikh otnoshenij letom 1918 g. [Gelferich's mission in Moscow: the forgotten fluctuation of Soviet-German relations in the summer of 1918] // *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2020. № 4. S. 189–212. (In Russ.)
- Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. T. 50. Moskva, 1982. (In Russ.)
- Lenin V.I.* Neizvestnyye dokumenty. 1891–1922 [Unknown documents. 1891–1922]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Solomon G.A.* Sredi krasnykh vozhdzej. Lichnou vidennoe i perezhitoe na sovetskoj sluzhbe [Among the Red Leaders. Personally seen and experienced in the Soviet service]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Sovetsko-germanskie otnosheniya ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniya Rapall'skogo dogovora [Soviet-German relations from negotiations in Brest-Litovsk before the signing of the Rapallo Treaty]. T. 1. 1917–1918. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Tomas L. Ya.* Zhizn' G.V. Chicherina [The Life of G.V. Chicherin]. Moskva, 2010. (In Russ.)

⁵⁷ 28 мая 1918 г., на пике кризиса с кораблями Черноморского флота, покинувшими Севастополь, Чичерин бросил Иоффе серьезное обвинение: «Вы... очень горячо защищаете интересы германского дипломатического ведомства» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 992. Л. 34).

Trotsky L.D. Portrety revolyutsionerov [Portraits of Revolutionaries]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Vatlin A.Iu. “V prochnost’ polozheniia bol’shevikov ia ne ochen’ -to veriu” [“I don’t really believe in the strength of the Bolsheviks’ position”] // Vorontsovo pole [Vorontsovo Field]. 2020. № 4. S. 32–37. (In Russ.)

Vatlin A.Yu., Lannik L.V. Tajnyenoty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj syuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnoshenij na iskhode Pervoj mirovoj vojny [Secret notes to the Supplementary Agreement of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640020074-9

© 2022 г. **К.И. СОФРОНОВ**

ВОПРОС О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ВОЕННЫХ КРУГОВ ГЕРМАНИИ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Софронов Константин Игоревич – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: Sulla-harizma@mail.ru

Scopus Author ID: 57219452281; Researcher ID: AAD-4259-2020

Аннотация. Целью статьи является определение характера эволюции взглядов отечественных исследователей на участие представителей германской армии (включая демобилизованные кадры, идентифицировавшие себя как людей военных), в особенности офицерского корпуса, в развитии национал-социалистического движения в период с 1918 по 1933 г. Новизна данного исследования состоит в анализе историографии относительно узкой проблематики в рамках изучения истории Веймарской республики и частично Третьего рейха. Работы советских историков 1920–1940-х годов, современников эпохи, являются первой попыткой анализа германского фашизма и его основных деятелей. Они полны обобщений и фактологических неточностей, однако позволяют сделать вывод о широкой вовлеченности в основном бывших военнослужащих в политические потрясения 1920–1923 гг. Гитлеровское движение представляется как часть общего процесса контрреволюционных и антиправительственных выступлений, в которых доминируют военные круги. В послевоенное время ввиду увеличения источниковой базы удалось более подробно рассмотреть вопросы прихода нацистов к власти и роли в этом процессе немецкого генералитета, роста национал-социалистического движения и деятельность штурмовых отрядов. Историкам так в целом и не удалось избавиться от ретроспективного взгляда на события, происходившие в Веймарской республике, через призму нацистской диктатуры и военной агрессии в отношении Советского Союза. В последние десятилетия появилось несколько работ, посвященных офицерскому корпусу, как элитарной группе, ее положению в эпоху социально-политической нестабильности 1920–1930-х годов. Это позволяет по-иному взглянуть на механизмы взаимодействия военных кругов Веймарской республики с национал-социалистическим движением.

Ключевые слова: национал-социализм, Германия, Веймарская республика, вооруженные силы, офицерский корпус, А. Гитлер, историография, фрайкоры, добровольческие формирования.

K.I. Sofronov

The Interaction Between German Military Circles and the National Socialist Movement During the Weimar Republic in Russian Historiography

Konstantin Sofronov, Institute of World History, Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: Sulla-harizma@mail.ru

Scopus Author ID: 57219452281; Researcher ID: AAD-4259-2020

Abstract. The author aims to outline the evolution of the views of Russian scholars on the participation of representatives of the German Army (including demobilised personnel who identified themselves as servicemen), especially the officer corps, in the development of the National Socialist movement in the period between 1918 and 1933. The works of Soviet historians of 1920–1940s were the first attempt to analyse German “fascism” and its main activists. They are full of generalisations and factual inaccuracies, but allow one to conclude that the political upheavals of 1920–1923 largely involved former military personnel. Hitler’s movement is portrayed as part of an overall process of counter-revolutionary and anti-government action, dominated by military circles. In the post-war period it has become possible to explore in more detail the Nazi rise to power and the role of the German generals in this process, the growth of the National Socialist movement and the activities of the *Sturmabteilung*. In general, historians have been unable to shake off a retrospective view of events in the Weimar Republic through the prism of the Nazi dictatorship and its military aggression against the Soviet Union. In recent decades several works on the officer corps as an elite group and its situation during the social and political instability of the 1920s and 1930s have been published. This gives one a different perspective on the mechanisms of interaction between the military circles of the Weimar Republic and the National Socialist movement.

Keywords: National Socialism, Germany, Weimar Republic, armed forces, officer corps, Adolf Hitler, historiography, *Freikorps*, volunteer units.

Возникновение нацизма в Германии и особенности его развития волновали умы отечественных исследователей начиная с 1920-х годов, и интерес к данной проблематике не ослабевает до сих пор. Особенности «германского реваншизма» после Первой мировой войны, ключевым орудием которого становились вооруженные силы, требовали анализа и объяснения, особенно с учетом ярко выраженной антибольшевистской природы политического курса Адольфа Гитлера. В связи с этим изучение роли армии, ее офицерского корпуса в деле установления нацистской диктатуры занимает серьезное место в отечественной историографии и по сей день.

Стоит отметить несколько общих черт, присущих советской исторической науке, применительно к изучению национал-социалистического движения. Во-первых, в духе диалектического материализма новое явление рассматривалось в контексте превалирования экономического целеполагания, когда движение по большей части представлялось инструментом для реализации внутригерманских и глобальных экономических целей. Во-вторых, как следствие, германский офицерский корпус, в особенности генералитет, за небольшим исключением, не изучался в отрыве от всего господствующего класса, находясь в одном ряду с крупными промышленниками и юнкерами. В-третьих, Веймарская республика как объект исследования находилась в тени последующей эпохи Третьего рейха и поэтому характеризовалась как пролог к нацистской диктатуре и Второй мировой войне. Отсюда и военные круги Германии периода 1918–1933 гг. всячески увязывались с оглядкой на вермахт периода 30–40-х годов. Стоит отметить, что такой ретроспективный взгляд присущ в массе своей и зарубежной¹, и отечественной историографии². В качестве наиболее яркого примера можно привести двенадцатитомник истории Второй мировой войны³. В первом томе в главе «Германский фашизм», посвященной 20–30-м годам, констатируется: «Одной из характерных черт германского фашизма является прочный союз с милитаризмом. Гитлеровцы насаждали в стране культ армии, культ

¹ См., например: *Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Bd 1. 30. Januar 1933 bis 2 August 1934. Voppard am Rhein, 1969; *Müller K.J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime. 1933–1940. Stuttgart, 1969; *Die Wehrmacht. Mythos und Realität / hrsg. von R.-D. Müller, H.-E. Volkmann.* München, 1999.

² См.: например: *Безыменский Л.А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.

³ История Второй мировой войны 1939–1945 / гл. ред. Г.А. Деборин: в 12-ти т. Т. 1. М., 1973.

войны, превозносили военщину, насильственные методы решения вопросов внутренней и внешней политики»⁴.

Приход в 1922 г. к власти в Италии Бенито Муссолини и появление самого феномена фашизма, который стал в итоге «родовым»⁵ для целого ряда политических режимов и движений, вызвали ответную реакцию прежде всего политиков⁶, а затем и ученых. К германскому его варианту стали обращаться в конце первой половины 20-х годов. Связано это было с активизацией на политической арене различных военно-политических сил правого толка, участвовавших в разгроме Баварской советской республики и серии антиправительственных выступлений, пик которых пришелся на 1923 г. В этом же году в сборнике «Мировой фашизм»⁷, написанном международным коллективом, была предпринята попытка осмысления фашизма как глобального явления. В статье о положении в Германии Хайнц Мёллер причислял к фашистским организациям «Объединение национальных солдат и офицеров», «Немецконародный союз охраны и сопротивления», группу Россбаха и др.⁸ При этом они представлялись в виде незначительных по сравнению с Национал-социалистической немецкой рабочей партией Германии (НСДАП), но самостоятельных в политическом плане организаций. Рейхсвер же представал в виде «покровителя» нацистского движения⁹, имевшего на этот счет соглашение с правительственными кругами. Автор, однако, практически не уделяет внимания ни военной составляющей «реакционных» сил, ни их идейным взглядам, концентрируясь на вопросе борьбы немецкого пролетариата.

Литературное творчество немецкого ученого и общественного активиста левого толка Эмиля Гумбеля, освещавшего вопросы политических убийств и деятельности подпольных правых организаций в Веймарской республике, пользовалось популярностью в Советском Союзе. В работе «Заговорщики» автор основное внимание уделял различным военизированным структурам, союзам, объединенным общим понятием «черный рейхсвер». В качестве источников привлекаются письма к командующим, протоколы заседаний, материалы судебных дел и другие официальные документы, благодаря чему работа стала, пожалуй, первым изданным в Советской России подробным трудом по данной тематике. Основными силами внутриполитических изменений в Германии, особенно в Баварии, выступают у Гумбеля элементы тайно воссоздаваемой армии, такие как «сильное и благонадежное офицерство», вокруг которого объединяется «здоровая» часть рейхсвера, студенчество и части самообороны (в случае Пруссии). В то же время автор справедливо отмечал всю сложность и запутанность закулисной борьбы, в которой указанные выше категории могли выступать в качестве орудия проводимой верхами политики. Автор ввел и ставшую затем классической для советской и восточногерманской историографии связку национал-социализма и прусского милитаризма. В данный период взаимодействие этих сил представляло собой борьбу за лидерство, выражавшуюся в том числе в попытках рейхсвера подчинить себе штурмовые отряды¹⁰. При этом его безапелляционное утверждение — «Россбах является представителем Гитлера в Северной Германии, Союз Россбаха входит на правах коллективного члена в Мюнхенскую национал-социалистическую рабочую партию» — лишало неординарную фигуру командира одноименного фрайкора политической самостоятельности. Характеристика Эриха Людендорфа также страдает сильным упрощением, позволяя записать в ряды его поклонников всех офи-

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М., 2019. С. 17.

⁶ Галактионов Ю. В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Новое прочтение. Кемерово, 1996. С. 13.

⁷ Мировой фашизм / под ред. Н. Мешерякова. М.; Пг., 1923.

⁸ Мёллер Г. Фашизм в Германии // Мировой фашизм. М.; Пг., 1923. С. 106.

⁹ Там же. С. 107.

¹⁰ Гумбель Э. Заговорщики. К истории германских национал-социалистических тайных союзов. Л., 1925. С. 23, 174.

церов, испытывающих ностальгию по кайзеровской армии: «Вожди этого, по существу, баварского движения сами в большинстве случаев не баварцы; главный их руководитель – Людендорф, а за ним, понятно, старый генеральный штаб. Соответственно этому, их единственный идеал – старая военная империя»¹¹.

В работе Е.С. Евсеева¹² рассматривалось современное состояние фашизма в разных странах, при этом автор менее скрупулезно, но более структурированно подошел к изучению этого явления в Германии. Так, в отличие от книги Гумбеля, в ней содержится четкое деление политических сил Баварии на четыре группы в зависимости от идеологической позиции. Признавая заслуги и авторитет немецкого офицерского корпуса, автор не констатирует его подавляющего влияния на текущую ситуацию. Однако в части социальной опоры национал-социализма все выглядит иначе: «Основное ядро партии составляют мелкобуржуазная интеллигенция и бывшие офицеры, дальше идут: учащая молодежь, мелкие служащие, торговцы и, наконец, малосознательные слои трудящихся». В поддерживавшие движение Гитлера группы записаны все консервативно ориентированные боевые союзы и организации: Рейхсфлаг, Оберланд, Союз Викинг, Стальной шлем, Консул и организация Россбаха, а наличие и деятельность штурмовиков Э. Рёма полностью игнорируются. Это типичное для историографии данного периода обозначение в качестве «фашистской» активной части правого лагеря, разнородной по составу и идейной платформе. В таком же ключе указывается на безоговорочную поддержку Гитлера Людендорфом, «военным руководителем баварских фашистов»¹³. Это сильное упрощение полностью отменяет как факт наличия у генерала без армии собственных политических взглядов, так и их эволюцию. Справедливо замечание относительно того, что Людендорф к моменту Пивного путча не создавал ни одной правой или правозэкстремистской организации; ни одна из них не была под руководством или зависела бы от него¹⁴. А союз Танненберга был основан генералом вместе со своими сторонниками 7 сентября 1925 г.

В 1929 г. в работе Г.Б. Сандомирского «Теория и практика европейского фашизма» был сделан тот же основной вывод, что и в предшествующих исследованиях, относительно германского фашизма: это движение включает не только группировку Гитлера, но и объединяет всю правую политическую оппозицию Веймарской республики. Указывая, что его корни в событиях Первой мировой войны, автор замечает, что в послевоенной Европе широкое распространение получило «движение бывших участников войны». Именно эта социальная группа являлась боевым ядром набиравшего популярность германского фашизма. Отмечается и особая роль в нем офицерского корпуса: «Ни в одной другой стране офицерство не наложило такого властного отпечатка на фашистское движение, как в Германии. Здесь, несомненно, сказалось прежнее влияние офицерства в общественно-политической жизни Германии и тот удельный вес офицерства, который, несомненно, возрос во время самой войны»¹⁵. Причем на первый план автором выдвигаются именно офицеры в запасе, которые вместе с обывателями и «темными искателями приключений»¹⁶ выступают в качестве социальной опоры.

В 30-е годы количество работ по германскому фашизму значительно возросло. Свяzano это прежде всего с резким усилением влияния нацистов на политической арене Веймарской республики (электоральный успех 1929 г.), а затем и приходом Гитлера к власти в 1933 г. Активно вводится в оборот термин «социал-фашизм», призванный показать связь и сотрудничество европейской социал-демократии с авторитарными антикоммунистическими движениями. Политический режим в Германии все чаще именуется «нацизмом» с целью, прежде всего, демонстрации его специфических черт как одной из

¹¹ Там же. С. 79, 176.

¹² Евсеев Е.С. Фашизм и его организации. М., 1924.

¹³ Там же. С. 59, 62.

¹⁴ Uhle-Wetter F. Erich Ludendorff. Soldat – Feldherr – Revolutionär. Graz, 2013. S. 434.

¹⁵ Сандомирский Г.Б. Теория и практика европейского фашизма. М.; Л., 1929. С. 165, 166.

¹⁶ Там же. С. 167.

разновидностей «фашизма». Последний термин, однако, продолжает применяться активно на протяжении 30–40-х годов. В том числе благодаря его широкому использованию в политической риторике. Делаются очередные попытки проанализировать генезис нацизма в период до 1933 г. Фашизм в Германии представляется как движение более обширное, не сводящееся только к НСДАП, но которая с определенного времени становится его основным выразителем. Изначально эти фашистские союзы являются «не стихийной организацией мелкобуржуазных масс, а военными отрядами буржуазной контрреволюции»¹⁷. Но и для рубежа 20–30-х годов некоторые авторы отмечали плюрализм в этом лагере, ставя на одну планку «Стальной шлем» и НСДАП. Штурмовые и охранные отряды последних получают безапелляционную характеристику: «строй этих отрядов чисто военный и руководят им бывшие офицеры императорской армии. Компартия не раз приводила доказательства тесной связи штурмовых отрядов и рейхсвера»¹⁸. Несколькоими годами позже становится очевидным, что армия является неотъемлемым элементом социальной опоры нового режима: «на голос фашистской сирены спешат поистине “воин, купец и пастух”»¹⁹. Отмечается милитаристский характер гитлеризма: «современная фашистская Германия лихорадочно готовится к войне. Фашизм — это война, это милитаризм, это кровавая диктатура внутри страны и стремление к осуществлению военной гегемонии над всем миром»²⁰.

В 1940-е годы изучению в полной мере подвергается уже новое нацистское государство: особенности его внутренней и внешней политики. Затрагиваются причины прихода Гитлера к власти. Великая Отечественная война в этом плане всколыхнула интерес к военной составляющей проблемы, который сохраняется до сих пор. Уже в этот период в работе И.П. Трайнина²¹ проявляется следующая дихотомия с точки зрения изучения взаимодействия нацистов и вооруженных сил: это отношение к новому движению военнослужащих старой армии, фактически гражданских людей, с одной стороны, и действующих офицеров — с другой. Отмечается, что популистская пропаганда Гитлера во многом была направлена на завоевание авторитета в среде ветеранов Первой мировой войны: «он обещал также, что безработные члены союза будут посланы на должности тех, кто будет изгнан из чиновничьего аппарата. И действительно, после 30 января 1933 г. он пристроил некоторое количество бывших военных»²². При этом, несмотря на привлекательность реваншистских идей для основной массы офицерского корпуса, автор считает преждевременным делать конкретные выводы о поддержке нацизма. Армия, по мнению Трайнина, оставалась закрытым институтом, степень проникновения идей национал-социализма в который была низка. «В нее нельзя было сразу влить фашистов, сместить старый командный состав и назначить своих офицеров. Рейхсвер жил своими традициями, сложившимися еще в старой прусской армии»²³.

В 50–60-е годы XX в. появилось множество работ по истории Веймарской республики и Третьего рейха, в которых вопрос социально-политического положения офицерского корпуса и его роли в обоих государствах не обходился стороной, а, наоборот, тщательным образом изучался, в том числе в рамках дискуссии о прусском милитаризме²⁴. Под влиянием Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса, на котором осуждению

¹⁷ Рубинштейн Е. К характеристике германского фашизма // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 100.

¹⁸ Жестяников Л.В. Фашизм и социал-фашизм. М.; Л., 1932. С. 47, 48.

¹⁹ Устрялов Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М., 2012. С. 79.

²⁰ Деборин А. Идеология фашизма // Против фашистского мракобесия и демагогии / под ред. И. Дворкина, А. Деборина, М. Каммари, М. Митина, М. Савельева. М., 1936. С. 69.

²¹ Трайнин И.П. Механизмы немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942.

²² Там же. С. 92.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Ерусалимский А.С. Германский милитаризм: история и современность. М., 1964; Wette W. Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischer Kultur. Frankfurt am Main, 2008.

подверглись военные преступления вермахта, насущной необходимостью стал и поиск ответа на вопрос, какую роль сыграл рейхсвер (под которым понимался прежде всего его офицерский корпус) в приходе Гитлера к власти. Именно в этот период, как отмечали советские историографы, начали формироваться точки зрения в зарубежных исследованиях относительно степени виновности военных кругов в поддержке национал-социализма. Наиболее четко эти тенденции были обозначены для историков ФРГ, одни из которых демонстрировали «открытый шовинизм прусско-германского толка», другие — «более гибкие и эластичные»²⁵ формы суждений. Несколькими позже два эти идеологических лагеря получили наименование консервативного и либерального²⁶.

В качестве источников начинает широко использоваться мемуарная литература²⁷. В работах по истории Ноябрьской революции 1918 г. лейтмотивом проходила тема реакционного характера германской «военщины»²⁸, что автоматически делало ее пособницей тех сил, которые привели Гитлера к власти. В трудах о нацистской диктатуре превалировало представление о решающем характере последних лет Веймарской республики, в течение которых и могла произойти передача власти с опорой на мнение военных, как это произошло в 1918 г. В то же время затрагивается и важнейшая проблематика: милитаризация Германии в 20–30-х годах, в рамках которой не последнюю роль играет тема поддержки Гитлера как флага реваншистских идей, столь привлекательных для военных кругов.

В 60-е годы появляется и ряд работ, посвященных вопросу заговора 1944 г. и оппозиции Гитлеру. В книге В.С. Ковалья главный упор сделан на связях заговорщиков с политическими кругами США и Великобритании, влиянии американской разведки на подготовку переворота в Германии, целью которого было максимальное затягивание войны на Восточном фронте, создании благоприятных условий для вступления американских войск в Западную Европу и недопущении выхода Советской армии в страны Восточной и Центральной Европы. При этом настоящее антигитлеровское коммунистическое подполье «не имело ничего общего с инспирированным американской разведкой заговором»²⁹. Эта точка зрения на противопоставление борющихся против гитлеризма сил внутри Германии вписывалась в контекст сложившихся представлений о союзе нацистского движения и генералитета, доминировавших в том числе и в историографии ГДР³⁰. С другой стороны, в появившейся спустя четыре года книге Д.Е. Мельникова³¹ были проанализированы моральные качества и идейные ориентиры германских офицеров, выделены отдельные этапы в подготовке заговора. При этом делался вывод о стремлении Штауфенберга и его окружения избежать «односторонней ориентации на Запад»³² и вести переговоры в том числе и с Советским Союзом. Попытку «очеловечить» офицерский корпус можно связать, однако, не только с «оттепелью» в политической жизни, но и с растущим интересом к данной проблематике на Западе, где работы, в которых идеализировались заговорщики и преувеличивались масштабы германского Сопротивления, появились еще в конце 40-х годов³³. Уже в более поздней совместной работе в главе «Гитлер и немец-

²⁵ Овчинникова Л.В. К вопросу о роли рейхсвера в Веймарской республике в историографии ФРГ // Вестник московского университета. 1966. № 3. С. 34.

²⁶ Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983.

²⁷ Биск И.Я. Немецкая мемуарная литература как источник по истории Веймарской республики (1919–1933): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1960.

²⁸ Дрбаккин С.Я. Революция 1918–1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М., 1958; Цитович Я.И. Провал заговора военщины накануне революции 1918 г. в Германии // Ноябрьская революция в Германии: сборник статей и материалов. М., 1960. С. 70–97.

²⁹ Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961. С. 14, 69.

³⁰ Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауфенберга. М., 1976.

³¹ Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Причины и последствия. М., 1965.

³² Редькова О.Г., Стрелец М.В. Даниил Ефимович Меламид (Мельников) и его место в исторической науке // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 1/34. С. 87.

³³ Roffels H. The German Opposition to Hitler. Chicago, 1962.

кая военная каста» Д.Е. Мельников безапелляционно заявляет: «Гитлер был всегда связан с рейхсвером»³⁴, а канцлер Курт фон Шлейхер «открыто взял курс на стовор с нацистами»³⁵. Несмотря на то что книга получила положительный отзыв Л.И. Гинцберга, Ю.В. Галактионов в своем обзоре отечественной историографии фашизма отмечает, что работа «опоздала» к читателям и «отстала от того лучшего, что было написано к тому времени на Западе»³⁶. Ведь подобные вопросы были подробным образом разобраны в зарубежной историографии 60-х годов, в книгах Т. Фогельзанга, К.Д. Брахера, Х. Моммзена, Ф.Л. Карстена и др. Тем не менее это было единственное полноценное и подробное исследование, остающееся актуальным и по сей день, сфокусированное именно на личности немецкого диктатора, его пути на вершину власти.

В работе Л.А. Безыменского «Германские генералы с Гитлером и без него» акцент, как видно из названия, делается именно на германском генералитете, его роли в Третьем рейхе. На сегодняшний день это одно из самых полных в отечественной историографии исследований взаимодействия высшей прослойки офицерского корпуса Германии и политического руководства, охватывающее период с 1933 до 1960-х годов. Во введении автор емко излагает историю ранних контактов будущего диктатора с видными представителями военных кругов. Подход к рассмотрению роли «военщины» и «крупного капитала» стандартен: главную роль играли монополисты (они снабжают деньгами и оказывают по возможности политическую поддержку), а военные круги не препятствовали сложившемуся положению вещей, выполняя роль потенциальной силовой поддержки. В высшей степени интересным является замечание автора, что крупные промышленники и политики были в прошлом людьми военными. Это естественным образом духовно роднило их с представителями германского военного командования. Вслед за немецким историком К. Шютцле³⁷ рассмотрена классово-социальная структура немецкого генералитета, что позволило выявить спектр их политических воззрений. Автор дает следующую характеристику проблемы взаимодействия национал-социалистов и рейхсвера: «С того момента, когда генерал Эпп нанял будущего рейхсканцлера, до 30 января 1933 г. взаимоотношения рейхсвера и нацистской партии прошли через различные стадии. Однако ни на одной из них рейхсвер не был врагом нацизма. В отношении к гитлеровцам генералы рейхсвера в основном следовали курсу “генералов промышленности”»³⁸.

Одним из самых значительных и программных произведений стала работа А.А. Галкина «Германский фашизм». Комплексному изучению подверглись вопросы поддержки, оказываемой нацистскому движению в 20-х – начале 30-х годов, в частности финансовой, идеологии гитлеровского движения и механизмов контроля над обществом, социальной опоре и, что самое главное в рамках данного исследования, о «союзе фашизма и милитаризма»³⁹. Примечательно, что значительная часть книги (это не очевидно из названия) затрагивает именно период Веймарской республики. Связано это прежде всего с тем, что тематика поддержки нацизма, несмотря на множество посвященных ей исследований, до сих пор остается одной из самых сложных для изучения страниц истории Германии, с множеством белых пятен. Акцентируя внимание на поддержке Гитлера со стороны представителей военных кругов в начале его карьеры, автор отметил привлекательность партийной идеологии для тех, кто был недоволен союзом с социал-демократией: «НСДАП, ставшая сборным пунктом для оказавшихся не у дел унтер-офицеров и офицеров, в какой-то, пусть и смягченной, форме отражала их недовольство поведе-

³⁴ Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 169.

³⁵ Там же. С. 170.

³⁶ Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945–90-х годов. Кемерово, 1999. С. 47.

³⁷ Schützle K. Reichswehr wider die Nation. Zur Rolle der Reichswehr bei der Vorbereitung und Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland (1929–1933). Berlin, 1963.

³⁸ Безыменский Л.А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 44.

³⁹ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 90.

нием коллег из рейхсвера, не спешащих покончить с ненавистной веймарской системой и получающих от нее чины, ордена и деньги». Эту ситуацию, однако, А.А. Галкин считал лишь политической случайностью, в то время как две эти силы, по его мнению, объединял их реакционный характер: «На протяжении почти пяти лет они выступали совместно, бок о бок. Одна из них была порождением другой и долгое время играла роль ее сателлита. Их объединяла ненависть к социализму, к демократии, к организованному рабочему классу и его авангарду. Обе мечтали о реакционной диктатуре, независимо друг от друга»⁴⁰. Стоит отметить, что данное объяснение явно вызывает вопросы, учитывая тот факт, что противоречия и, более того, противостояние имели место на протяжении всего периода Веймарской республики. Здесь уместно сказать о том, что ситуация с приходом в национал-социализм разочаровавшихся офицеров была не так однозначна. Если вернуться к фигуре Эриха Людендорфа и его «круга»⁴¹, то, по версии немецкого историка Б. Тосса, после неудачного путча 1923 г., наоборот, произошло отрезвление многих из тех, кто ранее поддерживал радикалов, и часть бывших офицеров и командиров одноименных фрайкоров перешла на сторону умеренных консерваторов, в частности Немецкой национальной народной партии Гутенберга.

Вопрос о поддержке нацистского движения со стороны военных кругов непосредственно связан с проблемой определения массовости такого феномена. Являясь «детисшем германской военщины»⁴², оно стало режимом благодаря завоеванию авторитета среди широких слоев ветеранов и действующих военнослужащих, либо «наиболее реакционная часть германского генералитета представляла собой одну из ведущих сил, создавших Гитлера как политическую фигуру и вручивших ему затем диктаторскую власть»⁴³. Ответ на данный вопрос не очевиден, а в конкретных работах по социальной базе нацизма⁴⁴ военнослужащие, как правило, не рассматриваются в качестве отдельной массовой группы влияния. Думается, лучше говорить не о противопоставлении, а о дополнении одного другим и специфике такого взаимодействия на разных этапах нацистского движения⁴⁵.

Одним из важнейших аргументов в пользу сотрудничества нацистского движения и офицерского корпуса была идея общего взгляда на будущее развитие вооруженных сил и на их активное применение в рамках внешней политики Германии. Речь идет не только о германском «милитаризме» как сущности внутренней и внешней политики и ее идейном наполнении⁴⁶, получившем в историографии широкую популярность с подачи Ф. Фишера⁴⁷ и Ф. Майнеке⁴⁸ и историографии ГДР⁴⁹, но и о широко пропагандировавшемся реваншизме после Первой мировой войны⁵⁰ и росте военного потенциала Веймарской республики на рубеже 20–30-х годов⁵¹.

⁴⁰ Там же С. 99, 107.

⁴¹ Thoss B. Der Ludendorff-Kreis 1919–1923. München als Zentrum der mitteleuropäischen Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch. München, 1978. S. 9.

⁴² Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004. С. 6.

⁴³ Прохтор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972. С. 14.

⁴⁴ Шульц Э.Э. Социология нацизма. Формирование основных подходов в историографии // Вестник РУДН. 2014. № 2. С. 61–72.

⁴⁵ Филиппов Б.А. Социальная опора фашистского движения в Германии 1929–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.

⁴⁶ Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.

⁴⁷ Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.

⁴⁸ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden; Brockhaus; Zürich, 1947.

⁴⁹ Carlebach E. Hitler war kein Betriebsunfall. Hinter den Kulissen der Weimarer Republik: Die vorprogrammierte Diktatur. Frankfurt am Main, 1982; Gossweiler K. Kapital, Reichswehr und NSDAP. Zur Frühgeschichte des deutschen Faschismus 1919–1924. Köln, 2012.

⁵⁰ Фарбман Н.В. Германский реваншизм после Первой мировой войны. Рязань, 1974.

⁵¹ Кульбакин В.Д. Милитаризация Германии в 1928–1930 гг. М., 1954.

А.С. Бланк⁵², П.Ю. Рахмиров⁵³, Л.И. Гинцберг обратились к раннему периоду развития нацистского движения, затрагивая как чисто немецкий опыт, так и исследуя корни «фашизма» как феномена эпохи в реалиях послевоенной Европы. В последние десятилетия этот интерес выразился и в изучении специфического культурного явления Германии после Первой мировой войны – консервативной революции, в основе которого лежала «устремленность к преодолению противоречий»⁵⁴ консерватизма вильгельмовской эпохи за счет интеграции в идеологию современных веяний и опыта фронтового братства. Отношения данного движения с нацизмом, однако, отличались неоднородностью, диапазон которого колебался от восхваления до полного неприятия⁵⁵. При этом удар по германскому военному потенциалу после ратификации Версальского договора стал сильнейшим фактором формирования национал-социалистического движения как «эрзаца армии, будучи аналогично организованным и совершенно соответствующим внешне армии»⁵⁶.

Нельзя не отметить тот факт, что советская историография уделяла второстепенное внимание персоналиям, выдвигая на первый план анализ процессов. Эта тенденция во многом сохраняется. До сих пор нет ни одной отечественной биографии Пауля фон Гинденбурга, Эриха Людендорфа, Курта фон Шлейхера и ряда других политических и военных деятелей периода Веймарской республики. Данный пробел в некоторой степени мог быть восполнен переводом работ историков ГДР⁵⁷.

В современной отечественной историографии вопрос характера и степени взаимодействия германского офицерского корпуса и национал-социализма в межвоенный период продолжает вызывать живой интерес. Так, этой проблематике посвящено более десятка страниц диссертационного исследования Р.Р. Хамидуллина, хотя и относящегося хронологически к периоду Третьего рейха. Интересен вывод автора о том, что «неспособный из-за своей малочисленности к эффективной защите государства от нападения извне, рейхсвер был мощным фактором силы внутри страны». Таким образом, складывается впечатление о «карманной» армии – подобию преторианской гвардии, – что, однако, требует более осторожной интерпретации. Автором справедливо подмечается противоречивое поведение высшего командования, делавшего ставку на элитарность офицерского корпуса и одновременно стараясь оградить его от политики. Это привело к следующей ситуации с рейхсвером, когда «социальные корни и политические убеждения превращали его в союзника правых антиреспубликанских сил». При этом только к 30-м годам, по мнению исследователя, отношения с нацистами стали улучшаться, что явилось следствием влияния их пропаганды в том числе на молодые офицерские кадры⁵⁸.

В обстоятельной работе А.М. Ермакова, посвященной положению вермахта в Третьем рейхе, во многом суммируется предыдущий исследовательский опыт и содержится качественная аналитика отечественной и зарубежной историографии. В первой главе автор делает вывод о том, что молодое офицерство, консервативно настроенное, но в то же самое время более энергичное, с воодушевлением восприняло нацистскую пропаганду. Старшее же поколение относилось к движению и его лидеру до 1933 г. с недоверием⁵⁹. Последнее, однако, удалось преодолеть в ходе ряда встреч и заявлений Гитлера о его лояльности и поддержке.

⁵² Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978.

⁵³ Рахмиров П.Ю. Происхождение фашизма. М., 1981.

⁵⁴ Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933). СПб., 2011.

⁵⁵ Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011. С. 261.

⁵⁶ Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. С. 233.

⁵⁷ Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста / пер. с нем. Г. Рудого. М., 1981.

⁵⁸ Хамидуллин Р.Р. Германский офицерский корпус и НСДАП: эволюция отношений: дис. ... докт. ист. наук. Уфа, 2010. С. 34, 36.

⁵⁹ Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М., 2006. С. 25.

Не ослабевает интерес и к политической роли генерала-канцлера Курта фон Шлейхера. Эта «альтернативная»⁶⁰ (между правым и левым политическими лагерями) фигура имела все шансы на выработку «третьего пути» и, таким образом, противостояния в том числе нацистам, авторитет которых несколько пошатнулся после очередных парламентских выборов. Мягкая версия военной диктатуры с опорой на договоренности с профсоюзными лидерами оказалась слишком шаткой конструкцией в условиях политической турбулентности и привела в итоге к падению кабинета Шлейхера. В этой связи отечественные исследователи поднимают вопрос о слабости, излишней «либеральности»⁶¹ Веймарской республики, сама конфигурация которой была не в состоянии противостоять вызовам радикальных политических групп.

В зарубежной историографии рассмотрение различных аспектов истории национал-социализма с помощью элитологического подхода является актуальным направлением уже на протяжении более полувека, в отечественной же литературе данная практика относительно нова. Так, в книге О.Ю. Кутарева⁶² анализируются перипетии внутренней политики Германии 20–30-х годов через призму взаимодействия национал-социализма с различными элитарными группами. В соответствующей главе отношение армии к зарождавшемуся гитлеровскому движению безапелляционно характеризуется как «поддержка». При этом, несмотря на преемственность в части выделения наиболее значимых институтов и социальных групп, автор отдает предпочтение именно силовому блоку, указывая на политические претензии СА и фактическую победу в противостоянии с ними СС. В развитие темы штурмовых отрядов стоит отметить обзорную работу К.К. Семенова⁶³, в целом укладывающуюся в концепцию «несостоявшейся элиты»⁶⁴ Третьего рейха. Значительна по своему энциклопедическому значению и работа В.В. Акунова, посвященная происхождению и боевому пути фрайкоров, их символике и униформе⁶⁵.

Дальнейшие исследования в этом направлении характеризуются более пристальным вниманием к вооруженным силам, а точнее, их офицерскому корпусу⁶⁶ как наиболее значимой элитарной части социального организма. В работах Л.В. Ланника⁶⁷ и А.П. Соколова⁶⁸ поднимаются острые вопросы морального выбора офицеров, их статуса в Веймарской республике и идеологических предпочтений. В кандидатской диссертации последнего на основе обширного архивного материала, в том числе данных советской военной миссии в Германии, реконструируется вектор идеологических предпочтений офицерского корпуса рейхсвера в период с 1918 по 1939 г. И если для раннего периода Веймарской республики до 1923 г. характерно обращение офицеров к «собственному комплексу

⁶⁰ Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 128.

⁶¹ Суржик Д.В. Слишком либеральная, чтобы выжить: к 80-летию падения Веймарской республики // Пространство и время. 2013. № 2 (12). С. 107–115.

⁶² Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб., 2013.

⁶³ Семенов К.К. Политические солдаты Гитлера. М., 2011.

⁶⁴ Кутарев О.Ю. Указ. соч. С. 110.

⁶⁵ Акунов В.В. Белая гвардия Фридриха Эберта. СПб., 2021.

⁶⁶ Соколов А.П. Инструменты политического влияния офицерского корпуса рейхсвера в Веймарской республике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). Ч. II. С. 172–174.

⁶⁷ Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии: монография. Саратов, 2012; *Его же*. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2015.

⁶⁸ Соколов А.П. Германский офицерский корпус на переломе эпох. Положение в обществе, мораль, геополитика. 1888–1939. Саарбрюкен, 2012; *Его же*. Эволюция общественного статуса и морально-политических взглядов офицерского корпуса в 1918–1939 гг.

морально-этических представлений», то военное руководство «займет в критические моменты 1932 – начала 1933 г. явную позицию благожелательного нейтралитета»⁶⁹.

Вопрос о взаимодействии офицерского корпуса Германии и национал-социалистического движения в период Веймарской республики является важной составляющей дискуссий о феномене нацизма⁷⁰, поиска ответов о причинах его прихода к власти⁷¹. При этом не угасает интерес и к самому государству⁷², причины преждевременной⁷³ ликвидации которого также могут лежать в чрезмерной политической активности представителей военных кругов.

В довоенный период отечественные исследователи рассматривали германский фашизм как одну из разновидностей мирового антикоммунистического движения. В работах, вышедших в этот период, указывалось на сильную вовлеченность военных кругов в контрреволюционный процесс и на попытки установления военной диктатуры, либо реставрации монархии. Национал-социализм выступал в качестве «младшего брата» одной из таких военизированных групп и сильно зависел от роли военного руководства и бывших офицеров. Необходимо учитывать скудость источниковой базы, отсутствие сколько-нибудь значимых историографических работ и восприятие событий в качестве современников, что отражалось на стилистике и невозможности более глубокого анализа.

После 1945 г. появилось множество работ, основной целью которых являлось выяснение причин и основных виновников прихода нацистов к власти. Вектор исследований сместился хронологически к концу Веймарской республики. Именно позиция военной и гражданской верхушки в ключевые кризисные годы стала причиной установления нацистской диктатуры, а рост влияния НСДАП рассматривался как результат террора штурмовиков и поддержки крупных промышленников, преследовавших свои классовые интересы. Генералитет во многом представлялся орудием проведения политики соглашения и непротивления Гитлеру. В качестве отдельного доказательства заинтересованности офицерского корпуса подчеркивались агрессивная внешнеполитическая позиция национал-социализма и идеи реваншизма, что неизбежно должно было привести к росту армии и реализации карьерных устремлений командного состава. Это во многом отличалось от суждений относительно начала 1920-х годов, когда именно угроза слева и поиск внутренних врагов, культивируемый легендой об «ударе кинжалом в спину», выглядел основной движущей силой военизированных правых.

В уже российской историографии удалось постепенно начать процесс «независимого» рассмотрения офицерского корпуса Веймарской республики, без оглядки на события после 1933 г. Этот процесс, безусловно, не завершен, и в случае с вопросом применительно к национал-социализму завершение его вряд ли возможно. Однако упор на изучение традиций, культуры офицерского корпуса, его положения в обществе и идеологических ориентиров позволяет определить внутренний вектор развития, параллельный процессам политической трансформации Веймарской республики. Важным фактором реализации такого подхода может стать уход от «общих» работ и суждений по коллективному принципу к анализу биографий отдельных представителей военной элиты, издание которых за последнее время значительно выросло.

⁶⁹ Соколов А. П. Эволюция общественного статуса и морально-политических взглядов офицерского корпуса в 1918–1939 гг. С. 218, 219.

⁷⁰ Корнева Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е гг.). Кемерово, 1998.

⁷¹ Пленков О. Ю. Катастрофа 1933 года. Немецкая история и приход нацистов к власти. М., 2021.

⁷² Ерин М. Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии. Ярославль, 1997.

⁷³ Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010.

Библиография

- Акунов В.В. Белая гвардия Фридриха Эберта. СПб., 2021.
- Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
- Безьменский Л.А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.
- Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.
- Биск И.Я. Немецкая мемуарная литература как источник по истории Веймарской республики (1919–1933): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1960.
- Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978.
- Ерин М.Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии. Ярославль, 1997.
- Ерусалимский А.С. Германский милитаризм: история и современность. М., 1964.
- Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Новое прочтение. Кемерово, 1996.
- Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945–90-х годов. Кемерово, 1999.
- Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989.
- Гинцберг Л.И. Ранняя история нацизма. Борьба за власть. М., 2004.
- Гумбель Э. Заговорщики. К истории германских национал-социалистических тайных союзов. Л., 1925.
- Деборин А. Идеология фашизма // Против фашистского мракобесия и демагогии / под ред. И. Дворкина, А. Деборина, М. Каммари, М. Митина. М., 1936. С. 47–112.
- Драбкин С.Я. Революция 1918–1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М., 1958.
- Евсеев Е.С. Фашизм и его организации. М., 1924.
- Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М., 2006.
- Жестяников Л.В. Фашизм и социал-фашизм. М.; Л., 1932.
- История Второй мировой войны 1939–1945 / гл. ред. Г.А. Деборин: в 12-ти т. Т. 1. М., 1973.
- Коваль В.С. Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Киев, 1961.
- Корнева Л.Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е гг.). Кемерово, 1998.
- Кульбакин В.Д. Милитаризация Германии в 1928–1930 гг. М., 1954.
- Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб., 2013.
- Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии: монография. Саратов, 2012.
- Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2015.
- Мани М. Фашисты. Социология фашистских движений. М., 2019.
- Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Причины и последствия. М., 1965.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
- Мёллер Г. Фашизм в Германии // Мировой фашизм. М.; Пг., 1923. С. 94–120.
- Мёллер Х. Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010.
- Мировой фашизм / под ред. Н. Мещерякова. М.; Пг., 1923.
- Овчинникова Л.В. К вопросу о роли рейхсвера в Веймарской республике в историографии ФРГ // Вестник московского университета. 1966. № 3. С. 23–35.
- Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983.
- Пленков О.Ю. Катастрофа 1933 года. Немецкая история и приход нацистов к власти. М., 2021.
- Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933). СПб., 2011.
- Прозектор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972.
- Рахмиров П.Ю. Происхождение фашизма. М., 1981.
- Редькова О.Г., Стрелец М.В. Даниил Ефимович Меламид (Мельников) и его место в исторической науке // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 1/34. С. 86–98.
- Рубинштейн Е. К характеристике германского фашизма // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 79–116.
- Руге В. Гинденбург. Портрет германского милитариста / пер. с нем. Г. Рудого. М., 1981.
- Сандомирский Г.Б. Теория и практика европейского фашизма. М.; Л., 1929.
- Семенов К.К. Политические солдаты Гитлера. М., 2011.
- Соколов А.П. Инструменты политического влияния офицерского корпуса рейхсвера в Веймарской республике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). Ч. II. С. 172–174.
- Соколов А.П. Германский офицерский корпус на переломе эпох. Положение в обществе, мораль, геополитика. 1888–1939. Саарбрюкен, 2012.

- Соколов А.П. Эволюция общественного статуса и морально-политических взглядов офицерского корпуса в 1918–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
- Суржик Д.В. Слишком либеральная, чтобы выжить: к 80-летию падения Веймарской республики // *Пространство и время*. 2013. № 2 (12). С. 107–115.
- Трайнин И.П. Механизмы немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942.
- Устрялов Н.В. Германия. В круговороте фашистской свастики. М., 2012.
- Фарбман Н.В. Германский реваншизм после Первой мировой войны. Рязань, 1974.
- Филиппов Б.А. Социальная опора фашистского движения в Германии 1929–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970.
- Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауфенберга. М., 1976.
- Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.
- Хамидуллин Р.Р. Германский офицерский корпус и НСДАП: эволюция отношений: дис. ... докт. ист. наук. Уфа, 2010.
- Цитович Я.И. Провал заговора военщины накануне революции 1918 г. в Германии // *Ноябрьская революция в Германии: сборник статей и материалов*. М., 1960. С. 70–97.
- Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004.
- Шульц Э.Э. Социология нацизма. Формирование основных подходов в историографии // *Вестник РУДН*. 2014. № 2. С. 61–72.
- Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Bd 1. 30. Januar 1933 bis 2 August 1934. Boppard am Rhein, 1969.
- Carlebach E.* Hitler war kein Betriebsunfall. Hinter den Kulissen der Weimarer Republik: Die vorprogrammierte Diktatur. Frankfurt am Main, 1982.
- Die Wehrmacht. Mythos und Realität / hrsg. von R.-D. Müller, H.-E. Volkmann.* München, 1999.
- Gossweiler K.* Kapital, Reichswehr und NSDAP. Zur Frühgeschichte des deutschen Faschismus 1919–1924. Köln, 2012.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden; Brockhaus; Zürich, 1947.
- Müller K.J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime. 1933–1940. Stuttgart, 1969.
- Rotfels H.* The German Opposition to Hitler. Chicago, 1962.
- Schützle K.* Reichswehr wider die Nation. Zur Rolle der Reichswehr bei der Vorbereitung und Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland (1929–1933). Berlin, 1963.
- Thoss B.* Der Ludendorff-Kreis 1919–1923. München als Zentrum der mitteleuropäischen Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch. München, 1978.
- Uhle-Wetter F.* Erich Ludendorff. Soldat – Feldherr – Revolutionär. Graz, 2013.
- Wette W.* Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischer Kultur. Frankfurt am Main, 2008.

References

- Akunov V.V.* Belaya gvardiya Friedricha Eberta [White Guard of Friedrich Ebert]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Artamoshin S.V.* Ponyatiya i pozicii konservativnoi revolyucii: intellektual'noe techenie "konservativnoi revolyutsii" v politicheskoi zhizni Weimarskoi respubliki [Concepts and positions of the conservative revolution: the intellectual course of the "conservative revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk, 2011. (In Russ.)
- Bessonov B.N.* Fashizm: ideologiya, politika [Fascism: ideology, politics]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Bezymenskii L.A.* Germanskie generaly s Gitlerom i bez nego [German generals with and without Hitler]. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Bisk I.Ya.* Nemeckaya memuar'naya literatura kak istochnik po istorii Weimarskoi respubliki (1919–1933): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [German memoir literature as a source for the history of the Weimar Republic (1919–1933): abstract diss. PhD]. Leningrad, 1960. (In Russ.)
- Blank A.S.* Iz istorii rannego fashizma v Germanii. Organizatsiya. Ideologiya. Metody [From the history of early fascism in Germany. Organisation, ideology, methods]. Moskva, 1978. (In Russ.)
- Citovich Ya.I.* Proval zagovora voenshchiny nakanune revolyucii 1918 g. v Germanii [The failure of the military conspiracy on the eve of the 1918 revolution in Germany] // *Noyabr'skaya revolyuciya v Germanii: sbornik statei i materialov* [The November Revolution in Germany: a collection of articles and materials]. Moskva, 1960. S. 70–97. (In Russ.)
- Deborin A.* Ideologiya fashizma [The ideology of fascism] // *Protiv fashistskogo mrakobesiya i demagogii / pod red. I. Dvorkina, A. Deborina, M. Kammari, M. Mitina* [Against fascism obscurantism and demagogy]. Moskva, 1936. S. 47–112. (In Russ.)

- Drabkin S.Ya.* Revolyutsiya 1918–1919 gg. v Germanii. Kratkii ocherk [Revolution 1918–1919 in Germany. Brief study]. Moskva, 1958. (In Russ.)
- Erin M.E.* Istoriya Weimarskoi respubliki v novejshej germanskoj istoriografii. Uchebnoe posobie [History of the Weimar Republic in the latest German historiography. Tutorial]. Yaroslavl', 1997. (In Russ.)
- Ermakov A.M.* Oruzhenoscy natsii. Wehrmacht v natsistskoj Germanii [Nation's squires. Wehrmacht in Nazi Germany]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Erusalimskii A.S.* Germanskii militarizm: istoriya i sovremennost' [German militarism. History and modernity]. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Evseev E.S.* Fashizm i ego organizatsii [Fascism and its organisations]. Moskva, 1924. (In Russ.)
- Farbman N.V.* Germanskii revanshizm posle Pervoi mirovoi voiny [German revanchism after World War I]. Ryazan', 1974. (In Russ.)
- Fillipov B.A.* Social'naya opora fashistskogo dvizheniya v Germanii 1929–1933 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Social pillar of the Nazi regime in Germany 1929–1933: abstract diss. PhD]. Leningrad, 1970. (In Russ.)
- Finker K.* Zagovor 20 iyulya 1944 goda. Delo polkovnika SHtaufenberga [The conspiracy of June 20, 1944. The Case of Colonel Staufenberg]. Moskva, 1976.
- Fisher F.* Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh celej kajzerovskoi Germanii v 1914–1918 gg. [Rush to world domination. The policy of military goals of Kaiser Germany in 1914–1918]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Galaktionov Yu.V.* Germanskii fashizm kak fenomen pervoi poloviny XX veka: otechestvennaya istoriografiya 1945–90-kh godov. Uchebnoe posobie [German fascism as a phenomenon of the first half of the 20th century: domestic historiography of the 1945–90s]. Kemerovo, 1999. (In Russ.)
- Galaktionov Yu.V.* Germanskii fashizm v zerkale istoriografii 20–40-kh godov. Novoe prochtenie [German fascism in the mirror of historiography of the 20–40s. New Reading]. Kemerovo, 1996. (In Russ.)
- Galkin A.A.* Germanskii fashizm [German fascism]. Moskva, 1989. (In Russ.)
- Gincberg L.I.* Rannaya istoriya natsizma. Bor'ba za vlast' [Early history of Nazism. Power struggle]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Gumbel' E.* Zagovorshchiki. K istorii germanskikh natsional-socialisticheskikh tainykh soyuzov [Conspirators. On the history of the National Socialist secret alliances]. Leningrad, 1925. (In Russ.)
- Hamidullin R.R.* Germanskii oficerskii korpus i NSDAP: evolyuciya otnoshenii: dis. ... d-r ist. nauk [German officer corps and NSDAP: Relationship evolution: abstract diss. PhD] Ufa, 2010. (In Russ.)
- Istoriya Vtoroj mirovoj voiny 1939–1945 [History of the Second World War 1939–1945] / gl. red. G.A. Deborin: in 12 t. T. 1. M., 1973. (In Russ.)
- Korneva L.N.* Germanskii fashizm: nemeckie istoriki v poiskah ob'yasneniya fenomena nacional-socializma (1945–90-e gg.) [German fascism. German historians in search of an explanation of the phenomenon of National Socialism (1945–1990s)]. Kemerovo, 1998. (In Russ.)
- Koval' V.S.* Pravda o zagovore protiv Gitlera 20 iyulya 1944 g. [The truth about the conspiracy against Hitler in July 1944]. Kiev, 1961. (In Russ.)
- Kul'bakin V.D.* Militarizatsiya Germanii v 1928–1930 gg. [The militarization of Germany in 1928–1930]. Moskva, 1954. (In Russ.)
- Kutarev O.Yu.* Germanskii elity v epohu stanovleniya natsizma [German elites in the era of the formation of Nazism]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Germanskaya voennaya elita perioda Velikoi voiny i revolyucii i "russkii sled" v ee razvitii: monografiya [The German military elite of the period of the Great War and Revolution and the "Russian trace" in its development: monograph]. Saratov, 2012. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Pobedonosnye proigravshie: germanskaya voennaya elita v 1914–1921 gg. [Victorious losers. German military elite]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
- Mann M.* Fashisty. Sociologiya fashistskikh dvizhenii [Sociology of fascist movements]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Mel'nikov D.E., Chernaya L.B.* Prestupnik № 1. Nacistskii rezhim i ego frurer [The Nazi regime and his Fuhrer]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Mel'nikov D.E.* Zagovor 20 iyulya 1944 g. v Germanii. Prichiny i posledstviya [The conspiracy of July 20, 1944 in Germany. Causes and consequences]. Moskva, 1965. (In Russ.)
- Mirovoj fashizm [World Fascism] / pod red. N. Meshcheryakova. M.; Pg., 1923. (In Russ.)
- Möller G.* Fashizm v Germanii [Fascism in Germany] // Mirovoj fashizm [World fascism]. Moskva; Petrograd, 1923. S. 94–120. (In Russ.)
- Möller H.* Veimarskaya respublika: Opyt odnoi nezavershennoi demokratii / per. s nem. A.V. Doronina [The Weimar Republic: The Experience of an Unfinished Democracy]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Ovchinnikova L.V.* K voprosu o roli rejhsvera v Weimarskoi respublike v istoriografii FRG [On the question of the role of the Reichswehr in the Weimar Republic in the historiography of Germany] // Vestnik moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. 1966. № 3. S. 23–35. (In Russ.)
- Ovchinnikova L.V.* Krakh Weimarskoi respubliki v burzhuznoi istoriografii FRG [The collapse of the Weimar Republic in the bourgeois historiography of Germany]. Moskva, 1983. (In Russ.)

- Plenkov O. Yu.* Katastrofa 1933 goda. Nemetskaya istoriya i prikhod natsistov k vlasti [The disaster of 1933. German history and the rise of the Nazis to power]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Plenkov O. Yu.* Triumf mifa nad razumom (nemeckaya istoriya i katastrofa 1933) [The triumph of myth over reason. German history and disaster 1933]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Proektor D. M.* Agressiya i katastrofa. Vyshee voennoe rukovodstvo fashistskoi Germanii vo Vtoroi mirovoi voine [Aggression and disaster. The top military leadership of Nazi Germany in World War II]. Moskva, 1972. (In Russ.)
- Rahshmir P. Yu.* Proiskhozhenie fashizma [Origins of fascism]. Moskva, 1981. (In Russ.)
- Red'kova O. G., Strelets M. V.* Daniil Efimovich Melamid (Mel'nikov) i ego mesto v istoricheskoi nauke [Daniil Efimovich Melamid (Melnikov) and his place in historical science] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina [Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin]. 2012. № 1/34. S. 86–98. (In Russ.)
- Rubinshtejn E. K.* kharakteristike germanskogo fashizma [On the characteristics of European fascism] // Istorik-marksist [Marxist historian]. 1932. № 1–2. S. 79–116. (In Russ.)
- Ruge V.* Gindenburg. Portret germanskogo militarista [Hindenburg. Portrait of a German militarist] / per. s nem. G. Rudogo. M., 1981. (In Russ.)
- Sandomirskii G. B.* Teoriya i praktika evropejskogo fashizma [Theory and practice of European fascism]. Moskva; Leningrad, 1929. (In Russ.)
- Schulz E. E.* Sociologiya nacizma. Formirovanie osnovnyh podhodov v istoriografii [Sociology of Nazism. Formation of the main approaches in historiography] // Vestnik RUDN [Bulletin of RUDN University]. 2014. № 2. S. 61–72. (In Russ.)
- Semenov K. K.* Politicheskie soldaty Hitlera [Hitler's political soldiers]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Shubin A. V.* Mir na krayu bezdny. Ot global'nogo krizisa k mirovoi voine. 1929–1941 gody [The world is on the edge of the abyss. From global crisis to world war. 1929–1941]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sokolov A. P.* Evolyutsiya obshchestvennogo statusa i moral'no-politicheskikh vzglyadov oficerskogo korpusa v 1918–1939 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [The evolution of the status and moral and political views of the officer corps in 1918–1939.: diss. PhD]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Sokolov A. P.* Germanskii oficerskii korpus na perelome epoch. Polozhenie v obshchestve, moral', geopolitika. 1888–1939 [German officer corps at the turn of the era. Position in society, morality, geopolitics. 1888–1939]. Saarbrücken, 2012. (In Russ.)
- Sokolov A. P.* Instrumenty politicheskogo vliyaniya oficerskogo korpusa rejhsvera v Weimarskoi respublike [Instruments of political influence of the officer corps of the Reichswehr in the Weimar Republic] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2015. № 3 (53). Ch. II. S. 172–174. (In Russ.)
- Surzhih D. V.* Slizhkom liberal'naya, chtoby vyzhit': k 80-letiyu padeniya Weimarskoi respubliki [Too liberal to survive on the 80th anniversary of the fall of the Weimar Republic] // Prostranstvo i vremya [Space and time]. 2013. № 2 (12). S. 107–115. (In Russ.)
- Trajnin I. P.* Mekhanizmy nemecko-fashistskoi diktatury [Mechanisms of the German fascist dictatorship]. Tashkent, 1942. (In Russ.)
- Ustryalov N. V.* Germaniya. V krugovorote fashistskoi svastiki [Germany in the cycle of the fascist swastika]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Zhestyanikov L. V.* Fashizm i sotsial-fashizm [Fascism and social fascism]. Moskva, 1932. (In Russ.)
- Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Bd 1. 30. Januar 1933 bis 2 August 1934. Boppard am Rhein, 1969.
- Carlebach E.* Hitler war kein Betriebsunfall. Hinter den Kulissen der Weimarer Republik: Die vorprogrammierte Diktatur. Frankfurt am Main, 1982.
- Die Wehrmacht. Mythos und Realität / hrsg. von R.-D. Müller, H.-E. Volkmann. München, 1999.
- Gossweiler K.* Kapital, Reichswehr und NSDAP. Zur Frühgeschichte des deutschen Faschismus 1919–1924. Köln, 2012.
- Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden; Brockhaus; Zürich, 1947.
- Müller K. J.* Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime. 1933–1940. Stuttgart, 1969.
- Rotfels H.* The German Opposition to Hitler. Chicago, 1962.
- Schützle K.* Reichswehr wider die Nation. Zur Rolle der Reichswehr bei der Vorbereitung und Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland (1929–1933). Berlin, 1963.
- Thoss B.* Der Ludendorff-Kreis 1919–1923. München als Zentrum der mitteleuropäischen Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch. München, 1978.
- Uhle-Wetter F.* Erich Ludendorff. Soldat – Feldherr – Revolutionär. Graz, 2013.
- Wette W.* Militarismus in Deutschland. Geschichte einer kriegerischer Kultur. Frankfurt am Main, 2008.

DOI: 10.31857/S013038640021209-7

© 2022 г. Г.Е. ГИГОЛАЕВ

X СЕССИЯ III КОНФЕРЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИИ США (1981 год)

Гиголаев Герман Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: g.e.gigolaev@yandex.ru

Scopus Author ID: 57204910297

Аннотация. 40 лет назад на III Конференции ООН по морскому праву была принята Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.). США, которые вместе с СССР и другими ведущими морскими державами были инициаторами созыва конференции, в 1981 г., после того, как президентом США стал Р. Рейган, объявляют о необходимости всестороннего изучения подготовленного к тому моменту проекта конвенции («неформальный текст»). Из состава американской делегации на конференции выводятся сторонники продолжения компромиссной политики. Усилия американской стороны в ходе X сессии конференции сосредоточиваются на затягивании переговоров и предотвращении формализации текста конвенции, с тем чтобы продлить работу конференции на следующий год. В статье на материале документов государственного департамента США, с привлечением актуальной научной литературы, рассматривается линия поведения американской дипломатии в первый год администрации Р. Рейгана на III Конференции ООН по морскому праву, в ходе подготовки и проведения X сессии конференции (1981 г.). В результате проведенного исследования делается вывод, что политика США на X сессии конференции лежит в русле общей политической линии американской администрации, окончательно порвавшей с политикой разрядки и сделавшей ставку на новое обострение международной обстановки. Важным обстоятельством, предопределившим изменение американской позиции в отношении проекта конвенции, представляется также связь администрации с крупным бизнесом, недовольным положениями подготовленного документа в отношении разработки минеральных ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальных юрисдикций.

Ключевые слова: международные отношения, Организация Объединенных Наций, холодная война, международное морское право, неоконсервативная революция, Конвенция ООН по морскому праву, «группа 77».

G.E. Gigolaev

Tenth Session of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea: Changing of the US Position (1981)

German Gigolaev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: g.e.gigolaev@yandex.ru

Scopus Author ID: 57204910297

Abstract. Forty years ago, the Third UN Conference on the Law of the Sea adopted the UN Convention on the Law of the Sea (1982). Although the United States, together with the USSR and other major maritime powers, initiated the Conference, in 1981, after Reagan became President of the United States, it called for a comprehensive review of the draft Convention that had by

then been prepared. Proponents of continuing the compromise policy were removed from the US delegation at the Conference. American efforts during the 10th session of the Conference were focused on delaying negotiations and preventing the formalisation of the Convention text to prolong the work of the Conference for another year. Drawing on US Department of State documents and up-to-date academic literature, the author examines the conduct of US diplomacy during the first year of the Reagan Administration at the 3rd UN Conference on the Law of the Sea, during the preparation and work of the 10th session of the Conference (1981). He concludes that US policy at the 10th session of the Conference was in line with the general policy direction of the US Administration, which had made a definitive break with the détente policy and staked on a new aggravation of the international situation. The Administration's relationship with big business, dissatisfied with the provisions of the draft Convention regarding deep seabed mineral development beyond national jurisdictions, also appears to have been an important factor behind the change in the US position on the draft Convention.

Keywords: international relations, United Nations, Cold War, Law of the Sea, Reagan Revolution, UNCLOS, G-77.

В этом году исполнилось ровно 40 лет с момента принятия Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. Как известно, с приходом в Белый дом администрации Р. Рейгана Соединенные Штаты резко изменили свою линию поведения в отношении Конференции ООН по морскому праву и подготовленного ею проекта конвенции¹. Это было связано с общими изменениями внешнеполитического курса американской администрации, которые, в свою очередь, вытекали из логики «неоконсервативной революции», с ней связывается та трансформация, что претерпела не только внешняя, но и внутренняя политика США. Исходя из основных постулатов предвыборной программы Рейгана, новая администрация должна была более жестко противостоять социалистическим и развивающимся странам на внешнеполитической арене², кроме того, Рейган говорил о необходимости пересмотра отношений между бизнесом и государством и снижения регулирующей роли государства³. Учитывая, что основное недовольство американской стороны на ведшихся с 1973 г. на площадке Конференции ООН переговорах по морскому праву вызывали вопросы, касавшиеся разработки минеральных ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальных юрисдикций прибрежных государств⁴, и принимая во внимание, что основное давление на американскую администрацию в этих вопросах оказывал крупный бизнес, связанный с разработкой минеральных ресурсов, переход США от компромиссной к более агрессивной политике в отношении проекта конвенции был предопределен, поскольку внешнеполитические основания для такого перехода переплетались с внутривнутриполитическими и концептуальными основы этого пересмотра, как явствует из написанного выше, были довольно глубокими.

При этом необходимо отметить, что к началу X сессии конференции (март–апрель 1981 г.) – первой при новой администрации – американские представители заявили, что США намерены предпринять всестороннее изучение/пересмотр подготовленного в ходе предшествующей работы конференции неформального текста проекта Конвенции ООН по морскому праву⁵. В американских органах исполнительной власти, связан-

¹ Более подробно см.: *Larson D.L.* The Reagan administration and the law of the sea // *Ocean Development & International Law*. Vol. 11. 1982. Iss. 3–4. P. 297–320; *Луголаев Г.Е.* III Конференция ООН по морскому праву и администрация Рональда Рейгана в США // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2021. Т. 12. Вып. 11 (109). URL: <https://history.jes.su/s207987840017634-6-1/> (дата обращения: 10.07.2022).

² *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940–2000-е гг. М., 2007. С. 263.

³ *Гарбузов В.Н.* Революция Рональда Рейгана. М., 2008. С. 174–176, 187–192.

⁴ *Гудев П.А.* Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М., 2014. С. 98.

⁵ См.: *Larson D.L.* *Op. cit.* P. 297–320.

ных с выработкой политики США по вопросам морского права, имелись определенные расхождения относительно линии поведения в отношении проекта конвенции. Довольно влиятельны были сторонники положений, выработанных в ходе работы конференции и легших в основу проекта. В феврале 1981 г., практически накануне начала работы X сессии, Н. Вульф, директор Бюро по океанам и международным экологическим и научным вопросам госдепа по вопросам морской науки и технологий, в памятной записке на имя помощника госсекретаря по вопросам океанов и международным экологическим и научным вопросам Дж. Мэлоуна дал свой анализ соотношения сил внутри причастных к выработке решений по соответствующему вопросу органов власти. Он причислил к сторонникам продолжения переговоров, с тем чтобы добиться их завершения по существу уже на предстоящей сессии (несмотря на то что положения проекта конвенции, касающиеся вопросов разработки ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальной юрисдикции, предполагались заведомо неприемлемыми с точки зрения интересов США), министерство обороны, министерства транспорта, коммерции, энергии и агентство по охране окружающей среды. При этом среди сторонников другой линии поведения, предусматривающей определенное затягивание переговоров и требование назначения дополнительной сессии, по предположению Вульфа, значились только министерства финансов и внутренних дел⁶. Более того, согласно указанному меморандуму, единства не наблюдалось и внутри самого госдепа. Противниками дополнительной сессии, по мнению Вульфа, были глава американской делегации на конференции Дж. Олдрич, офис юридического советника и в определенной мере представляемое самим Вульфом Бюро по океанам и международным экологическим и научным вопросам. За дополнительную сессию внутри госдепа выступало, пожалуй, только Бюро по вопросам экономики и бизнеса⁷ (еще был третий вариант линии поведения – просто прекратить переговоры и «сбежать» с конференции, – но он был чисто умозрительным, и сторонников такого курса автор записки в органах американской исполнительной власти не нашел)⁸.

Наиболее последовательными сторонниками участия США в подготовленном конференцией документе были военные. Как свидетельствуют меморандумы и.о. заместителя министра обороны Ф.Д. Крамера⁹ и начальника Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) Д. Джонса¹⁰ в адрес их нового начальника – министра обороны в администрации Рейгана К. Уайнбергера, – направленные, соответственно, накануне и уже в ходе X сессии конференции, ответственные чиновники минобороны полагали, что согласованный проект конвенции представляется наилучшим из возможных вариантов для США с точки зрения обеспечения национальной безопасности в разрезе военно-морской деятельности. Безусловно, положения, касающиеся разработки ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальной юрисдикции, признавались неприемлемыми для США, и эта проблема оставалась неразрешимой. Однако военные настаивали на том, что надо договариваться, чтобы сохранить выгодные для Соединенных Штатов положения по вопросам свободы навигации, поскольку затягивание пере-

⁶ Memorandum From the Director of Marine Science and Technology Affairs, Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs, Department of State (Wulf) to the Assistant Secretary of State-Designate for Oceans and International Environmental and Scientific Affairs (Malone). February 13, 1981 // Foreign Relations of the United States, 1981–1988. Vol. XLI. Global Iss. II. U.S. Department of State. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d115> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Memorandum From the Acting Under Secretary of Defense for Policy (Kramer) to Secretary of Defense Weinberger. February 12, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d114> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁰ Memorandum From the Chairman of the Joint Chiefs of Staff (Jones) to Secretary of Defense Weinberger. March 20, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d120> (дата обращения: 13.06.2022).

говоров было чревато тем, что и эти, уже согласованные, положения снова могли быть включены в повестку переговоров, с риском подвергнуться пересмотру. А отсутствие признаваемой большинством государств конвенции сохраняло ситуацию неопределенности и свободу действий для прибрежных государств, чьи односторонние акции по расширению своих прав на прибрежные акватории после 1945 г. (с появлением так называемой «прокламации Трумэна») получили название «ползучей юрисдикции». Военные признавали компромиссный характер «пакетного подхода», на его основе был выработан проект соглашения, но преимущества, которые этот документ давал в области свободы судоходства (включая гарантию транзитного прохода через 116 международных проливов, перекрываемых территориальными водами прибрежных государств, и архипелажные воды, а также полета воздушных судов над ними, что ранее не было зафиксировано нормами обычного морского права), казались им неоспоримыми. А по положениям, которые не устраивали американскую сторону, предлагалось торговаться, либо оставить за собой право делать заявления, уточняющие отдельные положения конвенции¹¹.

Мнение сторонников скорейшего завершения переговоров по существу и принятия проекта конвенции в госдепе наиболее явно и решительно сформулировал глава американской делегации на переговорах – заместитель специального представителя президента на конференции – Дж. Олдрич. Он был назначен на свой пост президентом Дж. Картером в сентябре 1977 г., а до этого имел большой опыт дипломатической работы, в том числе участвовал в переговорах по Вьетнаму в Париже в начале 1970-х годов, работая в команде Г. Киссинджера. Олдрич накануне X сессии конференции пытался доказать новому руководству госдепа преимущества пакетного подхода¹². Писал, что сила конвенции как раз в ее всеохватности, поскольку это делает ее выгодной разным группам приморских государств, и что большинство положений проекта, за исключением тех, что относились к разработке ресурсов морского дна, выгодны США, так как представляют собой шаг вперед по сравнению с существовавшими на тот момент нормами обычного морского права и позволяют обуздать односторонние притязания приморских государств. Впрочем, даже ситуация с глубоководными ресурсами не казалась ему тупиковой. Выход он видел в том, чтобы сделать текст статей по этому вопросу максимально общим, дабы потом для их введения в действие потребовались более частные и уточняющие документы, а это, в свою очередь, могло стать предметом новых переговоров заинтересованных сторон и в итоге обеспечить приемлемые для США условия доступа к глубоководным минеральным ресурсам¹³. Ажиотаж вокруг статей конвенции, касающихся указанного вопроса, отвлекал, с его точки зрения, общественное мнение США от всех остальных важных и выгодных Штатам положений конвенции. И этот ажиотаж, имеющий результатом недовольство проектом конвенции в конгрессе, был инспирирован представителями промышленности, которые (безусловно, небезосновательно) были озабочены этим вопросом¹⁴.

Надо отметить, что Олдрич пытался донести позицию возглавляемой им делегации и до Национальной ассоциации промышленников. Еще в декабре 1980 г., выступая перед ассоциацией в Сан-Франциско, он доказывал, что действия американской дипломатии не являются плодом наивности или глупости и не приносят экономическую безопасность США в жертву интересам стран третьего мира¹⁵. Он описывал исторические условия,

¹¹ Ibidem.

¹² Briefing Memorandum From the Deputy Special Representative of the President for the Law of the Sea Conference (Aldrich) to the Deputy Secretary of State (Clark). February 20, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d117> (дата обращения: 13.06.2022).

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Seabed Resources. Law of the Sea. An Address by George H. Aldrich. December 9, 1980. U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs, Washington (D.C.), 1981 // Dalhousie University Archives. URL: https://findingaids.library.dal.ca/uploads/r/dalhousie-university-archives/a/1/5/a1506013de-0197795dad600d644f81ec622b82c00532039bc6224aa746d2c967/ms-2-744_197-7_access.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

в которых разрабатывался проект конвенции: успехи и неудачи конференций ООН по морскому праву в Женеве в 1958 и 1960 гг. в их усилиях кодифицировать международное морское право и остановить «ползучую юрисдикцию», осуществляемую прибрежными государствами. Усилия оказались недостаточными, что сделало необходимым созыв III конференции ООН и применение пакетного подхода, когда все вопросы морского права соединялись в едином всеохватывающем документе, а не разносились по нескольким документам, как это было в конвенциях 1958 г., в итоге имевших разное количество подписантов и, соответственно, признаваемых разным числом стран. Новый подход делал переговоры более трудными, но должен был примирить разнонаправленные интересы, с одной стороны, ведущих морских держав, с другой – большинства прибрежных, прежде всего развивающихся государств, которые в обмен на признание свободы судоходства и 12-мильного лимита территориального моря получали право на 200-мильную исключительную экономическую зону¹⁶. В этот же единый пакет включалась и проблема разработки минеральных ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальных юрисдикций, особая сложность которой состояла в том, что этот вопрос был новым, возникшим совсем недавно в непосредственной связи как с прогрессом промышленных технологий, так и с появлением идеи «общего наследия человечества». Признавая наличие сложностей с обеспечением адекватных условий доступа к указанным ресурсам для добывающих компаний, Олдрич тем не менее был оптимистичен, так как окончательная выработка правил, регулирующих эту отрасль, должна была занять, как минимум, еще несколько лет после принятия проекта конвенции. И это давало американской дипломатии шансы на достижение договоренностей на приемлемых условиях. Кроме того, поскольку разработка глубоководных ресурсов представляла собой инновационное и рискованное предприятие, ее реализация являлась совершенно невозможной без формирования надежной правовой системы, которая мыслилась только в рамках всестороннего урегулирования проблемы международного морского права¹⁷.

Однако Олдричу не удалось доказать новой администрации свою правоту. Накануне начала X сессии из состава американской делегации было выведено восемь человек, включая самого Олдрича¹⁸. Новым специальным представителем президента и главой делегации стал Дж. Мэлоун, занимавший до этого пост помощника госсекретаря по вопросам океанов и международным экологическим и научным вопросам. Мэлоун сразу же разъяснил обновленной делегации официальную позицию администрации: поскольку предпринимается всестороннее изучение проекта конвенции, американские представители не должны высказываться ни в пользу, ни против проекта и исходить из того, что на этой сессии конференции итоговое соглашение заключено не будет, т.е. предполагалось затягивать переговоры¹⁹.

Безусловно, озвученная американской стороной на начавшейся в марте сессии конференции новая позиция означала резкий поворот политики США в отношении проекта конвенции и, как отмечалось в документах госдепа, вызвала озабоченность, а порой и непонимание, у большинства участников конференции. Даже среди ключевых союзников не наблюдалось полного единодушия. Однозначно поддержали американцев только представители ФРГ. Позиция Великобритании, Франции и Японии была не столь однозначной, представители этих стран соглашались поддержать позицию США

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ David L.L. Op. cit.

¹⁹ Briefing Memorandum From the Special Representative of the President for the Law of the Sea Conference (Malone) to Secretary of State Haig. March 12, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historical-documents/frus1981-88v41/d119> (дата обращения: 14.06.2022).

с определенными оговорками. Австралия и Новая Зеландия вообще придерживались линии на одобрение имеющегося проекта конвенции²⁰.

Особую позицию занял Советский Союз, который вместе с США выступил в конце 1960-х годов одним из основных инициаторов созыва конференции и по ряду вопросов, в частности обеспечения свободы навигации, являлся естественным союзником США. Так, в отчете американской делегации на конференции отмечалось, что, когда ряд развивающихся стран во главе с Перу попытался во Втором комитете конференции оказать давление по вопросу дополнительных ограничений военной-морской деятельности со стороны прибрежных государств, СССР отреагировал не просто решительно, но, как отмечалось в документе, «яростно», выступив против перуанцев как по процедурным вопросам, так и по существу²¹. Тем не менее в отчете делегации было указано, что СССР пытался извлечь выгоду из создавшегося положения, и для этого у него была прекрасная возможность, так что, отреагировав на изменение американской позиции в целом сдержанно, советские представители в частном порядке угрожали американцам перспективой голосования, хотя публично продолжали поддерживать процедуру консенсуса²², которая, как известно, традиционно применялась на конференции при принятии решений. В общем, по мнению американской делегации, вопрос вынесения положений конвенции на голосование нельзя было полностью сбрасывать со счетов.

Собственно, по оценке авторов отчета, основной вопрос, который волнует участников: стоит ли устраивать голосование по тексту конвенции без поддержки США. И тут важны были следующие факторы:

- восприятие другими участниками конференции перспективы переговоров по новым американским предложениям, буде они последуют, и доверие к обязательствам американской администрации принять и ратифицировать конвенцию, если ее (пока ожидаемые) предложения будут учтены;

- степень готовности СССР и значительного числа западных государств присоединиться к развивающимся странам в вопросе голосования и ратификации конвенции;

- оценка участниками конференции последствий, которые таковые действия будут иметь для их двусторонних отношений с США²³.

Что характерно, Олдрич в упомянутом выше меморандуме на имя заместителя госсекретаря, который он отправил незадолго до своей отставки, предупреждал, что, хотя на конференции решения принимаются консенсусом, перспектив голосования исключать нельзя, особенно если позиция США покажется неустрашимым препятствием на пути к принятию конвенции. А расклад сил таков, что США при таком исходе окажутся в явном меньшинстве²⁴.

В целом, отмечалось, что реакция большинства стран на изменение американской позиции была достаточно осторожной и только некоторые страны (например, Венесуэла) открыто выражали недовольство²⁵.

Тем не менее, учитывая общую обеспокоенность, высказываемую представителями многих стран в отношении американских намерений, госдеп полагал необходимым дать разъяснения относительно своей позиции. С этой целью во все зарубежные дипломатические представительства США была разослана телеграмма за подписью госсекретаря

²⁰ Report of the United States Delegation to the Tenth Session of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Undated // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d123> (дата обращения: 14.06.2022).

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

²⁴ См.: Briefing Memorandum From the Deputy Special Representative of the President for the Law of the Sea Conference (Aldrich) to the Deputy Secretary of State (Clark). February 20, 1981.

²⁵ Report of the United States Delegation to the Tenth Session of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Undated.

А. Хейга, с содержащими изложение американской позиции и объяснение принимаемых американской администрацией мер материалами, с опорой на которые американские дипломаты должны были доносить эту самую позицию до правительств и общественности стран пребывания²⁶. В частности, в телеграмме указывалось на внутривнутриполитические обстоятельства, связанные с принятым решением о всестороннем изучении проекта конвенции. Говорилось, что это решение основывалось на обеспокоенности представителей промышленности, конгресса и самой администрации, связанных с разработкой ресурсов морского дна глубоководных районов Мирового океана, так что наличие широкой оппозиции в законодательной власти полностью исключало перспективу ратификации конвенции в том виде, в котором она существовала на тот момент²⁷. Указывалось также, что задача американской делегации на конференции — не допустить завершения переговоров до окончания изучения проекта конвенции, т.е. до конца X сессии конференции. Объяснялись кадровые решения по изменению состава делегации: администрация, учитывая сложность задач, стоящих перед делегацией, должна была быть уверена в ней абсолютно, а для этого следовало иметь своих людей на ключевых позициях²⁸.

В общем, как и планировала американская сторона, X сессия, проходившая в марте–апреле в Нью-Йорке, не завершилась достижением договоренности по проекту конвенции, в итоге было принято решение возобновить ее в августе того же года в Женеве. В преддверии возобновления сессии, в июне 1981 г., представители госдепа провели консультации с ключевыми партнерами по консультационной группе ведущих союзников (кроме США туда входили Великобритания, Франция, ФРГ и Япония) в Бонне (18–19 июня) и по так называемой «группе пяти», включавшей ведущие морские державы (США, СССР, Великобританию, Францию, Японию), в Москве (22–25 июня). В докладе госсекретарю Мэлоун, отвечавший за эти переговоры, был достаточно оптимистичен в оценке результатов консультаций. Все указанные державы выразили готовность поддерживать США на конференции, несмотря на определенные нюансы в подходах к проекту конвенции²⁹. Учитывая, что с большинством членов «группы пяти» американцы пообщались уже в Бонне, встреча в Москве по сути свелась к предварительным двусторонним консультациям с СССР. Советская позиция была менее однозначной, но в целом благожелательной по отношению к США. Советская делегация, с одной стороны, выразила серьезное возражение в связи с тем, что американская линия поведения создала для нее трудности на конференции, но при этом изъявила готовность продолжить тесное сотрудничество с США и другими членами пятерки, пообещав не создавать проблем, а, напротив, употребить свое влияние на «группу 77», представлявшую интересы развивающихся стран. Советские представители предложили организовать 1 августа, накануне открытия возобновленной сессии, двустороннюю встречу для консультаций, они также просили США предоставить список своих поправок к проекту конференции, чтобы лучше понимать, чем СССР может помочь. В целом, советская делегация благодарила американцев за готовность к тесному взаимодействию и соглашалась, что советско-американское

²⁶ Telegram From the Department of State to All Diplomatic Posts. March 23, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d121> (дата обращения: 14.06.2022).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Briefing Memorandum From the Assistant Secretary of State for Oceans and International Environmental and Scientific Affairs (Malone) to Secretary of State Haig. July 2, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d124> (дата обращения: 01.07.2022). Британцев и японцев проект конвенции в целом устраивал, они готовы были на самые незначительные дополнения, французы допускали более серьезное «улучшение» проекта в интересах союзников, ФРГ была, как и на сессии весной, ближе всего к американской позиции, заявляя о необходимости пересмотра статей, касающихся глубоководной добычи минерального сырья. Но все сходились в том, что нужно продолжать переговоры и что в августе на возобновленной X сессии они завершиться не должны, чего, собственно, и добивались США.

сотрудничество поможет избежать большинства рисков, которым подвергается работа конференции³⁰.

8 июля на заседании межведомственной группы по международному морскому праву, прошедшем под председательством представителя госдепа Т. Кронмиллера, были выработаны рекомендации в отношении инструкций для американской делегации на возобновленной сессии. Во-первых, делегация должна была добиваться сохранения максимально допустимого диапазона возможностей для США, к которым они могли бы прибегнуть по завершении (оно планировалось на осень) критического изучения своей политики в отношении проекта конвенции. Соответственно, ее усилия должны были быть направлены на то, чтобы не допустить формализации существующего неформального проекта конвенции в ходе сессии и предотвратить возможность поправок к нему, противоречащих интересам США. Во-вторых, делегация должна была в ходе сессии прояснить обстановку и дать точную оценку приемлемости и возможности договориться по предлагаемым США изменениям. При этом внутри группы развернулась дискуссия: стоит ли наделять делегацию полномочиями предлагать альтернативный вариант статей в отношении режима разработки морского дна (на основе модели свободного рынка, разумеется). Представитель ОКНШ выразил сомнения, в то время как госдеп в лице Кронмиллера поддержал эту идею. В-третьих, было предложено избегать обсуждения статей (кроме как неформального в рамках небольших групп), не касающихся режима разработки морского дна, так как их потенциальный пересмотр был чреват чрезмерным ущербом интересам США³¹. На основе этого обсуждения были разработаны развернутые инструкции для американской делегации (с подробным изложением всех предложений по режиму разработки ресурсов морского дна), проект которых Мэлоун 22 июля направил Хейгу³².

27 июля Хейг провел совещание с руководством госдепа по вопросам предстоящей сессии конференции, на котором в том числе обсуждались и подготовленные для американской делегации инструкции. Открывая дискуссию, госсекретарь отметил, что вообще США сейчас находятся в весьма шекотливом положении в том, что касается переговоров по морскому праву. Он заявил, что общался с 26 главами иностранных государств и правительств по указанному вопросу, из них определенное сочувствие американской позиции выражали Бельгия, ФРГ и, возможно, СССР, впрочем, последнее предположение он делал, исходя из одной фразы советского министра иностранных дел А.А. Громыко, который якобы сказал: «Ради Бога, будьте осторожны»³³. Хотя это высказывание можно толковать по-разному. Если, по мнению исполнительного секретаря госдепа П. Бремера, советская сторона, похоже, пришла к выводу, что США находятся в изоляции, и ее позиция в этом вопросе обозначена довольно четко, то Мэлоун не согласился, предположив, что СССР постарается занять умеренную позицию, поскольку стремится к договоренности и хочет, чтобы США тоже были участником этой договоренности. Впрочем,

³⁰ Ibidem. Правда, с комплементарным тоном советской делегации в Москве контрастировал документ, который месяц спустя, 21 июля, советник-посланник советского посольства А.А. Бессмертные вручил заместителю госсекретаря по политическим вопросам У. Стесселу в ответ на американские предложения, сделанные в ходе июньских консультаций. В документе подчеркивалось, что американская позиция угрожает успешному завершению работы конференции и что по вине США может быть сорван процесс урегулирования насущных проблем морского права в рамках тех компромиссных решений, над которыми СССР и США вместе с другими странами работали столько лет.

³¹ Memorandum from the Assistant Secretary of State for Oceans and International Environmental and Scientific Affairs (Malone) to the Executive Secretary of the Department of State (Bremer). Washington, July 11, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d125> (дата обращения: 01.07.2022).

³² Action Memorandum From the Special Representative of the President for the Law of the Sea (Malone) to Secretary of State Haig. Washington, July 22, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d126> (дата обращения: 01.07.2022).

³³ Memorandum of Conversation. Washington, July 27, 1981, 5 p.m. // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d127> (дата обращения: 01.07.2022).

он не исключил, что если Советы решат, что США на конференции изолированы, то попытаются извлечь из этого политическую выгоду³⁴. Госсекретарь информировал о своих переговорах с лидерами АСЕАН, посетовав на то, что «даже Китай жаловался», и резюмировал, что США теперь у всех в немилости³⁵.

Хейг детально обсудил со своими подчиненными проект инструкций американской делегации на конференции и нашел, что «они носят негативный характер». Мэлоун заверил своего шефа, что позиция США на конференции будет представлена не жестко, а скорее в оптимистическом ключе. Он даст всем понять, что США намерены и далее участвовать в переговорном процессе. Хейг отметил, что, безусловно, подход США к переговорам таков, что в результате они должны привести к соглашению, но тут есть одна большая проблема: «мы не хотим получить еще один ОСВ-2»³⁶. Поэтому президент и поручил провести тщательный пересмотр положений конвенции. Далее госсекретарь прошелся по отдельным вопросам предстоящей сессии. В первую очередь его интересовало, что думает Мэлоун по поводу перспективы обсуждения на конференции положений о свободе мореплавания. Мэлоун ответил, что они постараются предотвратить такое развитие событий и попробуют полностью сосредоточиться на положениях, касающихся глубоководных районов морского дна, поскольку перспектива обсуждения навигационных вопросов чревата риском внесения неблагоприятных изменений в соответствующие положения проекта конвенции. Хейг настаивал: что будет делать делегация, если случится подобного рода переворот в ходе работы сессии? Мэлоун предположил, что большинство участников хотели бы избежать кризиса, поскольку это повышает шансы на достижение соглашения, и, конечно же, все хотели бы видеть США участником этого соглашения. В частности, СССР тоже заинтересован в конвенции в первую очередь из-за навигационных вопросов и наверняка окажет помощь³⁷. Хейг далее отметил, что позиция США предстает, согласно подготовленным Мэлоуном документам, достаточно противоречивой: с одной стороны, избежать эрозии проекта, с другой — не допустить формализации текста проекта конвенции (который на тот момент имел статус «неформального текста»). Получалось, что нужно примирить две противоречащие одна другой цели — избежать каких-либо обязательств по заключению конвенции и при этом продолжать переговорный процесс, не допуская его срыва. Мэлоун согласился, что это наиболее трудно выполнимая часть инструкций.

Госсекретарь предупредил, что делегация должна ежедневно информировать руководство госдепа о происходящем, поскольку лично ему не хотелось бы быть неприятно удивленным, если события начнут принимать неблагоприятный оборот. Кроме того, он отметил, что и президент Рейган не вполне осведомлен о проблематике, связанной с морским правом, поэтому его тоже надо держать в курсе. Подытоживая, Хейг сказал, что нет никакой надежды решить все интересующие США вопросы, касающиеся эксплуатации ресурсов морского дна, без риска вызвать катастрофу. Возможно, это и было бы правильно, но цена может быть слишком высокой, так что на такой шаг нельзя идти без четкого решения самого президента, который в настоящее время не сосредоточен на проблеме переговоров по морскому праву. Поэтому госсекретарь попросил составить список наиболее важных вопросов: что для США совершенно необходимо, а чем можно пожертвовать. Кроме того, Хейг попросил Мэлоуна составить памятную записку для президента с анализом того, чего можно ожидать в ходе переговоров на сессии в Женеве³⁸.

31 июля соответствующий меморандум за подписью Хейга был направлен Рейгану. В нем были очерчены основные задачи США на предстоящей в августе сессии в Женеве (сохранить проект конвенции открытым для дальнейшего обсуждения до принятия

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

президентом окончательного решения по нему, выиграть время и дать оценку возможности договориться о необходимых для США улучшениях этого проекта). Подчеркивалось, что ключевые положения проекта, касающиеся разработки ресурсов морского дна, не совместимы с политикой администрации США, так что в таком виде конвенция не имеет шансов пройти процесс ратификации в конгрессе³⁹. При этом подчеркивалось, что делегация будет стремиться предотвратить срыв работы конференции, который повлек бы обвинения в адрес США и возложение на них ответственности за этот срыв. Американская делегация будет стараться сосредоточиться на обсуждении вопросов, касающихся морского дна, несмотря на то, что есть потенциал и для улучшения навигационных положений проекта. Однако обсуждение этого вопроса предполагалось вынести за рамки работы конференции в более удобные двусторонние и многосторонние форматы, так как его обсуждение на сессии было более рискованным⁴⁰. Госдеп не рисковал точно предсказать, какой будет обстановка на переговорах. По оптимистичной оценке, большинство участников желали бы достижения договоренности с участием США. Однако риски были неизбежны: как минимум, США могли подвергнуться резкой критике ряда государств, входящих в «группу 77», которые могли бы попытаться «изолировать США с тактической целью свести требования США к минимуму», но в случае успеха такой линии поведения события могли бы выйти из-под контроля. Если большинство увидит, что США изолированы и не способны добросовестно вести переговоры, то угроза придания тексту проекта формального характера станет явной, и США придется уповать на помощь союзников и, как минимум, нейтралитет СССР. В этих условиях СССР, по мнению госдепа, мог бы воспользоваться ситуацией и попытаться заслужить расположение стран третьего мира. Это было вполне вероятно в свете того, что советская сторона уведомила американскую, что поддерживает существующий проект конвенции⁴¹. В общем, существовало два негативных варианта исхода: принятие неудовлетворяющего США проекта конвенции, либо срыв работы конференции с возложением ответственности на США, что в свою очередь, по мнению госдепа, могло отрицательно сказаться на других многосторонних форматах, в которые вовлечены Соединенные Штаты. Однако надежного варианта, не содержащего никаких рисков, чтобы затянуть работу конференции до принятия администрацией окончательного решения по вопросам морского права, госдеп предложить не мог⁴². Главная угроза интересам США связывалась с вопросами свободы судоходства: они могла возникнуть в случае как срыва работы конференции, так и пересмотра соответствующих статей проекта конвенции⁴³.

На возобновленной сессии, после того как США (13 августа) конкретизировали свои основные возражения по вопросу режима морского дна, ко многим странам (по мнению самих американских представителей) пришло окончательное понимание того, что американцы всерьез намерены добиваться пересмотра уже ранее согласованных положений проекта конвенции, а не просто встают в позу в поисках тактической выгоды (как могло показаться весной, когда американская делегация заявила о пересмотре проекта, но без критики), поэтому реакция ряда стран, особенно из «группы 77», была резко негативной⁴⁴.

Тем не менее члены американской делегации полагали, что такой неприятной для США процедуры, как голосование по проекту, вполне можно избежать, хотя американцы

³⁹ Memorandum From Secretary of State Haig to President Reagan. Washington, July 31, 1981 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d128> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Telegram From the Special Liaison Detachment Supporting the United States Delegation, Department of Defense, to the Special Security Office, Defense Intelligence Agency // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d129> (дата обращения: 10.07.2022).

и начали на всякий случай прикидывать, поддержкой каких государств они смогут заручиться в этом случае⁴⁵.

В целом, как показывает отчет американской делегации госсекретарю в последние дни возобновленной X сессии, американские дипломаты были удовлетворены результатом⁴⁶. Здесь надо отметить, что, разумеется, им не удалось внести изменения в часть XI проекта конвенции, в которой речь шла о режиме разработки ресурсов глубоководных районов морского дна. Но они могли быть вполне довольны тем, что удалось потянуть время. Принятие проекта конвенции было отложено на следующий 1982 г., на который было намечено проведение следующей XI сессии. И несмотря на то, что конференция наметила открытие конвенции для подписания на 1982 г., американцы надеялись, что есть перспектива затянуть переговоры и до 1983 г.⁴⁷ Более того, как главный свой успех американская делегация подавала то, что текст проекта конвенции так и не получил статуса официального, оставшись неформальным. В отчете делегации отмечалось, что поскольку СССР и «группа 77» окончательно убедились в серьезности намерений США, их стремление к «формализации» текста проекта усилилось, и большинство групп стран, представленных на конференции (Восточной Европы — т.е. соцстраны, Азии, Африки, Латинской Америки), приняли решение в пользу формализации текста. Это был явный сигнал американцам, после чего те стали активно работать с делегатами в ходе неформальных переговоров. В результате формулировка «официальный текст» из решения конференции была убрана, так что его статус фактически не изменился⁴⁸. Особое удовлетворение американцам доставило то, что, по их мнению, они переиграли СССР, который неправильно оценил обстановку и оказался в меньшинстве, поскольку США достигли компромиссного решения с «группой 77». Итак, конференция решила не продлевать работу (как предполагалось в начале сессии, если за отведенное время не удастся прийти к ожидаемым результатам) и завершить ее согласно графику 28 августа⁴⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что пересмотр отношения к проекту Конвенции ООН по морскому праву лежал вполне в русле неоконсервативной повестки дня, продвигаемой рейгановской администрацией. Так, американцы упирали на необходимость свободной конкуренции при разработке ресурсов глубоководных районов морского дна за пределами национальных юрисдикций, критикуя прописанный в части XI проекта конвенции режим этих районов, который в большей степени был выгоден развивающимся странам. Да и в целом, резкая смена позиции вразрез с мнением большинства участников конференции вполне вписывалась в тот более агрессивный курс по отношению к социалистическим и развивающимся странам, проводимый новой администрацией. Как отмечал советский посол А.Ф. Добрынин, если у того же СССР и были иллюзии, что жесткая риторика Рейгана во время предвыборной кампании объяснялась именно электоральными соображениями, а после победы это поведение «сменится более трезвым подходом к межгосударственным отношениям», то они довольно быстро развеялись⁵⁰. Вполне характерным для первого года администрации Рейгана был и курс на затягивание переговоров, стремление отложить принятие решения на более поздний срок, которое можно было объяснить как необходимостью выиграть время для того, чтобы полностью войти

⁴⁵ Ibidem. Это мнение было высказано Б. Харлоу, заместителем главы американской делегации.

⁴⁶ Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. Geneva, August 25, 1981, 1336Z // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/d130> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М., 1996. С. 501.

в курс дела (официальная позиция), так и стремлением достичь позиции силы⁵¹. В целом, на X сессии Конференции ООН по морскому праву эта тактика сработала, и дальнейшая работа над текстом проекта конвенции была перенесена на следующий год. Однако, как известно, на XI сессии конференции в 1982 г. американцы остались в меньшинстве и не смогли помешать принятию Конвенции ООН по морскому праву, ее участниками США до сих пор не являются, несмотря на то, что в начале 1990-х годов в новых международных условиях им удалось добиться пересмотра XI части конвенции, посвященной режиму морского дна и недр за пределами национальной юрисдикции, положения которой главным образом стали камнем преткновения на X сессии.

Библиография

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940–2000-е гг. М., 2007.

Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М., 2008.

Гоголаев Г.Е. III Конференция ООН по морскому праву и администрация Рональда Рейгана в США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 11 (109). URL: <https://history.jes.su/s207987840017634-6-1/> (дата обращения: 10.07.2022).

Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М., 2014.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М., 1996.

Foreign Relations of the United States, 1981–1988. Vol. XLI. Global Iss. II. U.S. Department of State. Office of the Historian // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/ch3?start-1> (дата обращения: 10.07.2022).

Larson D.L. The Reagan administration and the law of the sea // Ocean Development & International Law. 1982. Vol. 11. Iss. 3–4. P. 297–320.

References

Dobrynin A.F. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SSHA (1962–1986) [Purely confidentially. Ambassador to Washington under six US presidents (1962–1986)]. Moskva, 1996. (In Russ.)

Garbuzov V.N. Revoluciya Ronal'da Rejgana [Ronald Reagan's Revolution]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Gogolaev G.Ye. III Konferentsiya OON po morskomu pravu i administratsiya Ronal'da Reygana v SSHA [III UN Conference on the Law of the Sea and the Ronald Reagan Administration in the USA] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2021. T. 12. Vyp. 11 (109). URL: <https://history.jes.su/s207987840017634-6-1/> (access date: 10.07.2022). (In Russ.)

Gudev P.A. Konvenciya OON po morskomu pravu: problemy transformacii rezhima [The UN Convention on the Law of the Sea: Problems of Regime Transformation]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Vojtolovskij F.G. Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SSHA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporyadka, 1940–2000-e gg. [The Unity and Disunity of the West: Ideological reflection in the Minds of the Elites of the USA and Western Europe of the Transformations of the Political world order of the 1940s–2000s]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Larson D.L. The Reagan administration and the law of the sea // Ocean Development & International Law. Vol. 11. 1982. Iss. 3–4. P. 297–320.

Foreign Relations of the United States, 1981–1988. Vol. XLI. Global Iss. II. U.S. Department of State. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v41/ch3?start-1> (access date: 10.07.2022).

⁵¹ Опять же по свидетельству посла Добрынина, его общение с американскими официальными лицами, в первую очередь по вопросам стратегических ядерных вооружений, показало, что они в этот период старались отложить переговоры по существу, ссылаясь на необходимость проведения через конгресс дорогостоящих военных программ, либо просто на необходимость войти в курс дела. См.: *Добрынин А.Ф.* Указ. соч. С. 503–507.

DOI: 10.31857/S013038640014621-1

© 2022 г. **Н.А. БЕЛЯКОВА**

АНТИКОММУНИЗМ И СОВЕТСКИЕ ЕВАНГЕЛИКИ В 1960–1970-е годы: МЕТАМОРФОЗЫ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Белякова Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: beliacovana@gmail.com

Scopus Author ID: 57190866398; ORCID: 0000-0003-0470-4497; Researcher ID: AAM-8245-2020

Аннотация. В статье рассматривается международная деятельность руководителей Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) на рубеже 1960–1970-х годов, которая осуществлялась в условиях контроля и регламентирования государственными инстанциями. Руководство конфессии вынуждено было доказывать «полезность» своего существования; такую пользу могли приносить контакты христиан-баптистов из разных стран. Основной формой презентации международной работы ВСЕХБ было составление отчетов как о зарубежных командировках, так и об общении с иностранцами внутри СССР. Эти отчеты направлялись в Совет по делам религий при Совете министров СССР, где на их основе составлялись обобщающие аналитические записки для вышестоящих инстанций об успешности международной деятельности руководства конфессий СССР. Автор приходит к выводу, что борьба с международным антикоммунистическим движением стала поводом для развития международных контактов руководства официального Союза евангельских христиан-баптистов. Ключевой фигурой глобального евангелического антикоммунизма на рубеже 1960–1970-х годов для советских баптистов был проповедник Ричард Вурмбранд. Он организовывал акции в поддержку христиан в коммунистических странах, преследуемых не только со стороны государства, но и официальным церковным руководством, идущим на компромисс с властями. Такие действия угрожали легитимности ВСЕХБ, поскольку в начале 1960-х годов в СССР возникло оппозиционное официальному союзу баптистское движение «инициативников». Борьба ВСЕХБ с международным евангелическим антикоммунистическим движением имела для евангельских христиан-баптистов внутри СССР неожиданный эффект: она способствовала стабилизации положения существующих объединений евангельских христиан-баптистов и даже появлению новых общин.

Ключевые слова: СССР, церковь и государство, холодная война, антикоммунизм, христианская церковь, международные отношения, баптизм, Ричард Вурмбранд, Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов.

N.A. Beliakova

Anti-Communism and Soviet Evangelicals in the 1960–1970s: Metamorphoses of Relations during the Cold War

Nadezhda Beliakova, Centre for the Study of the History of Religion and Church History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: beliacovana@gmail.com

Scopus Author ID: 57190866398; ORCID: 0000-0003-0470-4497; Researcher ID: AAM-8245-2020

Abstract. The article examines the international activity of the leaders of the official All-Union Council of Evangelical Christians-Baptists (VSKHB) at the turn of the 1960s–1970s, which was carried out under the conditions of control and regulation by state authorities. The leadership of the denomination was forced to prove the “usefulness” of its existence; contacts of Baptist Christians from different countries could bring such benefits. The main form of presentation of the international work of VSKHB was the compilation of reports both on foreign business trips and on communication with foreigners inside the USSR. These reports were sent to the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, where they were used to compile summary analytical notes for higher authorities on the success of the international activities of the leadership of the confessions of the USSR. The author concludes that the struggle against the international anti-communist movement led to the development of international contacts by the leadership of the official Union of Evangelical Christians-Baptists. For Soviet Baptists, the key figure in global evangelical anti-communism at the turn of the 1960s and 1970s was Richard Wurmbrand, a preacher. He was organising actions in support of Christians in communist countries, persecuted not only by the state but also by the official church leadership compromising with the authorities. Such actions threatened the legitimacy of the VSKHB, since in the early 1960s a Baptist initiative movement opposed to the official union emerged in the USSR. The struggle of all of them with the international evangelical anti-communist movement had an unexpected effect for evangelical Baptist Christians inside the USSR: it contributed to the stabilization of the existing associations of evangelical Baptist Christians and even the emergence of new communities.

Keywords: USSR, Church and State, Cold War, anti-communism, Christian Church, international relations, Baptists, Richard Wurmbrand, All-Union Council of Evangelical Christians-Baptists.

В январе 1971 г. молодой сотрудник канцелярии Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) В.Г. Куликов, составляя отчет в советские инстанции о пребывании в СССР иностранца, приехавшего по приглашению его организации, вложил в уста своего собеседника следующее сообщение: «Мы трудимся в стране, где широко распространен секуляризм и где проповедовать трудно. На протяжении 25 лет число членов наших церквей не растет. Как известно, Вурмбранд поставил наших руководящих братьев в затруднительное положение. Дело в том, что мы мало знаем о вашей действительности. Нам хочется знать правду, чтобы ответить Вурмбранду, когда он говорит неправду. И в первую очередь нас интересует вопрос об “инициативниках” и о развитии взаимоотношений между вашим Союзом и “инициативниками”, хотя мы не разделяем их мышления»¹.

Согласно отчету, эти слова были произнесены генеральным секретарем Союза баптистов Дании и председателем Комиссии религиозной свободы Европейской баптистской федерации Кнудом Вуппельманом в первый день его визита в Советский Союз на встрече с руководителями ВСЕХБ в здании бывшей реформатской церкви в Малом Вузовском переулке в центре Москвы. Прочитированный фрагмент отчета показывает нам эпизод из истории коммуникаций достаточно закрытого религиозного меньшинства, каким были евангельские христиане-баптисты, с зарубежным единоверцем, занимавшим значимую позицию в структуре европейского баптизма.

В настоящей статье дается анализ отношений советских евангеликов (под этим названием мы понимаем разнообразные течения евангельских христиан, оказавшихся в составе ВСЕХБ)² с зарубежными единоверцами на рубеже 1960–1970-х годов. Автор ставит своей за-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 431. Л. 17.

² Белякова Н.А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика Советского государства в 1920–1950-е годы. Материалы XI Международной конференции, Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М., 2019. С. 418–429.

дачей на примере борьбы с антикоммунистической активностью американского проповедника Ричарда Вурмбранда показать сложную систему взаимоотношений официальных руководителей ВСЕХБ с государственными ведомствами СССР на рубеже 1960–1970-х годов³ и использование ими международной повестки холодной войны для расширения своей международной активности и упрочнения положения внутри страны.

ФИГУРА ВУРМБРАНДА В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Ричард Вурмбранд — это псевдоним Николаи Ионеску, родившегося в еврейской семье в Румынии, принявшего крещение от миссии, действовавшей в Румынии в середине 1940-х годов. Согласно его версии, с 1948 по 1964 г. он сидел в тюрьме в Румынии за религиозную активность и был освобожден правительством за 10 тыс. долларов США, предоставленных норвежскими христианами. Медийную известность Вурмбранду принесли слушания в конгрессе США, на которых он показывал свои раны, полученные во время заключения. В США он основал организацию «Христос для коммунистического мира», переименованную позднее в «Голос мучеников»⁴.

Вурмбранду после переезда в США удалось быстро наладить публикационную деятельность, ориентированную на западного читателя с целью сбора средств на свою организацию. Он создал в ФРГ в 1969 г. «Христианскую миссию в коммунистическом мире», выпускавшую бюллетень «Голос мучеников» с историями о преследованиях за веру, фотографиями и адресами узников коммунистических лагерей, обещаниями обеспечить Библиями страны, где существуют ограничения на распространение религиозной литературы. Его активность не фокусировалась специально на СССР, однако появившееся протестное движение баптистов-инициативников, оказавшихся за гранью легальности и попадавших под понятие «подпольная церковь», привлекло его внимание.

Вурмбранда интересовали разные формы протестного активизма в СССР. Так, с помощью бюллетеня «Голос мучеников» были организованы кампании в поддержку православного священника Глеба Якунина, баптистского пастора Георгия Винса — одного из руководителей незарегистрированной евангельской структуры Совет церквей ЕХБ, баптиста из Латвии Яниса Рожалнса и некоторых других «узников совести» СССР.

Вурмбранд занял видное место в ряду антикоммунистических деятелей 1960–1970-х годов. Его уникальность заключалась в создании внеконфессиональной транснациональной миссии помощи страдающим христианам и формулировании тезисов о трагическом для христиан соглашательстве церковного руководства с «безбожной коммунистической властью», которые устойчиво воспроизводились в разных изданиях. Весной 1968 г. британский журнал «Вера и мысль», посвященный изучению отношений между христианским откровением и современными исследованиями, так описывал феномен популярности Вурмбранда: «Христиане в Соединенном Королевстве и США были глубоко впечатлены показаниями преподобного Ричарда Вурмбранда, который был заключен в тюрьму коммунистическим режимом в Румынии на протяжении пятнадцати лет. Публикация последней книги пастора Вурмбранда “В Божьем подполье” дала читателям более глубокое понимание методов политической тирании в Восточной Европе. Всякий, кто прочтет последнюю книгу пастора Вурмбранда или его раннюю брошюру “Мучения за Христа”, снова задается вопросом: как коммунизм теоретически может возвысить человека, с одной стороны, но угнетать личность в интересах государства — с другой? Предательство (соглашательство) видных христиан, в результате чего они используются Партией для достижения своих целей под религиозным прикрытием, представляется поводом для постоянного беспокойства. Мы должны помнить обо всех христианах в странах, где господствует коммунизм, и содействовать дальнейшей работе таких обществ, как

³ О международной активности руководства ВСЕХБ в более ранний период см.: *Dobson M. Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62 // Journal of Contemporary History. 2018. № 53 (2). P. 361–390.*

⁴ Официальную хронику организации можно прочитать и на русском языке: URL: https://vom-gu.org/?page_id=35 (дата обращения: 01.02.2021).

Европейская христианская миссия, Восточноевропейская миссия и им подобные»⁵. Это важное свидетельство того, как воспринимался нарратив Вурмбранда западным интеллектуалом, христианином конца 1960-х годов. Концепция Вурмбранда была построена на бинарной оппозиции: существующие в коммунистическом мире легальные церковные институты являются орудиями (или марионетками) в руках атеистических властей, в то время как «подпольная церковь» является истинной. Ее члены как истинные христиане жестко преследуются сатанинской властью; именно поэтому Вурмбранд считал своей миссией стать голосом гонимых «безгласных». До освобождения Вурмбранда в 1964 г. «история преследований христиан Восточной Европы была практически неизвестна за пределами железного занавеса»⁶. Заслуживающей дальнейшего обсуждения представляется апологетика Вурмбранда в миссионерских евангелических изданиях. При этом его фигура не представлена ни в трудах по истории американских церквей периода холодной войны⁷, ни в исследованиях о глобальном евангелизме⁸. В работе М. Хурста, посвященной истории правозащитных организаций Великобритании, информация о Вурмбранде ограничивается утверждением, что его риторика отличалась существенным радикализмом⁹. Как писала газета «Гардиан», Вурмбранд «противостоял христианским лидерам по всему миру, открыто осуждая дипломатические тонкости, которые, как они утверждали, должны были регулировать любой диалог с коммунистическими властями или представителями церкви из Восточной Европы»¹⁰.

НОВЫЙ ЭТАП МЕЖДУНАРОДНОЙ АКТИВНОСТИ ВСЕХБ

Соприкосновение руководства ВСЕХБ с международной деятельностью Ричарда Вурмбранда происходит на фоне радикальных трансформаций религиозного ландшафта и появления протестного движения в среде евангельских христиан-баптистов в ходе хрущевской антирелигиозной кампании внутри СССР¹¹. Свидетельства того, что раскол внутри евангелиско-баптистского общества СССР приобрел международное значение и вошел в медийную повестку, появляются в советских государственных документах к 1965 г.¹² Комитет государственной безопасности в июне 1965 г. сообщал в Политбюро ЦК КПСС о необходимости использовать международные связи официального руководства для компрометации руководства

⁵ Editorial // Faith and Thought. Journal of the Victoria Institute. 1968. V. 97. № 1. P. 2.

⁶ *Waltar A.* The Life and Legacy of Pastor Richard Wurmbrand // History of Christianity II: TH 314. Paper 1. Whitworth University. 2016. URL: <https://digitalcommons.whitworth.edu/th314h/1> (дата обращения: 15.01.2021).

⁷ North American Churches and the Cold War / ed. P. Mojzes. Michigan, 2018.

⁸ *Turek L.F.* To Bring the Good News to All Nations: Evangelical Influence on Human Rights and U.S. Foreign Relations. Ithaca, 2020.

⁹ *Hurst M.* British Human Rights Organizations and Soviet Dissent, 1965–1985. Bloomsbury, 2016. P. 124.

¹⁰ *Bates S.* Pastor Richard Wurmbrand. Cleric driven by missionary zeal despite years of persecution in communist Romania // The Guardian. 16 March, 2001. URL: <https://www.theguardian.com/news/2001/mar/16/guardianobituaries.stephenbates> (дата обращения: 10.01.2021).

¹¹ Важными англоязычными монографиями, привлечшими внимание к оппозиционному движению баптистов, стали серии изданий Майкла Бордо. *Френч Э.* Майкл Бордо и Центр по изучению религии и коммунизма в контексте защиты религиозной свободы (1959–1975) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 216–243. Для понимания контекста см. также воспоминания Майкла Бордо: *Bourdeaux M.* One Word of Truth: The Cold War Memoir of Michael Bourdeaux and Keston College. Darton; Longman; Todd, 2019.

¹² О «брежневском повороте» см. *Савин А.И.* «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 4. С. 59–75; *Dönnunghaus V., Savin A.* Unter dem wachsamem Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. Harrassowitz Verlag. V. 22. Wiesbaden, 2019.

«инициативников» в глазах зарубежных баптистских общин, чтобы исключить возможность официального международного признания нелегального альтернативного центра ЕХБ¹³.

Сигналы в высшие инстанции сопровождались предложениями о расширении активности руководителей ВСЕХБ в борьбе с популярностью «подпольной церкви». В качестве главного аргумента приводились публикации в прессе США. В частности, в архиве СДР отложился перевод статьи в «Нью-Йорк Таймс» от 20 июля 1967 г. об «инициативниках» и их судебном процессе, который освещался газетой «Советская Киргизия»¹⁴. В феврале 1968 г. заведующий Отделом США МИД СССР Г.М. Корниенко направил в СДР материалы, распространяемые Американским советом христианских церквей. Эти материалы за подписью М.Г. Рейнгольда были адресованы А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному и направлены на адрес Президиума Верховного совета СССР. Основной массив текстов был составлен Павлом Воронаевым, сыном репрессированного в СССР лидера пятидесятников Ивана Воронаева. Здесь же прилагалась статья из британской газеты «Обсервер» от 19 ноября 1967 г., в которой рассказывалось о письме родственников евангельских христиан-баптистов, находящихся в заключении, направленном в адрес Генерального секретаря ООН У. Тана¹⁵. В этих текстах сообщалось об отсутствии свободы религии в СССР, крайне жестоком отношении к верующим и наличии в СССР мощной церкви, преследуемой властью и активно действующей в «подполье».

В марте 1968 г. неназванный представитель посольства СССР в Англии сообщал о беседе с епископом Саутборка (юго-восточного района Лондона) доктором Мервином Стоквудом. Епископ позиционировал себя в качестве левого деятеля, сторонника социалистов. Он написал книгу о своем визите в СССР в 1953 г. Рассказывая о своем участии во внешнеполитических мероприятиях, Стоквуд сообщил, что в августе 1968 г. в Лондоне будет встреча религиозных лидеров разных стран и что есть намерения «поставить на этом собрании вопрос о религиозных преследованиях в Советском Союзе. В этих целях, как он слышал, планируется использовать, в частности, материалы, содержащиеся в двух книгах: «Христиане в современной России», автором которой был Никита Струве и которая была впервые опубликована на французском языке в 1963 г., а затем на английском языке в 1967 г., и «Религиозное брожение в России», опубликованной Майклом Бордо на английском языке в 1968 г.¹⁶ В этом контексте появление на международной сцене Вурмбранда, его поездки по западным странам и массовое издание популярных брошюр о страданиях христиан в коммунистическом подполье убеждали советскую сторону в необходимости действовать. Регулярно пересылаемые в ЦК и СДР материалы МИД о важности борьбы с концептом подпольной церкви дали импульс активизации международной деятельности ВСЕХБ¹⁷. При этом Вурмбранд рассматривался представителями СССР как важная фигура антикоммунистического движения.

Материалы фонда СДР показывают, как в борьбе с Вурмбрандом объединялись усилия ВСЕХБ и СДР. Так, в августе 1970 г. глава Совета по делам религий В.А. Куроедов пытался добыть у румынских коллег материалы, которые могли бы свидетельствовать о якобы имевшем место сотрудничестве Вурмбранда с нацистским режимом¹⁸.

В свою очередь для ВСЕХБ разворачивание международной активности было делом жизненно важным. Руководство Всесоюзного совета ЕХБ понимало уязвимость собственных

¹³ Савин А.И. Указ. соч. С. 67. Со ссылкой на: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 120.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 150. Л. 129.

¹⁵ Там же. Д. 190. Л. 128. О письмах в международные инстанции из среды ЕХБ см.: *Beliakova N., Dobson M. Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*. 2016. V. 58. № 2. P. 117–140.

¹⁶ Там же. Д. 151. Л. 28–29.

¹⁷ В МИД СССР и СДР циркулировал перевод с английского брошюры «Дискуссия о преследовании христиан за железным занавесом», которая состоялась в Норвежском парламенте 1 февраля 1972 г. В брошюре подчеркивалось, что это первый случай всестороннего обсуждения этого вопроса в каком-либо национальном собрании. Перевод см.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 598. Л. 32–65.

¹⁸ Там же. Д. 453. Л. 174.

позиций: ведь их критиковали изнутри сами верующие за выполнение требований властей по ограничению религиозной активности, а руководители возникшей альтернативной структуры заявили о нелегитимности руководителей ВСЕХБ. Масштабность и серьезность претензий, которые были выдвинуты к руководству со стороны международного баптистского и экуменического сообщества, становятся понятны из отчета, составленного во ВСЕХБ в связи с приездом в СССР в марте 1968 г. главы отдела Всемирного совета церквей «Вера и церковное устройство» Лукаса Фишера. Последний сообщал, что на предстоящей ассамблее в Упсале возможно публичное обсуждение положения баптистов в СССР и легитимности ВСЕХБ: «был прямо поставлен вопрос о том, кто является законным руководителем баптистов – ВСЕХБ или СЦ ЕХБ. Ему было отвечено, что ВСЕХБ, избранный на демократическом съезде 1966 г.»¹⁹.

Концепция расширения международной активности религиозных организаций СССР для борьбы с антисоветскими / антикоммунистическими инициативами открывала новые перспективы для руководства ВСЕХБ. Развитие международных связей, помимо доказательств свободы вести в СССР и популяризации идей социализма, должно было содействовать обоснованию легитимности легальной организационной структуры евангеликов в СССР и конкретных ключевых фигур в его руководстве: председателя ВСЕХБ Я.И. Жидкова, секретаря ВСЕХБ и главного редактора «Братского вестника» А.В. Карева, пресвитера Московской церкви ЕХБ М.Я. Жидкова; а также фигур второго плана – заместителя Генерального секретаря А.И. Мицкевича, секретаря Международного отдела ВСЕХБ К.В. Пилипюк и С.Т. Тимченко.

Многочисленные сохранившиеся документальные свидетельства о взаимоотношениях СДР с руководством ВСЕХБ подтверждают, что международные отношения стали той сферой, в которой религиозные деятели получали определенные рычаги влияния. Например, ключевыми инструментами для формирования представлений советских чиновников об эффективности международной работы представителей советских церквей становятся отчеты самих же церковных деятелей. Дело в том, что после каждой встречи с иностранцами – приема делегации или зарубежной поездки – ее участники составляли подробные отчеты о настроениях и взглядах иностранных религиозных деятелей, с которыми общались представители ВСЕХБ, об обсуждаемых темах и способах отстаивания интересов советского государства в условиях идеологической борьбы.

Искусство «сигнала наверх», который должен был быть услышан и правильно понят, совершенствовалось представителями советских евангеликов по мере развития ими международной активности²⁰. Эти «сигналы» упаковывались внутри текстов многостраничных отчетов, ежегодно откладывавшихся сотнями листов в архиве Совета по делам религий. Судя по этим документам, внутри руководства ВСЕХБ были развиты солидарность и единомыслие: они могли составлять совместные отчеты, подписывая их от имени всех членов делегации. Представляется, что именно руководители ВСЕХБ были главными интерпретаторами международной баптистской повестки для советских чиновников, поскольку способов проверки сообщаемых сведений у чиновников не было. Анализ отчетов ВСЕХБ на рубеже 1960–1970-х годов показал, как «казус Вурмбранда» в связке с инициативным движением использовался в качестве аргумента для увеличения международной активности ВСЕХБ.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 259. Л. 17–18.

²⁰ Об истории развития международной деятельности руководством церквей в СССР см. подробно: *Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю.* Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149; *Beglov A., Belyakova N.* International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / ed. Ju. Filo.* Bratislava, 2012. P. 171–192.

Необходимость налаживания систематических коммуникаций с зарубежными «единоверцами» в странах Западной Европы и Америки связывалась с борьбой против влияния «инициативников», поставивших под сомнение авторитет советских легальных баптистов.

Понимание важности и необходимости медийной составляющей постоянно присутствовало в текстах представителей ВСЕХБ. В декабре 1966 г. член ВСЕХБ М. Орлов, вступив в контакт с редактором журнала «Лайф» Питером Янгом, подготовил развернутые ответы на вопросы с подробной справкой об истории евангельского движения в России, начав с переселения немцев-меннонитов в Россию при Екатерине II²¹. Во время поездки в августе 1969 г. на заседание Центрального комитета Всемирного совета церквей, которое проходило в Кентербери, делегация первым делом встретила с В. Боттомсом, редактором газеты «Баптист Таймс». В отчете члены делегации сообщали: «Во время еды Боттомс рассказал, что в апреле этого года ему удалось добиться на заседании Совета снятия с повестки дня ежегодной ассамблеи Союза баптистов Великобритании вопроса о положении баптистов СССР. В этом его поддержал ген. секретарь Союза баптистов – Давид Рассел и также д-р Э. Пейн, причем за включение этого вопроса при голосовании была лишь 1/3 членов совета Союза баптистов. В. Боттомс передал нам верстку статьи М. Бордо о жалобе православных города Горького и о заключениях баптистов, сказав, что эта статья была реакцией на краткое заявление архиепископа Кентерберийского М. Рамзея. Позже Э. Пейн²² передал нам экземпляр этого заявления в объеме 10 строк и заверил нас, что этот вопрос не будет обсуждаться, в чем он убедил д-ра Ю. Блейка, и свое слово д-р Э. Пейн сдержал. Ему был подарен дорогой сувенир-шкатулка с видом церковью Загорска»²³.

Борьба с влиянием «антисоветской агитации» «инициативников» на международной арене смыкалась с необходимостью нейтрализации антикоммунистических инициатив в евангелической среде и, как показывает переписка между ВСЕХБ и СДР, на рубеже 1960–1970-х годов в этом контексте фигура Вурмбранда оказалась ключевой.

ВУРМБРАНД В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ ВСЕХБ

В основе тактики руководства ВСЕХБ было придание значения своей международной активности с целью нейтрализации антикоммунистических инициатив и дискурса подпольной церкви. В 1970 г. ВСЕХБ развил беспрецедентную активность: с 21 января по 10 февраля делегация в составе вице-председателя ВСЕХБ С.Т. Тимченко, заместителя заведующего международным отделом ВСЕХБ И.М. Орлова и секретаря отдела К.В. Пилипюк отправилась в США. На переговорах с американскими церковными деятелями темы подпольной церкви и подпольной евангелизации были затронуты лишь вскользь²⁴. В апреле–мае 1970 г. делегация ВСЕХБ побывала в ФРГ, Англии и Голландии. В состав группы входили только представители ВСЕХБ – А.И. Мицкевич, М.П. Чернопяттов, К.В. Пилипюк; представители советских ведомств отсутствовали. Делегация ВСЕХБ напрямую общалась с руководителями баптистских объединений названных стран на немецком и английском языках (как следует из отчета, английским владела Пилипюк). В отчете об этой поездке на первой же странице появляется и неоднократно повторяется имя Вурмбранда. Упоминание Вурмбранда и его «вредной» деятельности исходило от представителей баптистов как ФРГ, так и Англии.

²¹ Ответы на вопросы корреспондента журнала «Лайф» Питера Янга, 11 листов, машинопись (личный архив Л.И. Моториной). Архив Л.И. Моториной, дочери одного из руководящих сотрудников ВСЕХБ, был передан автору статьи. О значении меннонитов для ВСЕХБ см.: *Дик Й.* Меннониты Северной Америки и СССР в середине 1950-х годов: маленькие люди и большая политика // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 123–146.

²² Э. Пейн был с визитом в 1964 г. и опубликовал свои впечатления в журнале «Баптист тайм» за 2 января 1964 г.

²³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 259. Л. 176.

²⁴ Там же. Д. 338. Л. 4–13.

Отчет сообщал: «В беседе Г. Клаас²⁵ сообщил нам, что Вурмбранд проводит по всей ФРГ собрания, говорит о якобы страшных преследованиях в Румынии и СССР. Затем он говорит о нуждах верующих в Румынии, а также, что он якобы засылает Библии в Китай с острова Формозы на воздушных шарах, причем 40% попадает в море, 25% в озера, 15% уничтожают коммунисты и только 10% попадает верующим. Таким образом, Библии стоят не 10 марок, а 100 марок. В один вечер Вурмбранд собрал 70 000 марок. Был он и в Гамбурге и собрал много людей. На собраниях в Гамбурге были и студенты гамбургской семинарии. Они рассказали, что Вурмбранд осуждал в своих выступлениях баптистский союз ФРГ, в том числе генерального секретаря Клааса, казначея Рейхарда, что они подкуплены коммунистами, поскольку они не помогают узникам в Румынии и СССР. Вурмбранд передал Клаасу, что хочет встретиться. Д-р Клаас взял с собой одного свидетеля на всякий случай. Клаас спросил Вурмбранда, почему он поносил его. Вурмбранд стал отказываться, что не он поносил его, а другой. Но Клаас указал, что Вурмбранд напрасно отказывается, поскольку его речь записана на магнитофоне. Клаас заявил Вурмбранду, что Союз баптистов не может работать с Вурмбрандом, поскольку он ведет не религиозную, а политическую деятельность. Клаас сказал, что Вурмбранд в своих выступлениях заверяет всех, что он один может снабдить Китай, Румынию и СССР Библиями. Ему верят многие и дают большие средства. Вурмбранд, не получив одобрения от Клааса, ушел, не попрощавшись»²⁶.

Отчитываясь о поездке в ФРГ, представители ВСЕХБ упоминали о своих выступлениях в местных баптистских сообществах. Например, в Ольденбурге представители ВСЕХБ рассказывали о влиятельности «инициативников», а также о «вредной деятельности, проводимой Вурмбрандом, Бордо и т.п. Они ведут не религиозную деятельность, а политическую, возбуждают антисоветские элементы. Они собирают якобы средства для верующих в СССР, и никто их не получает, и никто и не желает получать от Вурмбранда»²⁷. В отчете сообщались подробности, свидетельствующие об отсутствии единства внутри сообщества свободных церквей в ФРГ. Например, составители отчета обратили внимание на реплику д-ра Бранда из Берлина, который сообщил, что «Вурмбранд предложил 60 тыс. марок издательству “Свет на Востоке”, но представители общества отказались принять и заявили, что они против уничтожения братьев Вурмбрандом, и что они знают русских братьев и доверяют им»²⁸.

Встретившись в Англии с вице-президентом Всемирного совета церквей д-ром Э. Пейном (эта встреча произошла после приема в Лондоне в парламенте и обеда с председателем Союза баптистов Великобритании сэром Сирилом Блэком), члены делегации сочли необходимым в отчете написать, что «д-р Пейн показал нам полученное им от Бордо²⁹ письмо Совета родственников узников со списком находящихся “инициативников” в заключении. Д-р Пейн сказал нам, что Вурмбранд очень вредит. Он много пишет. Люди, не разбираясь, зачитываются его книгами. Но англичане относятся к нему с недоверием. Он в Англии не сможет собрать много средств. Вурмбранд намерен поехать в Японию на Всемирный конгресс. Д-р Пейн также сказал, что “плохо и то, что Бордо, получив письмо от “инициативников”, печатает и рассылает письма Совета узников многим лицам»³⁰.

Обсуждали в 1970 г. деятельность Вурмбранда и в Финляндии. Согласно отчету, секретарь финского Союза баптистов, посетивший СССР, передал представителям ВСЕХБ журнал «Свет Востоку» № 2 за 1970 г. с фотографиями богослужений в катакомбах. «Коломайнен рассказал, что Вурмбранд в своих выступлениях и статьях очень часто искажает действительность о жизни верующих в Советском Союзе и сторонников Совета церквей рисует героями веры, страдальцами за Христа. Что же касается доверия верующих Финляндии к статьям Вурмбранда, то многие ему не доверяют, так как, посетив Советский Союз, они не видели того, что

²⁵ Клаас был назван в отчете казначеем баптистского союза ФРГ.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 338. Л. 120–121.

²⁷ Там же. Л. 122–127.

²⁸ Там же. Л. 120–128.

²⁹ На полях приписка от руки: «Чем он занимается в н. вр. в США?»

³⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 338. Л. 132.

он говорит и пишет. ... Коломайнен рассказал, что он и Эдстрем после поездки в Советский Союз посетили многие церкви Финляндии и рассказали правдиво о жизни верующих в нашей стране, и показал фотоснимки, сделанные им во время посещения СССР»³¹.

Фигура Вурмбранда и его концепт подпольной церкви становятся центральными темами бесед с иностранными деятелями евангельско-баптистского движения во время их визитов в СССР. Расскажем, например, о визите Кнуда Вумпельмана. На момент своего первого приезда в СССР в 1971 г. он был генеральным секретарем Союза баптистов Дании и председателем комиссии религиозной свободы Европейской баптистской федерации. Помимо официального отчета о поездке Вумпельмана в СССР, в журнале «Братский вестник» были обнаружены протоколы записи беседы Вумпельмана с официальными руководителями ВСЕХБ и отчет о сопровождении его в поездке по стране. Эти документы были составлены официальными представителями советских баптистов (конкретно, сотрудником ВСЕХБ Куликовым) и переданы в СДР. Вумпельман, сопровождаемый руководителями ВСЕХБ второго ранга А.И. Мицкевичем и М.Я. Жидковым, побывал в Москве и Ленинграде, посетил Украину (Киев), Белоруссию (Минск), Эстонию (Таллин). Помимо общин ЕХБ, гость осматривал местные достопримечательности. Подробно составленные отчеты содержат перечисление достопримечательностей, посещенных делегацией в каждом городе, и представляют интерес с точки зрения развития «культурного» туризма в СССР³². Однако эти документы не имеют прямого отношения к концепту подпольной церкви. Для нашего исследования важно посещение легальных общин баптистов и то, что поездка Вумпельмана началась и завершилась беседами во ВСЕХБ, канцелярия которого находилась в помещении Центральной московской церкви ЕХБ в Малом Вузовском переулке.

Вумпельман проехал по ряду городов и поселков четырех республик Советского Союза. В отчете подчеркивалось, что помещения не вмещали всех желающих молиться, среди верующих было много молодежи и детей. Вумпельману обязательно рассказывали, что эти общины входят в состав ВСЕХБ и зарегистрированы государственными органами власти.

Согласно отчету, гость во время бесед с баптистами и пятидесятниками разного уровня повторял как заклинивание: «Я хочу, чтоб вы поняли меня правильно. Нам хочется знать вашу действительность с тем, чтоб мы могли возразить Вурмбранду, когда он говорит неправду о вас». Будучи в Киеве, гость утверждал: «Я интересуюсь вашей жизнью в общинах и отделившимися, потому что на Запад передано очень много неправдивой информации. В прошлом году Вурмбранд в беседе утверждал, что в Советском Союзе существует только одна открытая община баптистов в Москве для показа как пропаганда для иностранных туристов, а что настоящая церковь баптистов в России подпольная». В заключительной беседе Вумпельман сказал: «Время сблизило нас. Я понял намного лучше обстановку у вас. Лично для меня это посещение явилось вдохновением. Я молюсь, чтобы на Западе было правильное освещение вашей действительности»³³.

Автор отчета подчеркивает, что, во-первых, «Вумпельман восхищен духом и активностью верующих в СССР. Переполненные храмы/молитвенные дома, множество молящихся — поразительная черта советской религиозности. Он делает многочисленные снимки, чтоб показать западным верующим (в среде которых усиливаются секулярные тенденции) религиозную активность, бурную духовную жизнь в Советском Союзе»³⁴.

³¹ Там же. Л. 208.

³² Нагорная О.С. «Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278; Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны (1945–1989) / науч. ред. О.С. Нагорной. М., 2018; Белякова Н.А. «...она была в Париже, и я вчера узнал, не только в нем одном». Советская культурная дипломатия, пропаганда и одомашнивание дискурсов в условиях холодной войны // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 4. С. 164–173.

³³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 431. Л. 19.

³⁴ Там же. Л. 20.

Съемки иностранными туристами в СССР были постоянным предметом «головной боли» и разбирательств внутри советских инстанций. Фотографии «сектантских» собраний и прилегающих территорий вокруг молитвенных домов могли иметь неожиданные эффекты и проблемы для советских ведомств. Поэтому авторы отчетов стремились легализовать съемки своих гостей.

Во-вторых, согласно отчету, «Вумпельман подчеркивает активность молодежи и детей в баптистских церквях Советского Союза как важное достоинство и жизнестойкость советских баптистов, их умелую работу с молодежью и отсутствие секуляризационных тенденций у нового поколения верующих»³⁵.

Однако в советском контексте эта история воспринималась иначе. Дело в том, что религиозное обучение детей и молодежи было уголовно наказуемым деянием, в стране периодически проходили процессы над создателями нелегальных детских воскресных школ или молодежных лагерей. Между тем представители общин нелегальной баптистской структуры Совета церквей ЕХБ ставили религиозное образование молодежи своим базовым принципом и тем самым сближали позиции с международной евангелической миссией подпольной евангелизации.

В-третьих, отчет о визите Вумпельмана доносит до читателей мысль о важности посещения иностранными гостями региональных общин. Однако отчет также сигнализирует о неблагоприятии в регионах и преследованиях местными властями лояльных, зарегистрированных общин баптистов. Например, после сообщения о посещении Вумпельманом общины ЕХБ в Киеве составителем отчета сделано примечание: «Пастор Вумпельман был восхищен помещением общины в Дарницком районе г. Киева, а также участием хорового пения с оркестром. Молитвенное помещение является действительно лучшим молитвенным домом в Киеве. Его не стыдно показать иностранцам. Но привозить туда иностранцев в настоящее время при том беспокойстве, которое переживает эта община, не совсем возможно. Руководство общины передало нам, что во время богослужения, когда мы присутствовали на данном собрании, были переодетые сотрудники милиции. Один из посетителей до окончания собрания, выходя из молитвенного дома, был задержан ими с различными вопросами: почему и для чего он посещает собрания»³⁶. В отчете сообщалось и о наблюдении за общиной со стороны местной комиссии содействия по выполнению законодательства о культурах, о составлении актов о присутствии детей на богослужениях и в целом о том постоянном давлении, которое испытывает зарегистрированная община, входящая в состав ВСЕХБ, от городской администрации. Этот «сигнал» был прочитан в СДР и отмечен в тексте отчета карандашом.

В-четвертых, согласно отчету, Вумпельман все время говорил, какая дезинформация существует на Западе в отношении советских баптистов. Имя Вурмбранда упоминается в тексте более 10 раз. Вумпельман настаивал на том, что необходимо приглашать больше визитеров по линии официального баптистского союза, чтобы показать активную жизнь легальных общин³⁷.

Борьба против Вурмбранда не была проблемой только советских баптистов, а, судя по всему, стояла в повестке мировых баптистских структур. Критика Вурмбранда (помимо политического) имела еще и междоминационное измерение. В частности, Вумпельман критиковал пятидесятников в Дании за то, что они опубликовали книгу Вурмбранда. Нужно также принимать во внимание напряженный конкурентный характер отношений между баптистами и пятидесятниками. Кроме того, пятидесятники в Советском Союзе были

³⁵ Там же. Л. 21.

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Завершая тему о визите Кнуда Вумпельмана, отметим, что его визит в 1970 г. в СССР был успешным. Вумпельман стал регулярным гостем СССР (до распада Союза он побывал за железным занавесом около 20 раз). Удачно складывалась карьера Вумпельмана и в баптистском движении. С 1978 по 1980 г. он был избран президентом Европейской баптистской федерации, был генеральным секретарем этой федерации с 1980 по 1989 г. и Президентом Всемирного союза баптистов с 1990 по 1995 г.

лишены возможности зарегистрироваться в отдельную религиозную структуру и существовать вне структуры ВСЕХБ³⁸. Артикуляция пятидесятнической проблематики лишь раз подчеркивала важность официального руководства ВСЕХБ общинами евангеликов в СССР. Важно и то обстоятельство, что в рамках ВСЕХБ определенная часть советских пятидесятников участвовала в международных коммуникациях. Например, в Москву в конце февраля 1970 г. приехал секретарь иностранной миссии Генерального совета Ассамблеи Божьих Ч.Е. Гринэвей, который нанес визит в канцелярию ВСЕХБ с целью передать приглашение на Всемирную конференцию пятидесятников и, согласно отчету, сообщил собеседникам, что «их Генеральный совет строго борется против так называемой “подпольной евангелизации”». Поэтому было бы весьма ценно, чтобы делегаты из СССР своим присутствием и своими выступлениями опровергли существование в СССР так называемой “подпольной церкви”»³⁹.

ВЫВОДЫ

Новый виток международной активности официального ВСЕХБ вписывается в политику разрядки международной напряженности, с которой, на первый взгляд, диссонировала антикоммунистическая активность отдельных евангелических лидеров и структур. Игнорируемая в историографии холодной войны фигура внеконфессионального религиозного лидера Ричарда Вурмбранда иллюстрирует выход религиозных деятелей 1970-х годов в меняющееся медийное пространство и показывает напряженность внутри евангелического сообщества.

Развитие международной активности советских баптистов совпадает с изменением конфигураций внутри баптистского мира. В 1970 г. президентом Всемирного союза баптистов стал Уильям Толберт, родной брат и советник президента Республики Либерия. Такое смещение центра тяжести в сторону «развивающихся» стран внутри баптистского мирового сообщества оказало влияние на восприятие баптистов и советскими лидерами. Развитие связей с глобальной структурой баптистов теперь вписывалось в процессы расширения связей с народами Африки, поддержки миротворческих инициатив, формирования в баптистской среде ответственности за выполнение государственных законов⁴⁰.

Руководство ВСЕХБ стремилось дискредитировать в баптистских международных структурах концепт подпольной церкви. Между тем с этим концептом приезжали гости, интересовавшиеся религиозной жизнью в СССР. Для «контрпропагандистской» работы руководство официального союза баптистов получало от высшего советского партийного руководства «добро» на увеличение приглашений в СССР влиятельных западных религиозных деятелей для ознакомления с «действительным положением дел». Приглашая международных религиозных деятелей посетить зарегистрированные общины, руководство ВСЕХБ, во-первых, демонстрировало наличие мощной легальной церкви в Советском Союзе; во-вторых, получало подтверждение легитимности официального церковного руководства. Многочисленность зарегистрированных общин ЕХБ, наличие среди верующих большого числа молодежи и детей должны были служить главным аргументом против концепта «подпольной церкви». Члены последней представлялись как маргинальные, специфические, малочисленные группы, конфликтующие как с официальным церковным руководством, так и с обществом.

Поездки за рубеж руководства ВСЕХБ были важным средством создания единого фронта, объединявшего официальное руководство как советских, так и зарубежных баптистов для борьбы с внеконфессиональным религиозным деятелем, каким был Ричард Вурмбранд. Они консолидировались для противостояния новому типу миссий, конкурирующих с

³⁸ См.: *Клюева В.П.* «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 586–594; *Kliueva V.* Soviet Pentecostals: The Exclusivity of the Excluded // *Eight Essays on Russian Christianities* / ed. I. Mikeshin. Saint-Petersburg, 2020. P. 132–155.

³⁹ Там же. Д. 338. Л. 44.

⁴⁰ Новый президент Всемирного союза баптистов У. Толберт сразу после избрания в мае 1970 г. по приглашению ВСЕХБ посетил СССР. Там же. Л. 146–172.

официальными церковными структурами, для борьбы с распространением новых направлений пятидесятничества. Одновременно руководители официальных церковных структур западного мира неизбежно сравнивали процессы секуляризации. Как заявил в 1970 г. доктор Н. Миро, профессор медицины из Виннипега, представителю ВСЕХБ В. Кригеру: «Мы рады, что в Советской стране, которую многие из нас представляют только безбожной страной, имеются многие молодые, которые находят смысл в жизни, веря в Бога»⁴¹.

Отчеты о контактах с западными верующими, составляемые официальным церковным руководством, представляют собой особый вид коммуникации — между религиозными деятелями и представителями советского секулярного государства. Анализ таких отчетов требует особой методологии. Мы видим, что составители отчетов работали в определенной системе координат. Например, религиозные контакты крайне политизированы: можно сказать, что они находятся на острие идеологической (или информационной) войны. Составители отчета постоянно подчеркивают важность своей деятельности, доносят мысль о том, что религиозная дипломатия была своеобразной «передовой» холодной войны. Сознание и мировосприятие западных гостей, согласно текстам отчетов, предстает столь же дихотомичным, как и у советских граждан. Они тоже делят мир на «своих» и «чужих». Однако чуждых социалистическому обществу религиозных активистов Запада можно привлечь на сторону Советского Союза, повернув «издержки» (т.е. пережитки) внутренней жизни СССР в его пользу. Более того, религиозные деятели из «другого мира» при правильной работе и убедительном диалоге с ними могут включаться в идеологическую борьбу против дезинформации со стороны врагов СССР и способствовать формированию позитивного образа СССР, разоблачать концепт «подпольной церкви», рассказывая об активной легальной религиозной жизни и обилии лояльных верующих в СССР.

Для западных визитеров посещение СССР, знакомство с религиозной жизнью и получение новых подробностей о ней становились определенным информационным «капиталом» в западном религиозном мире, а также формой экстремального туризма. По информации, содержащейся в отчете о визите в СССР представителя Южной баптистской конвенции США Джона Моора в 1973 г., «кроме богатых впечатлений от посещений городов, церквей, гости были довольны тем, что их не возили, как выразился Моор, по протоптанной тропе, а показали кое-что новое». Гости стремились получить новое, эксклюзивное знание о религиозной жизни в СССР и с удовольствием включались в усложняющуюся конфигурацию информационного поля холодной войны, борясь, в частности, со своим конкурентом Ричардом Вурмбрандом.

Библиография

Белякова Н.А. «...она была в Париже, и я вчера узнал, не только в нем одном». Советская культурная дипломатия, пропаганда и одомашнивание дискурсов в условиях холодной войны // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 4. С. 164–173.

Белякова Н.А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов — продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика Советского государства в 1920–1950-е годы. Материалы XI Международной конференции, Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М., 2019. С. 418–429.

Белякова Н.А. Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1 (35). С. 322–333.

Белякова Н.А. Церкви в холодной войне // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 7–18.

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011.

⁴¹ Там же. Д. 259. Л. 127.

Дик Й. Меннониты Северной Америки и СССР в середине 1950-х годов: маленькие люди и большая политика // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 123–146.

Нагорная О.С. «... когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.

Пивоваров Н. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 185–215.

Пребывание делегации Всемирного союза баптистов в СССР // Братский вестник. 1954. № 3–4. https://www.mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/2157/ (дата обращения: 15.01.2021).

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2016. № 4. С. 59–75.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / науч. ред. О.С. Нагорная. М., 2018.

Френч Э. Майкл Бурдо и Центр по изучению религии и коммунизма в контексте защиты религиозной свободы (1959–1975) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 216–243.

Balogh M. Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlins Osteuropa Zentrum. Berlin; Verlag, 2014.

Bates S. Pastor Richard Wurmbbrand. Cleric driven by missionary zeal despite years of persecution in communist Romania // The Guardian. 16 Marz, 2001. URL: <https://www.theguardian.com/news/2001/mar/16/guardianobituaries.stephenbates> (дата обращения: 10.01.2021).

Beglov A., Belyakova N. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / ed. Ju. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.

Belyakova N., Dobson M. Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. V. 58. № 2. P. 117–140.

Bourdeaux M. One Word of Truth: The Cold War Memoir of Michael Bourdeaux and Keston College. Darton; Longman; Todd, 2019.

Dobson M. Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62 // Journal of Contemporary History. 2018. № 53 (2). P. 361–390.

Dönnunghaus V., Savin A. Unter dem wachsamem Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. V. 22. Wiesbaden, 2019.

Editorial // Faith and Thought. Journal of the Victoria Institute. 1968. V. 97. № 1. P. 1–2.

Hurst M. British Human Rights Organizations and Soviet Dissent, 1965–1985. Bloomsbury, 2016.

Kirby D. From Bridge to Divide: East–West Relations and Christianity during the Second World War and Early Cold War // International History Review. 2014. V. 36. № 4. P. 721–744.

North American Churches and the Cold War / ed. P. Mojzes. Michigan, 2018.

Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. New York, 2012.

Religion and the Cold War / ed. D. Kirby. Basingstoke, 2003.

Roulin S., Dongen L., Scott-Smith G. Transnational Anticommunism and the Cold War: Agents, Activities, Networks. Palgrave, 2014.

Science, Religion and Communism in Cold War Europe / eds P. Betts, S.A. Smith. London, 2016.

Waltar A. The Life and Legacy of Pastor Richard Wurmbbrand // History of Christianity II: TH 314. Paper 1. Whitworth University. 2016. URL: <https://digitalcommons.whitworth.edu/th314h/1> (дата обращения: 15.01.2021).

References

Belyakova N.A. “... she was in Paris, and I found out yesterday, not only in it alone.” Sovetskaja kul’turnaja diplomatija, propaganda i odomashnivanje diskursov v uslovijah Holodnoj vojny [Soviet cultural diplomacy, propaganda and the domestication of discourses in the Cold war] // Vestnik Permskogo universiteta. Serija Istorija [Bulletin of the Perm University. The History series]. 2019. № 4. S. 164–173. (In Russ.)

Belyakova N.A. Cerkvi v holodnoj vojne [Churches in the Cold War] // Gosudarstvo, religija, cerkov’ v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in the Russian Federation]. 2017. № 1. S. 7–18. (In Russ.)

Belyakova N.A. Kardinal Mindsenti – “neudobnaja” figura v kombinacijah holodnoj vojny [Cardinal Mindsenti as an “inconvenient” figure in Cold War combinations] // Gosudarstvo, religija, cerkov’ v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2017. № 1 (35). S. 322–333.

Belyakova N.A. Vsesojuznyj sovet evangel’skih hristian-baptistov – produkt i zalozhnik stalinskoj religioznoj politiki [All-Union Council of Evangelical Christians-Baptists – the product and the hostage of

Stalin's religious policy] // Konfessional'naja politika Sovetskogo gosudarstva v 1920–1950-e gody: materialy XI mezhdunarodnoj konferencii, Velikii Novgorod, 11–13 oktjabria 2018 g. [Confessional policy of the Soviet state in the 1920–50s: Materials of the 11th International Conference, Veliky Novgorod, October 11–13, 2018]. Moskva, 2019. S. 418–429. (In Russ.)

Beliakova N.A., Pivovarov N.Yu. Religioznaja diplomatija na sluzhbe sovetkogo gosudarstva v gody holodnoj vojny (v period N.S. Hrushheva i L.I. Brezhneva) [Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev)] // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, parvo [Contours of global transformations: politics, economics, law]. 2018. T. 11. № 4. P. 130–149. (In Russ.)

Bolotov S.V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i mezhdunarodnaja politika SSSR v 1930–1950-e gody [The Russian Orthodox Church and the International Policy of the USSR in the 1930s–1950s]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Dik I. Mennonity Severnoi Ameriki i SSSR v seredine 1950-kh godov: malen'kie liudi i bol'shaia politika [Mennonites of North America and the USSR in the Mid-1950s: Little People and Big Politics] // Gosudarstvo, religija, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017. № 1. S. 123–146. (In Russ.)

French A. Michel Bourdeaux i Centr po izucheniju religii i kommunizma v kontekste zashhity religioznoj svobody (1959–1975) [Michael Bourdeaux and the Center for the Study of Religion and Communism in the Context of the Defense of Religious Freedom (1959–1975)] // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. 2017. № 1. P. 216–243. (In Russ.)

Savin A.I. “Mnogie dazhe ne dopuskaiut mysli, chto sektant mozhet byt' chestnym chelovekom”. “Brezhnevskii” povorot v antireligioznoi politike i rossiiskii protestantizm (1964–1966 gg.) [“Many people do not even admit the idea that a sectarian can be an honest person”. “Brezhnev's” turn in anti-religious politics and Russian Protestantism (1964–1966)] // Vestnik TvGU. Serija: Istorija [Vestnik TvSU. Series: History]. 2016. № 4. S. 59–75. (In Russ.)

Sovetskaja kul'turnaja diplomatija v uslovijah Holodnoj vojny. 1945–1989 [Soviet cultural diplomacy in the conditions of the Cold War. 1945–1989] / nauch. red. O.S. Nagornaja. Moskva, 2018. (In Russ.)

Balogh M. Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlins Osteuropa Zentrum. Berlin; Verlag, 2014.

Bates S. Pastor Richard Wurmbrand. Cleric driven by missionary zeal despite years of persecution in communist Romania // The Guardian. 16 Marz, 2001. URL: <https://www.theguardian.com/news/2001/mar/16/guardianobituaries.stephenbates> (access date: 10.01.2021).

Beglov A., Beliakova N. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / ed. Ju. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.

Beliakova N., Dobson M. Protestant women in the late Soviet era: gender, authority, and dissent // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. V. 58. № 2. P. 117–140.

Bourdeaux M. One Word of Truth: The Cold War Memoir of Michael Bourdeaux and Keston College. Darton; Longman; Todd, 2019.

Dobson M. Protestants, Peace and the Apocalypse: The USSR's Religious Cold War, 1947–62 // Journal of Contemporary History. 2018. № 53 (2). P. 361–390.

Dönnunghaus V., Savin A. Unter dem wachsenden Auge des Staates: Religiöser Dissens der Russlanddeutschen in der Breschnew-Ära. Veröffentlichungen des Nordost-Instituts. V. 22. Wiesbaden, 2019.

Editorial // Faith and Thought. Journal of the Victoria Institute. 1968. V. 97. № 1. P. 1–2.

Hurst M. British Human Rights Organizations and Soviet Dissent, 1965–1985. Bloomsbury, 2016.

Kirby D. From Bridge to Divide: East–West Relations and Christianity during the Second World War and Early Cold War // International History Review. 2014. V. 36. № 4. P. 721–744.

North American Churches and the Cold War / ed. P. Mojzes. Michigan, 2018.

Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. New York, 2012. Religion and the Cold War / ed. D. Kirby. Basingstoke, 2003.

Roulin S., Dongen L., Scott-Smith G. Transnational Anticommunism and the Cold War: Agents, Activities, Networks. Palgrave, 2014.

Science, Religion and Communism in Cold War Europe / eds P. Betts, S.A. Smith. London, 2016.

Waltar A. The Life and Legacy of Pastor Richard Wurmbrand // History of Christianity II: TH 314. Paper 1. Whitworth University. 2016. URL: <https://digitalcommons.whitworth.edu/th314h/1> (access date: 15.01.2021).

DOI: 10.31857/S013038640020806-4

© 2022 г. В.А. АВАТКОВ, Т.В. КАШИРИНА, В.Д. ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ТУРЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

Scopus Author ID: 55968832200; ORCID: 0000-0002-6345-3782; Researcher ID: AAD-9769-2020

Каширина Татьяна Владиславовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия).

E-mail: kashirina73@mail.ru

Scopus Author ID: 57200576196; ORCID: 0000-0002-4361-7778

Останин-Головня Василий Дмитриевич — научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений современной политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции. Стратегическое положение Ближнего Востока, наряду с высоким уровнем конфликтности и другими факторами, превратило данный регион в «гордиев узел» мировой политики. Проблема обеспечения безопасности в нем является одним из ключевых пунктов как ближневосточной, так и глобальной повестки.

На современном этапе большинство внутренних процессов на Ближнем Востоке зависит от расстановки сил между региональными «тяжеловесами», такими как Иран, Израиль, Турция, некоторые арабские страны во главе с Саудовской Аравией. Однако комплексные исследования в данном проблемном поле практически не встречаются в историографии, чем обуславливается новизна.

В статье рассматривается современная региональная политика безопасности Эр-Рияда и Анкары, поскольку они, располагая значительными ресурсами, стремятся достичь своих целей как на международном уровне, так и на самом Ближнем Востоке, конкурируя за лидерство в нескольких пересекающихся областях. При этом в силу географической близости и других факторов сферы интересов саудовского и турецкого внешнеполитических курсов зачастую совпадают. Цель статьи заключается в выявлении и анализе данных сфер в контексте текущих региональных процессов.

Основные источники работы — открытые документы правительств Саудовской Аравии, Турции и ряда региональных организаций, а также выступления официальных лиц. Авторы, опираясь на идейно-ценностный подход, системный, институциональный и исторический методы, проводят параллели между политикой региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции на Ближнем Востоке, выявляя сферы пересечения интересов двух государств, которые не только лежат в основе их сотрудничества, но и создают почву для конкуренции между ними.

Авторы отмечают сходство и различие политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции на уровне концептуальных подходов, а также по конкретным направлениям: Сирии, Ираку, Катару и Ирану.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Турция, Ближний Восток, региональная безопасность, региональная политика, политика безопасности.

V.A. Avatkov, T.V. Kashirina, V.D. Ostanin-Golovnya

The Evolution of the Regional Security Policy of Saudi Arabia and Turkey: Similarities and Differences

Vladimir Avatkov, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

Scopus Author ID: 55968832200; ORCID: 0000-0002-6345-3782; Researcher ID: AAD-9769-2020

Tatyana Kashirina, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia).

E-mail: kashirina73@mail.ru

Scopus Author ID: 57200576196; ORCID: 0000-0002-4361-7778

Vasily Ostanin-Golovnya, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Abstract. The authors analyse the configuration and major directions of the current regional security policies of Saudi Arabia and Turkey, as some of the leading players in the Middle East. The strategic location of the region, combined with high levels of conflict and a number of other factors, has turned the region into a real Gordian knot of global politics. The issue of security in this part of the world is a key item on both the Middle Eastern and global agenda.

Most of the internal processes in the Middle East today depend on the balance of power among regional 'heavyweights', the most prominent of which are Iran, Israel, Turkey, and a number of Arab countries headed by Saudi Arabia. The authors examine the current regional security policies of Riyadh and Ankara as they, with their considerable resources, seek to realise their ambitions both internationally and regionally, resulting in direct competition for leadership in several overlapping areas between them. At the same time, due to geographical proximity and a number of other factors, the spheres of interest of Saudi and Turkish foreign policies often overlap.

The authors draw parallels between the regional security policies of Saudi Arabia and Turkey in the Middle East, identifying overlapping areas of interest between the two countries that not only underpin their cooperation, but also create grounds for competition between them.

Keywords: Saudi Arabia, Turkey, Middle East, regional security, regional politics, security policy.

Одной из важнейших проблем Ближнего Востока начиная с середины XX в. является обеспечение безопасности. В силу специфики региона достаточно трудно обозначить его четкие границы, а «локальные конфликты» здесь в большинстве случаев имеют широкий резонанс на глобальной арене и несут косвенную (или даже прямую) угрозу международной стабильности, что объясняется несколькими факторами.

Стратегическая ценность Ближнего Востока обусловлена его геополитическим положением. После открытия месторождений нефти и природного газа в начале XX в. резко возросла и экономическая значимость региона для мирового рынка энергоносителей. Не менее важна и его культурная уникальность. Ближний Восток является родиной и духовным центром трех религий – иудаизма, христианства и ислама.

При этом в политическом плане данный регион по меркам истории достаточно молод. Границы современных ближневосточных государств возникли лишь в прошлом веке на

волне глобальных трансформаций, вызванных Первой и Второй мировыми войнами. Подавляющее большинство стран имеет колониальное или подмандатное прошлое, что по инерции обеспечивает Великобритании и Франции возможность играть ощутимую роль в их внутренних делах. Последние несколько лет особенно четко влияние внерегиональных акторов прослеживается на примере России, США и Китая.

Тем не менее большинство процессов и собственно политические границы Ближнего Востока на современном этапе по большей части определяются расстановкой сил между такими «тяжеловесами», как Иран, Израиль, Турция и некоторыми арабскими странами, среди которых по объективным причинам выделяется Саудовская Аравия¹. Открытым остается вопрос о региональном лидерстве, что напрямую сказывается на политике региональной безопасности этих государств. Практически не проявляя стремления к межгосударственной интеграции в данной области, каждый игрок стремится укрепить национальный суверенитет и реализовать собственное видение будущего развития региона. Базовыми инструментами реализации интересов в данной сфере можно назвать армию и службу безопасности², которые на Ближнем Востоке традиционно считаются весьма надежными социальными структурами.

Крайне важно учитывать и идейно-ценностный фактор. В странах Азии и Африки восприятие безопасности и понимание ряда вопросов международной повестки в этой области зачастую отличаются от западного³. Из-за специфики, связанной с историческим опытом и этноконфессиональным фактором, политика национальной и региональной безопасности на Ближнем Востоке по-прежнему ориентирована не на решение транснациональных проблем и «новых угроз», например климатических изменений, а на обеспечение государственного суверенитета и реализацию собственных проектов. В качестве подтверждения подобных тенденций в данной статье предлагается рассмотреть конфигурацию и основные направления современной политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции, которые сегодня не просто входят в число ведущих акторов региона, но и соперничают за звание регионального лидера.

ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Отправной точкой формирования современного курса политики региональной безопасности Саудовской Аравии принято считать вступление на престол короля Салмана ибн Абд аль-Азиза в январе 2015 г., за которым последовало стремительное возвышение Мухаммада ибн Салмана, ставшего в 2017 г. наследным принцем. По инициативе последнего 25 апреля 2016 г. королевство принимает стратегический план «Видение: 2030»⁴, который не просто утвердил приоритеты внутреннего и внешнего развития страны до 2030 г., а обрел «характер национальной идеи»⁵.

Несмотря на исключительно позитивный тон программных текстов, необходимость разработки подобного плана была продиктована новыми вызовами и угрозами, возникшими на волне событий «арабской весны» 2010-х годов. В частности, все модернизационные и инвестиционные проекты «Видения: 2030» имеют под собой общую цель – диверсификацию экономики для избавления от нефтяной зависимости. То же относится и к «либерализации» общественной жизни, предусматривающей расширение прав женщин и «повышение прозрачности» госсектора, которая де-факто должна повысить уровень доверия к власти различных социальных страт и укрепить позитивный имидж правящей династии Аль Сауд.

¹ Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2021. С. 37–39.

² *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge, 2003.

³ Политика безопасности стран современного Востока. С. 8.

⁴ Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (дата обращения: 20.11.2021).

⁵ *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия сегодня // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 84.

При этом обеспечение внутренней стабильности требуется Эр-Рияду для продвижения своих интересов в регионе и мире. В соответствующем разделе среди основных сильных сторон королевства в «Видении: 2030» прямо указано, что Королевство Саудовская Аравия (КСА) является «сердцем арабского и исламского миров», а стратегическое положение обеспечивает ей роль «основного двигателя международной торговли между тремя континентами – Африкой, Азией и Европой»⁶. Во многом это соответствует традиционным векторам внешней политики Саудовской Аравии, которые начали формироваться после совпавших по времени Исламской революции в Иране и теракта в Мекке 1979 г.⁷:

1. Региональный вектор: позиционирование себя как безусловного лидера арабского мира и гегемона в зоне Персидского залива.

2. Общемусульманский вектор: укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире.

На региональном направлении в период 1990–2000-х годов главным инструментом Эр-Рияда был Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). После оккупации Кувейта и Второй войны в Заливе 1990–1991 гг. члены ССАГПЗ интенсифицировали сотрудничество в области безопасности, в результате чего в 2002 г. численность военного контингента организации «Щит полуострова» была значительно увеличена, а в 2003 г., перед Иракской войной совместные силы передислоцировались в Кувейт для отражения потенциальной агрессии северного соседа⁸.

В период 2000-х годов, после иракского кризиса, доминантой внешней политики КСА принято считать принцип «умеренности». Усиление группировки войск США в зоне Персидского залива дало возможность саудитам сосредоточиться на внутренней повестке и нефтяном секторе, а резкая актуализация проблемы терроризма на международном уровне вынудила Эр-Рияд говорить об Иране не как о центре шиитского радикализма, а как о «стратегическом сопернике». Однако с началом «арабской весны» антииранский алармизм вновь стал играть одну из ведущих ролей в политике ССАГПЗ⁹.

Безусловно, влияние ближневосточных протестов 2010-х годов затронуло монархии Залива, в отличие от Туниса, Ливии, Египта, Йемена и Сирии, лишь по касательной. Опасной была только ситуация в Бахрейне, где в феврале 2011 г. волнения переросли в восстание с призывами свергнуть «суннитский монархический режим»¹⁰. Тогда в ССАГПЗ открыто заявили о поддержке шиитских протестов со стороны Ирана, что дало возможность Совету задействовать контингент «Щита полуострова» для «обеспечения безопасности и порядка»¹¹. С учетом того, что в марте 2011 г. саудовскую провинцию Эш-Шаркийя, где находятся крупные месторождения нефти, охватили демонстрации местных шиитов, можно сказать, что Эр-Рияд расценивает любые волнения в регионе с проиранской (или шиитской) окраской как прямую угрозу внутренней безопасности.

Более того, вовлеченность в сирийский конфликт и непосредственное участие в Йеменской войне свидетельствуют, что Саудовская Аравия, в отличие от большинства суннитских

⁶ Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁷ *Останин-Головня В.Д.* Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам III международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2019 / под ред. В.А. Аваткова. М., 2019. С. 105–106.

⁸ *Мелкумян Е.С.* Совет сотрудничества арабских стран Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий. М., 2015. С. 457–458.

⁹ *Беренкова Н.А.* Бахрейн и региональная шиитская солидарность // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁰ *Мелкумян Е.С.* Указ. соч. С. 458–459.

¹¹ Amin Eam Majlis at-Taeawun li-ash-Sharq al-'Awst: Dukhul al-Quaat al-Khalijiat lil-Bahrayn laysa badieah // URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&article-612744&issueno-11796#.YoJhKfNBy-8> (дата обращения: 20.11.2021).

стран Ближнего Востока, не считает перспективу формирования «шиитского полумесяца» виртуальной категорией¹², а видит в ней реальную угрозу, для противодействия которой необходимо образование единого суннитского блока. Ярким подтверждением тому служит образование 15 декабря 2015 г. Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК) по инициативе занимавшего на тот момент должность министра обороны Мухаммада ибн Салмана.

Хотя ИВАК до сих пор не была прямо где-либо задействована, даже стратегические задачи возглавляемого Саудовской Аравией альянса сформулированы в достаточно общем и обтекаемом виде¹³:

1. Увеличение вклада исламских стран в достижение глобальной безопасности и мира.
2. Укрепление солидарности и сотрудничества стран-членов с целью создания единого фронта для противостояния террористическим организациям, стремящимся дестабилизировать безопасность и исказить имидж ислама и мусульман.
3. Противодействие радикальной идеологии и экстремистской пропаганде посредством стратегических коммуникационных кампаний.
4. Подтверждение умеренных ценностей, принципов мира, терпимости и сострадания исламской религии.
5. Финансирование борьбы с терроризмом с целью содействия поддержанию и разработке международной нормативно-правовой базы и оперативной деятельности.
6. Установление стратегических партнерских отношений между странами-членами и поддержка международных организаций для обмена информацией и опытом в области борьбы с терроризмом.

Что касается состава Исламской военной антитеррористической коалиции, то на данный момент в нее входит 41 (из 57) государство – члены Организации исламского сотрудничества, правительства которых контролируются суннитами¹⁴:

Ближний и Средний Восток: Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Турция, ОАЭ, Йемен (21/41≈51%);

Африка: Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Коморы, Кот-д'Ивуар, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мальдивы, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда (17/41≈42%);

Южная и Юго-Восточная Азия: Бангладеш, Бруней, Малайзия (3/41≈7%).

С учетом того, что за бортом ИВАК остались Сирия, Ирак и Иран, особенно интересным представляется тот факт, что США, Великобритания, Франция и Германия получили в данном блоке статус «государств поддержки».

В целом же создание коалиции следует рассматривать в качестве логичного продолжения «перегруппировки приоритетов» внешней политики Саудовской Аравии, которая на фоне событий «арабской весны» стала отходить от «мягкой дипломатии» в сторону нового «жесткого» курса, в результате чего в январе 2016 г. Эр-Рияд пошел на разрыв дипломатических отношений с Тегераном, окончательно обозначив Иран в качестве «основного регионального противника»¹⁵.

¹² Пуховая Е.Д. «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Ал-Джазира») // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 4. С. 82–83.

¹³ Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁴ Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2021).

¹⁵ Косач Г.Г. Указ. соч. С. 86–87.

ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ

Формирование современного курса политики региональной безопасности Турции началось с прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г.¹⁶ Став для турецкого общества некоей «точкой политического равновесия», успехи в сфере экономики в совокупности с победой на выборах 2007 и 2011 гг. вселили в граждан значительную уверенность в будущем страны, что позволило руководству республики во главе с Р.Т. Эрдоганом проводить более решительную внешнюю политику на всех уровнях и направлениях¹⁷.

Концепция «Мир больше пяти» при правлении ПСР стала базовой константой внешнеполитического курса Турции. С одной стороны, через этот тезис Р.Т. Эрдоган призывает «установить справедливость» на международной арене путем расширения состава Совета Безопасности ООН, так как тот факт, что большинство вопросов решается «тремя странами Европы, одной страной из Азии и США», не отвечает интересам не только остальных членов Совбеза, но и интересам безопасности всего мира¹⁸. С другой же – таким образом лидер Турецкой Республики заявляет о претензиях своей страны на статус «хаба» – своеобразного центра притяжения, где соединяются потоки по векторам Север – Юг и Запад – Восток.

Политика региональной безопасности Турции также соответствует этой логике. Стратегическое расположение обеспечивает ей выход сразу к нескольким регионам: Закавказью, Ближнему Востоку, Средиземноморью, Черноморью и Европа. Немаловажным фактором стало вступление Турции в НАТО 18 февраля 1952 г. За долгие десятилетия сотрудничества в сфере безопасности отношения между Вашингтоном, Брюсселем и Анкарой развивались по-разному, накопилось достаточное количество противоречий, однако, несмотря на резкие заявления Р.Т. Эрдогана, на территории Турции по-прежнему сохраняются военные базы Альянса.

В любом случае было бы ошибкой полагать, что Анкара действует в фарватере Североатлантического альянса, так как сейчас турецкое руководство все сильнее отклоняется от прозападного курса, стремясь продемонстрировать свою независимость от США¹⁹. Риторика лидера Турции в отношении Запада не нацелена на разрыв отношений с американским и европейскими партнерами. Скорее она призвана подчеркнуть стремление к освоению «османского геополитического пространства», которое, следуя логике бывшего премьер-министра А. Давутоглу, включает в себя «владения бывшей Османской империи и все территории, где в настоящее время проживают мусульмане или турки»²⁰. Подобные устремления напрямую относятся к так называемому «неоосманизму», который по праву можно назвать одной из ключевых идеологием и геостратегией Турции, во внешней политике которой с начала 2010-х годов наблюдается значительное усиление восточного вектора, выражающееся в «небывалой активности» Анкары на Ближнем Востоке и интенсификации отношений с Ираном, целым рядом арабских государств и Шанхайской организацией сотрудничества²¹.

¹⁶ *Надеин-Раевский В.А.* Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139–140.

¹⁷ *Мейер М.С.* Неоосманизм как фактор перемен в геополитической ситуации на Ближнем Востоке // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И.И. Абылгазиева. М., 2014. С. 202.

¹⁸ *Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12 (4). С. 118–119.

¹⁹ *İnat K., Caner M.* Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 134.

²⁰ *Bilgin P.* Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

²¹ *Надеин-Раевский В.А.* Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–85, 91.

7 июля 2010 г. был принят закон № 6004 «О создании и задачах министерства», на основе которого МИД Турецкой Республики функционирует в настоящее время²². Первый пункт документа гласит, что одной из приоритетных задач ведомства является «оказание поддержки устойчивому формированию и укреплению в регионе и в мире среды, способствующей справедливости и развитию»²³. На первый взгляд, подобная формулировка носит исключительно общий характер и имеет позитивный посыл. Однако при детальном рассмотрении выясняется, что в ней кроются немаловажные нюансы. Во-первых, присутствует прямая отсылка к названию правящей партии. Во-вторых, сообщается об амбициях Анкары на мировой арене. В-третьих, прямо указывается, что деятельность министерства должна быть направлена на реализацию потенциала Турции как региональной державы.

Иных официальных документов, где бы были более или менее четко сформулированы концептуальные основы турецкой внешней политики, для подтверждения или опровержения экспансионистских устремлений Анкары в публичном доступе найти нелегко. Базовой здесь считается «Красная книга», обновляемая на заседаниях Совета безопасности каждые пять лет и носящая закрытый характер. По причине отсутствия открытой внешнеполитической доктрины необходимо обращаться к материалам ежегодных совещаний послов, конкретным решениям и действиям турецкого руководства, а также книгам и статьям министров иностранных дел и иных причастных лиц.

При анализе политики региональной безопасности крайне важной является монография возглавлявшего МИД Турции в период 2009–2014 гг. А. Давутоглу под названием «Стратегическая глубина», на основе которой он позже сформулировал в одноименной статье принцип «ноль проблем с соседями»²⁴. Изначально данный принцип отражал миротворческие устремления, но со временем приобрел довольно агрессивное содержание, трансформировавшись в концепцию, предполагающую вмешательство во внутренние дела соседних государств, пускай и с целью стабилизации, но исключительно в интересах Анкары.

Практическое воплощение концепции «ноль проблем с соседями» (де-факто ставшего к тому моменту политикой «заоевания союзников») можно наблюдать в рамках сирийского конфликта, непосредственным участником которого Турция является с 2012 г. Анкара восприняла начало Гражданской войны в Сирии как «свою внутреннюю проблему»²⁵, что, с одной стороны, было связано с извечной проблемой курдского сепаратизма, а с другой — обуславливалось стремлением поддержать близких по духу ПСР исламистов, что прежде всего относится к «Братьям-мусульманам» (движение запрещено в РФ), которых события «арабской весны» привели в Египте к власти на короткий период.

Что касается основных, по версии турецкого руководства, вызовов и угроз, то данный вопрос был частично освещен в статье издания *Milliyet*, ссылавшегося на закрытый «Политический документ о национальной безопасности» в редакции 2015 г.²⁶:

1. Угроза безопасности общества, жизни и имуществу населения, гражданское неповиновение и народные восстания.

²² Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // Обозреватель-Observer. 2013. № 6 (281). С. 73.

²³ Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁴ Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (дата обращения: 20.11.2021).

²⁵ Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). М., 2017. С. 258.

²⁶ İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (дата обращения: 20.11.2021).

2. Деятельность параллельных государственным структур и незаконных формирований, угрожающих национальной безопасности, препятствующих деятельности официальных органов власти.

3. Информационные и технологические угрозы, манипуляция гражданами через социальные сети, незаконный доступ к государственным документам стратегического и секретного характера, акты виртуального терроризма.

4. Деятельность террористических организаций, «эксплуатирующих» религиозный фактор («Исламское государство» (организация запрещена в РФ)), и «этнических террористических организаций» (Рабочая партия Курдистана (РПК) и партия «Демократический союз»).

Сразу привлекает внимание то, с какой прямолинейностью подчеркивается «курдский вопрос». Речь идет не только о запрещенной в Турции РПК, но и об одной из ведущих курдских организаций Сирии — «Демократическим союзе», который с 2014 г. де-факто выполняет функции правительства в Рожаве.

В одной из своих речей А. Давутоглу заявил, что Турецкая Республика не будет ограничиваться реализацией какой-то одной идеи, выразив это следующими словами: «Османская империя является частью нашей истории; ислам — одним из элементов нашей культуры; западноевропейская ориентация — историческим опытом, а тюркизм — направлением нашего движения»²⁷. Долгое время пантюркистский вектор движения Анкары был пускай крайне настойчивым и активным, но все-таки ограничивался инструментарием «мягкой силы». Однако осенью 2020 г. Турция громко заявила о своих амбициях в данном направлении, оказав политическую и прямую военную поддержку Азербайджану в ходе Второй карабахской войны. Особым пантюркистским символизмом обладал «Парад Победы» в Баку 10 декабря 2020 г., который И. Алиев и Р.Т. Эрдоган принимали вместе, называя друг друга «братьями», а погибших солдат — на турецкий манер «шахидами» (мучениками за правое дело)²⁸.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Говоря о сходствах и различиях в политике региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции, прежде всего следует отметить, что оба государства пользуются значительным влиянием не только в своих и сопредельных регионах, но и на мировой арене — об этом свидетельствует как минимум их членство в «Большой двадцатке» (G20). Имея высокий международный авторитет, значительный экономический и военный потенциал, Эр-Рияд и Анкара в теории могли бы стать «столпами» будущей архитектуры безопасности на Ближнем Востоке.

Совместное противодействие целому ряду общих вызовов и угроз внесло бы значительный вклад в стабилизацию всего региона. К тому же многие видят определенные сходства в саудовском и турецком подходах к вопросам безопасности. КСА и Турция напрямую связывают вопросы национальной безопасности с региональным уровнем, так как это соответствует логике продвижения их интересов и реализации амбиций. В частности, в пользу этой мысли подталкивает существование нескольких совпадающих сфер интересов в области региональной безопасности, которые особенно четко прослеживаются на примере сирийского конфликта, череды кризисов в Ираке и двусторонних отношений с Катаром и Ираном. Однако при детальном рассмотрении данные точки соприкосновения оказываются узлами противоречий, что обуславливает соперничество за региональное лидерство.

²⁷ Simavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (дата обращения: 20.11.2021).

²⁸ İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (дата обращения: 20.11.2021).

Саудовская Аравия стремится в первую очередь укрепить свою роль ведущего арабского государства через гегемонию в зоне Персидского залива, в то время как Турция нацелилась на утверждение себя в качестве центра так называемого «тюркского мира» и политического преемника Османской империи на просторах Ближнего Востока. В политике региональной безопасности это выражается тем, что:

1. Саудовская Аравия, опираясь прежде всего на экономическую мощь, формирует в регионе «суннитский блок», который необходим Эр-Рияду не только для противостояния шиитскому Ирану, но и для достижения лидирующей позиции королевства на Арабском Востоке. При этом имидж родины ислама используется саудитами для достижения весьма прагматических интересов²⁹.

2. Турция, активно используя инструменты как «мягкой», так и «жесткой» силы, создает физический пояс безопасности вокруг своих границ, для чего Анкаре требуется: а) постоянное присутствие своих войск в Сирии, Ираке и Закавказье и б) идейно-ценностное воздействие на соседей с целью укрепления собственного имиджа на мировой и региональной аренах.

При этом векторы политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции пересекаются как по географическим параметрам, так и в религиозном плане. Ареалы расселения арабских и тюркских народов объединяются подвижными границами «исламского мира», что приводит к столкновению саудовских и турецких интересов не только на просторах мусульманской ойкумены, но и в физическом пространстве Ближнего Востока, что можно кратко проиллюстрировать таблицей 1.

Конечно, для полного освещения проблемы требуется детальный анализ каждого из перечисленных кейсов в отдельности. Однако и общая динамика турецко-саудовских отношений за последнее десятилетие подтверждает многие выводы данной статьи.

Во время «арабской весны» 2010-х годов Анкара и Эр-Рияд значительно охладели друг к другу. Яблоком раздора между региональными «тяжеловесами» стали близкие по духу к ПСР египетские «братья-мусульмане», которые являются давними антагонистами официальных богословских кругов КСА. Не последнюю роль данный вопрос сыграл и в укреплении турецко-катарских отношений. Воспользовавшись политической блокадой Дохи со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта, Турция смогла значительно укрепить сотрудничество с Катаром в военной сфере. Саудиты были крайне недовольны присутствием турок в зоне Залива. Однако с приходом к власти нового короля в турецко-саудовских отношениях начали происходить позитивные подвижки. Знаковой здесь стала встреча Р.Т. Эрдогана с новым королем Салманом ибн Абд аль-Азизом, состоявшаяся 28 февраля 2015 г.³⁰

После этого некоторые эксперты и аналитики даже начали говорить о создании «турецко-саудовского альянса», нацеленного на вытеснение Ирана из Сирии и консолидацию воюющей оппозиции, но потепление было недолгим³¹. В 2017 г. Турция присоединилась к усилиям России и Ирана по мирному урегулированию в рамках Астанинского процесса. Во-первых, любое сотрудничество своих партнеров с Ираном КСА воспринимает крайне болезненно. Во-вторых, Турция ясно дала понять, что руководствоваться компромиссами в ущерб собственным интересам не собирается. Окончательно же кризис в отношениях между Эр-Риядом и Анкарой разразился после инцидента с убийством журналиста Джамала Хашукджи в октябре 2018 г.³²

Таблица 1 / Table 1

²⁹ Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19 (4). С. 551.

³⁰ Иванова И.И. Указ. соч. С. 365.

³¹ Эль-Лаббад М. Крах турецко-саудовского стратегического альянса // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (дата обращения: 20.11.2021).

³² As-Sueudiah. Maelumat min Turkiya ean Khashuqi wa an-Niyabat Tuhaqiq // URL: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2018/10/25/اعلان-ب-ان-الام-ادع-ع-سل-ام-اع-اب-ان-ال-25-10-2018.html> (дата обращения: 20.11.2021).

НАПРАВЛЕНИЕ	ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
	Саудовская Аравия	Турция
Сирия	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие шиитским группировкам; • сдерживание влияния Ирана 	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие курдским группировкам; • контроль над приграничными территориями
Ирак	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие шиитским группировкам; • сдерживание влияния Ирана 	<ul style="list-style-type: none"> • противодействие курдским группировкам; • контроль над приграничными территориями
Катар	<ul style="list-style-type: none"> • подчинение общей (антииранской) линии ССАГПЗ; • пресечение поддержки невыгодных и противоречащих КСА исламистов 	<ul style="list-style-type: none"> • сотрудничество в оборонной сфере; • совместная поддержка «Братьев-мусульман» и других идейно близких ПСР исламистов
Иран	<ul style="list-style-type: none"> • конфронтация за контроль над зоной Персидского залива; • опосредованное противостояние в арабских странах региона с суннитским и шиитским населением (Ливан, Сирия, Ирак, Йемен); • противодействие ядерной программе совместно с США 	<ul style="list-style-type: none"> • потенциальное партнерство в решении «курдского вопроса»; • опосредованное противостояние в Сирии (поддержка враждующих фракций); • эпизодическая кооперация на уровне дипломатии по сдерживанию США в регионе

Источник / Source: составлено авторами.

Здесь необходимо отметить, что в контексте региональной безопасности для Турции проблема Ирана не является столь принципиальной для Саудовской Аравии, так как Анкара, в отличие от Эр-Рияда, видит в Тегеране не экзистенциальную угрозу, а скорее потенциального партнера в решении курдского вопроса. При этом и саудиты, и турки недовольны иранским присутствием в Сирии. Тем не менее, если КСА имеет прямые линии столкновения с ИРИ в Персидском заливе и Йемене, то Турецкая Республика сталкивается с иранцами достаточно опосредованно.

Не менее интересно складывается ситуация и в отношениях с общим союзником — США. После терактов 11 сентября 2001 г. и последовавшими за ними событиями Саудовская Аравия всеми силами старается демонстрировать свою приверженность международной борьбе с терроризмом. Ваххабитская суть заставляет королевство тщательно выбирать себе союзников из числа негосударственных акторов и проявлять сдержанность в риторике. Благодаря такому поведению Эр-Рияд продолжает наращивать сотрудничество с Вашингтоном в оборонной сфере, вовлекая американцев в такие проекты, как ИВАК и Глобальный центр по борьбе с экстремистской идеологией.

Турция же, наоборот, будучи постоянным членом НАТО, всячески демонстрирует свою самостоятельность, а Р.Т. Эрдоган позволяет себе резкие высказывания в адрес западного сообщества в целом и США в частности. Особенно отчетливо флуктуации американо-турецких отношений видны на примере сирийского кризиса, где, не считая схожей позиции по официальному Дамаску и режиму Башара Асада, цели Анкары и Вашингтона

Bilgin P. Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Dişişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 6004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (дата обращения: 20.11.2021).

İnat K., Caner M. Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 109–135.

İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (дата обращения: 20.11.2021).

Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (дата обращения: 20.11.2021).

Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (дата обращения: 20.11.2021).

Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 20.11.2021).

Sitavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (дата обращения: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (дата обращения: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.11.2021).

References

Alieva A.I. “Sirijskaja problema” v turetsko-amerikanskikh otnoshenijakh [The “Syrian problem” in Turkish-American relations] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]. 2018. Vol. 18 (4). P. 790–805. (In Russ.)

Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor vo vneshnej politike Turtsii [Ideology and values in Turkey’s foreign policy] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2019. T. 12 (4). S. 113–129. (In Russ.)

Berenkova N.A. Bahrein i regional'naja shiitskaja solidarnost' [Bahrain and Regional Shiite Solidarity] // URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/> (access date: 20.11.2021). (In Russ.)

Chikrizova O.S. Saudovskaja model' razvitija dlja “mira islama”: osobennosti i ogranichenija [Saudi Model of Development for the “World of Islam”: Features and Limitations] // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija [Vestnik RUDN. International Relations]. 2019. Vol. 19 (4). S. 545–565. (In Russ.)

Druzhilovskiy S.B., Avatkov V.A. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012 gg.) [Foreign policy ideologemes of Turkey (2002–2012)] // Obozrevatel'-Observer. 2013. № 6 (281). S. 73–88. (In Russ.)

El-Labbad M. The collapse of the Turkish-Saudi strategic alliance // URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krakh-turetsko-saudovskogo-alyansa/> (access date: 20.11.2021). (In Russ.)

Ivanova I.I. Jevoljucija blizhnvostochnoj politiki Tureckoj Respubliki (1923–2016) [The Evolution of the Turkish Republic’s Middle East policy (1923–2016)]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kosach G.G. Saudovskaja Aravija segodnja [Saudi Arabia today] // Svobodnaja mysl' [Free Thought]. 2018. № 2 (1668). S. 83–96. (In Russ.)

Melkumyan E.S. Sovet sotrudnichestva arabskikh stran Zaliva kak institut obespechenija nacional'noj bezopasnosti stran-chlenov [Cooperation Council for the Arab States of the Gulf as an institution for ensuring the national security of member countries] // Nacii i nacionalizm na musul'manskom Vostoke [Nations and nationalism in the Muslim East] / otv. red. V.Ja. Belokrenickij. Moskva, 2015. S. 455–464. (In Russ.)

Meyer M.S. Neosmanizm kak faktor peremen v geopoliticheskoj situacii na Blizhnem Vostoke [Neo-Ottomanism as a Factor of Changes in the Geopolitical Situation in the Middle East] // Globalistika kak oblast' nauchnyh issledovanij i sfera prepodavanija [Global Studies as a Field of Research and Teaching] / pod red. I.I. Abylgazieva. Moskva, 2014. S. 198–203. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Vneshnjaja politika Turcii: vetry peremen [Foreign policy of Turkey: Winds of change] // Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]. 2013. № 2. S. 84–92. (In Russ.)

Nadein-Rayevskiy V.A. Politika Turcii na Blizhnem Vostoke [Turkey’s policy in the Middle East] // Puti k miru i bezopasnosti [Paths to peace and security]. 2020. № 1 (58). P. 139–156. (In Russ.)

Ostanin-Golovnya V.D. Saudovskaja Aravija i regional'naja sunnitskaja solidarnost' [Saudi Arabia and Regional Sunni Solidarity] // Sbornik po itogam III mezhdunarodnogo konkursa studentcheskikh nauchno-analiticheskikh rabot po blizhnvestochnoj problematike im. E.M. Primakova [Collection of the III Primakov International Competition of Student Scientific and Analytical Works on the Middle]. 2019 / pod red. V.A. Avatkova. Moskva, 2019. S. 104–114. (In Russ.)

Politika bezopasnosti stran sovremennogo Vostoka [Security Policy of the Countries of the Modern East] / pod red. D.V. Streltsova. Moskva, 2021. (In Russ.)

Pukhovaya E.D. “Shiitskij polumesjac” kak sovremennij geopoliticheskij fenomen: virtual'naja ili real'naja ugroza? (po materialam kanala “Al-Dzhazira”) [The “Shiite Crescent” as a Modern Geopolitical Phenomenon: Virtual or Real Threat? (based on the materials of the channel “Al-Jazeera”)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Vestnik MGU. Oriental Studies]. 2013. № 4. S. 82–90. (In Russ.)

Amin Eam Majlis at-Taewun li-ash-Sharq al-'Awst: Dukhul al-Quaat al-Khalijiat lil-Bahrayn laysa badi'ah // URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&article-612744&issueno-11796#.YoJhKfNBy-8> (access date: 20.11.2021).

As-Sueudiah. Maelumat min Turkiya ean Khashuqji wa an-Niyabat Tuhaqiq // URL: <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2018/10/25/البيان-لادعوى-عسلي-اماعل-ابانل>.html (access date: 20.11.2021).

Bilgin P. Regional security in the Middle East – what is that we seek? // URL: https://www.sdu.dk/-/media/files/om_sdu/centre/c_mellemoest/videncenter/artikler/2015/september/150901__bilgin.pdf (access date: 20.11.2021).

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Dişişleri Bakanlığının kuruluşu ve görevleri hakkında kanun № 6004. Mevzuat Bilgi Sistemi // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.6004.pdf> (access date: 20.11.2021).

İlham Əliyev və Türkiyə Prezidenti Rəcəb Tayyib Ərdoğan Vətən müharibəsində Qələbəyə həsr olunmuş Zəfər paradında iştirak ediblər // URL: <https://president.az/articles/48788> (access date: 20.11.2021).

İnat K., Caner M. Turk-Amerikan ilişkilerinde “eksen” sorunu // Kuruluşundan bugüne AK Parti. Dış politika (AK Party since its establishment. Foreign policy). İstanbul, 2018. P. 109–135.

İşte Türkiye için yeni tehdit listesi! // URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/iste-turkiye-icin-yeni-tehdit-listesi-2040175> (access date: 20.11.2021).

Policy of Zero Problems with our Neighbors. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // URL: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (access date: 20.11.2021).

Ru'yah Al-Mamlakah Al-Arabiyyah As-Sa'udiyah 2030: Al-Ifitahiyah // URL: <https://vision2030.gov.sa/ar/foreword> (access date: 20.11.2021).

Ru'yah As-Sa'udiyah 2030: Ru'yah Tamuha li'Umat Tamuha // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (access date: 20.11.2021).

Simavoryan A. Ideological Trends in the Context of Foreign Policy of Turkey // URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-5013 (access date: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ean at-Tahaluf // URL: <https://imctc.org/Arabic/About> (access date: 20.11.2021).

Tahaluf 'Islamiyi Easkariyi li-Muharabat al'Irhab. Ad-Dual al'Aeda'i // URL: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx> (access date: 20.11.2021).

DOI: 10.31857/S013038640018792-9

© 2022 г. Е.В. ХАХАЛКИНА

«ПОКОЛЕНИЕ ВИНДРАШ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ МУЛЬТИРАСОВОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА)

Хахалкина Елена Владимировна — доктор исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Scopus Author ID: 57190791372; ORCID: 0000-0002-1747-163X; Researcher ID: N-8255-2014

Аннотация. Статья посвящена малоизученным в отечественной исторической науке сюжетам, связанным с пониманием роли и места иммигрантов из Вест-Индии в современном мультирасовом обществе Великобритании. В статье представлен краткий исторический очерк, связанный с прибытием в Британию корабля «Эмпайр Виндраш» в 1948 г., символизировавшего начало массовой иммиграции в страну, а также анализ обсуждений в парламенте юбилейных мероприятий по случаю 70-летней годовщины этого события и общественно-политического скандала, возникшего накануне празднования. Особое внимание уделено прояснению дискуссионного в политическом дискурсе Соединенного Королевства вопроса, что стало реальной причиной резкого увеличения въезда в страну выходцев из колоний и обретших суверенный статус стран после Второй мировой войны. Также описан процесс урегулирования произошедшего скандала и проблемы выплаты денежной компенсации пострадавшим гражданам. В качестве источников выступают материалы дебатов обеих палат парламента, документы кабинета министров, статистика. Методами исследования послужили историко-генетический, сравнительный и структурно-функциональный анализ. В заключение сделаны выводы, что широкий общественный и политический резонанс юбилейных мероприятий и всех связанных с ними событий отразил сложность и многомерность проблемы интеграции мигрантов и рекомпозиции существующей модели национальной идентичности Великобритании, «выпадающим» элементом которой является отношение к колониальному и постколониальному прошлому страны. На фоне обсуждений в парламенте обозначился запрос разных этнических групп, в том числе представленных в политическом истеблишменте, на признание своего реального вклада в развитие Соединенного Королевства, формирование инклюзивной среды и мультирасового разнообразия. Обозначены сюжеты проясняют особенность миграционной картины Великобритании и выводят на понимание фундаментальных вопросов о сущности британской идентичности.

Ключевые слова: «поколение Виндраш», Британская империя, Содружество, мультирасовая Британия, Вест-Индия, скандал 2018 г.

E. V. Khakhalkina

Windrush Generation in the Context of the Modern Development of Multiracial Great Britain

Elena Khakhalkina, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Scopus Author ID: 57190791372; ORCID: 0000-0002-1747-163X; Researcher ID: N-8255-2014

Abstract. The author focuses on events related to the understanding of the role and place of immigrants from the West-India in modern multiracial society in Britain that have been largely unexplored in Russian historical scholarship. The first part of the article provides a brief historical outline relating to the arrival in the United Kingdom in 1948 of the ship “Empire Windrush”, which symbolised the beginning of mass immigration into the country. The second part of the article analyses the parliamentary discussions on the commemorative events of the 70th anniversary and the social and political scandal that arose on the eve of the celebration. The author pays particular attention to clarifying the controversial question in the political discourse in the United Kingdom as to what the true reason was for the surge of immigration from colonies and countries that gained their sovereign status after the Second World War. The third part provides an overview of the settlement of the scandal and the problem of monetary compensation to the affected citizens. Sources include debates in both Houses of Parliament, Cabinet documents, and statistical data. Historical-genetic, comparative and structural-functional analysis became the research methods. The author concludes that the wide public and political resonance of the anniversary celebrations and all related events reflects the complexity and multifaceted nature of the problem of migrant integration and the reconfiguration of the existing model of national identity of Great Britain, the “outlier” element of which is the attitude towards the colonial and post-colonial past of the country. Against the backdrop of debates in Parliament, there was a demand from various ethnic groups, including those represented in the political establishment, for recognition of their real contribution to the development of the United Kingdom, an inclusive environment, and multiracial diversity. The outlined topics clarify the features of the migration picture in Great Britain and bring about an understanding of fundamental questions about the essence of British identity.

Keywords: Windrush Generation, British Empire, Commonwealth, multiracial Britain, West Indies, Windrush scandal 2018.

22 июня 2018 г. в Великобритании состоялись торжества по случаю 70-летней годовщины прибытия корабля «Эмпайр Виндраш» в порт Тилбери в Лондоне. Судно, которое бросило якорь 21 июня, перевозило 1027 пассажиров, отпущенных на берег на следующий день. Среди них были преимущественно выходцы из стран Карибского бассейна или Вест-Индии: 539 человек из Ямайки, 139 – Бермудских островов, 119 – Англии, 73 – Тринидада, 66 – Мексики, 44 – Британской Гвианы, 7 человек из других карибских территорий и 40 с территорий за пределами Карибского бассейна¹. Многие из пассажиров «Эмпайр Виндраш» были бывшими военнослужащими, надеявшимися найти работу в Великобритании или повторно завербоваться в армию. Остальные приехали впервые².

За ними и другими иммигрантами, прибывшими в Великобританию в 1948–1971 гг., закрепилось название «поколение Виндраш». Хотя «Эмпайр Виндраш» – условная точка начала массовой иммиграции в страну. В реальности это судно было не первым, причалившим к британским берегам с мигрантами на борту. В марте 1947 г. корабль «Ормонд» отплыл из Ямайки в Ливерпуль с 108 пассажирами, а 21 декабря 1947 г. «Альмансора» пришвартовалась в Саутгемптоне³.

Свободный путь в Соединенное Королевство жителям Вест-Индии и других частей империи открыл Британский Акт о гражданстве (British Nationality Act) 1948 г. Закон гарантировал иммигрантам из колоний и Содружества возможность селиться, голосовать и пользоваться всеми правами, предоставляемыми Великобританией своим гражданам, включая получение британского паспорта. Хотя первые иммигранты из разных частей

¹ *Rodgers L., Ahmed M.* Windrush: who exactly was on board? // URL: <https://www.bbc.com/news/uk-43808007> (дата обращения: 12.12.2021).

² Reading Museum // URL: <https://www.readingmuseum.org.uk/2-arrival> (дата обращения: 14.12.2021).

³ *Ibidem.*

Британской империи начали селиться в крупных, особенно портовых, городах еще в XIX в., занимая низкооплачиваемые рабочие места⁴, связанные с тяжелыми условиями труда.

Увеличению иммиграции способствовало развитие транспортной инфраструктуры. В 1950-х годах из Карибского моря в Великобританию ходило много кораблей. Некоторые линии стыковались в Италии, и мигранты добирались в Великобританию сначала на поездах, а затем на паромах; к 1960 г. они начали путешествовать самолетами, что сделало поездку намного короче и удобнее. Всего в 1948–1964 гг. около 300 тыс. жителей Вест-Индии приехали в Соединенное Королевство⁵.

Сюжетам, связанным с миграцией из Вест-Индии в Соединенное Королевство после Второй мировой войны, посвящено относительно мало работ в отечественной историографии⁶ по сравнению с большим массивом публикаций, связанных с проблемами исламского терроризма в Великобритании, проблемами беженцев и общими вопросами интеграции мигрантов. Данная статья восполняет этот пробел, показывая место и роль выходцев из Карибского бассейна в британском обществе в исторической динамике.

В зарубежной историографии интерес к обозначенным сюжетам выше, чем в российской, включая изучение положения карибских иммигрантов не только в Великобритании⁷, но также в США и других странах⁸. Если же изучать именно британскую литературу, то можно сделать вывод о всплеске публикаций о «поколении Виндраш» в связи с событиями, связанными с празднованием 70-летней годовщины прибытия корабля «Эмпайр Виндраш» в Великобританию⁹. Отметим также появление приуроченных к юбилею электронных ресурсов, содержащих архивные материалы и посвященных первому

⁴ Карпов Г.А. Британская миграционная политика второй половины XX – начала XXI в.: уроки для России // Национальная безопасность / nota bene. 2017. № 1. С. 16.

⁵ Reading Museum.

⁶ Бойцов М.А. История и глобализация. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 91–108; Кочеткова Л.Ю. Опыт управления иммиграцией в Великобритании // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 346–352; Зубарев А.В. К вопросу о начале крупномасштабной трудовой миграции из колоний в Великобританию во второй половине 1940-х гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 17 (1). С. 117–126; Карпов Г.А. Указ. соч. С. 15–42; Хахалкина Е.В. Проблемы расовой дискриминации и ограничения иммиграции в Великобритании во второй половине 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 108–117; Годованюк К.А. Контуры новой миграционной политики Соединенного Королевства // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 6. С. 106–111; Ег же. Саммит Содружества наций и новая внешнеполитическая стратегия Великобритании // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 35–42; Охошин О.В. Миграционная политика Великобритании до и после брекзита // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 506–516.

⁷ Heide H. T. West Indian Migration to Great Britain // *Nieuwe West-Indische Gids / New West Indian Guide*. 1963. Vol. 43. P. 75–88; Peach G. West Indian Migration to Britain // *The International Migration Review*. 1967. Iss. 1 (2). P. 34–45; Peach C. West Indian migration to Britain: a social geography. London; New York, 1968; Thomas-Hope E. Hopes and Reality in the West Indian Migration to Britain // *Oral History*. 1980. Vol. 8. Iss. 1. P. 35–42; Miles R. Nationality, Citizenship, and Migration to Britain, 1945–1951 // *Journal of Law and Society*. 1989. Vol. 16. Iss. 4. P. 426–442; Brittain Ann W. Cohort Size and Migration in a West Indian Population // *The International Migration Review*. 1990. Vol. 24. Iss. 4. P. 703–721; Charsley K., Benson M., van Hear N. Marriage-Related Migration to the UK // *International Migration Review*. 2012. Vol. 46. Iss. 4. P. 861–890.

⁸ Philpott S. B. West Indian migration: the Montserrat case. London, 1973; Palmer R. W. A Decade of West Indian Migration to the United States, 1962–1972: an Economic Analysis // *Social and Economic Studies*. 1974. Vol. 23. Iss. 4. P. 571–587; Foner N. Race and Color: Jamaican Migrants in London and New York City // *The International Migration Review*. 1985. Vol. 19. Iss. 4. P. 708–727; Model S. West Indian immigrants: a black success story? New York, 2008.

⁹ Memory, Migration and (De)Colonisation in the Caribbean and Beyond Book / eds J. Webb, R. Westmaas, M. del Pilar Kaladeen, W. Tantam. London, 2020; Arnott P. Windrush: a ship through time. Cheltenham, 2021.

массовому прибытию выходцев из Карибских островов в Соединенное Королевство и другим эпизодам, связанным с началом «цветной иммиграции» в страну¹⁰.

СКАНДАЛ 2018 года И ЕГО ОБСУЖДЕНИЕ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Юбилейные мероприятия широко освещались британской прессой. Более 2000 человек посетили службу в Вестминстерском аббатстве. На богослужении присутствовали премьер-министр Т. Мэй, министр внутренних дел С. Джавид и мэр Лондона С. Хан, а также теневой министр внутренних дел Д. Эбботт¹¹. Другие торжества включали проведение в Бирмингеме юбилейной недельной программы, в которую входили чтения лекций о «поколении Виндраш» в Университете Бирмингема, детский концерт, гражданский прием, а также служба благодарения, парад и концерт в районе Лозеллс, Бирмингем¹². Праздник отмечался и в других городах Британии. Например, в Лидсе Театр танца Феникс в феврале 2018 г. выпустил постановку «Виндраш», которая также шла в Лондоне в конце апреля¹³.

При поддержке Национального лотерейного фонда наследия (Heritage Lottery Fond) и основанного в 1996 г. Фонда Виндраш (Windrush Foundation) к 70-летней годовщине был подготовлен Проект Виндраш-70, нацеленный на проведение юбилейных семинаров по истории и оценке вклада карибских иммигрантов в британское общество и создание инклюзивной среды. Сайт проекта содержит исторические очерки и биографические рассказы прибывших в Великобританию после Второй мировой войны жителей Карибского бассейна¹⁴.

Круглая дата стала предметом пристального внимания и активного обсуждения в британском парламенте во многом по причине разразившегося весной 2018 г. и напрямую связанного с «поколением Виндраш» общественно-политического скандала. Дело в том, что в апреле 2018 г. Министерство внутренних дел (МВД) Великобритании приняло решение о депортации более 80 человек из числа «поколения Виндраш» в связи с отсутствием у них паспортов и других подтверждающих их право на нахождение на территории страны документов¹⁵. Многие представители британо-карибского сообщества были лишены жилья, работы, остались без средств к существованию и доступа к основным услугам, в том числе здравоохранению. Некоторым гражданам, оказавшимся в этот период за пределами Соединенного Королевства, было отказано в возвращении.

Причины возникшей ситуации заключались в том, что у многих мигрантов «поколения Виндраш» никогда не было паспортов. Согласно Акту о британском гражданстве 1948 г., выходцам из всех регионов империи разрешалось селиться в метрополии без каких-либо подтверждающих документов. Некоторые мигранты прибыли в детстве по паспортам родителей и никогда не ходатайствовали о выдаче им проездных документов или документов о гражданстве. Согласно данным переписи населения, в 2011 г. в Англии и

¹⁰ West Indian migration, 1948–1958 // URL: https://warwick.ac.uk/services/library/mrc/studying/docs/racism/west_indian/ (дата обращения: 30.04.2022); WINDRUSH 70. The Windrush 70 Project // URL: <https://windrushfoundation.com/windrush-70/> (дата обращения: 02.12.2021); Reading Museum. Our collections // URL: <https://www.readingmuseum.org.uk/our-collections> (дата обращения: 27.12.2021).

¹¹ Windrush anniversary celebrated at Westminster Abbey // URL: <https://www.bbc.com/news/uk-44571616> (дата обращения: 06.12.2021).

¹² *Badshah N.* UK makes Windrush Day official with £500 grant to support events // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/jun/18/uk-makes-windrush-day-official-500k-grant-support-events> (дата обращения: 21.12.2021).

¹³ Windrush: movement of the people. Premiered February 2018 // URL: <https://www.phoenixdancetheatre.co.uk/production/windrush-movement-of-the-people/> (дата обращения: 06.12.2021).

¹⁴ WINDRUSH 70. The Windrush 70 Project // URL: <https://windrushfoundation.com/windrush-70/> (дата обращения: 02.12.2021).

¹⁵ Windrush: Government admits 83 British citizens may have been wrongfully deported due to scandal but will only apologise to 18 // URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/windrush-government-deportations-british-citizens-uk-caribbean-home-office-rudd-javid-a8501076.html> (дата обращения: 22.12.2021).

Уэльсе проживало 144 395 человек, родившихся на Карибах и прибывших сюда до 1971 г. Из них 92% (132 421 человек) имели британские паспорта, в то время как 3,6% (5 193) не имели их вовсе¹⁶. Таким образом, карательные меры властей могли затронуть сотни людей.

Быстро набравший обороты скандал вызвал активные обсуждения в обеих палатах парламента, причем в Палате лордов дискуссии носили более оживленный характер, чему в том числе способствовала принадлежность некоторых видных лордов к «поколению Виндраш».

Если суммировать сказанное в дебатах, то можно выявить два больших пласта миграционной картины Великобритании. Первая проблема — это существование «враждебной среды» и расовой нетерпимости в стране. Речь идет о курсе Т. Мэй, предложившей в 2012 г. (в свою бытность главой МВД) создание «враждебной среды в отношении нелегальных иммигрантов»¹⁷. Инициатива была нацелена на ужесточение миграционной политики страны и расширение полномочий контролирующих органов. Иначе говоря, в отношении иностранной рабочей силы «начинала действовать “презумпция виновности”»: любой мигрант подозревался в нарушении миграционного законодательства, пока не будет доказано обратное»¹⁸. Как следствие, в обществе усилилась расовая нетерпимость¹⁹; не случайно возникший скандал был назван одним из политических обозревателей «пиком» политики «враждебной среды»²⁰.

Термин «враждебная среда» стал самым употребляемым при обсуждении возникшей ситуации в Палате общин. Многие парламентарии, среди которых наибольшей активностью отличались лейбористы, осудили курс Т. Мэй как обостривший иммиграционные проблемы и разделявший людей «по этническому принципу» при трудоустройстве на работу²¹. На существование «враждебной среды» указали и в Палате лордов. Британский политик-лейборист, теоретик мультикультурализма индийского происхождения лорд Парех²² привел истории о людях, задолжавших Управлению Ее Величества по налоговым и таможенным сборам всего 1 или 2 фунта стерлингов и либо депортированных, либо столкнувшихся с угрозой депортации на основании такого небольшого долга²³.

Другие парламентарии указали на аналогичные случаи и высокий уровень бюрократизации всех процессов в работе МВД. Политик индийского происхождения баронесса Флатер, например, обратила внимание на длительное оформление документов («даже англичане, пытающиеся получить визу, не знают, когда их паспорт вернется»²⁴). Иммиграционная служба, по ее мнению, нуждалась в собственном отделе и сотрудниках, «которые знают историю миграции в страну — почему люди приехали, откуда они приехали и како-

¹⁶ ST0800_2011 Census—COB(UK, Caribbean, continents)byYRarrivalbypassport—Natto region. 4 May 2018// URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/adhocs/008406ct08002011censuscobukcaribbeancontinentsbyyrrarrivalbypassportnattoregion> (дата обращения: 23.12.2021).

¹⁷ Grierson J. Hostile Environment: anatomy of a policy disaster // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/aug/27/hostile-environment-anatomy-of-a-policy-disaster> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁸ Годованюк К.А. Контуры новой миграционной политики Соединенного Королевства. С. 106.

¹⁹ Gentleman A. Hostile environment has fostered racism and caused poverty, report finds // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/sep/03/hostile-environment-has-fostered-racism-and-caused-poverty-report-finds> (дата обращения: 11.12.2021).

²⁰ Ibidem.

²¹ Hansard. Windrush. Vol. 640: debated on Wednesday 2 May 2018. Ms Abbot. Col. 343 // URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2018-05-02/debates/2EE1AB97-59E0-4924-AE57-459FA8811E4F/Windrush> (дата обращения: 11.12.2021).

²² Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Harvard (UP), 2002.

²³ Hansard. Immigration: Hostile Environment. Lord Parekh. Vol. 791: debated on Thursday 14 June 2018. Col. 1790 // URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2018-06-14/debates/4EB5AD24-87B4-43E9-908F-1DE447952889/ImmigrationHostileEnvironment?highlight-empire#contribution-4909AFC0-98E1-47CF-9FA5-2172492B6B30> (дата обращения: 31.01.2022).

²⁴ Baroness Flather. Immigration. Hostile Environment. Vol. 791. debated on Thursday 14 June 2018. Col. 1789 // URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2018-06-14/debates/4EB5AD24-87B4-43E9-908F-1DE447952889/ImmigrationHostileEnvironment?highlight-empire#contribution-0D626392-BB98-4C8E-998D-178AAA334824> (дата обращения: 27.12.2021).

ва ситуация»²⁵. Баронесса Берридж, консервативный политик английского происхождения, указала на проблемы слабого знания британской истории в обществе и сохранения расовых предрассудков²⁶. Парламентарий напомнила о вспышках расизма в отношении первых представителей Виндраш: «То, что они (мигранты. — Е.Х.) обнаружили в 1948 г., было не родиной, готовой принять прибывшего ребенка издалека, а неприятием, недоверием, разобщенностью и, слишком часто, насилием... Меня поразила цитата Бена Буске. В 1957 г. его сопровождала программа ВВС “Сегодня вечером” в его тщетных поисках жилья. Это была первая передача на британском телевидении о межрасовых отношениях. Он сказал: “Это была эпоха невероятной жестокости по отношению к черным”»²⁷.

Наем жилья был большой проблемой для первых трудовых мигрантов, приезжавших в Британию²⁸. В основном они селились в бедных районах крупнейших городов Великобритании. Карибские иммигранты, например, направлялись арендодателями из-за их расовых предрассудков и неприятия в самые бедные районы Восточного Лондона²⁹. Ксенофобия охватила и Англиканскую церковь. Карибские мигранты стали основывать свои собственные церкви для черных. Расовая сегрегация усугублялась. Как заметила баронесса Берридж, закрытие дверей церкви для темнокожих — это «упущенная возможность обратить вспять медленный упадок Англиканской церкви»³⁰. Посещение воскресной службы упало с 3,5% населения в 1965 г. до 1,1 % в 2016 г.³¹; в 2019 г. чуть более трети людей идентифицировали себя как христиан по сравнению с двумя третями в 1983 г.³²

В то же время в прессе публиковались десятки интервью с теми, кто пострадал от действий британского МВД. Жертвы рассказывали, как «годами боролись против безликой бюрократии, чтобы доказать свое право на проживание в Великобритании, часто теряя работу, а затем сталкиваясь с выселением из своих домов, потому что не могли платить за аренду»³³. Возникший всплеск общественного интереса привел к выходу воспоминаний мигрантов из «поколения Виндраш»³⁴.

Правительство пыталось защищаться, представляя возникшую ситуацию как «небольшую или административную ошибку, а не результат» политики³⁵. Однако принятые МВД решения свидетельствовали не только о некомпетентности отдельных его служащих, но, учитывая прошлые эпизоды, о системных ошибках в работе ведомства. Чтобы исправить эту ситуацию и «отдать дань памяти» прибывшим мигрантам и их потомкам, парламентарии выступили с инициативой сделать 22 июня ежегодным праздником³⁶.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Hansard. MV “Empire Windrush”. Baroness Berridge. Vol. 788: debated on Thursday 18 January 2018. Col. 49GC // URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2018-01-18/debates/8BB04B61-0A86-41CD-A1B6-07840C13DE30/MV%E2%80%9CEmpireWindrush%E2%80%9D?highlight=empire#contribution-39E22DEC-B27F-44D8-B3E7-D94687226F22> (дата обращения: 31.01.2022).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Зубарев А.В. Указ. соч. С. 121.

²⁹ Shankly W., Finney N. Ethnic minorities and housing in Britain // Ethnicity and Race in the UK Book Subtitle: State of the Nation’ book / eds B. Byrne, C. Alexander, O. Khan, J. Nazro, W. Shankley. Bristol, 2020. P. 151.

³⁰ Hansard. MV “Empire Windrush”. Baroness Berridge. Vol. 788. Col. 49GC.

³¹ Paul I. What is happening to Church of England attendance // URL: <https://www.psephizo.com/life-ministry/what-is-happening-to-church-of-england-attendance/> (дата обращения: 26.12.2021).

³² Average weekly attendance for the Church of England from 2009 to 2019 (in 1000 attendees) // URL: <https://www.statista.com/statistics/369080/church-of-england-attendance-by-service-uk/> (дата обращения: 24.12.2021).

³³ Gruenbaum O. UK: GHOCM Eclipsed by Windrush Scandal // URL: <https://www.commonwealthroundtable.co.uk/commonwealth/commonwealth2018/uk-chogm-eclipsed-windrush-scandal/> (дата обращения: 18.12.2021).

³⁴ Memory, Migration and (De)Colonisation in the Caribbean...

³⁵ Akala. The Great British Contradiction // RSA Journal. 2018. Vol. 164. № 2 (5574). P. 18–21.

³⁶ Hansard. MV “Empire Windrush”. Lord Ouseley. Vol. 788. Col. 57GC.

На причины массового прибытия иностранной рабочей силы в Великобританию в политическом дискурсе сложилось две точки зрения. Согласно первому взгляду, мигранты прибыли по приглашению британского правительства. Например, в Палате лордов в дебатах в январе 2018 г. звучали слова, что «мольбы британского правительства того времени вызвали положительный отклик в странах Карибского бассейна, Африки и Азии» и были услышаны выходцами из колоний, которые помогли «своей метрополии восстановить разрушенные службы и заложить основы для новых»³⁷.

В других дебатах, за неделю до юбилея, лорд Парех раскрыл следующие малоизвестные широкой общественности подробности: «Когда судно “Эмпайр Виндраш” было готово покинуть Ямайку, к сожалению, британское правительство в лице премьер-министра Эттли направило сообщение, в котором спрашивало, есть ли способ предотвратить его отплытие. Через несколько дней было отправлен ответ с вопросом, не следует ли перенаправить корабль в Восточную Африку, которая была частью нашей империи, где все находящиеся на корабле могли получить работу. К сожалению, после прибытия к правительству обратились около 10 членов парламента от Лейбористской партии, заявив, что “для Великобритании нехорошо иметь слишком много чернокожих”, потому что это может повредить расовым отношениям»³⁸.

Британские документы в целом подтверждают этот эпизод. В меморандуме, который в июне 1948 г. подготовил для членов кабинета министр по делам колоний А. Крич Джонс, отмечалось, что «правительство Ямайки не имеет никаких юридических полномочий, чтобы предотвратить их (мигрантов. — *Е.Х.*) выезд из страны, а правительство Соединенного Королевства не имеет правовых ресурсов, чтобы предотвратить их прибытие». Массовая эмиграция из Вест-Индии характеризовалась как «спонтанное движение ямайцев, которые сэкономили достаточно денег на оплату своего переезда в Англию для поиска работы»³⁹. А. Крич Джонс прогнозировал, что выезд с острова Ямайка продолжится из-за перенаселения территории, в которой насчитывалось около 50 тыс. человек безработных или частично занятых. Министр также выражал опасения в возникновении беспорядков из-за массового скопления такого большого количества людей в одном месте и по причине нехватки жилья для прибывших. Чтобы предотвратить возможное социальное напряжение, министерствам по делам колоний и труда предлагалось «сделать все в их силах, чтобы помочь людям найти работу в Англии насколько возможно быстро», или «оказать помощь в оплате проезда по железной дороге в их конечные пункты назначения»⁴⁰.

Баронесса Берридж в выступлении в Палате лордов дополнила эту информацию, указав и на другие причины эмиграции в Британию: «хотя Закон о британском гражданстве 1948 г. рассматривался как причина массовой иммиграции, в реальности ее подтолкнули экономическая ситуация в Вест-Индии, ураган 1944 г. и принятие в США закона, ограничивающего миграцию из Карибского бассейна»⁴¹.

Все это показывает, что Британия не только не приглашала иммигрантов из разных частей своей империи, но даже пыталась или остановить их, или перенаправить в другие свои колонии или страны. Однако эти данные, долгое время державшиеся в секрете, не отменяют факта, что карибские иммигранты оказались нужны своей новой родине. Они заняли рабочие места на фабриках, общественном транспорте, в сфере обслуживания. Женщины из Вест-Индии, например, устраивались работать медсестрами в созданную в 1946 г. Национальную службу здравоохранения; мужчины становились водителями знаменитых красных лондонских даблдекеров, введенных в эксплуатацию в 1956 г.

³⁷ Ibid. Baroness Young of Hornsey. Vol. 788. Col. 53GC.

³⁸ Hansard. Immigration: Hostile Environment. Lord Parekh. Vol. 791. Col. 1792.

³⁹ Cabinet Papers. Arrival in the United Kingdom of Jamaican Unemployed. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. 18th June. 1948 // URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-129-28.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Hansard. Baroness Berridge. Vol. 788. Col. 48GC.

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТРАНЫ

«Поколение Виндраш» — это часть наследия Британской империи и точка отсчета современной мультирасовой Британии. Однако в отношении иммигрантов в политической среде долгое время доминировало представление о естественном, не требующем специальных усилий со стороны государства включении мигрантов в принимающее сообщество. Как справедливо отметил лорд Дхолакья, «в те времена... предполагалось, что многие расовые, культурные и религиозные группы будут ассимилированы в новое целое — единый народ со схожими идеалами, взглядами и ценностями... Политики никогда не думали, что идентичность станет проблемой»⁴². Баронесса Флатэр поддержала этот тезис: «Было ощущение, что когда... второе поколение пойдет в британские школы, проблем не будет, они все приспособятся и станут британцами... Удивительно, что правительство считало, что все изменится за одно поколение. Но этого... до сих пор не произошло»⁴³.

По сути, дебаты показали лишь вершину айсберга. В подводной его части оказались глубокие, фундаментальные для британского общества вопросы, связанные с оценкой эффективности принятой в 1960–1970-е годы концепции мультикультурализма⁴⁴ и пониманием себя в новых исторических реалиях. Выход Британии из Европейского союза в январе 2020 г. вновь, как и 60 лет назад, актуализировал поиск страной другой роли в мире. Некоторые авторы охарактеризовали брекзит как всплеск имперских настроений⁴⁵. На формулирование уточненного, с поправкой на брекзит, содержания национальной идентичности Соединенного Королевства насаивается ярко выраженное деление на регионы с их сильным самосознанием. К этой особенности следует добавить мигрантов разных поколений, для интеграции которых нужно понимать, в какое именно общество они должны включаться, какие именно ценности и нормы должны разделять.

Произошедший по символическому совпадению накануне 70-летней годовщины прибытия судна «Эмпайр Виндраш» в Британию политический скандал напрямую был связан с проблемой включенности мигрантов в общую картину британской истории. Прибытие «Эмпайр Виндраш», обыгранное на Олимпийских играх 2012 г. и ставшее символом мультирасовой Британии, на практике оказалось сюжетом, слабо вписанным в культурный код страны. Обозначилось столкновение разных национальных историй, которые, «как и любые иные картины прошлого, не просто сосуществуют, они то и дело ... вступают в конфликты друг с другом»⁴⁶. Такую ситуацию историки объясняют тем, что «наша» картина прошлого может быть по определению только монологичной: «“мы” не можем быть и “нами” и “не нами” по определению»⁴⁷. Преодоление таких закономерно возникающих разногласий требует целенаправленных усилий по налаживанию реального, а не декларативного, диалога между сторонами.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СКАНДАЛА И ОБСУЖДЕНИЯ В ПАЛАТЕ ОБЩИН

В середине апреля 2018 г. министр внутренних дел Великобритании Э. Радд принесла извинения за произошедшее, признав, что ее ведомство «потеряло людей из виду» и стало

⁴² Hansard. MV “Empire Windrush”. Lord Dholakia. Vol. 788. Col. 51GC.

⁴³ Hansard. Immigration: Hostile Environment. Baroness Flather. Vol. 791. Col. 1788.

⁴⁴ Taylor Ch. The Politics of Recognition. In: Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / ed. A. Gutmann. Princeton, 1994; *Kymlicka J.* Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity. Oxford (UK), 2007.

⁴⁵ Gardner A. Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view // Journal of Social Anthropology. 2017. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–26; Drea E. The Empire Strikes Back. Brexit, History and the Decline of Global Britain. Wilfried Martens Centre for European Studies. 2019 // URL: <https://martenscentre.eu/publications/empire-strikes-back-brexit-history-and-decline-global-britain> (дата обращения: 27.12.2021).

⁴⁶ Бойцов М.А. Указ. соч. С. 95.

⁴⁷ Там же.

«слишком озабочено политикой»⁴⁸. Министр внутренних дел пообещала, что будет упрощена схема доказательства правового статуса представителей «поколения Виндраш»⁴⁹. Слова сожаления прозвучали накануне состоявшегося 16–20 апреля 2018 г. саммита Содружества наций в Лондоне⁵⁰.

Британия возлагала большие надежды на эту встречу, рассчитывая на основе «одной из влиятельных и значительных международных» площадок реализовать новые инициативы в областях «торговли и инвестиций в Содружестве», климатической повестки и противодействия «природным катастрофам, борьбе с угрозами (такими как организованная преступность, киберпреступность, насильственный экстремизм и торговля людьми)»⁵¹.

Хотя премьер-министр Т. Мэй встретила с лидерами стран Карибского бассейна за несколько дней до начала конференции и также принесла извинения за действия своей службы внутренней политики⁵², атмосфера саммита была омрачена произошедшим событием. В то же время скандал имел и положительный эффект для развития организации в целом. Содружество — это не только форум для сотрудничества, но и инструмент для бывших колониальных территорий по привлечению Великобритании к ответственности и предъявлению ей «счета по различным аспектам имперского наследия»⁵³.

После завершения встречи и в условиях неутраченной общественной реакции на скандал Э. Радд в конце апреля 2018 г. подала в отставку. Ее сменил С. Джавид, возглавлявший до этого Министерство по делам общин и местного самоуправления. Сгладить возникшее в обществе обострение мультирасовых противоречий должно было, видимо, и пакистанское происхождение нового министра. Две недели спустя после назначения министр пообещал «поступить правильно» с «поколением Виндраш», которое «десятилетиями жило в этой стране и все же изо всех сил пыталось выжить в существующей иммиграционной системе. Этого никогда не должно было случиться, и надо сделать все возможное, чтобы все исправить»⁵⁴.

К празднованию юбилея 22 июня 2018 г. правительство Т. Мэй предприняло ряд инициатив, призванных ослабить накал ситуации. 18 июня 2018 г. правительство объявило о выделении гранта в размере 500 тыс. ф. ст. для финансирования ежегодных празднований в День Виндраш, чтобы «признать и отметить их (мигрантов. — *Е.Х.*) огромный вклад»⁵⁵. Кроме того, с середины апреля 2018 г. было выдано «2 104 документа, подтверждающих статус поселенцев, и предоставлено британское гражданство 285 людям»⁵⁶. Другая инициатива правительства касалась создания Фонда помощи жертвам Виндраш; специально сформированный комитет по внутренним делам должен был разработать схему компенсации⁵⁷.

⁴⁸ *Gentleman A.* Amber Rudd's sorry' for appalling treatment of Windrush-era citizens // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/apr/16/theresa-may-caribbean-representatives-windrush-immigration> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴⁹ *Ibidem.*

⁵⁰ Commonwealth Summit highlights tension with UK // URL: <https://country.eiu.com/article.aspx?articleid-746659858&Country-Bahamas&topic-Politics&subtopic-Forecast&subsubtopic-International+relations> (дата обращения: 23.12.2021).

⁵¹ *Годованюк К.* Саммит Содружества наций... С. 36.

⁵² *Craggs R.* The 2018 Commonwealth Heads of Government Meeting, the Windrush scandal and the legacies of empire // URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/ws/files/103312004/The_2018_Commonwealth_Heads_CRAGGS_Firstonline6June2018_GREEN_AAM_.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

⁵³ *Ibidem.*

⁵⁴ *Gruenbaum O.* Op. cit.

⁵⁵ *Badshah N.* Op. cit.

⁵⁶ *Gentelman A.* Anger over Windrush scandal overshadows anniversary plans // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/jun/21/anger-over-windrush-scandal-overshadows-anniversary-plans> (дата обращения: 17.05.2022)

⁵⁷ *Badshah N.* Op. cit.

В 2019 г. была озвучена обещанная схема выплат и началась ее реализация. Однако при обсуждении этого вопроса в марте 2020 г. в Палате общин выяснилось, что «с момента открытия фонда было подано всего 1 108 заявлений и только 36 человек получили деньги»⁵⁸. Теневой министр внутренних дел Д. Эббот заявила, что это «постыдно низкая выплата»⁵⁹. Среди причин малого количества заявок парламентарии назвали сложности заполнения многостраничной формы; опасения людей, что они будут арестованы, учитывая «их опыт взаимодействия с МВД», и «подорванное доверие» к властям⁶⁰.

Накануне дебатов в Палате общин В. Уильямс, инспектор Ее Величества в полиции Уэльса и Западного региона, в ответ на запрос Палаты общин в начале марта 2020 г. представила доклад об уроках скандала Виндраш⁶¹. В этом подробном тексте объемом 276 страниц содержались характеристика причин скандала, анализ действий сотрудников британского МВД и были сформулированы 30 рекомендаций по предотвращению подобных ситуаций в будущем⁶². Среди таковых значились разработка программы мероприятий по примирению с представителями «поколения Виндраш», пересмотр министерством стратегии инклюзивного разнообразия и инклюзивности, переосмысление текущих норм приема иностранцев с опорой на знание истории иммиграционного законодательства и др.⁶³

В июне 2020 г. при повторном рассмотрении в Палате общин вопроса о компенсации заместитель министра внутренних дел Великобритании баронесса Уильямс отметила, что «сотрудники МВД посетили или провели более 100 мероприятий по информированию» пострадавших о положенной им компенсации. Также «была начата разработка программы цифрового взаимодействия»⁶⁴. Парламентарии обратили внимание на необходимость интенсификации финансовых выплат, учитывая вклад представителей «поколения Виндраш» и их потомков в сферу здравоохранения и другие системы жизнеобеспечения Великобритании в условиях пандемии⁶⁵.

Выплата компенсации продлена до 2023 г. Празднование третьего национального Дня Виндраш 22 июня 2021 г. проходило в онлайн- и офлайн-формате и было ознаменовано поддержкой сорока двух проектов по всей стране⁶⁶. После скандала 2018 г. правительство старается уделять повышенное внимание этому дню и «поколению Виндраш» в целом, отдавая должное мигрантам из Карибского бассейна и их потомкам.

Таким образом, обсуждения круглой даты и всех сопряженных с «поколением Виндраш» сюжетов в парламенте Великобритании вскрыли болевые точки в деле интеграции мигрантов, оценки их реального вклада в восстановление страны после Второй мировой войны и ее современное положение. Политический скандал весны 2018 г. послужил запалом к широкому общественным и политическим дискуссиям как об эффективности

⁵⁸ Windrush Compensation Scheme (Expenditure) Bill. Vol. 674: debated on Tuesday 24 March 2020. Ms Diane Ebbot. Col. 304 // URL: [https://hansard.parliament.uk/Commons/2020-03-24/debates/08EDEF46-F8BF-45C7-A211-6372BDDC1FB4/WindrushCompensationScheme\(Expenditure\)Bill?highlight-windrush#contribution-C4CDA979-8DEB-4ED7-A066-629891BFED7C](https://hansard.parliament.uk/Commons/2020-03-24/debates/08EDEF46-F8BF-45C7-A211-6372BDDC1FB4/WindrushCompensationScheme(Expenditure)Bill?highlight-windrush#contribution-C4CDA979-8DEB-4ED7-A066-629891BFED7C) (дата обращения: 12.12.2021).

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibid. Col. 310–313.

⁶¹ Return to an Address of the Honourable the House of Commons dated 19 March 2020 for Windrush Lessons Learned Review. Independent review by Wendy Williams. Ordered by the House of Commons to be printed on 19 March 2020 // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/876336/6.5577_HO_Windrush_Lessons_Learned_Review_LoResFinal.pdf (дата обращения: 12.12.2021).

⁶² Ibidem.

⁶³ Ibid. P. 137–150.

⁶⁴ Windrush Compensation Scheme. Vol. 803. The Minister of State, Home Office. Baroness Williams of Trafford. Col. 526.

⁶⁵ Ibid. Col. 527–529.

⁶⁶ Nation pays tribute to the Windrush Generation. 22 June 2021 // URL: <https://www.gov.uk/government/news/nation-pays-tribute-to-the-windrush-generation> (дата обращения: 03.02.2022).

работы МВД и политике «враждебной среды», так и о проблемах интеграции мигрантов в существующую национальную картину прошлого и настоящего страны. Однако намеченные обсуждения свелись на правительственном уровне лишь к отдельным законодательным инициативам по выплате компенсации пострадавшим гражданам и рекомендациям по корректировке работы с мигрантами в МВД Британии при отсутствии полномасштабной программы по преодолению сохраняющейся расовой дискриминации и интеграции мигрантов. В будущем правительственными кругами неизбежно придется уделить максимально пристальное внимание обозначенным сюжетам в условиях отсутствия на сегодняшний день внятной стратегии интеграции мигрантов взамен признанной неэффективной концепции мультикультурализма.

Библиография

- Бойцов М.А.* История и глобализация. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 91–108.
- Годованюк К.А.* Контуры новой миграционной политики Соединенного Королевства // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 6. С. 106–111.
- Годованюк К.* Саммит Содружества наций и новая внешнеполитическая стратегия Великобритании // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 2. С. 35–42.
- Зубарев А.В.* К вопросу о начале крупномасштабной трудовой миграции из колоний в Великобританию во второй половине 1940-х гг. // *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2017. № 17 (1). С. 121.
- Карпов Г.А.* Британская миграционная политика второй половины XX – начала XXI в.: уроки для России // *Национальная безопасность / nota bene*. 2017. № 1. С. 15–42.
- Кочеткова Л.Ю.* Опыт управления иммиграцией в Великобритании // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2015. Т. 1. С. 346–352.
- Охошин О.В.* Миграционная политика Великобритании до и после брекзита // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 3. С. 506–516.
- Хахалкина Е.В.* Проблемы расовой дискриминации и ограничения иммиграции в Великобритании во второй половине 1950-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2017. № 50. С. 108–117.
- Akala.* The Great British Contradiction // *RSA Journal*. 2018. Vol. 164. Iss. 2 (5574). P. 18–21.
- Arnott P.* Windrush: a ship through time. Cheltenham, 2021;
- Brittain Ann W.* Cohort Size and Migration in a West Indian Population // *The International Migration Review*. 1990. Vol. 24. Iss. 4. P. 703–721.
- Charsley K., Benson M., van Hear N.* Marriage-Related Migration to the UK // *International Migration Review*. 2012. Vol. 46. Iss. 4. P. 861–890.
- Drea E.* The Empire Strikes Back. Brexit, History and the Decline of Global Britain. Wilfried Martens Centre for European Studies. 2019 // URL: <https://martenscentre.eu/publications/empire-strikes-back-brexit-history-and-decline-global-britain> (дата обращения: 27.06.2021).
- Foner N.* Race and Color: Jamaican Migrants in London and New York City // *The International Migration Review*. Vol. 19. Iss. 4. 1985. P. 708–727.
- Gardner A.* Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view // *Journal of Social Anthropology*. 2017. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–26.
- Heide H.T.* West Indian Migration to Great Britain // *Nieuwe West-Indische Gids / New West Indian Guide*. 1963. Vol. 43. P. 75–88.
- Memory, Migration and (De)Colonisation in the Caribbean and Beyond Book / eds J. Webb, R. Westmaas, M. del Pilar Kaladeen, W. Tantam.* London, 2020.
- Miles R.* Nationality, Citizenship, and Migration to Britain, 1945–1951 // *Journal of Law and Society*. 1989. Vol. 16. Iss. 4. P. 426–442.
- Model S.* West Indian immigrants: a black success story? New York, 2008.
- Palmer R. W.* A Decade of West Indian Migration to the United States, 1962–1972: an Economic Analysis // *Social and Economic Studies*. 1974. Vol. 23. Iss. 4. P. 571–587.
- Peach G.* West Indian Migration to Britain // *The International Migration Review*. 1967. Iss. 1(2). P. 34–45.
- Peach C.* West Indian migration to Britain: a social geography. London, New York, 1968.
- Philpott S.B.* West Indian migration: the Montserrat case. London, 1973.
- Shankly W., Finney N.* Ethnic minorities and housing in Britain // *Ethnicity and Race in the UK Book Subtitle: State of the Nation' book / eds B. Byrne, C. Alexander, O. Khan, J. Nazro, W. Shankley.* Bristol, 2020. P. 120–151.

Thomas-Hope E. Hopes and Reality in the West Indian Migration to Britain // *Oral History*. 1980. Vol. 8. Iss. 1. P. 35–42.

References

Boitsov M.A. Istoriia i globalizatsiia. Vyzhivet li Klio pri globalizatsii? [History and globalization. Will Clio Survive Under Globalization?] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2006. № 2. S. 91–108. (In Russ.)

Godovaniuk K. Sammit Sodruzhestva natsii i novaia vneshnepoliticheskaia strategiiia Velikobritanii [Commonwealth Summit and Britain's New Foreign Policy Strategy] // *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN* [Scientific and analytical bulletin of IE RAS]. 2018. № 2. S. 35–42. (In Russ.)

Godovaniuk K.A. Kontury novoi migratsionnoi politiki Soedinennogo Korolevstva [Outlines of the new UK migration policy] // *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN* [Scientific and analytical bulletin of IE RAS]. 2018. № 6. S. 106–111. (In Russ.)

Karpov G.A. Britanskaia migratsionnaia politika vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.: uroki dlia Rossii [British Migration Policy in the Second Half of the 20th and Early 21st Centuries: Lessons for Russia] // *Natsional'naiia bezopasnost' / nota bene* [National security / nota bene]. 2017. № 1. S. 15–42. (In Russ.)

Khakhalkina E.V. Problemy rasovoi diskriminatsii i ogranicheniia immigratsii v Velikobritanii vo vtoroi polovine 1950-kh gg. [Problems of Racial Discrimination and Immigration Restrictions in Great Britain in the Second Half of the 1950s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2017. № 50. S. 108–117. (In Russ.)

Kochetkova L.Iu. Opyt upravleniia immigratsiei v Velikobritanii [UK immigration management experience] // *Sovremennyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika* [Modern city: power, management, economics]. 2015. T. 1. S. 346–352. (In Russ.)

Okhoshin O.V. Migratsionnaia politika Velikobritanii do i posle brekzita [UK immigration policy before and after Brexit] // *Vestnik RUDN. Serii: Politologiiia* [Bulletin of RUDN University. Political science series]. 2020. T. 22. № 3. S. 506–516. (In Russ.)

Zubarev A.V. K voprosu o nachale krupnomasshtabnoi trudovoi migratsii iz kolonii v Velikobritaniiu vo vtoroi polovine 1940-kh gg. [On the issue of the beginning of large-scale labor migration from the colonies to Great Britain in the second half of the 1940s] // *Nauchnye trudy respublikanskogo instituta vysshei shkoly* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education]. 2017. № 17 (1). S. 121. (In Russ.)

Akala. The Great British Contradiction // *RSA Journal*. 2018. Vol. 164. Iss. 2 (5574). P. 18–21.

Arnott P. Windrush: a ship through time. Cheltenham, 2021.

Brittain Ann W. Cohort Size and Migration in a West Indian Population // *The International Migration Review*. Vol. 24. Iss. 4. 1990. P. 703–721.

Charsley K., Benson M., van Hear N. Marriage-Related Migration to the UK // *International Migration Review*. 2012. Vol. 46. Iss. 4. P. 861–890.

Drea E. The Empire Strikes Back. Brexit, History and the Decline of Global Britain. Wilfried Martens Centre for European Studies. 2019 // URL: <https://martenscentre.eu/publications/empire-strikes-back-brexit-history-and-decline-global-britain> (access date: 27.06.2021).

Foner N. Race and Color: Jamaican Migrants in London and New York City // *The International Migration Review*. 1985. Vol. 19. Iss. 4. P. 708–727.

Gardner A. Brexit, boundaries and imperial identities: A comparative view // *Journal of Social Anthropology*. 2017. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–26.

Heide H.T. West Indian Migration to Great Britain // *Nieuwe West-Indische Gids / New West Indian Guide*. 1963. Vol. 43. P. 75–88.

Memory, Migration and (De)Colonisation in the Caribbean and Beyond Book / eds J. Webb, R. Westmaas, M. del Pilar Kaladeen, W. Tantam. London, 2020.

Miles R. Nationality, Citizenship, and Migration to Britain, 1945–1951 // *Journal of Law and Society*. Vol. 16. Iss. 4. 1989. P. 426–442.

Model S. West Indian immigrants: a black success story? New York, 2008.

Palmer R. W. A Decade of West Indian Migration to the United States, 1962–1972: an Economic Analysis // *Social and Economic Studies*. 1974. Vol. 23. Iss. 4. P. 571–587.

Peach G. West Indian Migration to Britain // *The International Migration Review*. 1967. Iss. 1(2). P. 34–45;

Peach C. West Indian migration to Britain: a social geography. London, New York, 1968.

Philpott S.B. West Indian migration: the Montserrat case. London, 1973.

Shankly W., Finney N. Ethnic minorities and housing in Britain // *Ethnicity and Race in the UK Book Subtitle: State of the Nation' book* / eds B. Byrne, C. Alexander, O. Khan, J. Nazro, W. Shankley. Bristol, 2020. P. 120–151.

Thomas-Hope E. Hopes and Reality in the West Indian Migration to Britain // *Oral History*. 1980. Vol. 8. Iss. 1. P. 35–42.

DOI: 10.31857/S013038640023089-5

© 2022 г. **В.В. СОГРИН**

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Аннотация. В книге «Американская цивилизация» автор выделил шесть ее основ — английский архетип, демократия, индивидуализм, равенство возможностей, массовая иммиграция, мессианство. В данной статье автор останавливается на трех перманентных, но наиболее подвергшихся изменениям основаниях — демократии, иммиграции, мессианстве. До 1960-х годов американская демократия была тождественна политической демократии, но в 1930–1960-х годах в США сложилось «социальное государство». Его развитие пресеклось в период президентства Р. Рейгана: в условиях, когда после окончания холодной войны капитализм восторжествовал во многих странах мира, в том числе бывших социалистических, произошла его мифологизация. Миф гласит, что освобожденный от всяких пут капитализм способен облагодетельствовать всех людей. Такая ситуация сохранялась до последнего десятилетия. Контртенденция объясняется тем, что американская демократия предоставляет очевидные преимущества в основном верхним экономическим слоям. В XVII–XIX вв. иммигранты в США ассимилировались англосаксонским ядром. С начала XX в. они стали смешиваться в «плавильном котле», который творил американскую цивилизацию, вобравшую в качестве основы англосаксонские ценности, но к ним добавились ценности других европейских культур. С 1960-х годов с концепцией «плавильного котла» стал соперничать мультикультурализм, означавший, что иммигранты и граждане разных рас существуют в США равноправно. В 2020 г. в ходе национальных выборов сторонники мультикультурализма одержали победу. В случае распространения полного равенства на небелые расы и этносы кардинально изменится облик американской цивилизации. Обе главные партии придерживались имперского мессианства, унаследованного от Британской империи, но сохранившегося и развитого после достижения в 1776 г. независимости. На современном этапе наметился кризис американской империи и отход от цели мирового господства и мессианства.

Ключевые слова: демократия, массовая иммиграция, «плавильный котел», мультикультурализм, имперское мессианство.

V.V. Sogrin

The Past and Present of American Civilization

Vladimir Sogrin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Abstract. In this article, the author dwells on three permanent but largely transformed foundations of American civilization, namely democracy, immigration, and messianism.

Until the 1960s, American democracy was identical with political democracy, but in 1930s – 1960s a “welfare state” emerged in the USA. Its expansion was halted during the Reagan presidency. The main reason was that, as capitalism triumphed in many countries of the world, its mythologisation was taking place. The myth was that capitalism, freed from all shackles, would benefit everyone. The

counter-trend is explained by the fact that American democracy provides obvious advantages to the upper economic strata.

In the seventeenth and nineteenth centuries, immigrants were assimilated into the Anglo-Saxon core. From the beginning of the twentieth century they began to blend into the melting pot. Since the 1960s, multiculturalism began to compete with the concept of the melting pot, which meant that immigrants and citizens of different racial groups existed as equals in the US. If full equality were to be realised for non-white races and ethnic groups, American civilisation would change radically.

The two main parties were close in their approach to foreign policy. Both adhered to the imperial messianism inherited from the British Empire, but preserved and developed after independence in 1776. At the present stage, there is a crisis of American empire and a move away from the goal of world domination and messianism.

Keywords: democracy, mass immigration, melting pot, multiculturalism, imperial messianism.

«Нас так долго учили любить твои запретные плоды» — эти слова из песни об Америке отечественной рок-группы «Наутилус помпилиус», отразившие отношение россиян к США в период горбачевской перестройки, утратили актуальность. Америку многие любить перестали, хотя подражание масскультуре, особенно среди молодежи, сохраняется и усиливается. Но сама Америка за 30 лет стала другой. Поменялись ее цивилизационные основы. Об этом пойдет речь в статье.

Несколько лет назад в книге «Американская цивилизация» автор выделил шесть ее основ¹. В настоящей же статье я остановлюсь на трех (наиболее весомых) основаниях-факторах². Это демократия, иммиграция и мессианство.

Начну с демократии. Отцы-основатели США в период выработки федеральной Конституции 1787 г. критически судили о демократии, которая отождествлялась с полисной демократией Древней Греции. Они отдавали предпочтение республике древнеримского и ренессансно-итальянского образцов, в которой делегировалась власть элите. Авторы федеральной Конституции были озабочены защитой интересов верхних слоев, но учитывали и позицию иных социальных групп белого населения (электората). Это нашло отражение в проекте конституции. В итоге она стала двойным общественным договором: во-первых, между разными группами верхних слоев, согласовавшими с помощью компромиссов собственные интересы, и, во-вторых, между верхними слоями и электоратом в целом. Этот компромиссно-договорный характер взаимоотношений между социально-политической элитой и обществом, ранее утверждавшийся в Англии, стал важной чертой американской политической культуры.

Федеральная Конституция оказалась совместимой с демократией, и в препарированном виде демократия стала в XIX в. именоваться представительной (классическая же демократическая модель, которую отвергали авторы конституции, стала именоваться прямой демократией, приобретшей некоторое влияние в США). Американская конституционная демократия носила элитарный характер, поскольку верхи закрепили за собой роль организатора и руководителя политической власти, но обладала также и плюралистическим характером: включала разнообразные компромиссы с участниками гражданского общества и конкуренцию на выборах. Дополнение конституции Биллем о правах придало

¹ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. Я выделил и рассмотрел шесть ее факторов-оснований: английский архетип, демократия, индивидуализм, равенство возможностей, массовая иммиграция, мессианство.

² Во многих странах преподается особая дисциплина региональных и локальных цивилизаций («Цивилизация США», «Цивилизация Франции», «Цивилизация Запада» и т.д.). Цивилизации разделяют на универсальные и локальные. Примером первых могут служить доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная цивилизации. Локальные цивилизации охватывают отдельные регионы и страны. США рассматриваются мною как локальная цивилизация. Такой тип демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и социокультурных характеристик. Соединенные Штаты обладают чертами, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют архетипы и факторы, присущие только им.

американской политической модели характер либеральной демократии: признание воли большинства сочеталось с закреплением неотъемлемых прав личности, а со временем с признанием прав социальных, религиозных, расово-этнических и иных меньшинств.

К 1820-м годам в результате повсеместной отмены имущественного ценза избирательным правом были наделены все взрослые белые мужчины. В эпоху «джексоновской демократии» право выдвижения кандидатов в президенты было передано от узкоэлитарных кокусов национальным партийным конвентам, активность избирателей достигла рекордного уровня (до 70% участвовали в президентских выборах), резко возрос политический плюрализм. Алексис де Токвиль даже утверждал, что народ вершит политику в США. Сразу после Гражданской войны 1861–1865 гг. избирательным правом были наделены чернокожие мужчины и представители чернокожей расы включились в политический процесс. В последней четверти XIX в. было введено тайное голосование избирателей, усилились демократические начала в конкуренции партий. Но соответствия современным критериям демократии достигнуто не было. Женщины, составлявшие половину населения, были лишены избирательных прав (наделены им в 1918 г.).

В конце XIX в. южные штаты при помощи введения избирательного налога и ценза грамотности лишили избирательного права 90% чернокожих граждан и черная раса утратила представительство в политической власти. Очень важно было то, что с укреплением позиций к конца XIX в. крупного бизнеса (корпораций) резко возросла роль денег в политике, что заметно ослабило демократический и плюралистический характер власти.

Демократию в США традиционно мыслили как политическую. В американской политической науке в изучении демократии США нет единства, а магистральное различие пролегает между теми (назовем их «оптимистами»), кто считает, что в США власть принадлежит если не всем, то большинству или множеству граждан, и теми (их назовем «пессимистами»), кто полагает, что она принадлежит меньшинству. Среди «оптимистов» также есть различие: те, кто полагает, что власть принадлежит всем гражданам в равной степени, находятся в меньшинстве, а преобладают те ученые, которые считают, что власть принадлежит многим, но не всем. Эти политологи реальной демократией считают демократию плюралистическую и полагают, что именно она и присутствует в США. По их мнению, американская демократия — это политическая конкуренция всевозможных ассоциаций, групп интересов, политических партий. Эти ученые также доказывают, что плюралистическая демократия, чтобы быть действенной, должна дополняться процедурной демократией, т.е. набором механизмов и процедур, обеспечивающих равенство конкурентных политических условий для объединений и граждан.

Отождествление демократии с политической демократией постепенно менялось. В период Прогрессивной эры начала XX в. и Нового курса 1930-х годов политическая власть уделила внимание смягчению экономического неравенства. В 1960-е годы президент США от Демократической партии Л. Джонсон провозгласил достижение «равенства по факту и по результатам»³. С 1960-х годов оформлялась концепция «социального гражданства». Она требовала от государства уменьшать фактическое неравенство, перераспределяя налоги, предоставляя нижним слоям льготы и помощь, гарантирующие качество жизни, соответствующее возможностям высокоразвитой цивилизации.

В 1960-х годах выросло число американцев, которые полагали, что общество обязано обеспечивать определенное выравнивание результатов деятельности граждан, поскольку образцового равенства возможностей на деле не существует и поскольку массовая бедность в развитом современном обществе недопустима. Президенты от Демократической партии в 1960-х годах Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсон расширили социальное гражданство, включив в него компоненты, отсутствовавшие при Рузвельте. Реформаторский размах Кеннеди — Джонсона можно объяснить в контексте общемировых тенденций, потребовавших от лидеров Демократической партии укрепления устоев американской

³ Цит. по: *Foner E. Give Me Liberty. An American History. New York, 2008. P. 982.*

цивилизации. Основа этого контекста – острое соперничество либерального капитализма во главе с США и мирового социализма во главе с СССР.

В 1960 г. многие страны Африки получили независимость, часть их потянулась к социалистической модели. Москва нарекла их «странами социалистической ориентации», начав предоставлять им разнообразную помощь, включая военную. Неприемлемые для США тенденции обозначились в Латинской Америке (революция на Кубе и радикализация режима Ф. Кастро) и Азии (социалистические тенденции в развитии Северного Вьетнама). Новый глава СССР Н.С. Хрущев провел серию социальных и политических реформ, улучшивших имидж Советского Союза.

Новый лидер Демократической партии Дж.Ф. Кеннеди провозгласил: «На всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы... пусть каждая страна, желает она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену... утверждая жизнь и достижение свободы»⁴. Социальная политика Кеннеди – Джонсона была отмечена укреплением двух главных компонентов социального государства (social state) – во-первых, уже существовавшего со времен Рузвельта социального страхования, охватывающего всех американцев, и, во-вторых, введенного впервые социального вспомоществования, предназначенного для обездоленных слоев. Важной программой социального вспомоществования стала «Медикейд», предусматривавшая бесплатную медицинскую помощь миллионам малоимущих граждан, а также программа продовольственной помощи нуждающимся американцам.

Одним из главных бенефициариев социальных нововведений 1960-х годов стали американские пенсионеры. Особое значение для них имела федеральная программа «Медикэр». Программа покрывала за счет государства до 50% расходов пенсионеров на медицинское обслуживание. Она стала неотъемлемой частью Общей федеральной программы, одобренной еще в 1935 г. и включившей государственное страхование по старости, безработице, утрате кормильца, инвалидности.

В январе 1964 г. вступила в силу 24-я поправка к федеральной Конституции, отменявшая избирательный налог, служивший препятствием для участия чернокожих на Юге в выборах. Федеральный закон о гражданских правах, одобренный Конгрессом США 2 июля 1964 г., запретил расовую дискриминацию во всех местах общественного пользования, включая школы, больницы, транспорт, а также при приеме на работу. В августе 1965 г. Конгресс США одобрил закон об избирательном праве, отменивший ценз грамотности, второе главное препятствие для участия чернокожих на выборах в южных штатах. В интересах чернокожих стали широко применяться программы «позитивных действий» (affirmative actions). В соответствии с ними при поступлении на работу, в учебные заведения, конкурсном замещении различных вакансий афроамериканцам выделялись квоты, соответствовавшие их удельному весу в американском населении. Демократическая партия вобрала практически всех чернокожих в свой электорат.

В 1960-е годы для женщин было снято табу с добрых сексуальных отношений, освещена свобода не только женщины в выборе и смене партнера-мужчины, но и лесбийских и в целом однополых отношений. В 1970-х годах федеральное правительство одобрило программу «позитивных действий» для женщин при заполнении вакансий в учреждениях и предприятиях, имеющих федеральные контракты. В 1973 г. женское движение добилося отмены запрета на аборт от Верховного суда США. Женщины боролись за осуждение разнообразных форм «сексуальных домогательств» со стороны мужчин. В 1977 г. правовое обоснование пресечения «сексуальных домогательств» было дано Верховным судом США⁵.

⁴ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 429–430.

⁵ Evans S.M. Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989. P. 130, 134–135, 159, 167.

В 1960-е годы были приняты важные меры в интересах индейцев. До 1960-х годов количество индейских резерваций неизменно сокращалось, а численность краснокожих снизилась до 400 тыс. человек. В 1961 г. представители 67 индейских племен одобрили на съезде в Чикаго декларацию, обосновывавшую «право выбрать собственный образ жизни». Было создано несколько индейских организаций, поставивших целью борьбу за воплощение этого права в жизнь. В 1968 г. Конгресс США одобрил Закон о гражданских правах индейцев, гарантировавший коренным американцам сохранение собственного жизненного уклада. В последующие десятилетия смертность среди краснокожих, особенно детская, сократилась, продолжительность жизни увеличилась. К началу XXI в. численность индейцев достигла более 2 млн⁶.

Развитие «социального государства» в США пресеклось в период президентства Р. Рейгана в 1980-х годах. Фундаментальная причина заключалась в том, что в условиях, когда, особенно после окончания холодной войны, капитализм восторжествовал в большинстве стран мира, в том числе в бывших социалистических, произошла его мифологизация. Согласно этому мифу, капитализм в условиях его максимально свободного развития благодействует всех. В результате восприятия и влияния этой доктрины в странах как «нового», так и «старого» капитализма объем социальных обязательств государства сократился. Произошло это и в США.

Такая ситуация сохранялась вплоть до последнего десятилетия, а контртенденция объясняется тем, что американская демократия предоставляет очевидные преимущества в основном верхнем экономическом слоем. После завершения холодной войны Соединенные Штаты утвердились в качестве единственной сверхдержавы. Американский политолог Ф. Фукуяма объявил о мировой победе либерального капитализма. Но ведущий американский «левый» социолог и философ И. Валлерстайн был иного мнения: Америка не выиграла, а проиграла в холодной войне. Ведь теперь только США ответственны за реализацию надежд всего мира на декларируемые ими «равные права на свободу, жизнь, стремление к счастью». Валлерстайн доказывал, что реализация этого идеала несовместима с американской системой либерального капитализма⁷.

Удерживать государственное доминирование верхних слоев при полнокровной политической демократии затруднительно. Это выявилось в ходе президентских выборов 2020 г. и победы Демократической партии над республиканцами. Некоторые российские эксперты (особенно журналисты) обрушились на Демократическую партию США, а кое-кто даже начал прогнозировать социалистическую революцию в результате ее победы. Это не так. Главным спонсором партии являются транснациональные корпорации, но победить с помощью «товара», приемлемого для одного верхнего класса, в США невозможно. Демократы сделали ставку на реставрацию «социального государства» и мультикультурализм, который, по их расчетам, должен был обеспечить поддержку большинства избирателей, с учетом того, что его одобряли много белых американцев, особенно молодежь, женщины и все небелые этносы. Поддержкой Демократической партии пользовались женское движение «Ми ту» (Me too), агрессивное движение чернокожих и части белых «Жизни черных имеют значение» (Black lives matter). Демократы ради победы над республиканцами были готовы встать на колени перед чернокожими, лишь бы сокрушить политических оппонентов. В прошлом в конкурентной политической борьбе демократы не раз «поглощали» сторонников «левых» самых разных мастей. Придя к власти, партия провозгласила готовность интегрировать «левые» движения с помощью новых социальных реформ⁸.

⁶ Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 357.

⁷ Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67, 73–77.

⁸ Подробно см.: Согрин В.В. Двухпартийная система в истории США. От Дж. Вашингтона до современности // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 69–87.

В сентябре 2021 г. в Конгрессе президент США сделал важное заявление: «И выбор такой: собираемся ли мы и дальше развивать экономику, в которой подавляющая доля выгод будет принадлежать крупным корпорациям и очень богатым людям? Или мы собираемся воспользоваться этим моментом прямо сейчас, чтобы направить эту страну на новый путь – тот, который инвестирует в эту страну, создает реальный, устойчивый экономический рост, и от этого выигрывают все, включая трудящихся и людей среднего класса?» Байден подчеркнул, что за последние 40 лет «богатые стали богаче, и слишком многие корпорации утратили чувство ответственности перед своими работниками, своими сообществами и страной». «Раньше генеральные директора, – сказал Байден, – получали примерно в 20 раз больше среднего сотрудника в компании, которой они руководили. Сегодня они зарабатывают больше чем в 350 раз больше, чем средний рабочий в их корпорации»⁹.

Как внутри-, так и внешнеполитические акции Байдена и Демократической партии в 2021 г. носили по преимуществу характер намерений, и изменение американской демократии остается под вопросом. Республиканская партия намерениям оппонентов отчаянно сопротивляется, пользуясь традиционными характеристиками американской демократии. Американские избиратели, согласно социологическим опросам, разделились примерно поровну на тех, кто поддерживает меры демократов, и тех, кто против. Республиканцы надеются на успех в ходе новых выборов. Изменится ли демократия США и как это повлияет на американскую цивилизацию – вопрос остается открытым.

Серьезные изменения претерпела массовая иммиграция.

Иммиграция в США с основных континентов, 1820–2000 гг. (тыс.)¹⁰

Десятилетие	Европа	Америка	Азия	Африка
1820–1830	106	12	–	–
1831–1840	496	33	–	–
1841–1850	1,597	62	–	–
1851–1860	2,453	75	42	–
1861–1870	2,065	167	65	–
1871–1880	2,272	404	70	–
1881–1890	4,735	427	70	–
1891–1900	3,555	39	75	–
1901–1910	8,065	362	324	7
1911–1920	4,322	1,144	247	8
1921–1930	2,463	1,517	112	6
1931–1940	348	160	16	2
1941–1950	621	355	32	7
1951–1960	1,326	997	150	14
1961–1970	1,123	1,716	590	29
1971–1980	800	1,983	1,588	81
1981–1990	762	3,616	2,738	192
1991–2000	1,100	3,800	2,200	383

⁹ Русская служба «Голоса Америки». 17 сентября, 2021 // URL: <https://www.golosameriki.com/novosti> (дата обращения: 12.05.2022).

¹⁰ Согрин В.В. Энциклопедия истории США. С. 360; Historical Statistics of the United States: in 2 vol. Washington, 1975. P. 105, 107.

В XVII–XIX вв. иммигранты ассимилировались англосаксонским ядром. С начала XX в. они стали смешиваться в «плавильном котле», который творил американскую цивилизацию, вобравшую в качестве основы англосаксонские ценности, но к ним добавились ценности других европейских культур. Понятие «плавильный котел» было заимствовано из названия пьесы начала XX в. Его восприятие определялось временем. То был период наивысшей европейской иммиграции, включавшей многие новые белые этносы. Споры с другими европейскими державами и Первая мировая война потребовали повысить статус всех, а не только английского, белых этносов, которые должны были переживать не за бывшую родину, а ощущать себя американцами. «Белая» иммиграция господствовала.

С 1960-х годов с концепцией «плавильного котла» стал соперничать мультикультурализм, означавший, что иммигранты и граждане разных рас существуют в США равноправно. Его росту особенно способствовал иммиграционный закон 1965 г., который можно рассматривать как американский ответ на стремление СССР привлечь на свою сторону народы Азии и Африки. Этот закон особенно широко распахнул двери для латиноамериканской иммиграции. Доминировать среди иммигрантов, как легальных, так и нелегальных, стали мексиканцы, до того прибывавшие в США по специальным разрешениям на временные работы. Теперь, прибыв на временную работу, они назад не возвращались. Коренные этносы – индейцы и чернокожие (ставшие именовать себя афроамериканцами), не хотели более «переплавляться» с белыми этносами.

Многие белые, в первую очередь англосаксы, протестовали против чернокожих. Массовый отток с 1960-х годов белых из городов в пригороды имел расовую подоплеку: после того, как чернокожие получили право и возможность селиться в городских районах, в которых проживали белые, последние стали дружно покидать насиженные места и перебираться за город. В ответ на появление чернокожих детей в белых школах белые родители, которые, согласно опросам общественного мнения, поддерживали десегрегацию обучения, стали переводить своих детей в расово «чистые» загородные школы.

В ответ часть черных американцев демонстрировала приверженность собственной расовой позиции и «расизму наоборот». «Черный расизм» отстаивала организация «Нация ислама» во главе с Л. Фараханом. Фарахан и его сторонники способствовали поддержанию черного национализма экстремистской окраски. Влияние движения черных мусульман свидетельствовало о разочаровании черных американцев в возможности достижения экономического, социального и политического равенства с белыми. Среди черных американцев распространялось убеждение, что интегрироваться в белую Америку можно, только преобразовав себя по подобию белых, т.е. ценой отказа от собственной идентичности. Черный национализм означал протест против подобной цены.

С 1960-х годов резко возросла азиатская иммиграция. Еще во второй половине XIX в. число иммигрантов оттуда возросло, на одну треть из китайцев, селившихся на тихоокеанском побережье США. Это встревожило американскую власть. В 1875 г. Конгресс США запретил въезд в страну китайским женщинам, а в 1882 г. временно исключил иммиграцию в США уже для всех китайцев. В 1902 г. запрет был провозглашен постоянным. В последней четверти XIX в. местные власти тихоокеанского побережья принимали собственные ограничительные меры против китайцев, но Верховный суд США разрешал въезд китайцев для временной работы. В начале 1920-х годов на азиатскую («желтую») иммиграцию Конгрессом США был наложен полный запрет. Азиатская иммиграция была легализована и облегчена законом 1965 г., после чего она резко пошла вверх, превышая в последние полвека 2 млн человек каждое десятилетие. Среди азиатских иммигрантов больше всего было китайцев и японцев, но стало резко возрастать число переселенцев из Кореи, Филиппин, Вьетнама. Они успешно осваивались в постиндустриальной экономике, укрепляли свое благополучие, а в 1990 г. выходцы из Азии по средним годовым доходам превзошли белых американцев и после этого лидерства уже не уступили.

**Годовые доходы семей белых американцев, выходцев из Азии и Латинской Америки
в неизменных (2008 г.) тыс. долл.¹¹**

Годы	Белые	Выходцы из Азии	Латиноамериканцы
1990	59,0	67,5	37,4
1995	59,8	65,0	34,5
2000	66,3	78,3	43,0
2005	65,4	76,0	41,8
2008	65,0	73,6	40,5

Выходцы из Латинской Америки, среди них из Мексики, главного «поставщика» латиноамериканских иммигрантов, оказывавшиеся на низших социальных ступенях, занимали первое место по числу бедных и увеличивали уровень национальной бедности в целом. Тем не менее они предпочитали американскую бедность мексиканской нищете.

Соперничество «плавленного котла» и мультикультурализма стало главным в борьбе Республиканской и Демократической партий. В период президентства в 2009–2017 гг. темнокожего Б. Обамы (мать – белая, отец – чернокожий) Демократическая партия всячески поддерживала мультикультурализм. Обама, соглашаясь с усилением безопасности южных границ, вместе с тем признал необходимой легализацию в течение 11 лет с помощью разнообразных правовых процедур 12 млн нелегальных иммигрантов. Накануне выборов в Конгресс США осенью 2012 г. Обама предоставил гражданство 800 тыс. молодых нелегальных иммигрантов (до 30 лет), проживавших на территории Соединенных Штатов не менее 5 лет, окончивших американскую школу, не нарушавших законы страны. Значимы были ноябрьские 2014 г. президентские указы Б. Обамы, вследствие которых под амнистию попадали 5 млн нелегальных иммигрантов и их детей.

В 2016 г., когда общее количество нелегальных иммигрантов превысило 15 млн человек, иммиграционная тематика вышла на первое место в дебатах кандидата от республиканцев на президентских выборах Д. Трампа и представительницы от Демократической партии Х. Клинтон. Трамп отстаивал жесткую линию по пресечению нелегальной, как и нежелательных для его сторонников-консерваторов видов легальной иммиграции, а Клинтон поддерживала мультикультурализм Демократической партии. Отношение населения США к иммиграции в целом оставалось положительным (две трети опрошенных считали ее благом для страны¹²), но усиливалась критика нелегальной иммиграции.

Трамп обрушился как на нелегальную, так и на нежелательные для него виды легальной иммиграции¹³. От нелегальной иммиграции он потребовал отгородиться стеной на границе с Мексикой. Трамп демагогически утверждал, что принудит к воздвижению стены мексиканское правительство, а американским налогоплательщикам она ничего не будет стоить. Он настаивал на ограничении или запрете нежелательных видов легальной иммиграции и пересмотр в связи с этим законов о воссоединении семей, отказе в праве на американское гражданство для иностранных детей, родившихся на территории США. Трамп требовал реже давать вид на жительство и грин-карты, ужесточить визовый режим для многих стран, в первую очередь исламских. Он одобрял только суженную легальную иммиграцию. Клинтон же требовала сохранения и развития либерального иммиграционного законодательства.

¹¹ Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010. P. 456.

¹² Simon R.J., Abdel-Moneism M.A. Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010. P. 45, 61.

¹³ Согрин В.В. Внутри- и внешнеполитические факторы победы Д. Трампа // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 35–48.

Демократическая партия, потерпевшая поражение на выборах 2016 г., но одержавшая победу на промежуточных 2018 г. выборах в нижнюю палату Конгресса США, организовала при поддержке большей части СМИ жесткую обструкцию иммиграционной политике Трампа.

Лозунги Трампа «нация без границ не является нацией», «сделаем Америку вновь великой» отражали позицию приверженцев концепции «плавильного котла». Позиция Трампа, однако, вошла в противоречие с подходом транснациональных корпораций, сомкнувшихся, что выглядит парадоксом, с американским либерализмом. Они заинтересованы в дешевой рабочей силе, их стремление к максимальной прибыли требует избытка дешевой рабочей силы как внутри США, так и за их пределами.

Противоборство по вопросу об иммиграции коснулось также взаимоотношений центрального правительства и властей штатов. Штаты, где сосредоточено наибольшее число иммигрантов, не раз принимали решения, противоречившие, по заключению Верховного суда США, федеральной Конституции. Но решения Верховного суда в свою очередь игнорировались Трампом, когда не совпадали с его позицией. Ультраконсерватор П. Бьюкенен еще раньше пророчил гибель американской цивилизации в середине XXI в., когда число выходцев из Азии, Латинской Америки, Африки превысит число граждан европейского происхождения. Признаки победы мультикультурализма над «плавильным котлом» консерваторы видели и видят в утверждении латиноамериканского большинства в Техасе, Нью-Мексико и Калифорнии, принадлежавших до 1848 г. Мексике, в укрепляющемся этническом суверенитете выходцев из Азии и в претензиях на следование собственным правилам мусульманской общины. Но для Демократической партии мультикультурализм стал основанием политических побед.

Программа Трампа вызвала гнев либеральной прессы США, Демократической партии и европейских союзников. Одновременно она породила «завышенные ожидания» со стороны российского руководства. Трамп проявил себя сторонником капитализма социал-дарвинистского типа. В 2017 г. был принят закон о сокращении налогов на бизнес. Выиграли верхние слои. Придя к власти, Трамп начал доказывать, что он гораздо более жесткий, нежели Б. Обама и Х. Клинтон, противник России, отказавшись от переговоров о сокращении стратегического ядерного вооружения, приняв решение о выходе США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и продолжая одобрять антироссийские санкции. Трамп делал все, чтобы заставить Германию остановить проект российского газопровода «Северный поток-2». Он продолжил оказание Киеву военной помощи. Важнейшей целью Трамп объявил устранение «социализма» (т.е. любых социальных программ) во всем мире, в первую очередь в Латинской Америке.

Новые президентские выборы состоялись 3 ноября 2020 г. В них участвовало 66,7% избирателей — рекорд для XX–XXI вв. Демократ Джо Байден превзошел результат Барака Обамы 2008 г., получив более 81 млн голосов. К. Харрис из Калифорнии, американка азиатского происхождения, стала вице-президентом США. Из-за коронавирусной пандемии рекордное число бюллетеней было подано досрочно по почте. Попытки Трампа оспорить результаты голосования и массовое выступление в его защиту в Вашингтоне ничего не дали. 20 января 2021 г. состоялась инаугурация нового президента.

Программа 2020 г., одобренная на съезде Демократической партии, провозгласила «многообразие» высшей ценностью. Партия обещала повысить минимальный уровень зарплаты, удешевить жилищный кредит, добиться полного уравнивания прав для женщин, расово-этнических и гендерных меньшинств. Она объявила приоритетом интересы среднего и нижнего классов, обещая преодолеть застой в их материальном положении, и дать доступ к плодам экономического роста всем группам и слоям населения.

Партия твердо осудила иммиграционную политику Трампа и признала, что в США, в том числе Демократической партией, принимались иммиграционные законы, не соответствовавшие стандартам демократов. Иммиграционная программа партии отстаивала мультикультурализм в противовес «плавильному котлу», определила США как нацию иммигрантов из всех рас, этносов, социальных, возрастных и гендерных групп. В рамках этой программы была предложена «дорожная карта» для нелегальных иммигрантов,

направленная на предоставление им гражданства США. В случае реализации программы Демократической партии — распространение полного равенства на небелые расы и этносы — мог кардинально измениться облик американской цивилизации, возникшей как англосаксонская цивилизация с равноправием для белых мужчин.

Байдену с самого начала приходилось руководствоваться признанием политики как «искусства возможного». Препятствием явилось, в частности, то, что демократы, имея большинство в палате представителей Конгресса США, делили поровну (50 на 50) места с республиканцами в сенате. Имело значение и то, что республиканцы жестко критиковали демократов в подвластных СМИ, в первую очередь на телеканале «Фокс». Губернаторы ряда штатов издавали указы против нелегальных иммигрантов. Представляется, что в случае мирного в рамках демократического процесса развития конфликта «плавильного котла» и мультикультурализма борьба противоборствующих сторон займет несколько десятилетий, а к середине XXI в. верх возьмет мультикультурализм, что изменит характер американского социума и цивилизации.

При жестком противоборстве по поводу массовой иммиграции две главные партии были близки в подходе к внешней политике. Обе придерживались имперского мессианства, унаследованного от Британской империи, но сохранившегося и развитого после достижения в 1776 г. независимости. В качестве архетипа выступило убеждение английских переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии обустройства идеального христианского Града на холме. С образованием независимых США восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних образцов уникальным демократизмом. В тот период американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собою образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

Но Т. Джефферсон и Э. Джексон уже доказывали необходимость экспансии на североамериканском континенте, включавшей оттеснение и истребление индейцев. По их убеждению, такая экспансия превратит тысячи неимущих белых американцев в главную опору республики. То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии, сплавлялись идеи демократии и экспансии.

В 1823 г. США одобрили доктрину Монро, накладывавшую табу на вмешательство европейских стран в американские дела. В 1845 г. идеолог Демократической партии Дж. О'Салливан сформулировал доктрину «Предопределения судьбы», которая обрела национальную поддержку. Она обосновывала с помощью демократической аргументации территориальные притязания США: «У нас есть еще большее право, нежели любое, которое когда-либо может быть выведено из всех этих устаревших документов древнего международного права. Мы не нуждаемся во всех этих покрытых пылью бумагах о правах открытия, исследования, заселения, преемственности и т.д. ... Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии устанавливать свободу и федеративное самоуправление»¹⁴. Имперский мессианизм превратился в материальный фактор американской внешней политики: в 1846–1848 гг. в ходе войны с Мексикой США аннексировали Техас, Калифорнию и Нью-Мексико.

В первой половине XIX в. территориальная и экономическая экспансия Соединенных Штатов ограничивалась североамериканским континентом. Государственный секретарь в 1860-х годах Уильям Г. Сьюард призывал Америку идти по пути «Древнего Рима»¹⁵, расширяя империю за пределы одного континента. Главным должно было стать азиатское направление. В 1867 г. Сьюард добился покупки у России Аляски за 7,2 млн

¹⁴ Цит. по: *Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935. P. 145.*

¹⁵ *The Works of William H. Seward / ed. G. Baker. Vol. 3. New York, 1853. P. 499.*

долл. золотом, которую госсекретарь рассматривал как важнейшую опору утверждения контроля над Тихим океаном и проникновения в Азию. Сьюард стремился распространить американские экономические интересы и политическое влияние в Тихоокеанском регионе и Азии.

В 1880-е годы США вышли на первое место в мире по объему производства, обогнав Великобританию. Дж. Блейн, госсекретарь в 1881 г. и 1889–1892 гг., как и Сьюард, нацеливался на распространение торгового и политического влияния США за пределы североамериканского континента, исходя из того, что промышленное производство Соединенных Штатов «превосходит запросы внутреннего рынка». В отличие от Сьюарда, он полагал, что магистральным направлением экспансии должна быть Латинская Америка¹⁶. Стратегия Блейна стала известна как панамериканизм.

В 1900 г. В. Вильсон (президент США от Демократической партии в 1913–1921 гг.), тогда профессор Принстонского университета, утверждал: «Мир превратился в единое целое, каждая его часть является соседом всех других. Никакая нация не может дольше отгораживаться от других... Долгом Соединенных Штатов становится участвовать во всем этом, стремясь к открытию и трансформации Востока... Востоку суждено стать открытым и измениться, хотим мы этого или нет; стандарты Запада должны быть привнесены в него; нации и народы, которые пребывали в спячке столетия... станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг... регулировать этот процесс в интересах свободы»¹⁷.

Т. Рузвельт, президент США от Республиканской партии в 1901–1909 гг., развивал концепцию социального империализма. Он был убежден, что социальный мир внутри США, стабильная внутривнутриполитическая демократия не могут быть утверждены без использования возраставших прибылей на мировом рынке. Внешнеполитическая экспансия предстала важнейшим механизмом решения внутренних проблем.

В то же время в США в конце XIX в. были разногласия по поводу методов американского экспансионизма. Республиканская партия требовала аннексии опорных пунктов в Тихом океане и Карибском бассейне. Она одобряла классический вариант имперской политики, включавшей приобретение колоний и прямое управление ими. Демократическая партия по этой причине критиковала ее за «империализм», а себя империалистической не считала, поскольку предлагавшийся ею иной, неколониальный вариант империи был тогда малоизвестен. Демократическая партия называла себя антиимпериалистической, так как отвергала захват Гавайев, Самоа, Филиппин.

Но в 1898 г. в ходе войны с дряхлой Испанской империей США аннексировали Пуэрто-Рико, Филиппины, Гуам, Гавайи. Создав в короткий срок колониальную империю, США в дальнейшем новых колоний не приобретали. В сравнении с имперскими приобретениями европейских стран владения Соединенных Штатов выглядели скромно. Рынки были главной целью американской экспансии. Соперничая с мощными европейскими конкурентами, в конце XIX в. США противопоставили классическому имперскому колониализму новый вариант. В 1899 и 1900 гг. он был изложен в двух нотах государственного секретаря Дж. Хэя и получил название «доктрины Хэя», а впоследствии доктрины «открытых дверей». США подразумевали, что «открытые двери» являлись цивилизованной формулой торгового соперничества на мировых рынках. Корыстный мотив цивилизованного подхода заключался в том, что в режиме «открытых дверей» более конкурентоспособные американские корпорации имели больше шансов вытеснить другие страны на мировых рынках.

США, требуя «открыть двери» на дальневосточные рынки, не спешили облегчать европейским странам доступ на собственный рынок. Правда, американцы объявили о готовности распространить принцип «открытых дверей» на Латинскую Америку, но в декабре 1904 г. в послании Конгрессу США Рузвельт заявил, что европейские державы при любых разногласиях

¹⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1889 (С 1932 г. публикуются как *Foreign Relations of the United States*). Washington, 1912. P. 102.

¹⁷ Цит. по: *Bacevich A. American Empire*. Cambridge (Mass.), 2002. P. 1.

и конфликтах с латиноамериканскими государствами не имеют права прибегать к силовым методам. Функция «международной полицейской силы», т.е. улаживания споров, прибегая к силе, принадлежит только Соединенным Штатам. Рузвельт присвоил им право «наказывать» латиноамериканские страны за «неправильные» действия. Послание Рузвельта стало известно как «поправка к доктрине Монро».

Американский имперский чертеж под руководством США был набросан Вудро Вильсоном в годы Первой мировой войны и после нее. Но для его практического воплощения у США тогда не оказалось достаточно ресурсов. В период между двумя мировыми войнами США следовали политике изоляционизма. Ситуация радикально изменилась вследствие Второй мировой войны.

Разгром в 1945 г. Третьего рейха оживил гегемонистские устремления СССР и США. Став сверхдержавами, они начали бороться за мировое лидерство между собой¹⁸. В период Второй мировой войны американцы уверовали, что их ценности должны быть восприняты для блага мира и каждой страны. Отказ американской нации от изоляционизма, господствовавшего в период между мировыми войнами, в пользу вильсоновского мессианизма осуществлялся в период Второй мировой войны динамично. Победить СССР стало исторической сверхзадачей США.

В 1960-е годы при верховенстве Демократической партии Соединенные Штаты испытали утрату влияния внутри страны в связи с вьетнамской войной, что обусловило принятие Республиканской партией, сменившей демократов у власти в 1968 г., концепции «разрядки» (детанта). У СССР было собственное «перенапряжение», вызванное резким обострением отношений с Китаем, переросшим в вооруженные конфликты 1969 г. и потребовавшим огромных расходов на укрепление границ с Китаем.

В мае 1972 г. во время визита Никсона в Москву были подписаны эпохальные договоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) и противоракетной обороны. После 1974 г. этот процесс прервался, хотя признаки антагонизма проявлялись и в 1969–1974 гг.

Итоги внешней политики демократа Дж. Картера (1977–1981 гг.) обернулись для США явными «потерями». Число «левых» режимов в мире выросло, а новых либеральных демократий за пределами Европы не появлялось. Но если в 60–70-е годы упрочивалось территориальное влияние СССР, то экономическое соперничество свидетельствовало о все большем превосходстве либерального капитализма над реальным социализмом.

На президентских выборах 1980 г. Демократическая партия уступила республиканцам. Но в 1968 г. американцы протестовали против участия США в войне во Вьетнаме, и национальный «вьетнамский синдром» был учтен республиканцем Р. Никсоном и архитектором его внешней политики Г. Киссинджером. В 1980 г., напротив, избиратели испытывали разочарование уже во внешнеполитической «мягкотелости» демократов, уступках США левым режимам в «третьем мире». «Вьетнамский синдром» к 1980 г. ослабел, а национальный архетип имперского мессианизма реанимировался.

Рейган начал именовать СССР «империей зла», доказывая, что характер соперничества США и Советского Союза необходимо изменить, что советскую систему и коммунизм следует устранить с исторической арены¹⁹. Второй срок президентства Рейгана начался в январе 1985 г. почти одновременно с избранием Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева и повлек радикальное изменение характера советско-американских отношений и всей мировой политики. Рейган своей политикой «изматывания» СССР ядерной гонкой стимулировал Горбачева к выдвиганию стратегии «нового политического мышления». Но Рейган начал вырабатывать собственные правила игры в перестройке мировой политики, а один из главных его подходов можно определить как «удушение СССР в объятиях». Предположение о

¹⁸ Подробно см.: *Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период холодной войны. 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 13–34; 2016. № 1. С. 19–43.

¹⁹ *Public Papers of the Presidents of the United States, Ronald Reagan.* 1981–1989: in 15 vol. Vol. 1. Washington, 1982. P. 57.

желании США «победить» СССР он категорически отрицал, а в своем узком кругу перед началом переговоров с Горбачевым, как отметил посол США в СССР, указал: «Пусть не будет разговора о победителях и проигравших. Даже, если мы будем считать, что одержали победу, сказать это – отбросить нас назад»²⁰.

Горбачев выдвинул концепции «общечеловеческих ценностей» как основы внешней политики СССР, что на практике было равнозначно восприятию американских ценностей. Но политическое лидерство в России стало переходить к Б.Н. Ельцину, выступившему под прозападно-либеральными лозунгами и одержавшему победу на президентских выборах в России в июне 1991 г. Наиболее популярными для россиян стали западные консерваторы Р. Рейган и М. Тэтчер. Горбачев признал право стран советского блока на самоопределение. Страны Центральной и Восточной Европы стремительно покинули социалистический лагерь. Рухнула и организация Варшавского договора.

В горбачевский период соотношение сил между СССР и США изменилось в пользу Вашингтона во всех важных регионах мира. Решающие сдвиги произошли в 1989 г. уже после смены Рейгана на посту президента Дж. Бушем-старшим. Посетившего Москву в 1989 г. антисоветчика З. Бжезинского советские дипломаты принимали как героя.

Во время путча в Москве 19–21 августа 1991 г. США защищали легитимность советского президента Горбачева. Он сохранил президентский пост, но политическое влияние на советском пространстве окончательно перешло к Ельцину. Кроме того, после путча, вызвавшего страх перед репрессиями в случае победы советских консерваторов, среди лидеров союзных республик возросло число желающих выйти из СССР.

В конце 1991 г. Горбачев признал крах СССР и вышел в отставку. Буш в ходе избирательной кампании 1992 г. заявил: «Мы выиграли холодную войну!» Соединенные Штаты утвердились в качестве единственной сверхдержавы.

В 1960–1970-е годы американские историки-«ревизионисты», отреагировавшие на имперскую войну США во Вьетнаме, назвали США империей, вкладывая в это понятие негативный смысл. Среди ревизионистов были те, кто считал американскую внешнюю политику имперской изначально, приводя в качестве аргумента экспроприацию территорий у индейских племен, присоединение к США Луизианы и Флориды, аннексию Техаса, Нью-Мексико и Калифорнии. Они полагали, что американскому империализму были присущи классические формы, к которым относят отвоевание у испанской империи на рубеже XIX–XX вв. Пуэрто-Рико, Филиппин, Гуама, а также аннексию Королевства Гавайи. Но большинство ревизионистов сделало акцент на нетрадиционном характере американской империи – без территориального завоевания.

С 1980-х годов историки-ревизионисты утратили влияние. С подачи Рейгана понятие «империя» стало применяться к главному противнику – СССР. Но после краха СССР неоконсерваторы, утвердившиеся на ведущих идеологических и политических позициях в США, объявили, что Соединенные Штаты не только единственная сверхдержава, но и империя, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии²¹.

В последовавший после 1991 г. период демократ У. Клинтон (1993–2001 гг.) воспроизводил основы внешнеполитической стратегии республиканцев. Госсекретарь М. Олбрайт определила США как «незаменимую нацию» (*indispensable nation*) в роли мирового лидера²². Правда, демократы, в отличие от республиканцев, высказывались за тесное сотрудничество с международными организациями в утверждении нового миропорядка. Они поддерживали подписание международного договора о всеобъемлющем запрещении

²⁰ Цит. по: *Мэтлок Дж.* Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту страну – и как вернуться в реальность. М., 2011. С. 65.

²¹ См. об этом: *Bacevich A.* Op. cit. P. 2–5; *Баталов Э.А.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005. С. 320–348.

²² *Bacevich A.* Op. cit. P. 1, 32–33.

испытаний ядерного оружия, как и ратификацию Киотского протокола, устанавливающего квоты для индустриальных стран в выбросах парникового газа в атмосферу (республиканцы против этого документа).

Особое значение Клинтон и демократы придавали переустройству мирового экономического порядка. Глобализация по американской модели определенно способствовала укреплению экономической гегемонии США в мире. В период президентства Клинтона США фактически наделили себя роль мирового полицейского, следствием чего было резкое возрастание вмешательства Соединенных Штатов во внутренние конфликты на всех континентах мира. Это означало негласную расширительную трактовку доктрины Монро. Если Т. Рузвельт присвоил США роль полицейского в странах Латинской Америки, то Клинтон, по сути, расширил ее до права США быть полицейским всего земного шара. Клинтон также усилил демократическую риторику «полицейской» поправки. Одно из главных мест заняла в ней концепция «гуманитарной интервенции».

В начале 1994 г. У. Клинтон указал на неотвратимость расширения НАТО, заявив, что вопрос этот решенный, проблема лишь в том, «как и когда» оно произойдет. Расширение альянса началось в 1999 г.

Успех США в борьбе с СССР, как показал опыт уже XXI в., оказался в применении к миру в целом пирровой победой. Попытки США распространить свою модель на другие страны, особенно исламский мир, потерпели крах. Однополярное господство в мире американской империи утвердить не удалось. Это обусловило определенные нововведения в имперскую политику США с приходом к власти Байдена и демократов.

В области внешней политики Байден, как и республиканцы, главного соперника рассматривал в Китае. Идеологическим нововведением Байдена и демократов в сравнении с республиканцами явилось разделение всех стран не на три группы – демократические, авторитарные, тоталитарные, как требовала неоконсерватор Дж. Кирпатрик, представитель США в ООН при Рейгане²³, а на две – демократические, в которые зачислялись страны Запада, и авторитарные, к которым были отнесены Китай и Россия. Байден призвал страны Запада к сплочению вокруг США в конкуренции с авторитарными странами, чьи успехи в создании рыночной экономики он признавал. В то же время Байден выступил за прагматический подход в отношении ведущих внешнеполитических соперников. Определив сферы противоборства с Россией, он в послании Конгрессу США 28 апреля заявил о желании сотрудничать, когда это в общих интересах, что осуществилось при продлении договора СНВ-3 по ядерным вооружениям. Это отказывались сделать республиканцы при Трампе.

В конце лета 2021 г. Байден распорядился завершить 20-летнюю провальную войну в Афганистане. В Афганистане после ухода США возник хаос. Президент доказывал, что эвакуацию едва ли было возможно провести более упорядоченно. Он также напомнил, что соглашение с афганским Талибаном подписал еще Д. Трамп. Байден впервые заявил, что США отказываются от доктрины распространения демократии в мире силой²⁴.

Означает ли это отказ США от имперского мирового лидерства или еще одно нововведение в американской политике? Покажет будущее.

Библиография

Баталов Э.А. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.

Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67–77.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001.

²³ *Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. New Haven; London, 1995. P. 152.

²⁴ Русская служба «Голоса Америки». 21 сентября, 2021.

- Мэтлок Дж.* Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону — и как вернуться в реальность. М., 2011.
- Согрин В.В.* Американская цивилизация. М., 2020.
- Согрин В.В.* Внутри- и внешнеполитические факторы победы Д. Трампа // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 35–48.
- Согрин В.В.* Двухпартийная система в истории США. От Дж. Вашингтона до современности // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 69–87.
- Согрин В.В.* Динамика соперничества СССР и США в период холодной войны. 1945–1991 // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 13–34; 2016. № 1. С. 19–43.
- Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М., 2018.
- Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 1897; М., 2000.
- Vacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002.
- Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. New Haven; London, 1995.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty. An American History. New York, 2008.
- Historical Statistics of the United States: in 2 vol. Washington, 1975.
- Public Papers of the Presidents of the United States, Ronald Reagan. 1981–1989: in 15 vol. Vol. 1. Washington, 1982.
- Simon R.J., Abdel-Moneism M.A.* Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010.
- Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010.
- The Works of William H. Seward / ed. G. Baker. Vol. 3. New York, 1853.
- Weinberg A.K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935.

References

- Batalov E.A.* Mirovoe razvitiie i mirovoi poriadok. Analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsii [World development and world order. Analysis of modern American concepts]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Inauguratsionnye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha 1789–2001 gg. [Inaugural speeches of US presidents from George Washington to George Bush 1789–2001] / pod red. E.A. Ivaniana. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Matlock J.* Sverkhderzhavnye illiuzii. Kak mify i lozhnye idei zaveli Ameriku ne v tu stranu — i kak vernut'sia v real'nost' [Superpower illusions. How myths and false ideas led America to the wrong side — and how to return to reality]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Rakhshmir P.Yu.* Amerikanskie konservatory i imperskaia ideia [American conservatives and the Imperial idea]. Perm, 2007. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period kholodnoi voiny. 1945–1991 [Dynamics of the USSR–USA rivalry during the Cold War. 1945–1991] // Novaya i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2015. № 6. S. 13–34; 2016. № 1. S. 19–43. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Amerikanskaia tsivilizatsiia [American civilization]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Entsiklopediia istorii SShA [Encyclopedia of US History]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Vnutri- i vneshnepoliticheskie faktory pobedy D. Trampa [Internal and foreign policy factors of D. Trump's victory] // Amerikanskii ezhegodnik [American Yearbook. 2017]. Moskva, 2018. S. 35–48. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Dvukhpartiinaia sistema v istorii SShA. Ot Dzh. Vashingtona do sovremennosti [The two-party system in the history of the USA. From J. Washington to the present] // Novaya i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. S. 69–87. (In Russ.)
- Wallerstein E.* Amerika i mir: segodnia, vchera i zavtra [America and the world: today, yesterday and tomorrow] // Svobodnaia mysl' [Free Thought]. 1995. № 4. S. 67, 73–77. (In Russ.)
- Vacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002.
- Ehrman J.* The Rise of Neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. New Haven; London, 1995.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty. An American History. New York, 2008.
- Historical Statistics of the United States: in 2 vol. Washington, 1975.
- Public Papers of the Presidents of the United States, Ronald Reagan. 1981–1989: in 15 vol. Vol. 1. Washington, 1982.
- Simon R.J., Abdel-Moneism M.A.* Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick, 2010.
- Statistical Abstract of the United States 2011. Washington, 2010.
- The Works of William H. Seward / ed. G. Baker. Vol. 3. New York, 1853.
- Weinberg A.K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935.

DOI: 10.31857/S013038640023090-7

© 2022 г. **Е.Ю. Сергеев**

ТРАГЕДИЯ ФРАНЦИИ 1940 года: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рец. на книгу: А.А. Вершинин, Н.Н. Наумова. ОТ ТРИУМФА К КАТАСТРОФЕ: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦИИ 1940 г. И ЕГО ИСТОКИ. СПб.: Алетейя, 2022. 636 с. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 202. Сер. II. Исторические исследования, 132)

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; Researcher ID: C-8571-2018

E.Yu. Sergeev

FRANCE'S TRAGEDY OF 1940: CAUSES, NATURE, AND CONSEQUENCES

Rec. ad op.: A.A. Vershinin, N.N. Naumova. FROM TRIUMPH TO CATASTROPHE: FRANCE'S MILITARY-POLITICAL DEFEAT OF 1940 AND ITS GROUNDS. Saint-Petersburg: Aleteia, 2022. 636 p. (Transactions of Moscow State University historical faculty. Iss. 202. Ser. II. Studies in history, 132)

Evgeny Sergeev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; Researcher ID: C-8571-2018

Рецензируемая монография посвящена памяти одного из крупнейших российских франковедов, профессора исторического факультета МГУ В.П. Смирнова, который в течение нескольких десятилетий занимался плодотворными исследованиями внутренней и внешней политики Третьей, Четвертой и Пятой республик, опубликовав цикл фундаментальных трудов по указанной проблематике. Авторы книги — кандидаты исторических наук, доценты исторического факультета МГУ А.А. Вершинин и Н.Н. Наумова являются хотя и молодыми, но уже известными отечественными специалистами по проблемам международных отношений 1920–1930-х годов.

Структура монографии построена по проблемно-хронологическому принципу, когда читателю последовательно предлагается авторская версия истоков поражения Франции в начальный период Второй мировой войны, а затем перед ним раскрывается процесс вступления Третьей республики в боевые действия на фоне сложных внутри- и внешнеполитических коллизий второй половины 1939 — первой половины 1940 г. Таким образом, первые восемь глав монографии при-

надлежат перу А.А. Вершинина, а заключительные три — Н.Н. Наумовой.

Характеризуя источниковую базу исследования, отметим активное использование авторами материалов российских и французских архивов. Кроме того, следует отметить привлечение широкого круга опубликованных сборников документов на нескольких языках. В корпус источников также вошли статьи и комментарии прессы, наряду с воспоминаниями непосредственных участников и свидетелей описываемых событий. Примечательно, что отечественный читатель впервые имеет возможность познакомиться с целым рядом мемуаров и дневников не только французских политиков, дипломатов и военных, но и российских эмигрантов, находившихся на территории Франции в годы ее оккупации гитлеровскими войсками.

Краткий историографический очерк, занимающий большую часть введения, предоставил авторам монографии возможность показать основные направления работы специалистов по выяснению предпосылок и непосредственных причин скоротечного крушения военной машины Третьей республики че-

рез призму как внутривнутриполитических факторов, так и внешнеполитических шагов Парижа. Следует признать справедливость призыва А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой отказаться от крайностей в оценках причин поражения 1940 г. Можно согласиться с их утверждением, что после 1918 г. для Франции стратегической целью являлась уже не победа в войне, а сохранение того положения, которое страна завоевала по итогам первого глобального вооруженного конфликта (с. 10).

Читатель с большим интересом ознакомится с истоками французской стратегии межвоенного периода, формированию и трансформации которой посвящены начальные главы книги. Здесь много места уделяется рассмотрению концепции так называемого «рейнского щита», призванного гарантировать республике от германского реванша. Представляется вполне оправданным, что главное внимание А.А. Вершинина обращено на детальный анализ попыток Парижа найти альтернативные пути борьбы против «немецкой угрозы» для страны через сначала создание системы союзов с восточноевропейскими государствами в форме Малой Антанты, затем подписание Локарнских соглашений с опорой на британские гарантии и, наконец, заключение пакта Бриана – Келлога, открывшего возможность разрешения международных конфликтов с помощью международного арбитража.

К несомненным достоинствам монографии следует отнести тщательное исследование тех тупиков военного строительства, в которых оказалось военно-политическое руководство страны к середине 1930-х годов. Хорошо известно, что зигзаги французской внешней политики – от заключения почти союзного (хотя и без военной составляющей) договора с Москвой до попыток устранить противоречия в отношениях с Римом и Берлином в ходе международных конференций – свидетельствовали о противоречиях внешнеполитического курса Парижа. Метания политических деятелей и представителей высшего генералитета Третьей республики, как хорошо показано в третьей и последующих главах монографии, проходили на фоне соперничества их личных амбиций. Не случайно поэтому авторы книги не ограничиваются описанием событий и их интерпретацией, а представляют на суд читателя краткие биографические зарисовки жизни и деятельности плеяды французских политических деятелей и военных – Ж. Клемансо, Р. Пуанкаре, А. Бриана, П. Бонкура, А.-Ф. Пэтена, М. Вейгана, М. Гамелена, А. Мажино и, конечно же, Ш. де Голля. Страницы монографии наполнены цитатами из их дневников и мемуаров, которые сопровождаются фотоматериалами, позволяющими читателю ощутить дух эпохи, что в свою очередь помогает пониманию мотивации и оценке решений государственной важности.

Существенное место в книге занимает освещение процесса принятия и реализации большой программы перевооружения Франции 1936–1939 гг. на фоне, с одной стороны, попыток умиротворения Германии, а с другой – возмраставшего стремления Парижа к возрождению военно-политического союза с Великобританией. Как показано авторами, трагическое про-

творение внешней политики руководителей Третьей республики состояло в том, что, «не считая гитлеровский режим образцом для подражания, часть консервативно настроенной французской общественности все же смотрела на него как на бастион против революции, признаки которой усматривали в самой победе Народного фронта при поддержке коммунистов» (с. 197).

Значительный объем новых сведений о политике умиротворения можно почерпнуть из глав, посвященных этой теме, которая раскрыта путем скрупулезной реконструкции взглядов таких видных государственных деятелей, как П. Лаваль, Л. Блюм и Э. Даладьё. Важно отметить, что приводимые факты позволяют читателю отойти от шаблонного однолинейного восприятия деятельности «умиротворителей», поскольку, по мнению авторов, именно на такой внешней политике настаивали не только широкие круги французского общества, хорошо помнившие ужасы Первой мировой войны, но и значительная часть крупного бизнеса, не заинтересованная в разрыве экономических связей с промышленниками Германии и Италии.

Основной акцент в монографии делается на освещении позиции Парижа в отношении СССР, Великобритании и Польши – ключевых европейских государств, от развития военно-политических контактов с которыми во многом зависела безопасность Франции. Именно в этой связи рассмотрены такие события, подготовившие начало второго вооруженного конфликта мирового масштаба, как итало-эфиопская война 1935–1936 гг., гражданское противостояние в Испании 1936–1939 гг., аншлюс Австрии 1938 г. и печально известное Мюнхенское соглашение четырех западных держав, отдавших Чехословакию на милость нацистского фюрера.

Здесь важно подчеркнуть, что авторы, в данном случае А.А. Вершинин, представляют объективную, свободную от прежних идеологических клише интерпретацию сложных дипломатических коллизий второй половины 1930-х годов. Отметим справедливое суждение, что «позиция, занятая советским руководством, также препятствовала достижению договоренностей в политической и военной сферах» с западными демократиями (с. 316).

Разумеется, внимательный читатель также не пройдет мимо реконструкции переговорного процесса между Парижем, Лондоном и Москвой летом 1939 г., который непосредственно предшествовал началу Второй мировой войны. Несмотря на обширную историографию вопроса, пожалуй, впервые отечественным исследователям удалось столь подробно осветить трехсторонние консултации на основе преимущественно французских дипломатических документов. В книге хорошо показано, что, помимо негативного отношения к переговорам Варшавы и Бухареста, опасавшихся превратиться в зависимые от СССР государства, главной проблемой, с которой столкнулись французская, британская и советская делегации в Москве, являлось отсутствие взаимного доверия перед лицом германской агрессии (с. 329).

Значительный объем новой информации о характере и особенностях «странной войны» содержится во второй части рецензируемой книги, причем контекст удачно иллюстрируется картами-схемами боевых действий на Западном фронте осенью 1939 — весной — летом 1940 г. Заметим, что Н.Н. Наумова не ограничивается тщательным рассмотрением мотивов принятия французским военно-политическим руководством тех или иных военно-стратегических решений, но и стремится разобраться в причинах и последствиях скоростного коллапса режима Третьей республики. Особый интерес вызывает освещение «исхода» мирного населения из регионов, оккупированных противником, а также анализ тех последствий, которое имело это паническое бегство для утверждения у власти маршала А.-Ф. Петена, рассматривавшегося первоначально большинством французов в качестве «спасителя» нации, армии и колониальной империи.

Можно, безусловно, согласиться с выводом авторов, что военное поражение Франции 1940 г. явилось «одним из важнейших рубежей в истории международных отношений XX в.» (с. 596). Добавим, что оно стало одной из причин затяжного течения Второй мировой войны, продолжавшейся шесть лет. Не вызывают возражений и те факторы, которые исследователи называют в качестве главных причин падения Третьей республики: устаревшая военная доктрина, которой руководствовался Париж в конце 1930-х годов; колебания между умиротворением и восстановлением союзнических отношений с бывшими членами Антанты — Великобританией и Россией; неудачная подготовка экономики страны к войне эпохи индустриальной цивилизации; наконец, серия ошибок стратегического и тактического характера, допущенных высшим французским командованием. В целом же, по справедливому утверждению авторов, системный кризис Третьей республики, ее основы создавались еще в доиндустриальную эпоху, выразился в расколе общества к началу очередной мировой войны, что предопределило скоротечный финал французской демократии, не выдержавшей натиска тоталитарного агрессора.

Все критические замечания, имеющие характер скорее пожеланий и рекомендаций, в адрес авторов монографии можно разделить на три группы. Первая включает недоработки или упущения, касающиеся научно-справочного аппарата издания. Книге явно не хватает хронологической таблицы основных событий и указателей, прежде всего именного, поскольку авторы упоминают о широком круге лиц, деятельность или впечатления которых были непосредственно связаны с описываемыми событиями.

Вторая группа относится к источникам и историографии. С сожалением укажем, что А.А. Вершинина и Н.Н. Наумова недостаточно полно использовали материалы российских архивов, таких как Архив внешней политики Российской Федерации и Российский государственный архив социально-политической истории, ограничившись лишь тремя делами из фондов М.М. Литвинова и И.В. Сталина. Вызывает удивление и отсутствие среди корпуса источников британ-

ских документов, прежде всего протоколов заседаний Кабинета и меморандумов его членов, а также экспертов Форин офиса и Военного министерства. Кстати, большинство официальных бумаг этих ведомств размещены на сайте Национальных архивов Соединенного Королевства со свободным к ним доступом. Что же касается историографии, то очевидна неполнота ее англоязычной части, учитывая значительное количество содержательных трудов специалистов ведущих университетов Великобритании и США по проблематике кануна Второй мировой войны и начальной ее фазы.

Говоря о третьей группе замечаний, укажем лишь на некоторые вызывающие вопросы утверждения авторов концептуального характера. Так, остается несмысленным фраза, что, с точки зрения В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа, безопасность государств, несмотря на создание Лиги Наций и заключение арбитражных договоров, «не предполагала участие в схемах, базировавшихся на понятии национального интереса и фактора силы» (с. 23). Далее, вряд ли можно согласиться с утверждением А.А. Вершинина, что на переговорах весны 1935 г. в итальянском городе Стреза британская делегация «старалась сохранить лишь видимость взаимодействия с Парижем и Римом» (с. 131). В действительности Лондон стремился к сбалансированному подходу, претендуя на сохранение роли арбитра в отношениях между великими державами. Полагаем также, что к середине августа 1939 г. Париж в полной мере осознал острую необходимость немедленного подписания военно-политической конвенции с Москвой, поэтому заявление одного из авторов, что «реальный стратегический смысл» такого документа «не стоит преувеличивать», вряд ли является корректным (с. 334). Кроме того, вывод, что «Гитлер отдал приказ о подготовке плана нападения на СССР еще до завершения французской кампании» (т.е. до конца июня 1940 г.) (с. 602), представляется ошибочным. Ведь хорошо известно, что фюрер пришел к окончательному решению по этому вопросу лишь после переговоров с В.М. Молотовым в ноябре того же года. Наконец, абсолютно неправомерно констатировать, как это делают авторы в заключениях монографии, что «статус великой державы был безвозвратно утерян Францией именно в 1940 г.», что привело «к исчезновению чувства державности» у подавляющего большинства французов (с. 606). Если это действительно случилось, то лишь на период германской оккупации и существования коллаборационистского режима Виши. В плане географической корректности именовать Европу «континентом», как это неоднократно делают авторы на страницах книги, также вряд ли правомерно.

Подводя общий итог, необходимо еще раз отметить большое научное значение монографии А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой, особенно для российской исторической науки. Выразим уверенность, что исследование будет полезно не только специалистам, но и всем, кто стремится получить объективное представление о противоречивых тенденциях и сложных проблемах истории международных отношений первой половины XX столетия.

© 2022 г. В.Б. Кувалдин

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Кувалдин Виктор Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vkuvaldin@yandex.ru

Researcher ID: GRY-5279-2022

V.B. Kuvaldin

TO THE MEMORY OF MY MENTOR

Victor Kuvaldin, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: vkuvaldin@yandex.ru

Researcher ID: GRY-5279-2022

В начале этого года до меня дошла скорбная весть, что мой научный руководитель Александр Абрамович Галкин ушел в мир иной. А я-то верил, что он наперекор всему возьмет и отпразднует свой 100-летний юбилей, до которого оставалось всего ничего, около полугода. Увы, не судьба.

Я познакомился с Александром Абрамовичем при необычных обстоятельствах в критически важный момент моей молодости. Дело было в далеком 1965 г. на комиссии по распределению выпускников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. Александр Абрамович, сам выпускник истфака, приехал в качестве заведующего отдела Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) подбирать молодых, перспективных сотрудников. А меня допустили к этому таинству в качестве представителя комсомольского бюро курса.

Мы сидели рядом. Моей функцией была краткая характеристика моих одноклассников, так сказать, их общественного лица. Разумеется, я старался всех их представить в выигрышном свете. А Александр Абрамович широко жестом брал на работу одного, другого, третьего. В конце концов очередь дошла и до моей скромной персоны. Я хотел остаться на кафедре, написать диссертацию по Бенедетто Кроче, но заведующий кафедрой Илья Саввич Галкин сказал, что вакансий нет. В этот момент Александр Абрамович наклонился ко мне и тихо спросил: «А может, сойдемся на современности?». Не раздумывая, я ответил: «А почему бы и нет?».

Так он стал не только моим завотделом, но и научным руководителем моей кандидатской диссертации по интеллигенции в послевоенной Италии. Конечно, в тот далекий летний день я не ве-

дал, какой королевский подарок мне преподнесла судьба с появлением в моей жизни Александра Абрамовича. Для меня он стал не только идеальным начальником, наставником, но и старшим товарищем. В то время я нередко бывал у него дома, благо он жил неподалеку от старого здания ИМЭМО рядом с метро ВДНХ. Помню, в 1967 г. он пригласил меня на свое торжество в роскошный московский ресторан и посадил безвестного аспиранта между собой и несколько припоздавшим Георгием Аркадьевичем Арбатовым, стремительно восходившей звездой советской политической аналитики.

Несмотря на явное расположение, не могу сказать, что Александр Абрамович пускался со мной в откровенные разговоры по душам. Не таков был формат наших отношений, да и жизнь причила его к большой сдержанности и даже закрытости. Поэтому мне скорее приходилось догадывать его скупые рассказы о себе догадками и предположениями.

Насколько я знаю, Большой террор конца 1930-х годов опалил, но не спалил его семью. Отец потерял работу и немалый социальный статус управляющего «Белгоскино», но арестован не был, что тогда можно было считать большой удачей. 18-летний Саша Галкин спокойно закончил среднюю школу в Минске в 1940 г. и был направлен по призыву в Московский военный округ.

Как очень многие фронтовики, о войне рассказывать он не любил. Из его редких воспоминаний у меня почему-то сложилось устойчивое представление, что он прошел ее военным корреспондентом. Но в действительности благодаря свободному владению немецким языком он честно отработал свое в армейской разведке. Его основной задачей была подготовка разведгрупп для работы в тылу

врага. В этом качестве в условиях военного времени он брал на себя прямую ответственность за их дальнейшую судьбу. Судя по всему, дело свое Александр Абрамович знал и из испытаний той суровой поры вышел с честью.

В победном 1945-м гвардии капитан был откомандирован на службу в Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ). Параллельно он заочно учился на историческом факультете МГУ.

Полагаю, что именно тогда Александр Абрамович сформировался как первоклассный политический аналитик-международник. Ведь в те годы германский вопрос был в центре мировой политики. А его основной задачей были сбор и анализ информации о происходящем в западных зонах оккупации. Он почти никогда не распространялся на эту тему, но один рассказ врезался мне в память. Как-то раз ему сказали, что в коридоре его ждет посетитель: у окна стоял старик в непрезентабельной одежке. Они содержательно побеседовали на разные животрепещущие темы и, только распрощавшись, он вдруг поймал себя на дискомфортном ощущении, что старик-то оставил его по всем статьям. Позже он узнал, что это был Конрад Аденауэр, будущий первый канцлер ФРГ.

В 1949 г. Александр Абрамович вернулся в Москву, чтобы продолжить учебу на истфаке МГУ в качестве аспиранта. По моим ощущениям, это вряд ли было его добровольным решением. Вероятно, на немецкой земле его настигла кампания против космополитов, и он, повторяя судьбу отца, лишился работы и статуса. Закончив аспирантуру, он успешно защитил кандидатскую диссертацию на вполне академическую тему о рейнском сепаратизме. В тот же год его пригласили в журнал «Международная жизнь», где он проработал 10 лет. У Александра Абрамовича было легкое, отточенное перо. Он мог быстро выдать «на гора» отработанные тексты большого объема на разные актуальные темы. Но в отличие от многих «людей пера» не скользил по поверхности, любясь красотой слога. Он стремился докопаться до сути, дойти до первооснов. Того же ждал и от других.

Поэтому его путь был означен. В 1963 г. он пришел в ИМЭМО, в институт и журнал «Мировая экономика и международные отношения» в качестве заместителя главного редактора. И с тех пор, более полувека, его порт постоянной приписки — академический мир. А еще через пару лет он и меня любезно пригласил на академическую стезю.

Это было везение в квадрате. В середине 1960-х ИМЭМО — наиболее сильный «мозговой центр» супердержавы, еще двигавшейся по восходящей траектории. Даже после университета здесь меня ждал культурный шок: такая концентрация вольнодумцев в ограниченном, замкнутом, но комфортном пространстве. И это в стране «развитого социализма»!

В СССР не было и не могло быть гражданского общества, такую вольность система позволить себе не могла. Но были загерметизированные про-

странства с повышенным содержанием кислорода, в которых дозволялось и даже поощрялось вольнодумство. Самой большой и внушительной из этих «кислородных подушек» была система академических институтов, в которых в условиях скупости наиболее любознательных граждан страны. Эта конструктивная особенность системы обрела особую ценность в то время, когда неспешно, но неминуемо власть предрекавшие хоронили хрущевскую оттепель.

Ярчайшим событием моего аспирантского життя-бытия стало знакомство с фундаментальным исследованием Александра Абрамовича, посвященным феномену германского фашизма. В советской публицистике того времени господствовал какой-то оглушенно-карикатурный образ фашизма. А.А. Галкин не побоялся представить его во весь рост как умного, сильного, коварного и смертельно опасного врага. Более того. После войны прошло чуть больше двух десятилетий, еще садила память о пережитой вселенской трагедии, еще кровоточили не затянувшиеся раны, а он написал на эту взрывоопасную тему академический труд, отвечавший самым строгим научным критериям. Написал, защитил как докторскую диссертацию, вынес на публичное обсуждение в виде индивидуальной монографии.

Это был поступок. Наверное, такого мог себе позволить только гвардейский офицер-орденоносец, ответственный сотрудник СВАГ, еврей по национальности. И просто мужественный человек, не боявшийся смотреть правде в лицо, сколь горькой она бы ни была. Вместе с Борисом Рэмовичем Лопуховым, спустя десятилетие опубликовавшим свою фундаментальную монографию об итальянском фашизме, Александр Абрамович заложил в отечественной науке добротную основу для изучения этого сложнейшего феномена.

Странно, но я никогда не спрашивал Александра Абрамовича о его отношении к Германии, которой он в сущности занимался всю жизнь. Думаю, что оно было объемным, многогранным, но глубоко уважительным. Не такой он был человек, чтобы потратить жизнь на изучение страны, от которой воротило бы его душу.

Институтский период его научной карьеры оборвался резко и неожиданно. Как я понимаю, он не пришелся ко двору при новом директоре Н.Н. Иноземцеве, и, будучи человеком гордым, с обостренным чувством собственного достоинства, предпочел уйти. Перед уходом он предложил нескольким своим сотрудникам, в том числе и мне, уйти вместе с ним. Не помню, чтобы кто-то из нас согласился. При всем уважении и неподдельной симпатии к Александру Абрамовичу расстаться с этим островком свободы-мысли оказалось выше наших сил. Наверное, Александр Абрамович сильно обиделся. И по-своему был совершенно прав.

Однако это чувство правоты и законной обиды вовсе не помешало ему прийти нам на помощь,

когда в начале 1980-х годов несколько ведущих сотрудников его бывшего отдела попали в жернова Истории с большой буквы. В то время на самом верху подспудно разгоралась настоящая подковерная схватка за брежневское наследство. Одной из разменных фигур в этой большой игре без правил стал директор нашего института, любимец Леонида Ильича, член ЦК КПСС академик Н.Н. Иноземцев. На него устроили настоящую охоту с широким применением проверенного советским временем аппаратного арсенала средств индивидуального и массового поражения. По законам жанра в зоне поражения оказался и институт, давно бывший бельмом в глазу отечественных держиморд. В ИМЭМО тоже нашлись любители половить рыбку в мутной воде. Как и подобает опытному фронтовику, Александр Абрамович помог нам выйти из-под огня, благополучно приземлиться у него в отделе в Институте международного рабочего движения АН СССР и переждать там лихую пору.

В постсоветской России судьба вновь свела меня с Александром Абрамовичем в Горбачев-фонде, где он и я трудились два десятилетия. Правда, у нас было мало общих проектов, поэтому и общение вышло ограниченным и прерывистым. Только под занавес, перед уходом из фонда в 2011 г., мы тесно сотрудничали в одной из обобщающих аналитических работ под руководством Анатолия Сергеевича Черняева, который в моей и, подозреваю, судьбе Александра Абрамовича сыграл огромную роль.

А вот последняя встреча с Учителем удалась на славу. Где-то через полгода после нашего совместного ухода из фонда меня пригласили на его 90-летие, которое за щедрым дружеским столом отмечали в Институте социологии РАН, где Александр Абрамович завершил свою академическую карьеру. Когда директор института, он же тамада, академик Михаил Константинович Горшков дал мне слово, я произ-

нес длинный, прочувствованный спич. В него вложил все свое уважение, благодарность и почитание этого человека. Очень надеюсь, что в тот памятный день Александр Абрамович простил мне все вольные и невольные прегрешения.

Накрепко и надолго связав свою жизнь с Академией наук, Александр Абрамович менее всего походил на «книжного червя». Он был человеком с ясной и твердой гражданской позицией, погруженным в море политических страстей. В нем неразрывно соединились два лучших продукта советской истории: поколение, которое ценой своей жизни остановило и вытравило «коричневую чуму» фашизма, и та небольшая, но значительная часть следующего поколения, которая всеми силами старалась очеловечить казенно-бюрократический социализм. Он был вхож в высокие кабинеты на Старой площади, велеречиво именуемым «ленинским штабом нашей партии», гигантскую кухню, где творилась большая политика советской сверхдержавы. Он был дружен с людьми, выходящими на самый верх. Он по праву принадлежал к немногочисленной, но влиятельной когорте системных реформаторов.

Он никогда не жаловался, но, наверное, в конце очень долгого жизненного пути ему горько было видеть, как на их место пришли продукты разложения советской системы, люди без моральных принципов, но с доведенными до автоматизма хватательными инстинктами. Тем не менее, будучи историком и умным человеком, он, полагаю, ни на минуту не забывал, что ничто на Земле не проходит бесследно. У него были все основания сказать о себе, что старый солдат до конца выполнил свой воинский, гражданский, нравственный долг.

Думаю, что я был довольно проходной фигурой в насыщенном людьми и событиями вековом земном пути Александра Абрамовича. Но для меня встреча с ним стала одной из важнейших в жизни.

К 70-летию АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА БАЛЕЗИНА

Вся жизнь д.и.н., проф. Александра Степановича Балезина связана с Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН. Он пришел туда в очную аспирантуру в 1975 г., окончив с отличием Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности востоковед-историк (история Африки), референт-переводчик.

Научным руководителем А.С. Балезина в студенческие годы был известный африканист, ныне академик А.Б. Давидсон, который и пригласил его в аспирантуру ИВИ — в сектор истории Африки. Будучи аспирантом, удостоился Ленинской стипендии, одной на 14 гуманитарных институтов Академии наук. После аспирантуры он был принят на работу в институт и прошел путь от младшего до главного научного сотрудника.

В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Колониализм и традиционные институты в Уганде, 1918–1939», а в 1994 г. — докторскую диссертацию «Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в ЮЗА/Намибии. 1814–1990».

Александр Степанович является признанным специалистом в области истории Тропической и Южной Африки, истории колониальных обществ. Он всегда работал над перспективными направлениями историографии Африки. В настоящее время разрабатывает еще одно новое направление — проблематику встречи культур в условиях колониализма в Африке.

А.С. Балезин — автор восьми книг по истории Африки: «Африканские правители и вожди в Уганде. 1918–1962» (М., 1986); «У Великих африканских озер. Монархи и президенты Уганды» (М., 1989); «История Намибии в новое и новейшее время» (М., 1993) (в соавторстве с А.В. Притворовым и С.А. Слипченко); «Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в ЮЗА/Намибии. 1814–1990» (М., 1996); «Архивные источники по новой и новейшей истории Африки на языке суахили. Хрестоматия» (М., 2002); «По Африке в поисках России. Путевые заметки историка» (М., 2005. Эта книга дважды переиздавалась в 2012 и 2020 гг.); «Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху» (М., 2015); «Тропическая и Южная Африка в новое и новейшее время: люди, проблемы, события. Учебное пособие» (М., 2008. Это было первое учебное пособие по новой и новейшей истории Африки в нашей стране).

Под редакцией А.С. Балезина вышло несколько сборников материалов международных научных конференций и коллективный труд «Колониальное общество Тропической Африки: взаимодействие цивилизаций?» (М., 1993). Он является инициатором создания и соредактором альманаха «Под небом Африки моей. История, языки, культура народов Африки», вышедшего с 2000 г. уже десятью выпусками. Общее число его научных публикаций превышает 250. Много лет он является председателем оргкомитета международных научных конференций по актуальным проблемам истории Африки, проводимых ИВИ РАН совместно с ИСАА МГУ.

А.С. Балезин много лет читал в ИСАА МГУ курсы истории Африки в новое и новейшее время, ряд авторских спецкурсов: «Экстрарелигиозная деятельность миссионеров в Тропической и Южной Африке», «Архивные источники по истории Тропической и Южной Африки» и др. С 2009 г. он также читает спецкурсы по новой и новейшей истории Тропической и Южной Африки в Государственном академическом университете гуманитарных наук. Александр Степанович имеет ученое звание профессора по кафедре африканистики ИСАА МГУ (2000 г.). В качестве приглашенного профессора он читал циклы лекций в университетах ЮАР, Намибии, ФРГ.

Работы А.С. Балезина получили высокую оценку за рубежом. Он был приглашен с докладом на Монреальский международный конгресс исторических наук (1995 г.), получал гранты Совета по гуманитарным наукам ЮАР (1995 г.), Немецкой академической

службы обменов (1998 г.), французского Дома наук о человеке (2001 г.) и французской Высшей школы социальных наук (2006 г.). В рамках этих грантов, а зачастую за свой счет, он работал в архивах ГДР и ФРГ, Намибии, Танзании, Кении.

А.С. Балезин участвовал во всех масштабных коллективных трудах Центра африканских исследований, в частности в трехтомной «Истории Африки в документах. 1870–2000» (М., 2005), а также «Истории Африки в биографиях» (М., 2012), «Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки» (М., 2019), «Миролюбие и миротворчество в Африке» (М., 2019), «Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 – начало 1970-х» (М., 2021). Он принимает участие в общеинститутских проектах ИВИ РАН: «Власть и общество», «Книга для чтения по истории», «Краткая историческая энциклопедия. XX век», в новом издании «Всемирной истории» и «Исторической энциклопедии». Под его редакцией и соредакцией вышли учебные пособия «История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время» (М., 2010) и «Черная Африка: прошлое и настоящее» (М., 2015), где значительную долю составляют его авторские разделы.

А.С. Балезин родился и вырос в семье двух ученых и бережно хранит традиции дома, всегда открытого для друзей и учеников. Среди его хобби – домашние животные и театр. В 1980-х годах он был артистом самодеятельного театра «Прометей», многие годы писал тексты и участвовал в капустниках Института всеобщей истории и Центра африканских исследований.

Коллектив Центра африканских исследований ИВИ РАН, редколлегия и сотрудники редакции журнала «Новая и новейшая история», друзья и коллеги сердечно поздравляют Александра Степановича с юбилеем, желают ему здоровья и творческих успехов на научном поприще.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ» В 2022 году

МЕЖДУРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И СССР: ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ (к 100-летию БНСР и ХНСР)	
Аманжолова Д.А. Казахская степь и ее политическая элита в условиях революционного транзита в Евразии начала XX века	№ 1
Бармин В.А. Басмаческое движение советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы)	№ 1
Котюкова Т.В. Русская революция в Туркестане глазами очевидца: «красно»-«белые» воспоминания Александра Гзовского	№ 1
Махмудов О.А. (Узбекистан). «Крыша мира» на пересечении англо-советских геополитических интересов (1917–1922 годы)	№ 1
Рягузова А.В. «Индусская работа» Коминтерна в Бухаре в 1920–1921 годах	№ 1
Сергеев Е.Ю. Центральная Азия в советской и британской стратегии, 1918 год	№ 1
Тихонов Ю.Н. Роль «Бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года	№ 1
Улуния А.А. Британское непризнание бухарской независимости в 1922 году: оценки, прогнозы и механизм	№ 1
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОТОКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ	
Бахтурина А.Ю. Испытание на патриотизм: Германия в восприятии прибалтийских немцев в годы Первой мировой войны	№ 3
Власов Н.А. «Славяне непобедимы»: вымышленные цитаты Отто фон Бисмарка в современной России	№ 3
Вурцер Г. (Германия). Претензии Гогенцоллернов на компенсацию	№ 3
Ростиславлева Н.В. Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке	№ 3
Филитов А.М. Бисмарк – Вильгельм – Гитлер: континуитет или разрыв традиции?	№ 3
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ	
Борисенок Е.Ю. Украинофильство П.Е. Шелеста в интерпретации современной украинской историографии	№ 2
Давыдов И.П., Фалеев И.А. Сравнительная литургика как историческая дисциплина: эпистемологический аспект	№ 5
Даценко П.А. О некоторых аспектах изучения великогерманской идеи 1848–1866 годов	№ 6
Журавлева В.И. Изучение истории российско-американских отношений в XXI веке по обе стороны Атлантики: исследовательские подходы и практики	№ 4
Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 года	№ 4
Миронов В.В. Баланс балансу рознь: две интерпретации одного концепта. Из истории формирования Английской школы международных отношений	№ 1
Посадский А.В., Ланник Л.В. Внешне-политическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы	№ 3
Синдеев А.А. Как изучать глобализацию? (О дискуссии, начатой «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte»)	№ 1
Фельдман М.А. Современная историография нэпа: столетия не хватило	№ 3
Фриз Г., Токарева Е.С., Жданова Е.С. Ватикан во Второй мировой войне: динамика и новые направления в западной историографии	№ 2
Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов в национальной историографии XIX – начала XX века	№ 6
НОВОЕ ВРЕМЯ	
Белюсов М.С. Иностранцы наблюдатели российского политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года	№ 2
Гордон А.В. Становление парижского пригорода: Обервилье в эпоху промышленной революции	№ 6
Готовцева А.Г. Дата рождения Наполеона Бонапарта: история одного старого спора	№ 6
Громова А.В. Опыт служения диаконисс в Европе как основа организации Марфо-Мариинской обители милосердия	№ 3
Дударев В.С. Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка	№ 1
Ищенко Н.С. «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов	№ 4
Лабутина Т.Л. Британские послы-разведчики при дворе Анны Иоанновны	№ 3

- Матвеева А.Г.** Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка
Митрофанов А.А. «Альпийская Вандея». Трансформация народного протеста в Савойе 1793 года
Моряков Е.Ю. Новые каналы коммуникации просителей и монарха в России на рубеже XVIII–XIX веков
Пеганов А.О. (Швеция). Полицейское насилие в годы «Прекрасной эпохи». Формирование и деятельность Венгерской королевской жандармерии (1881–1914 годы)
Петрова М.А. Признание императорского титула российских государей Священной Римской империей: проблема и пути ее решения (первая половина 1740-х годов)
Стерхов Д.В. Ганноверский вопрос во внешней политике Пруссии в начале XIX века (1801–1806 годы)
Стерхов Д.В. Протестантская церковь и военная мобилизация в Пруссии во время Освободительной войны 1813 года
Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы
Филимонова М.А. Чарлз Котсуорт Пинкни (1746–1825): трижды кандидат в президенты США
Хоменкова В.Ю. Изобретая Корнуолл: региональная автономия в раннеэпохальной Англии
Хорошева А.О. Леопольд I и политика Бельгии накануне Крымской войны
Юсим М.А. Макиавелли и Гвиччардини о судьбах ренессансной Италии
Ястребов А.О. О сотрудничестве высокопоставленного представителя Святого Престола с российскими дипломатами в Константинополе в реляциях графа Саввы Рагузинского царю Петру
- XX ВЕК**
Беллов А.Л. Религиозная жизнь в СССР и его отношения с союзниками в 1943 году глазами американского ассумпциониста
Безугольный А.Ю. Комплектование польских войск в СССР и Войска польского личным составом: проблемы этничности и гражданства (1943–1945 годы)
Белякова Н.А. Антикommунизм и советские евангелики в 1960–1970-е годы: метаморфозы отношений в условиях холодной войны
- Буранок С.О.** Фильм «Остров Уэйк» 1942 года: особенности пропаганды и визуализации Второй мировой войны в США
Бухарин М.Д. Европейская историческая наука конца 1930-х – начала 1940-х годов: международные связи и химеры изоляции
Ватлин А.Ю. Большевицкие интеллектуалы на внешнеполитическом фронте: отношения наркома Г.В. Чичерина и полпреда А.А. Иоффе в 1918 году
Володько А.В. «Юрьевский мир» между Россией и Эстонией: история заключения и последствия
Гиголаев Г.Е. X сессия III конференции ООН по морскому праву: изменение позиции США (1981 год)
Дамье В.В. Исабело делос Рейес и начало рабочего движения на Филиппинах
Жданова Е.С. Помощь Ватикана советским военнопленным во время и после Второй мировой войны
Мирзаханов В.С., Ланник Л.В. Бакинский кризис в истории Батумской подсистемы: кульминация неудавшихся имперских проектов, август–сентябрь 1918 года
Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Воздействие войн в Корее и Вьетнаме на внешний и внутренний политический курс США
Нарыкова Н.М. Россия и Международный институт сельского хозяйства в Риме: дипломатия, идеология, прагматизм (1905–1945 годы)
Осипов Е.А. К вопросу о долгах царской России. Советско-французская конференция 1926–1927 годов по материалам архива МИД Франции
Оськин М.В. Румынская миссия генерала Бертело (1916–1917 годы): сотрудничество и разногласия с русским командованием Румынского фронта
Полякова Е.Ю. Ирландия в годы войны за независимость. От перемирия к мирному договору
Софронов К.И. Вопрос о взаимодействии военных кругов Германии и национал-социалистического движения в период Веймарской республики в отечественной историографии
Сумбурова Е.И., Тагирова Н.Ф. Международный трансфер в советской науке в 1950–1960-е годы (на примере НИФХИ им. Л.Я. Карпова)

- Токарева Е.С.** Итальянские католические капелланы на Восточном фронте в годы Второй мировой войны № 5
- Фомин А.М.** «Военная тревога» на Ближнем Востоке в 1923 году: история забытого кризиса № 3
- Щелчков А.А.** «Пойдешь направо – придешь налево»: парадоксы чилийского фашизма, 30–40-е годы XX века № 4
- СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ**
- Аватков В.А., Каширина Т.В., Останин-Головня В.Д.** Эволюция политики региональной безопасности Саудовской Аравии и Турции: сходства и различия № 6
- Арабаджян А.З.** История изменения кубинского социализма в контексте современных реформ: политэкономический аспект № 3
- Бондаренко Н.А.** Историческая политика в современных российско-китайских отношениях № 2
- Вишняков Я.В.** «Политическая античность» на постъюгославском пространстве № 4
- Дербенев А.С.** Саудовская Аравия – Китай: стратегия партнерства № 3
- Крылов Г.Л.** Основные особенности «садристского течения» («ат-тайяр ас-садрий») как участника политического процесса в современном Ираке № 1
- Минаев М.В.** Политические технологи Консервативной партии Великобритании в избирательных кампаниях 2019 года № 4
- Пивовар Е.И., Гушин А.В., Левченков А.С.** ОДКБ и проблемы региональной безопасности на евразийском пространстве (к 30-летию Договора о коллективной безопасности) № 5
- Сидоров А.С.** Франция в поисках точки опоры в Ливии после Каддафи № 2
- Трунов Ф.О.** К вопросу периодизации участия ФРГ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве № 1
- Филлипов Д.А.** Истоки современной дипломатической стратегии Японии в Восточной Азии: 2001–2012 годы № 2
- Хahalкина Е.В.** «Поколение Виндраш» в контексте современного развития мультимедийной Великобритании (по материалам британского парламента) № 6
- ПУБЛИКАЦИИ**
- Киселев А.Л.** К вопросу о саботаже иностранными банками приема краткосрочных обязательств Государственного казначейства в период иностранной интервенции на Дальнем Востоке России и в Сибири № 1
- Косач Г.Г.** Коммунисты и режим «Свободных офицеров» в Египте в середине 1950-х годов: конфликт и примирение № 4
- Петрова М.С.** Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении № 2
- Черных А.П.** Ордонанс 1760 года № 4
- СООБЩЕНИЯ**
- Алентьева Т.В.** Мэри Тодд Линкольн в Белом доме: испытание властью № 2
- Гладышев А.В.** Военная история без истории сражений № 4
- Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.** Между кем собирался балансировать и балансировал ли вообще Ю. Пилсудский в 1926–1935 годах № 4
- Рыбачёнок И.С.** Патриарх российской дипломатии Егор Егорович Стааль (1822–1907) № 5
- Сагомонян А.А.** Испанцы на фронтах Великой Отечественной войны № 1
- Согрин В.В.** «Права человека» в США. Эволюция. Этапы. Современность № 1
- Согрин В.В.** Прошлое и настоящее американской цивилизации № 6
- Супоницкая И.М.** Шпионы или герои? Советская разведка в США в 1930–1940-е годы № 3
- Таньшина Н.П.** Мария Дмитриевна Нессельроде: жена канцлера Российской империи № 2
- РЕЦЕНЗИИ**
- Аракчеев В.А.** Проблемы исследования фискально-милитаризованного государства в современной историографии (З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020) № 2
- Белозеров В.К.** Искусство переговоров и решение берлинского вопроса (Р.В. Долгилевич. Советская дипломатия на четырехсторонних переговорах по Западному Берлину (26 марта 1970 г. – 3 сентября 1971 г.) / предисл. и публ. Р.В. Долгилевич. СПб., 2021) № 1
- Гордон А.В.** Антиномии академика Тарле (Е.В. Тарле. Россия и Запад: из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Каганович. СПб., 2021) № 1
- Еремин В.С.** От компромисса к непримиримости: Наполеон и Пий VII (А.А. Caiani. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021) № 2
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.** «Кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно» (Тарле Е.В. Россия и Запад: из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. Б.С. Кагановича. Санкт-Петербург, 2020) № 4

- Мамонтова Е.А.** Советский Союз и Югославия в первые годы Второй мировой войны. Страхи, надежды и попытки сотрудничества (А. Животич. Югославско-советские отношения. 1939–1941 / пер. с сербского П.Е. Зеновской, М.М. Василькиной. М., 2019) № 2
- Сергеев Е.Ю.** Трагедия Франции 1940 года: причины, характер и последствия (А.А. Вершинин, Н.Н. Наумова. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022)
- Соколов А.Б.** Российско-британские отношения от Венского конгресса до Крымской войны: политика и экономика (А.А. Орлов. «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М., 2019) № 3
- Фадеева Т.М.** Наступление на демократию в межвоенные годы (К. Weyland. Assault on Democracy. Communism, Fascism and Authoritarianism during the Interwar Years. Cambridge (UK); New York, 2021) № 4
- Филатов Г.А.** Страницы истории Колумбии (История Колумбии с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А.А. Шелчков, З.В. Ивановский. М., 2022) № 5
- Филатова И.И.** Прошлое – в нынешнем (А.Б. Давидсон. Наше неушедшее время. М., 2021) № 2
- Филитов А.М.** Как закончилась холодная война и что за этим последовало. Размышления в связи с новой книгой российских и зарубежных историков (Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991 / под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021) № 5
- Хавкин Б.Л.** Леопольд фон Ранке: ключевая задача историка состоит в том, чтобы «показать, как это было на самом деле» (В.Л. Черноперов, С.М. Усманов. Леопольд фон Ранке – жизнь и творческое наследие: монография. Иваново, 2021) № 5
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- Бобкова М.С., Яковлев М.Е.** Международная научная конференция «Универсум Жана Бодена» № 2
- Вашкау Н.Э., Тихонов Ю.Н.** Третья Всероссийская научная конференция «Interbellum XX столетия: от Рапалло до Мюнхена» № 4
- Гуськов Е.А., Барина Е.П.** Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй» № 1
- К 70-летию А.С. Балезина № 6
- Кувалдин В.Б.** Памяти учителя № 6
- Лапшина И.К.** Современные направления в исторических исследованиях: X Международная конференция во Владимирском государственном университете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых № 4
- Шэнь Чжихуа** (Китай). Внутренние причины разрушения китайско-советских отношений № 2
- Памяти ушедших*
- Гросул В.Я. (1939–2022) № 3
- Шлыков В.И., Шлыков П.В.** Судьба османита в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) № 5

INDEX OF MATERIALS PUBLISHED IN THE JOURNAL “MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY” IN 2022

BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR: CENTRAL ASIA IN INTERNATIONAL GEOPOLITICS (for the centenary of the BPSR and the KhPSR)		
Amanzholova D.A. The Kazakh Steppe and its Political Elite in the Conditions of Revolutionary Transit in Eurasia at the Beginning of the 20 th century	№ 1	
Barmin V.A. The Basmachi Movement in Soviet Turkestan in the Plans of Some Anti-Bolshevik Forces (1918–1933)	№ 1	
Kotyukova T.V. The Russian Revolution in Turkestan Through the Eyes of an Eyewitness: “Red”-“White” Memoirs of Alexander Gzovsky	№ 1	
Makhmudov O.A. (Uzbekistan). “The Roof of the World” at the Crossroads of Anglo-Soviet Geopolitical Interests (1917–1922)	№ 1	
Ryaguzova A.V. “Hindu Operation” of the Comintern in Bukhara in 1920–1921	№ 1	
Sergeev E.Yu. Central Asia in Soviet and British Strategy, 1918	№ 1	
Tikhonov Yu.N. The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921	№ 1	
Ulunyan A.A. The British Non-Recognition of Bukhara’s Independence in 1922: Assessments, Forecasts, and Mechanism	№ 1	
THE GERMAN EMPIRE IN THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIA AND GERMANY		
Bakhturina A.Yu. The Test of Patriotism: Germany in the Perception of the Baltic Germans during the First World War	№ 3	
Filitov A.M. Bismarck – Wilhelm – Hitler: Continuity or Break with Tradition?	№ 3	
Rostislavleva N.V. Reception of the Theme of the German Empire in the Anniversary Historical Narratives of the XX Century	№ 3	
Vlasov N.A. “The Slavs are Invincible”: Otto von Bismarck’s Fictional Statements in Contemporary Russia	№ 3	
Wurzer G. (Germany). Compensation Claims of the Hohenzollern	№ 3	
THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY		
Borisenok E.Yu. The Ukrainophilism of P.E. Shelest in the Interpretation of Modern Ukrainian Historiography	№ 2	
Datsenko P.A. On Certain Aspects of the Studies of the Greater German Idea of 1848–1866	№ 6	
Davidov I.P., Fadeyev I.A. Comparative Liturgy as a Historical Discipline: An Epistemological Aspect	№ 5	
Feldman M.A. Modern Historiography of the NEP: A Century Was Not Enough	№ 3	
Freeze G., Tokareva E.S., Zhdanova E.S. The Vatican in World War II: Dynamics and New Directions in Western Historiography	№ 2	
Mironov V.V. Balance is not the Same as Balance: Two Interpretations of the Same Concept. From the History of the Formation of the English School of International Relations	№ 1	
Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Batum Subsystem of International Relations: Problems of Formation and Inter-Imperial Competition, June–August 1918	№ 4	
Posadsky A.V., Lannik L.V. The Foreign Policy Orientation of the Russian Officers and the Factors of the Formation and Failures of the White Movement: Formulating the Problem	№ 3	
Shatokhina-Mordvintseva G.A. The Dutch Foreign Policy in the National Historiography of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries	№ 6	
Sindeev A.A. How to Study Globalization? (On the Discussion Started in <i>Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte</i>)	№ 1	
Zhuravleva V.I. The Study of the History of US–Russia Relations in the 21 st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods	№ 4	
MODERN HISTORY		
Belousov M.S. Foreign Observers of the Russian Political Crisis: The Case of the Interregnum of 1825	№ 2	
Dudarev V.S. The Dispute over the Imperial Title: the Traditionalism of William I and the Policy of State Interests of Otto Von Bismarck	№ 1	
Filimonova M.A. Charles Cotesworth Pinckney (1746–1825): Three-Time Presidential Candidate of the United States	№ 3	
Fyodorov S.E., Palamarchuk A.A. The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes	№ 5	
Gordon A.V. The Emergence of a Parisian Suburb: Aubervilliers During the Industrial Revolution	№ 6	
Gotovtseva A.G. Date of Birth of Napoleon Bonaparte: The Story of an Old Dispute	№ 6	
Gromova A.V. The Experience of Deaconesses in Europe as a Basis for Organising a Marfo-Mariinsky Convent of Mercy	№ 3	
Ishchenko N.S. The Afghan Question in Russian Conservative Opinion Journalism in the Mid-1880s	№ 4	
Khomenkova V.Yu. Inventing Cornwall: Regional Autonomy in Early Stuart England	№ 5	
Khorosheva A.O. Leopold I and Belgian Policy on the Eve of the Crimean War	№ 6	

- Labutina T.L.** British Intelligence Ambassadors at the Court of Anna Ioannovna № 3
- Matveeva A.G.** Wilhelm II and the Resignation of Otto von Bismarck № 5
- Mitrofanov A.A.** “Alpine Vendée”. Transformation of the Popular Protest in Savoy, 1793 № 5
- Moriakov Ye.Yu.** New Communication Channels between Petitioners and the Monarch in Russia at the Turn of the Eighteenth and Nineteenth Centuries № 4
- Petrova M.A.** The Recognition of the Imperial Title of Russian Sovereigns by the Holy Roman Empire: The Problem and Its Solutions (first half of the 1740s) № 6
- Piahnanu A.A.** (Sweden). Police Violence During the “Belle Epoque”. Formation and Activity of the Hungarian Royal Gendarmerie (1881–1914) № 1
- Sterkhov D.V.** The Hanoverian Question and Prussian Foreign Policy in the Early Nineteenth Century (1801–1806) № 2
- Sterkhov D.V.** The Protestant Church and Military Mobilisation in Prussia During the Wars of Liberation in 1813 № 5
- Yastrebov A.O.** On the Cooperation Between a High-Ranking Representative of the Holy See and Russian Diplomats in Constantinople in a Letter from Count Sava Raguzinsky to Tsar Peter № 5
- Youssim M.A.** Machiavelli and Guicciardini on the Fate of Renaissance Italy № 6
- 20th CENTURY**
- Beglov A.L.** Religious Life in the USSR and the Allied Policy of 1943: The Perspective of an American Assumptionist № 5
- Beliakova N.A.** Anti-Communism and Soviet Evangelicals in the 1960–1970s: Metamorphoses of Relations during the Cold War № 6
- Bezugolny A.Yu.** The Manning of Polish Troops in the USSR and the First Polish Army: Problems of Ethnicity and Nationality, 1943–1945 № 4
- Bukharin M.D.** European Historical Science of the Late 1930s – Early 1940s: International Connections and Chimeras of Isolation № 3
- Buranok S.O.** The 1942 Film “Wake Island”: Features of the Propaganda and Visualisation of World War II in the United States № 5
- Damier V.V.** Isabelo de los Reyes and the Beginning of the Labour Movement in the Philippines № 2
- Fomin A.M.** The “War Alert” in the Middle East in 1923: The Story of a Forgotten Crisis № 3
- Gigolaev G.E.** Tenth Session of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea: Changing of the US Position (1981) № 6
- Mirzekhanov V.S., Lannik L.V.** The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: The Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918 № 5
- Nadtochey Y.I., Khristenko D.N.** The Impact of the Korean and Vietnam Wars on US Foreign and Domestic Policy № 2
- Narykova N.M.** Russia and the International Institute of Agriculture in Rome: Diplomacy, Ideology, Pragmatics (1905–1945) № 3
- Narykova N.M.** Russia and the International Institute of Agriculture in Rome: Diplomacy, Ideology, Pragmatics (1905–1945) № 2
- Osipov E.A.** On the Question of the Debts of Czarist Russia. The Soviet–French conference of 1926–1927 № 5
- Oskin M.V.** The Romanian Mission of General Berthelot (1916–1917): Cooperation and Disagreements with the Russian Command of the Romanian Front № 2
- Polyakova E.Yu.** Ireland During the War of Independence. From the Truce to the Treaty № 5
- Schelchkov A.A.** “If You Go to the Right, You Will Come to the Left”: The Paradoxes of Chilean Fascism, 1930s–1940s № 4
- Sofronov K.I.** The Interaction Between German Military Circles and the National Socialist Movement During the Weimar Republic in Russian Historiography № 6
- Sumburova E.I., Tagirova N.F.** International Transfer in Soviet Science in the 1950s–1960s (the Case of the L.Ya. Karpov NIFHI) № 3
- Tokareva E.S.** Italian Catholic Chaplains on the Eastern Front During World War II: Perception of Soviet Reality, Military Realities, and Apostolate in the Territories Occupied by Italy № 5
- Vatlin A.Yu.** Bolshevik intellectuals on the foreign policy front: the relationship between Commissar for Foreign Affairs Georgy Chicherin and Plenipotentiary Representative Adolf Joffe in 1918 № 6
- Volodko A.V.** “The Peace of Jurjev” Between Russia and Estonia: History and Consequences № 3
- Zhdanova E.S.** Vatican Assistance to Soviet Prisoners of War During and After World War II № 5
- CONTEMPORARY HISTORY**
- Arabadzhyan A.Z.** The History of the Transformation of Cuban Socialism in the Context of Contemporary Reforms: A Political Economy Perspective № 3
- Avatkov V.A., Kashirina T.V., Ostanin-Golovnya V.D.** The Evolution of the Regional Security Policy of Saudi Arabia and Turkey: Similarities and Differences № 2
- Bondarenko N.A.** Politics of Memory in Contemporary Russian–Chinese Relations № 2
- Derbenev A.S.** Saudi Arabia – China: Partnership Strategy № 3

Filippov D.A. The Origins of Japan's Contemporary Diplomatic Strategy in East Asia: 2001–2012

Khakhalkina E.V. Windrush Generation in the Context of the Modern Development of Multiracial Great Britain

Krylov G.L. The Key Features of the Sadrist Movement (“At-Tayyar As-Sadri”) as a Player in the Political Process in Present-Day Iraq

Minaev M.V. UK Conservative Party's Political Strategists in 2019 Election Campaigns

Pivovarov E.I., Guschin A.V., Levchenkov A.S. CSTO and Problems of Regional Security in the Eurasian Space (on the 30th Anniversary of the Collective Security Treaty)

Sidorov A.S. France in Search of a Foothold in Post-Gaddafi Libya

Trunov Ph.O. On the Periodisation of the German Involvement in the Settlement of Armed Conflicts in the Post-Soviet Space

Vishnyakov Ya.V. “Political Antiquity” in the Post-Yugoslav Space

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Kiselev A.L. On the Sabotage by Foreign Banks of Short-Term Obligations of the State Treasury During the Foreign Intervention in the Russian Far East and Siberia

Kosach G.G. Egyptian Communists and the Free Officer Regime in the Mid-1950s: Conflict and Confrontation

Petrova M.S. Dmitry Gerasimov and his Followers on the Pronoun

Tchernik A.P. The Ordinance of 1760

MESSAGES

Gladyshev A.V. A Military History Without the History of Battles

Matveev G.F., Matveeva E.Yu. Who Was J. Piłsudski Going to Balance Between and Did He Balance in Fact in 1926–1935

Suponitskaya I.M. Spies or Heroes? Soviet Intelligence in the United States in the 1930s and 1940s

Sogrin V.V. Human Rights in the United States: Evolution, Milestones, Contemporary Developments

Sagomonyan A.A. Spaniards in the Great Patriotic War

Alentieva T.V. Mary Todd Lincoln in the White House: A Trial by Power

Tanshina N.P. Maria Dmitrievna Nesselrode: Wife of the Chancellor of the Russian Empire

Rybachenok I.S. Patriarch of Russian Diplomacy Yegor Yegorovich Staal (1822–1907)

Sogrin V.V. The Past and Present of American Civilization

REVIEWS

Arakcheev V.A. Problems of the Study of the Fiscal-Militarised State in Modern Historiography (Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. Taxes and Wars in Russia of the 16th–18th centuries. Saint-Petersburg, 2020)

Belozеров V.K. The Art of Negotiation and Resolution of the Berlin Question (R.V. Dol-gilevich. Soviet Diplomacy on the Quadrilateral Negotiations on West Berlin (March 26, 1970 – September 3, 1971) / preface. and publ. R.V. Dolgilevich. Saint-Petersburg, 2021)

Eremin V.S. From Compromise to Intransigence: Napoleon and Pius VII (A.A. Caiani. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021)

Fadeeva T.M. Assault on Democracy in the Interwar Years (K. Weyland. Assault on Democracy. Communism, Fascism and Authoritarianism during the Interwar Years. Cambridge (UK); New York, 2021)

Filatov G.A. Pages of Colombian History (History of Colombia from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century / eds A.A. Schelchkov, Z.V. Iwanowsky. Moscow, 2022)

Filatova I.I. The Past in the Present (A.B. Davidson. Our Time that Never Passed. Moscow, 2021)

Filitov A.M. How the Cold War Ended and What Followed. Reflections on a New Book by Russian and International Historians (The End of the Cold War in the Perception of Contemporaries and Historians. 1985–1991 / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. Moscow, 2021)

Gordon A.V. Antinomies of the Academician Tarle (E.V. Tarle. Russia and The West: From the Unpublished and Forgotten / compiled, prepared for publication, introductory article and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg, 2021)

Khavkin B.L. Leopold von Ranke: The Historian's Key Task is to Show “How Things Actually Were” (V.L. Chernoperov, S.M. Usmanov. Leopold von Ranke – Life and Creative Heritage: Monograph. Ivanovo, 2021)

Kondratiev S.V., Kondratieva T.N. “Recalling Dear Ones Who, by Fortune's Treason Robbed of Fair Hours” (Tarle E.V. Russia and the West: from the Unpublished and Forgotten / compiled, prepared for print, preface and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg, 2020)

Mamontova E.A. The Soviet Union and Yugoslavia in the Early Years of the Second World War: Fears, Hopes, and Attempts at Cooperation (A. Zhivotich. Yugoslav-Soviet Relations. 1939–1941 / translated from

Serbian by P.E. Zenovskaya, M.M. Vasilkina. Moscow, 2019)

Sergeev E.Yu. France's Tragedy of 1940: Causes, Nature, and Consequences (A.A. Vershinin, N.N. Naumova. From Triumph to Catastrophe: France's Military-Political Defeat of 1940 and Its Grounds. Saint-Petersburg, 2022)

Sokolov A.B. Russian-British Relations from the Congress of Vienna to the Crimean War: Politics and Economics (A.A. Orlov. The Golden Age of Astraea. Great Britain, Russia, and the New World Order in European Politics in the First Half of the 19th Century (1815–1854). Moscow, 2019)

ACADEMIC LIFE

Bobkova M.S., Yakovlev M.E. International Conference "The Universum of Jean Baudin"

Guskov E.A., Barinova E.P. Russian Scientific and Practical Conference "Political Institutions, Political Culture and

	Social Practices from Ancient Powers to Global Empires"	№ 1
№ 2	Kuvaldin V.B. To the Memory of My Mentor	№ 6
	Lapshina I.K. Contemporary Trends in Historical Research: 10 th International Conference at Vladimir State University	
№ 6	Named After Alexander and Nikolay Stoletovs	№ 4
	On the 70 th Anniversary of Alexander Balezin	№ 6
	Shen Zhihua (China). The Internal Causes of the Collapse of Sino-Soviet Relations	№ 2
	Vashkau N.E., Tikhonov Yu.N. Third All-Russian Scientific Conference "Interbellum of the XX Century: from Rapallo to Munich"	№ 4
№ 3		
	<i>Memory of the Departed</i>	
	Grossul V.Ya. (1939–2022)	№ 3
№ 2	Shlykov V.I., Shlykov P.V. The Destiny of an Ottoman Historian in Russia: In Memory of Professor Mikhail Meyer (1936–2022)	№ 5

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 01.12.2022 г.
Дата выхода в свет: 16.12.2022 г.
Тираж 300 экз.

70•100¹/₁₆
Зак. 11/6а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1